

Борис Орлов Сергей Борисович Буркатовский Алексей
Махров Олег Таругин Александр Романов Дмитрий
Политов Владимир Эдуардович Коваленко Андрей
Феликсович Величко Вадим Мельнюшкин Ольга
Дорофеева Сергей Ким Елена Горелик Анатолий
Анатольевич Логинов Виктор Дуров Михаил Бураков
Ольга Тонина Александр Афанасьев Валерий Белоусов
Артём Олегович Рыбаков Алексей Ивакин Андрей Русов
В окопах времени

Военно-историческая фантастика –

«»: Эксмо; ; 2010
ISBN 978-5-699-40360-8

Аннотация

Не ждите милостей от Времени! Поверните это вспять. Примеряйте кольчугу далекого пращура и шинель прадеда, пропавшего без вести в 1941 году. Рассейте татарскую конницу залпами «Градов». Встаньте под знамена петровских полков и поднимите их в победную контратаку под Нарвой. Помогите Николаю I выиграть

Крымскую войну. Подбросьте товарищу Сталину ноутбук с данными по всем сражениям Великой Отечественной. Организуйте покушение на Ельцина в 1991 году. Переиграйте историю, перепишите ее набело, обуздайте вихри времен!

**Буркатовский, Махров, Орлов, Таругин, Коваленко, Ивакин,
Логинов, Романов/
В окопах времени**

Все рассказы этого сборника написаны постоянными участниками литературного форума «В вихре времен» (<http://forum.amahrov.ru>).

Мы благодарим всех форумчан, участвовавших в обсуждении и рецензировании произведений, и надеемся увидеть в наших рядах новых людей, для которых слово «литература» означает нечто большее, нежели просто «чтиво».

**Часть первая
В Вихре времён**

**Борис Орлов
БЕЗЗВУЧНЫЙ ГРОМ**

ИСТОК

14.00. Красноярск. 10.07.2013.

— Понаехали на нашу голову, — тихонько ворчал Володька Барятинский, натягивая комбинезон, — теперь все наработки отдай, все данные отдай и вообще: отдай жену дяде, а сам ступай к...

Конец фразы он благоразумно скомкал, потому что по личному опыту знал, что некоторые американцы вполне сносно говорят по-русски и к тому же обладают весьма тонким слухом. Группа «юсовцев» нагрянула в Красноярск с тем, чтобы поучаствовать в первом в истории забросе наблюдателей в прошлое. Еще одна великая мечта человечества стала явью.

Изучение физики времени велось во многих странах одновременно, но к практическому решению проблемы ближе всех подошли спецы канувшего в Лету Советского Союза. И несмотря на приключившуюся в конце 80-х смертельную болезнь страны под названием «перестройка», несмотря на осложнения в виде «денационализации», «ваучеризации», «дефолта» и прочих иностранных словарных ублюдков, наука упрямо ползла, как Маресьев, к цели. И доползла. Первая.

Разумеется, как только на горизонте забрезжили первые результаты, к русским ученым бросились их зарубежные коллеги. К их чести стоит отметить, что далеко не все они были «сливкоснимателями», охотниками до чужой славы — многие просто искренне искали нового знания и нового опыта. Но все они: и подлецы, и честные малые — все несли в клювах гранты, пожертвования, кредиты, которые все они горели желанием отдать в руки удачливых русских коллег. Естественно, при условии, что коллеги позволят принять участие в заключительной стадии экспериментов и присоединиться к первой хроно-экспедиции. И никто, конечно, не желал уступить другим, приехавшим позже или с меньшим числом нулей

в чеке. В конце концов Институт физики времени превратился в некое подобие восточного базара, где вечно переругивались, спорили, торговались «дванадцать языков». Казалось, что эта торговля будет бесконечной, так как выбрать достойнейшего из созвездия достойных было совершенно неразрешимой задачей.

Но все на свете имеет свой конец. Запоздавшим, нет, не гостем, а хозяином базара, в институт прибыла делегация США, руководитель которой, кроме предъявленного чека с внушительной суммой, в приватной беседе с директором института, академиком Каспарянцем, намекнул на возможные санкции госдепа в случае, если в первой экспедиции не примет участие гражданин самой демократической демократии...

И вот теперь Барятинский надевал экспериментальный комбинезон хрононавта, любуясь, как такой же натягивает на себя Шеридан Хоукинс — его товарищ на ближайшие несколько суток.

— Ладно, пошли, — сказал Владимир, одергивая комбинезон и мысленно добавляя про себя «дебил рыжий». Шеридан Хоукинс был красив, уверен в себе, из добропорядочной американской семьи, англосакс, протестант, рыжеволос, сероглаз и непроходимо туп. В физике он еще кое-как разбирался, но во всем остальном... Барятинский усмехнулся, вспомнив, как на следующий вечер после их знакомства американец сообщил ему, что хотел бы попросить своего нового русского друга отвести его в Кремль. На недоуменный вопрос Владимира, как он себе это представляет, янки, не смущаясь, ответил, что если надо, он готов оплатить машину от Красноярска до Москвы, так как деньги у него есть, а Кремль он посмотреть не успел и желает теперь восполнить этот пробел. И был крайне изумлен, когда узнал, что на машине вояж от Красноярска до Кремля займет никак не менее пяти дней...

— Володька, ты смотри, на бабочку там не наступи, — сказала первая красавица института, смешливая аспирантка Олеся Дубовяк, проверявшая подгонку комбинезонов и работу встроенных систем, — а то изменишь прошлое и будет как у Брэдбери.

— Невозможно, — авторитетно сказал Хоукинс. — Прошлое не изменить, оно уже было.

Владимир согласно кивнул, но Олеся покачала головой:

— Нечего-нечего успокаивать. Вот наступишь, вернешься, а я — негритянка!

Она звонко расхохоталась и, чмокнув на прощание оторопевшего Барятинского в щеку, умчалась на доклад к начальству.

Экипаж хронокапсулы занял свои места. В горле как-то сразу пересохло: захотелось глотнуть обжигающе-ледяной «кока-колы», которой торговал автомат в холле. Да поздно. «Теперь уж только, когда вернусь», — подумал Владимир. Оба исследователя отрапортовали о своей готовности, о выполнении всех предстартовых манипуляций и о нормальной работе всех систем. Академик Каспарянец и руководитель американских «товарищей», профессор Холт Блаз, дали отчет. При слове «ноль» в ушах возник тонкий писк, и последнее, что услышал в реальном мире Барятинский, были слова Каспарянца: «Временные флуктуации выше нормы» и ответ Блаза: «Это нитшего, они не увлекут за собой слишком большой массы».

Владимир невольно вздрогнул, вспомнив мрачный рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром». Все-таки хотелось бы вернуться в свой родной мир, увидеть его еще раз.

Потом настала тишина...

ЗАВЯЗЬ ПЕРВАЯ

14.00. Прохоровка. 10.07.1943.

Тройка «лаптежников» взвыла сиренами и, одновременно клюнув носами, рванулась вниз. Ухнули разрывы, взметнулись и опали багрово-черные фонтаны земли — земли, смешанной с кровью. А «восемьдесят седьмые» взмыли ввысь и вновь обрушились на окопы. Грохот разрывов и пронзительное завывание сирен доносились до КП 18-й гвардейской

танковой бригады. Полковник Ермаков с досадой отвернулся от стереотрубы:

— Гады! Второй час без роздыха утюжат! Как там «махра», комиссар? Держится?

Замполит, полковник Райсин, вздохнул:

— Держится, Иван Яковлевич. Должна держаться!

Между тем позиции 1-го мотострелкового батальона окончательно заволокло пылью и дымом. Только по тому, что по стене и пламени пробегала темная рябь, можно было определить, что бомбежка продолжается, а значит, там еще есть что бомбить.

— Еще идут, Иван Яковлевич!

С северо-запада шла на смену новая волна вражеских самолетов...

— Держитесь, ребятки, держитесь, родненькие...

Внезапно мощный глухой удар встряхнул все, дрогнула земля, и сквозь бревна наката посыпался тонкой струйкой песок.

— Ох, ты... Это чего ж так рвануло-то?

Ответа не было. Райсин молча потянул Ермакова за рукав и показал, как из дымно-пыльной стены, закрывшей позиции пехоты, один за другим появлялись приземистые массивные танки, выдавая рублеными силуэтами принадлежность к немецкому бронированному «зверинцу»...

14.00. Окрестности Солигорска.

08.09.1981.

По плану учений «Запад-81» наступление танковой армии должно было вот-вот начаться. Командующий уже доложил маршалу Устинову, что все развивается согласно утвержденному плану, когда пришел доклад о странном событии. В районе Солигорска пропал 64-й гвардейский танковый полк. Пропал полностью, вместе с тыловыми службами, тягачами, танками, мотострелками, санротой и приданным артиллерийским дивизионом. А это почти шесть тысяч человек, тридцать восемь танков, двадцать пять БМП, шестьдесят пять БТР, шестнадцать САУ — не иголка, чтобы пропасть бесследно. И что особенно хреново — с боевыми патронами и снарядами. Из-за возможной реакции НАТО на довольно провокационные условия этих учений более половины участвующих в нем подразделений были полностью боеготовыми.

Командующий обхватил руками голову, затем, в который раз, снова поднял трубку:

— Нашел? Нет? А куда? В болоте? Всем скопом?! Да вы что там, о...ли все?! В общем так: или я через полчаса буду точно знать, куда, мать их распротак, делись эти сраные гвардейцы, или...

Он не договорил. Но угроза была и так понятна. На том конце линии связи кинулись выполнять приказ. И опять безрезультатно...

17.00. Прохоровка. 10.07.1943.

Несмотря на упорное, отчаянное сопротивление, бригада погибала. Броня «тигров» и «пантер» легко противостояла орудиям «тридцатьчетверок», чьи снаряды напрасно долбили лбы огромных чудищ. Высекая снопы белых искр, бронебойные болванки отлетали прочь, завывая на все голоса, словно бы жалуясь на то, что им не удалось выполнить свое предназначение. А ответный огонь был ужасен: уже не один советский танк застыл на узком участке боя, выбрасывая клубы черного дыма. Пользуясь превосходством в оптике, немцы с дальней дистанции легко расстреливали наших, выбивая их одного за другим. Да и как могли легкие Т-60 и Т-70, которых в бригаде было почти 70 %, противостоять фашистским монстрам? И все же танкисты дрались до последнего. Два немецких тяжеловеса застыли, объятые пламенем, пораженные почти в упор в борт и корму. Еще один бестолково вращался с разбитой гусеницей. Еще одного спалили пехотинцы, которые хоть и погибли почти все под бомбежкой, но сохранили несколько ПТРС и немного противотанковых гранат.

Однако этого было мало. Бригада погибала, точно крейсер «Варяг» в неравном бою.

Связи не было. Командирская была разбита, а остальные почему-то не пробивались сквозь эфир.

17.10. Прохоровка. 10.07.1943.

От рощи остались одни обломки. Все березы были переломаны, и только их пни торчали из черной земли, напоминая зубы неведомого зверя. Небо было абсолютно непрозрачным из-за чадного дыма догорающих танков. В воздухе плыл страшный запах войны — запах крови, земли, пороха, соляра и неумного человеческого ужаса. Внезапно на остатки рощи наплыл неизвестно откуда взявшийся белесый непроницаемый туман. Затем раздался рев танковых дизелей, и из тумана вынырнул танк. Рядом возник еще один, еще... Колонна танкового батальона медленно выдвинулась на поле недавнего боя.

Передовой Т-72 повернул башню и остановился. Из люка высунулся человек в шлемофоне. Он изумленно озирался, затем сплюнул и с досадой махнул рукой:

— Заблудились, мать его... — сквозь фырчание дизеля донеслось еще несколько емких военно-народных терминов.

Обгоняя танки, к головному подлетела полсотая кэшээмка,¹ из которой вылез полноватый подполковник с красным отечным лицом:

— Не понял — военно-народная терминология — где эта, мать ее в качели, дорога?! Полунин! — опять военно-народный фольклор. — Полунин! Чтоб у меня через пять минут была ясность: куда дорога девалась?!

Капитан Полунин, командир второй роты, молчал, нервно покусывая губы.

— Нет, ну чего ты на меня вылупился, как Пентагон на ЦК? Я тебя спрашиваю: где, мать ее, гребаная дорога?! И где, мать ее, гребаная связь?

Полунин с тоской посмотрел на своего комполка. Подполковник Первушин был хорошим командиром, почти настолько хорошим, насколько вообще может быть хорошим «ба-альшой начальник». И сейчас он был прав. Полунин, как командир передовой роты, должен был следить за дорогой, а он... Э-эх! Лишними вчера были два последних стакана!

— Товарищ подполковник! Товарищ подполковник! — из КШМ высунулся радист. — Есть связь! Есть!

Полунин с облегчением вздохнул. Сейчас все выяснится, а там, глядишь, и забудется его ляп за всеми остальными заботами, делами и прегрешениями больших учений...

— ...Ну и что это такое, я вас спрашиваю? — Первушин оторопело смотрел на гарнитуру, которую держал в руке. — И чьи это переговоры?

— Вроде по-немецки говорят.

— А ты откуда знаешь, что по-немецки?

— Так это, товарищ гвардии подполковник, в школе учил...

— Может, ты еще и знаешь, о чем говорят?

— Ну, настолько я не учил. Но что-то непонятное, товарищ гвардии подполковник...

Первушин задумчиво почесал переносицу. Вроде бы гэдээровцы принимать участие в учениях не должны, но...

— Мотострелков мне! Остапенко? Значит так: пошлешь десяток дозоров, пусть хоть как, хоть мытьем, хоть катаньем, но дорогу найдут. И вот еще что... Патроны пускай на всякий случай боевые возьмут! Вопросы? Вот и отлично...

Трое разведчиков бесшумно скользили по лесу.

— Слышь, скворец... Куда-то мы не туда попали...

— Так точно, товарищ гвардии дедушка.

— Перемолочено все так... Такого быть не должно. Бл..., а это еще что?

Они молча застыли возле закопченной до неузнаваемости «семидесятки».

¹ Командно-штабная машина на базе БТР — 50.

— Молодой, это еще что?

Боец-первогодок сдвинул назад каску:

— Товарищ гвардии дедушка, это вроде Т-70. Танк такой был. Я про них в «Технике — молодежи» читал. Может, кино снимают?

Старший собирался что-то сказать, но на полуслове осекся: послышалась короткая очередь. Разведчики переглянулись, не сговариваясь, загнали патроны в стволы «калашей» и, крадучись, двинулись на звук выстрелов... Через несколько секунд они лежали в пожухлой, выгоревшей траве и не верили своим глазам. На фоне горящей «тридцатьчетверки» четко вырисовывались три силуэта в знакомых с детства по фильмам и картинкам касках, переговаривающихся характерными гнусавыми голосами...

00.00. Прохоровка. 11.07.1943.

— Товарищи офицеры! Не знаю, каким образом, но мы попали в прошлое. Сейчас мы на Курской дуге. И идет то самое сражение. Сегодня немцы двинули свои танковые части, пытаюсь прорвать фронт. Мы в тылу у врага. До наших — семь километров. Я принял решение: постараемся прорваться к нашим и поможем им. Вопросы? — Первушин отер со лба пот. — В таком случае доведите это до сведения своих батальонов и рот. Идем стандартным боевым порядком полка. Танки впереди, мотострелки, затем — тыловые службы. «Шилки» страхуют тыловиков. Артдивизион — в арьергарде. Начало движения — в 4.00. Все свободны.

Подполковник демонстративно расстегнул кобурку пистолета, загнал в ствол патрон. Офицеры козырнули и заторопились к своим подразделениям.

Первушин сел на броню кэпшэмки, закурил. Рядом с ним устроился замполит.

— Ну что, комиссар? Как думаешь: всыпем фрицам?

— Должны, Николай Сергеевич, должны... Вот только, — замполит Невзоров нервно потер ладони, — нас как, потом, в ГУЛАГ не закатают?

Среди офицеров полка Невзоров, несмотря на занимаемую должность, слыл фрондером, читал «самиздат» и в своем кругу иной раз поругивал порядки и правительство.

Первушин усмехнулся:

— Что, комиссар, струхнул? Диссидентов начитался? Ну-ну, — он хлопнул Невзорова по плечу, — бог не выдаст, свинья не съест! Немцы не убьют — культ личности не затронет! Да вообще, мне отец рассказывал, — подполковник понизил голос, — не было никакого культа. Так что выживем — надо бы товарищу Сталину «кукурузника» заложить, чтоб иудничать было неповадно...

Теперь уже усмехнулся Невзоров:

— Ты, Сергеич, сначала отсюда нас выведи, а уж потом дальнейшее планируй. А то...

Развить свою мысль ему помешал радист:

— Товарищ подполковник! Наши!

Он протянул гарнитуру офицеру:

— Кто говорит?

— Гвардии подполковник Первушин. 64-й гвардейский танковый полк.

— Сколько у тебя коробок осталось, Первушин?

— А с кем я говорю?

— «Тайга». Рубанюк.

— У меня полный штат. Тридцать восемь танков, шестнадцать САУ, двадцать... легких танков и шестьдесят пять... броневинов. Есть еще зенитные счетверенные, — Первушин не мог найти аналогию ЗСУ «Шилка» и умолк.

— Богато, — на том конце раздался короткий смешок. — Вот что, Первушин: немцы атакуют нас со стороны реки, мосты строят для своих тяжелых танков. Надо им помешать.

— Понял вас. Постараемся.

— Ты не постарайся, а сделай. Приказываю: выйти к берегу Псела, занять оборону и не

допустить переправу танковых соединений противника. Повторите!

— Приказано выйти к берегу Псела, занять оборону... «Тайга», разрешите занять оборону по западному берегу...

— Ну, Первушин, действуй. За Родину!

— За Родину!

Подполковник отпустил танкету и вернул радисту гарнитуру. Посмотрел на трофейную карту, сплюнул в сторону расстрелянных немецких языков:

— Командиры батальонов, отдельных рот и артдивизиона — ко мне...

04.00. Прохоровка. Псел. 11.07.1943.

Майор Венцель наблюдал за тем, как саперы ловко и сноровисто укрепляют понтонный мост. Невольно он залюбовался ловкими движениями своих подчиненных, когда в воздухе раздался хорошо знакомый шелест, а через мгновение вверх взвился огненный столб взрыва. Снаряд угодил точно в центр моста, и вверх, вместе с илом и огнем, взлетели обломки понтонов и тела работающих солдат. А потом начался ад... Из утреннего тумана почти беззвучно появились широкие тела танков неизвестной конструкции, которые врезались прямо в ряды пехоты, скопившейся в ожидании переправы. На их бортах весело заплясали огоньки выстрелов, огненные струи трассеров потянулись к опешившим в первые мгновения солдатам. Следом за неизвестными танками на берег вылетели огромные восьмиколесные невиданные бронетранспортеры. Заглушая грохот выстрелов, грянуло русское «Ура!», и с бронетранспортеров горохом посыпались русские пехотинцы. Оглушительный грохот тяжелых пулеметов вызвал еще больший ужас: громадные пули отрывали конечности, в разные стороны летели клочья мяса и костей. Каждая пронзала двух-трех солдат, собирая обильную жатву смерти.

Венцель в смертном ужасе кинулся в свою машину, а через пятнадцать минут, счастливо избежав русской пули или снаряда, он уже трясущимися руками колотил в броню передовой машины танковой колонны:

— Русские! Русские! Сделайте что-нибудь!!! Это русские!

Не вынеся кошмара положения, Венцель разрыдался...

Оберштурмфюрер Вили Хенске высунулся из танкового люка, с секунду смотрел на бьющегося в истерике майора, сплюнул и, нырнув обратно в башню, вызвал командира. Обрисовав ситуацию со слов майора, не преминув добавить, что сапер перепуган до полусмерти и скорее всего сильно преувеличивает угрозу, оберштурмфюрер выслушал приказ командира батальона, штурмбанфюрера Шрамма, и скомандовал водителю:

— Вперед, Курт! Нужно поторапливаться, иначе русские совсем добьют наших храбрых землекопов. И тогда нашим котяткам придется замочить лапки при переправе...

— ...Быстрее, быстрее!

Оставшихся в живых саперов сгоняли в кучу, деловито обыскивали и ставили на колени с заложенными за голову руками. Старослужащие быстро сообразили, что уйти на грядущий дембель значительно интереснее в немецких сапогах, с ранцами из телячьих шкурок, в которых будут лежать милые штучки под названием «трофеи», но капитан Емельянов мгновенно пресек начавшееся было мародерство. Мотострелковая рота быстро занялась подготовкой к обороне: один взвод устанавливал мины, остальные рыли окопы и собирали трофейное оружие. Рядом заняла позицию противотанковая батарея ПТУРСов на БРДМ. Все спешили: вдалеке слышался завывающий вой моторов немецких танков...

...Хенске не успел понять, откуда прилетел снаряд, отправивший весь экипаж его «тигра» в Вальхаллу. Оберштурмфюрера спасло то, что в момент попадания русского снаряда он высунулся из башни, пытаясь высмотреть в бинокль, где спрятались напугавшие сапера-паникера русские. Взрывом его вышвырнуло наружу, прокрутило в воздухе и метра через полтора основательно приложило арийской головушкой об некстати подвернувшийся жидобольшевистский булыжник. Когда перед глазами рыцаря СС перестали вращаться знаки

зодиака и он сумел относительно определиться в пространстве, его роты более не существовало. Жирно чадя, горели все двадцать два «тигра», а на восток убегали несколько счастливых, которых проглядели валькирии. Вили Хенске с трудом поднялся на ноги, попытался расстегнуть кобуру «Вальтера» и снова грянулся наземь, сбитый молодецким ударом приклада...

— Что, Кац, решил за Освенцим посчитаться? Ну-ну, шутю, мать его, — сержант на всякий случай отодвинулся от рядового Каца, славившегося в роте нечеловеческой силой и отсутствием чувства юмора, если дело касалось его пятого пункта...

08.00. Прохоровка. Псел. 11.07.1943.

За четыре часа полк отбил уже две атаки. Самонадеянные эсэсовцы, веря в несокрушимость брони своих Т-6, ломались напролом. Им и в голову не приходило, что пушки русских танков могут стрелять так далеко, так точно и, главное, так убийственно. После первой атаки на поле остались коптить двадцать два «тигра», после второй — без малого шестьдесят вражеских машин разных модификаций превратились в груды металлического хлама. Озлобленные потерями немцы вызвали авиацию. «Шилки» отправили всех прилетевших в последний полет.

Вторая волна люфтваффе насчитывала в своем составе шестьдесят «Фокке-Вульфов D» и почти столько же «штукасов». Одни «Шилки», разумеется, не справились бы, но тут к отражению авианалета подключились ПЗРК мотострелков, КПВТ бронетранспортеров и зенитные ДШК танков. Безумный шквал огня обрушился на немецких пилотов. Один за другим самолеты вспыхивали, разваливались на куски, исчезали в слепящих облаках взрывов. Немцам удалось накрыть всего одну бээмпэшку, которая получила бомбу впритирку к борту, кувыркнулась набок и нехотя загорелась. Да еще какому-то то ли фанатику, то ли просто невезучему летуну довелось врезаться крылом в Т-80, у которого сработала система пожаротушения, а вертикальный стабилизатор пушки вышел из строя. Радуюсь отсутствию потерь и временной передышке, солдаты да и офицеры загомонили, весело обсуждая подробности последнего боя. Кто-то вытащил магнитофон, и над полем боя взревела «АББА». После краткого, но содержательного внушения хозяину «музыки», шведская четверка заткнулась, а в небо взлетела песня Высоцкого «Я — Як, я — истребитель, мотор мой звенит...».

Первушин принимал доклады от командиров подразделений, когда на позицию выскочила закопченная «тридцатьчетверка». Из нее вылез, пошатываясь, человек в грязном, некогда синем комбинезоне с закопченным окровавленным лицом.

— Кто старший?

Мотострелки, уловив в голосе право на вопросы, сопроводили его к командиру.

— Подполковник Первушин. С кем имею?

— Полковник Дегтярев. Слушай, Первушин, выручай. наших там прижали — не вырваться. Помоги, браток. Там ведь полк погибает.

Первушин задумался. Развернул было трофейную карту, затем спросил:

— Товарищ полковник, а карты у вас не найдется?

14.00. Прохоровка. 11.07.1943.

Лейб-штандарт «Адольф Гитлер» выдвинулся на исходную позицию. Тяжелые танки, панцер-гренадеры, артиллеристы — все замерли в ожидании. Еще немного, еще чуть-чуть...

...Свист приближающихся снарядов длится всего три-четыре секунды. Но как много успевает человек передумать и вспомнить! Маленький домик в Гарце, маму и бабушку, воскресный суп с клецками, белокурую Лоту, с которой впервые поцеловался... Жену и детей, если успел завести, все, что хотел сделать, но не успел за важностью повседневных дел... Много вспоминается, пока свистят снаряды...

...Залп шести «Акаций» и четырех «Гвоздик» был страшен. За ним последовал еще и еще, ведь на артиллерийских позициях прозвучала команда: «Шесть снарядов, беглым. Огонь!». На позициях лейб-штандарта разверзся ад. Как думали немцы. Но они ошибались...

Последние снаряды еще рвались на земле, а уже взревели дизеля, тонко взвыли газотурбинные двигатели, и через мгновение на лейб-штандарт обрушились почти четыре десятка танков. Танков, равных которым не было и еще долго не будет в мире. Низкие, приземистые, несущиеся с немыслимой скоростью, они казались не машинами, а ангелами мщения, сошедшими с небес на землю. Грохотали выстрелы орудий, захлебывались бешеным перестуком пулеметы. Бегут, бегут немцы, бегут в тщетной попытке продлить свою жизнь хоть еще на один вздох, бегут, пока не рухнут под блестящий металл гусениц, пока не сшибет их с ног короткая пулеметная очередь или не срубит осколок стодвадцатипятимиллиметровой гранаты.

Через полчаса лучшей танковой части СС не существовало. Шестидесят четвертый гвардейский, потеряв в атаке два танка и шесть бэтэров, устремился вперед, в тыл второго танкового корпуса СС.

12.00. Москва. 25.08.1943.

- Так, говорите, документов никаких нет?
- Так точно, товарищ Сталин!
- А представление на Героя есть?
- Так точно, товарищ Сталин!
- А это какой Первушин? Тот, который Манштейна в плен взял?
- Так точно, товарищ Сталин!
- Пауза. Синий дымок из трубки.
- Я полагаю, что героизм проявляет человек, а не его документы, верно?
- Так точно, товарищ Сталин!
- Я думаю, что генерал-майору Первушину нужно выдать новые документы. И присвоить звание Героя. Вы согласны?
- Так точно, товарищ Сталин!

ЗАВЯЗЬ ВТОРАЯ

*06.00. 16 августа 1812 года.
Южнее Смоленска.*

Разведрота второго танкового корпуса двигалась по рокаде. Капитан Первунов высунулся из люка по пояс и напряженно вглядывался вперед, отчаянно пытаясь проникнуть взглядом за пелену тумана, укутавшую дорогу непроницаемым покрывалом. Внезапно «тридцатьчетверку» сильно потрянуло, и Михаил Первунов услышал, как матерится прикусивший язык наводчик.

— Стой, мать твою!

Танк мгновенно замер, точно встретив надолб. Капитан, худощавый и малорослый, носивший у солдат прозвище «мышья», умел быть грозным и требовательным.

Первунов недоуменно крутил головой. Что-то изменилось, но понять, что именно, он не мог. А что-то ведь изменилось...

— Че чилось? — рядом тормознул дозорный БА-64, и оттуда чертиком из коробки вынырнул лейтенант Черемисов. — Куда это мы заехали, товарищ капитан? — Лейтенант втянул длинным носом воздух и удивленно мотнул головой. — Войной не пахнет.

Первунов вдохнул полной грудью. Черемисов был и прав и не прав. Все-таки в воздухе чувствовался запах развороченной земли и чуть-чуть крови, но вот выхлопами, кордитом, гарью — этими неизбежными спутниками воюющего человека — не пахло совершенно. И еще: где-то неподалеку, надрываясь, истошно голосили петухи — то, чего в их районе уже

месяца два как не было да и быть не могло.

— Михалков! Михалков, зараза, ты куда нас завез?

Сзади сгрудились два ротных «Доджа» и шесть «ГМС», которые подперли трофейный «ганомат», пяток Т-70 и столько же Т-34. Из машин высовывались бойцы, но вопросы задавать не торопились: «мышья» может и врезаться за глупые разговоры. Куда запропали остальные машины, было не ясно.

— Связи нет, товарищ капитан. Причем так нет, как если бы ее вообще нигде не было. Эфир чист.

Сдвинув фуражку на лоб, Первунов задумчиво почесал затылок. Связи нет. В районе их дислокации компас бессмыслен, показывает направление не на север, а на могилу пресловутой бабушки швейцара. Дорогу, конечно, можно бы привязать к карте, но только дорога такая... странная, в общем, дорога. Была обычная грунтовка, а теперь щебенка...

— Семичасный! Взял шестерых и в поиск! Шевелись, бойцы. — Капитан закурил и повернулся к политруку Грановичу: — Что скажешь, комиссар? Давай, ты ж у нас образованный, может, что и объяснишь...

— Не знаю, Михаил, — старший лейтенант озадаченно потер переносицу. — Похоже, словно нас в тыл как-то занесло. Только как и куда — наука этого пока объяснить не может.

— Спасибо за ценные сведения, Алексей. — Первунов щелчком послал окуроч в придорожные кусты. — Тогда хоть как сориентироваться — подскажи.

— А вон у него спросить. — Гранович махнул рукой вперед, туда, где из тумана показался силуэт всадника.

Командирский Т-34 двинулся вперед, пофыркивая двигателем и лязгая траками. Навстречу ему неровным шагом шел конь, покрытый расшитым чепраком. На седле мотался из стороны в сторону человек в странной, яркой одежде.

— Мамочка родная, гусар, — ошарашенно произнес сидевший позади башни Гранович...

Первунов вместе с Грановичем подбежали к всаднику. Конь послушно остановился, и седок что-то забормотал, так и не открывая глаз на залитом кровью бледном лице под черным гусарским кивером.

— Чего говорит? — деловито осведомился капитан. — Не по-русски и не по-немецки.

— По-французски, — Алексей прислушался, — Натали какую-то вспоминает, просит, чтобы она ему простила за Полину и сына берегла.

— Француз, стало быть?

В этот момент раненый приоткрыл глаза и отчетливо произнес:

— Скачите к генерал-аншефу, его высокопревосходительству Барклаю-де-Толли. Генерал Дохтуров просит сообщить, что неприятель обходит крупными силами, — голос опять понизился до слаборазборчивого шепота, человек начал заваливаться набок, — имея намерение нанести удар в тыл отходящей армии. Вот пакет...

Первунов и Гранович подхватили убитого гонца и бережно опустили тело на землю. Молча переглянулись. Политрук аккуратно отогнул край шитого мишурным шнуром доломана и достал испятнанный бурым пакет с сургучными печатями. Вопросительно взглянул на капитана.

— Вскрывай, — почему-то шепотом произнес Первунов.

Сломав печати, Алексей быстро развернул лист и побежал глазами по ровным рукописным строчкам. Украшенные завитушками буквы прыгали и сливались в слова старой орфографии: «...обнаружил казачий разъезд сотника Маркова-второго... противник, силами до тридцати линейных и семи легких батальонов, сорока эскадронов при 50 орудиях... принял смерть за Веру и Отечество, пытаюсь задержать... 5-й егерский полк рассеян, а Полтавский линейный отступает в беспорядке... если помощь не придет, то Смоленск удержать не имеется никакой возможности... буду принужден оставить лазареты и магазины... умоляю, Ваше высокопревосходительство, предоставить подкрепление... остаюсь Вашим преданным слугой, генерал-лейтенант Н.Н. Раевский».

— Все, — окончив читать, Гранович поднял глаза и замер. Его поразила перемена, произошедшая в лице комбата. Лицо Первунова приобрело то хищное выражение, которое редко-редко, на одно мгновение осеняет лицо азартного охотника, обращая человеческий образ в страшную маску тигра-людоеда.

— Значит, говорит, Смоленск не удержать? — тихо выдохнул капитан. — Ошибся их благородие — удержать, да еще как! Вот что, политрук: давай-ка, объясни бойцам все как надо. Сейчас пойдем французам красную юшку пускать.

*07.00. 16 августа 1812 года.
Южнее Смоленска.*

Генерал Дельзон гнал свои войска ускоренным маршем. Дорога скрипела, стонала и отдавалась гулким звуком под тяжестью тысяч сапог и копыт. Впереди летели польские уланы, высланные командиром кавалерии, генералом Рожнецким, в дозор и боевое охранение. Скорее, скорее, пока русские не узнали о гениальном замысле императора, пока не опомнились.

Малочисленные дозоры и заслоны были сметены с дороги, и теперь сводный отряд генерала Дельзона в составе трех пехотных и двух кавалерийских дивизий приливной волной шел в тыл все еще сопротивлявшимся в Смоленске. После такой блестяще проведенной операции можно рассчитывать даже на маршальский жезл, который, как говорит их полководец, носит в своем ранце каждый солдат великой армии...

Размышления прервались звонким, похожим на удар бича, выстрелом, и генерал увидел, как в центре колонны встал невысокий столб разрыва. В стороны еще летели куски тел и обрывки мундирного сукна, когда ударил второй выстрел. Третий, четвертый, пятый... Дельзон похолодел: судя по частоте выстрелов и разрыву снарядов, где-то рядом находилась замаскированная русская батарейная рота. А она не может быть одна, без прикрытия. Минимум три-четыре батальона...

Точно в подтверждение его слов с другой стороны дороги из леса ударили ружейные выстрелы. «Егеря, — понял Дельзон. — Они залпами не бьют».

106-го линейного полка больше не существовало. Из двух тысяч человек, только что шедших по дороге широкой колонной по двадцать в ряд, уцелело не более трех сотен разбегающихся в панике, потерявших от ужаса человеческий облик существ.

— Мой генерал, мой генерал! — адъютант уже давно тряс его за рукав. — Мой генерал, 11-я дивизия отступает, генерал Разу убит. Они натолкнулись на засаду и были рассеяны.

Но Дельзон не слышал своего адъютанта. Расширенными от ужаса глазами он смотрел и никак не мог поверить тому, что видит. На дороге появилось нечто, напоминающее не то телегу, не то домик. Оно не имело колес, но, тем не менее, быстро двигалось вперед. Верхняя часть этого непонятого сооружения повернулась, и из торчащего оттуда ствола посыпались выстрелы. Пушечный грохот перекрыл невыносимый ружейный треск, и восьмифунтовое орудие, успевшее встать рядом с дорогой, выплюнуло свое ядро в сторону этого чудища. Непонятое сооружение развернулось, окуталось дымом и вдвое быстрее, чем лошадь, скачущая галопом, устремилось к артиллеристам. Те прыснули в стороны, точно брызги от попавшего в лужу камня, но чудовище легко настигло их и буквально раздавило несчастных своим весом.

Дельзон молча сошел с коня. Он обнажил шпагу и теперь стоял, дожидаясь, пока к нему подбегут солдаты в зеленых русских мундирах необычного покроя. Вот перед ним оказался высокий молодой детина со странным ружьем, у которого не было штыка, но сверху имелся какой-то непонятный диск. Генерал сделал глубокий выпад шпагой, но русский резким движением увернулся, и на голову Дельзона обрушился тяжелый удар приклада...

— Товарищ старший лейтенант, во — фрукт! Сопротивлялся, — сержант Семичасный, точно тростинку, держал в одной руке пехотный «дегтарь», а в другой, чудовищной

веснушчатой лапищей, как нашкодившего котенка, удерживал за шиворот человека в богатом мундире.

Гранович изучал французский в институте, но допрашивать он не очень-то умел. В голове вертелись обрывки фраз: «Ваша тетушка вырастила прекрасные розы... где находится советское представительство?... эта дорога ведет в Париж?» Он сумел задать лишь несколько вопросов: об имени, звании и направлении движения группы.

— Что ты с ним возишься, комиссар? — Первунов высунулся из танка и с интересом посмотрел на пленного. — Допросил — и в расход шаромыжника...

*14.30. 16 августа 1812 года. Западнее
Смоленска.*

— Мой император, — Даву виновато наклонил голову и от этого сделался похож на обиженного быка, — сир, мой корпус бежит. Прикажите расстрелять меня, сир, но я ничего не могу сделать...

— Сир, — Бертье стоял сзади. Наполеон не видел его лица, но мог поклясться, что оно бледно. — Русские применили нечто необыкновенное. Доклады офицеров и генералов противоречивы, но все сходится в одном: у русских есть что-то вроде вагенбурга, вооруженного орудиями невероятной разрушительной силы.

— Так возьмите орудия! Ларибуазье, вы — начальник артиллерии, командуйте же, черт побери! Выставьте сто пушек, двести пушек и остановите это... это... — не найдя слов, он умолк и, засунув руку за борт сюртука, принялся шагать по избе, где разместился его штаб.

Своим титаническим умом он пытался понять: где он ошибся? Поход на Россию был задуман и рассчитан верно. Несмотря на мелкие ошибки и недочеты, все шло по плану кампании, и вдруг...

Его размышления прервал гром орудийных выстрелов и грохот разрывов. В избу влетел худощавый и смуглый командир конных егерей Старой гвардии генерал Гюйо.

— Сир, — в голосе генерала звучали истерические нотки. — Вы должны немедленно покинуть это место. К деревне движутся русские кирасиры и... — Гюйо, как и другие, запнулся, не имея ни малейшего понятия о том, как назвать это чудо-оружие — эти самоходные пушки!

Точно в подтверждение его слов загрохотало совсем рядом, и в узенькое, подслеповатое оконце Бонапарт увидел, как рушится соседний дом.

— Скорее, сир! — Гюйо не уходил, хотя было видно, что он близок к панике. — Скорее! Ваши верные егеря ждут вас!

Наполеон поспешил к выходу. Двое мамелюков подвели к нему его белого Араба, помогли взобраться в седло. Егеря личного конвоя сомкнулись вокруг императора, и кортеж взял с места в галоп. Бонапарт оглянулся. В деревне уже шел бой. Гренадеры Старой гвардии во главе с генералом Кюриалем встали, перегораживая единственную улицу деревни. Внезапно раздался оглушительный рев, крайняя изба вздрогнула и стала медленно, точно во сне, разваливаться на отдельные бревна. Из руин дома показалось нечто, страшное и беспощадное, как сама война. Гренадеры дали залп, другой, но нечто не обратило на них никакого внимания. Зарокотала заполошная стрекотня выстрелов, и «старые ворчуны» начали падать как подкошенные. Но недаром это была Старая гвардия. Невзирая на невероятные потери, гренадеры попытались пойти врукопашную. Нескольким из них удалось добежать до непонятной повозки, и они самозабвенно принялись тыкать в нее штыками. Как и ожидал император Франции, это не произвело никакого эффекта. Но судьба его гренадеров, лучших солдат подлунного мира, так и осталась для Наполеона невыясненной. Наперерез егерям вылетело другое бесколесое чудовище и замерло, перегораживая дорогу. Рядом с ним остановилась небольшая четырехколесная повозка, размерами чуть поменьше обычного парижского фиакра. Вот только лошадей в нее впряжено не было...

Сидевшие наверху бесколесного кошмара солдаты вскинули короткие ружья с непонятными штуками посередине, и один из них, подняв руку, крикнул:

— Эй, фрицы, хенде хох!

— Мой бог, они что, считают нас вюртембержцами или саксонцами? — простонал кто-то из егерей.

— Хенде хох, суки! — повторил солдат, и его жест не оставлял сомнений в том, что именно произойдет, если кто-нибудь сделает вид, что не понял команды. Точно в подтверждение его товарищ поднял свое оружие, направил вверх, и оно разразилось целой серией выстрелов. Подавая другим пример, император вытащил из ножен саблю, бросил на землю и медленно поднял руки...

ЗАВЯЗЬ ТРЕТЬЯ

14.00. Леса близ Рязани. 14.12.1237.

Сводный отряд из казачьего и егерского полков под командой полковника Первуновского, вместе с приданной ему батареей из двенадцати единорогов еще полчаса назад спешил на соединение с Русской армией по Старой Смоленской дороге, но, завернув за угол леса, вся колонна попала в туман, да такой густой, что двигаться пришлось чуть ли не на ощупь. Слава Богу, через час тот развеялся, но вот дорога куда-то запропала. Люди оказались в густом лесу.

— Эх, черт, заблудились. Корнет! Пошлите разъезд, пусть разузнают дорогу.

— Привал. Пока не разузнают дорогу — дадим отдохнуть лошадям. Да и нам перекусить не мешало бы.

Солдаты принялись за приготовление пищи, радуясь неожиданной передышке...

16.00. Рязань. 14.12.1237.

— Князь наш погиб! Вместе со всей дружиной!

Эта весть в мгновение ока облетела всю Рязань. Вздуродраженные тяжелой вестью горожане собрались на площади перед Детинцем. Вопрос о том, биться или не биться — не стоял. Неведомых поганинов должно было отогнать от стен города, отстоять семьи и дома. Жители лихорадочно готовились к бою: таскали на стены камни и бревна, подносили дрова к котлам, в которых должны были кипятить воду и смолу, привечать врага. Городские кузнецы торопливо ковали наконечники стрел, наконечники рогатин, точили топоры и редкие мечи. Только вот биться было почти некому — большой полк poleg вместе с князем Юрием. Орда монголов под предводительством проклятувшего Батыя всех положила. Но жители города сдаваться не собирались.

18.00. Леса под Рязанью. 14.12.1237.

— Господин полковник! Разведка вернулась! С ними местный.

— Сам вижу. А что это с ним такое?

Полковник Первуновский с удивлением смотрел на невысокого израненного человека в изодранной кольчуге.

— Ты кто таков, братец?

— Гридень я, князя Юрия Рязанского. Карась Шестаков.

Казаки удивленно переглянулись. Гридень?

— Господа, господа! Обождите! Позвольте мне!

Вперед протолкался князь Петров.

— Родственник мой, советник Татищев, историей государства Российского увлекался. Ну и я вместе с ним. Милейший, вы с битвы?

— Ой, княже... Никто не уцелел. Тугары проклятые всех посекали. Их — тьма неслученная, а нас — горстка. Бились храбро, но сила солому ломит. Да и коварны они, аки неприятели...

— До Рязани далеко?

— Да верст, почитай, с десятков, если на восход идти...

— Раненого — в обоз. По коням!..

09.00. Рязань. 15.12.1237.

Утром, едва рассвело, с дубовых стен города раздался протяжный крик:

— Поганые! Поганые! Идут!

Из окружавшего Рязань леса одна за одной выезжали татарские сотни, топчя белый снег, превращая его множеством копыт в грязное месиво. Кто-то из отроков испуганно произнес:

— Ой! Сколько их, дядька... Осилит ли?

— А коли не осилит, так мертвые сраму не имут! Понят?!

— Понят, дядька...

Внезапно с западной стены закричали:

— Смотрите, смотрите!

К стенам города приближалась стройная колонна высоченных воинов в невиданных доселе расшитых золотом корзнох на огромных конях. Следом за конниками спешил пеший отряд в долгополых одинаковых серых охабнях с короткими копьями за спиной. И в самом конце четверки лошадей тащили черные трубы на высоких колесах. Отряд быстро обогнул город и выстроился прямо на пути Орды. Квадрат пещев ошетилился невиданными копьями, стал широкой стеной конный отряд. Вперед выкатили трубы на колесах. Все застыли в ожидании атаки...

10.00. Рязань. 15.12.1237.

— Господин полковник! Отряд к бою готов!

— Артиллерии — огонь плутонгами без команды. Первому плутонгу — картечь, второму — бить гранатами по дальним! Пехоте — держать каре. Стрелять только наверняка. Мы — ждем. Вопросы?

— Никак нет, господин полковник!

— С Богом, господа!

Дымились тонкими струйками фитили единорогов. Артиллерия ждала команды. Застыли пехотинцы в ожидании атаки. Казаки еще и еще раз проверяли свои пистолеты и карабины. Наконец со стороны монгол донесся гнусавый звук трубы, тут же прерванный чистым серебряным голосом горна.

— Приготовиться...

Громкий вопль «Уррагх!» донесся со стороны Орды, и вот уже нестройной стеной, вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее набирая скорость, всадники рванулись к небольшому отряду...

— Пали!

Слаженно рывкнули единороги, враз выбросив снопы картечи. С визгом массивные пули врезались в плотную стену врага, проделав широкие просеки в их рядах. Вопль ужаса раздался оттуда. В задних рядах взметнулись фонтаны разрывов. Пушки пробанивали снегом, и через несколько мгновений залп ударил вновь, а затем еще раз. Все пространство перед ними было завалено мертвецами и ранеными. Сотни корчащихся врагов в ужасе призывали небеса, но страшные огнедышащие чудовища ревели вновь и вновь. Те, кто успел приблизиться, попали под слаженный залп пехотного каре. Это было не менее жутко, чем пушечный огонь. Перед отрядом Первуновского татары громоздились кучей. Жуткая

мешанина человечины, бьющихся лошадей, таскающих по снегу вывернутые внутренности... Из-за пролитой крови не было видно, как начал таять снег. Татары попятились...

— Артиллерии: всем плутонгам — огонь гранатами!

Замолкшие было орудия заговорили вновь, разнося взрывами в клочья шатры, установленные на холме возле леса. Взрыв разнес на куски группу пестро и пышно одетых татар возле самого богатого шатра. Тут же вопль ужаса раздался со стороны татарского войска...

— Когось большого прихлопнули, дядька! — сообщил молоденький канонир пожилому фейерверкеру Кузьмину, невозмутимо посасывающему свою носогрейку. Тот лениво кивнул:

— Сейчас казаки разберутся: кто пришел, зачем пришел. В кого попали, а кого убили. Наше дело — стрелять и помирать, а в кого и за что — господин полковник знает...

Вновь донесся чистый серебряный звук, и по его сигналу казаки пришпорили коней.

— В атаку!..

1238. Синяя Орда.

— О, Великий и могучий. Твоей Орды, ушедшей к последнему морю, больше нет. Изничтожена она воинами неведомыми, оружием громовым. Пал великий Бату-Хан вместе с воинами своими. Все пали в земле урусов. Лишь меня одного отпустили они, чтобы принес я весть тебе: не ходи в Землю русскую со злом, не вернешься!

Гонец положил к подножью трона свернутый в трубку лист пергамента, запечатанный полковой сургучной печатью полковника Первуновского...

ЗАВЯЗЬ ПОСЛЕДНЯЯ

Заря. Велиград.

III тысячелетие до н. э.

В городище было шумно и бессонно. Ревела скотина, согнанная в огромный гурт посреди торжища, плакали дети, подвывали бабы и девки. Всю ночь в Велиград тянулись беженцы, отступавшие перед страшными людьми бронзы — уладами, как они себя называли. Многочисленные находники, прикрыв тела непроницаемой бронзой, укрывшись за высокими щитами, шли по землям славян нескончаемой рекой, точно лесные мураши. Гордые мужи-родовичи пытались биться, но слишком неравны силы: несть числа врагам, да и кость с кремнем не стоят супротив бронзового лезвия. Последней надеждой стало городище — Велиград у излучины полноводной Раны, обнесенный могучим палисадом. Да еще там, на пути у вражьей силы, встала заслоном невеликая ватажка сварожьих витязей во главе с Колаксам-жупаном. Крепки их топоры и глаза зорки, могучи луки и сильны ратовища, но мало их, совсем мало.

Старый Белегост послал-таки в дозор двух уных донести, когда сломят колаксамовых улады, дабы вовремя задвинуть бруссы на заслоне тына и отгородить людей от находников. Теплилась еще надежда у старика, что не почнут чужинцы града искать, не отважатся лезть на раскаты и тын, а пройдут далее, беря лишь малое мыто с неуспевших укрыться. Тешил себя старый надеждой, хоть и понимал мудростью прожитых зим, что не оставят городище враги, что не упустят такой добычи...

— Дядька Белегост, дядька Белегост! — ссыпались с раската двое пострелят. — Подика, взгляни: с дальней пади неведомые вои идут!..

Рассвет. На полночь от Велиграда.

III тысячелетие до н. э.

Тысяцкий Первун Коловрат остановил коня. Злая кулла нанесла такой туман, что ни зги не видать. Сзади стояли рядами пронские комонные витязи, далее теснились пешцы — земские ратники.

— Де ж путь? — тысяцкий повернулся к брыньскому стрелку, взявшемуся указать короткую дорогу до Рязани. — Князь Юрий ждет

— Прости, боярин Первун, — стрелок комкал в руках шапчонку. — Зришь сам, путя нет. Должно, хозяин водит.

При упоминании о лешем Первун перекрестился и зашарил по броне рукой, пытаясь сжать в ладони ладанку. Видно, прогневили лесного Хозяина. Может, заповедную опушку истоптали, а может, кто из воев ненароком мавку увидел, вот и сердится отец за красу дочери...

— Бермята, — Коловрат обернулся к десятнику, — возьми своих, да на вороп — поищите пути-дороги. Да сторожко там смотри: не ровен час — на поганных наскочите.

Тысяцкий смотрел, как растворяются в тумане вершники Бермятова десятка, а голову томили тяжкие думы. Брат Евпатий послан князем Юрием в Чернигов просить помощи у наследников Ольговой славы, но то ли добудет, то ли нет — неизвестно. А он, дурной, завел подмогу пронскую в глухомань неведомую.

— Боярин, боярин! — из тумана вынырнул Бермята с двумя своими. — Чудное дело, боярин: выходили с Пронска — зима ж была, снегу по лядвии, а тут — грозник, не иначе. Травы зелены, птахи поют...

Первун и сам почувствовал, как с неба дохнуло жаром, обдало летним теплом. Да уж, зима ушла куда-то вместе с дорогой... Стоявшие в задних рядах потихоньку садились, снимали поршни и лычницы, сматывали с ног теплые портянки. А иные уже начали тянуть с плеч брони, чтобы снять из-под железа полушубки или теплые шерстяные срачицы.

Такое нужно было пресечь и немедленно. Железо на голую грудь не носят, и, повинуясь жесту тысяцкого, негромко ругались десятники, заставляя нерадивых вздевать брони, не скидывать с плеч щитов, не класть рогатин.

Туман помаленьку рассеивался, и стало видно, что на полдень лес реже. Туда же убегала проторенная волокушами дорога. Пустив вперед два десятка вершников, Первун сторожко повел свои сорок сотен навстречу неизвестному...

Утро. На закат от Велиграда.

III тысячелетие до н. э.

— Молви еще раз про находников, отрок, — Первун наклонился к поводырю, юному пар-нишечке в простецкой сермяге, — говоришь, комон-ных нет у них?

— Колесницы лишь, — быстро отозвался поводырь.

Он с опаской посматривал на удивительных союзников, явившихся из неслыханного града Пронск, на их темные одежды, непроницаемые для стрел и копий, их страшное оружие, что в один удар сметает сосенку толщиной в ногу взрослого мужа. Он сам видел, как жупан чужих воев показывал Белегосту их силу. Потому-то ему очень не хотелось сбиться с пути, потерять дорогу. Хотя чужаки вроде добрые — один из пеших воев угощал малых несмышленишей сладкими кокурками, пока вожаки вели беседу со старейшими града. Только добрые-то они добрые, а сердить их не стоит. Но слава Свентовиту — путь никуда не терялся. Скоро уже, скоро появится ватажка Колакся...

Увидев ратников, стоявших на широкой поляне, Первун чуть было не расхохотался в голос. Вот уж витязи, нечего сказать. Вместо брони — толстые кожаные одежи с дубовыми тесовинами на груди, вместо мечей — тяжкие ослопы с бугристыми шарами капа на концах. И числом — не более двух сотен. А коли не врал старый волхв, то находников — не менее тридцати сотен. А то и целая тьма.

Из рядов велиградских витязей вышел муж, лицом и обликом — вождь. Оглядел

пришлецов, молча стянул с головы бобровую шапку, поклонился в пояс.

— Колаксай, жупан здешний.

— Первун Коловрат, тысяцкий рязанской рати. На подмогу пришли к вам, братие.

Жупан заворуженно смотрел на выходящие из лесу пронские, колпские, городецкие сотни. Неверящим голосом, но с той безумной надеждой, которая бывает лишь у смертельно больных, переспросил:

— На подмогу? К нам?

Его лицо просияло. Он стянул с пальца золотое жуковинье, даже не ромейского, а куда как более древнего мастерства, и протянул Первуну:

— Бери. Коли выживем да не побрезгуешь — братом будешь.

Коловрат спешился, с поклоном принял подаренное и, чуть подумав, протянул Колаксай длинный подседельный нож-атаган.

— Прими, братец названный...

...Разговаривать было сложно, ибо язык у витязей хоть и похож был на речь русичей, да уж больно древний. Еле-еле три слова на четвертое поймешь. Но уяснили однако ж, что идут находники-улады правильной ратью, князья их, сиды, в колесницах едут, а простые ратники — на своих двоих топчут. Оружны мечами, да не железными — бронзовыми, и топорами. А броня у них вовсе плохая — так, только грудь и покрывает.

Вызвав все, что можно, Первун распорядился стрелкам-лучникам растянуться вдоль кромки леса, а витязей пронских да тех, что получше оружены из земцев, сбил в единый кулак под прикрытием деревьев. Теперь оставалось только ждать. О, вот уже топот копыт, уже вылетели на поле комонные наворопники, орущие на скаку:

— Идут! Ой, идут!..

Полдень. На закат от Велиграда.

III тысячелетие до н. э.

Гнатал, сын Конрота, сына Энгуса, сына Роде, вел своих воинов на восход. Жирные коровы и мягкие девушки, наливное зерно и сладкий мед, отборные меха и желтое масло есть у червей, обитающих в этих лесистых землях. А у сынов уладов в их бесплодных горах нет ничего. Тощи их нивы и тощ их скот, и зимой приходится выносить новорожденных девочек в снег, ибо не может род прокормить лишние рты. Но зато Светлые Боги открыли уладам секрет дивной бронзы и научили правильному бою. А черви из лесов не могут биться как подобает людям — ровными рядами и на быстрых колесницах. И потому их добро станет добычей тех, кому благоволят Светлые Боги.

На широкое поле выезжали колесницы. Фаль, сын Эоху, ударил по струнам прорезной арфы и сильным чистым голосом запел песнь боя. Подхватив знакомые слова, воины, потрясая топорами, двинулись вперед, туда, где жидкой цепочкой стояла невеликая рать червей...

В песню вплелся неясный звук, похожий не то на гадючье шипение, не то на посвист малиновки. И сразу же со всех сторон донеслись крики. Колесничий самого Гнатала взвыл истошным голосом и рухнул навзничь. Из глаза у него торчал короткий оперенный дротик, а еще добрый десяток таких же впился в плетеные борта колесницы.

Гнатал ошарашенно завертел головой. Его воины, сильные крепкорукие мужи, умирали, точно лесные птицы под стрелами охотников. Но разве это стрелы? Гнаталу с большим трудом удалось вырвать одну из таких стрел из щита, и он поразился ее длине и тяжести. И самое главное — наконечник был не из камня и не из кости. Но и не из бронзы! Король уладов в изумлении смотрел на небесный металл, тот, что стоит в семь раз по семь дороже бронзы. У самого Гнатала был кинжал из небесного железа, но ковать из него наконечники?!

Оставался единственный выход: броситься сразу всеми колесницами, достигнуть лучников и раздавить их. Пока девять десятков колесниц будут давить непокорных червей,

уцелевшие из семи тысяч пехоты смогут собраться и помочь своим вождям-сидам в бою.

Гнатал поднял вверх широкое копье и закричал, призывая уладов в атаку. Набирая скорость, по полю покатались колесницы...

— ...Смотри, боярин, — Бермята показывал на мчащиеся колесницы, — вот они бок и открыли.

— Пора, — решил Первун и закричал грозно: — Русь! Русь! Русь!

— На слом! На слом! — грозным ревом отозвались пронцы, пуская в намет коней...

...Гнатал увидел, как из леса к ним устремились воины, сидящие на конях верхом. Это было невозможно. Лишь в древних преданиях рассказывалось о неистовых Ши-Скифах, что владели даром езды на конской спине. Неужели черви призвали их себе на помощь? Возле его колесницы возник всадник. Гнатал отбил щитом древко копья, ударил мечом и с радостью увидел, как падает с седла ненавистный червь. Он хотел выкрикнуть крик победы, но в этот миг что-то невыносимо тяжкое обрушилось на голову короля уладов. Последнее, что он успел увидеть, были толпы бегущих, которых топтали и били страшные конники.

— Как, говоришь, звали твоего жупана? — Белегост прислонил к уху иссохшую морщинистую ладонь.

— Первун, — повторил Бермята погромче. — Первун! Только не жупан он был, а боярин.

— То не важно, — Белегост пошамкал беззубым ртом и произнес: — На поляне с нашими богами его поставим, Перуна твоего. Народу спаситель, земле-матери — защитник...

ВЕРШИНА

14.00. Красный Яр. 12.07.2013.

Медленно-медленно возвращалось сперва осязание, потом зрение, потом слух. Барятинский поднял глаза: рядом мельтешила рыжая голова заморского напарника. Вместе с ним они сделали множество замеров, взяли пробы воздуха, воды и почвы, наловили кучу насекомых, набрали больше сотни образцов растений. А в мудрых книгах писали, что мезозой — страшная и скучная эра. Куда там! Столько приключений! Да и напарник оказался совсем неплохой парень! Владимир задумчиво почесал в затылке: странно, но ему почему-то казалось, что он за что-то взъелся на рыжего заморского физика. За что? Да ладно, это теперь не важно...

Старик Каспарянец со слезами на глазах долго обнимал вернувшихся времяпроходцев, а потом набежали все остальные, подхватили их и начали качать, высоко вскидывая к сводам. Подлетая в очередной раз, Барятинский увидел Олесю Дубовяк, восхищенно смотрящую на них, на него, и сердце сладко заныло. Но вот, наконец, их отпустили и тут же передали в руки здравоохранения. Окончился осмотр, подтвердивший, что оба путешественника здоровы, и Владимир, мучимый жаждой, смог наконец добраться до вожака автомата, о котором он мечтал с момента старта.

В прорезь упали монеты, внутри агрегата что-то загудело, зажегся свет...

— Эй, друже-братие, — по спине хлопнула могучая рыжешерстая длань. Запотевшая посуда кваса, которую чудо-механизм обменял на два шелега, чуть не улетела из рук Барятинского.

— Ну, полегче, полегче, медведь заморский. Вот же, чудушко, откормили тебя в вашей Снежнороссии.

Шелест Хлынов, выпускник Массачусетской ведарни, громогласно расхохотался.

— Эк тебя на квасок потянуло. А по мне, — он повернулся к другому автомату, кинул в прорезь резану и подхватил источающий ароматный пар кубок, — слаще сбитня нет ничего!

— Ну, вы, — Жереба Блазень, старший среди снеж-норосских ведаров, подкрался

неслышной барсьей поступью и теперь смотрел на обоих, уперев руки в бока. — Такое дело надо не квасом-сбитнем отмечать, а медом стоялым. Вот сейчас очухаетесь, и все пойдем в корчменную, отметим успех наш. Всех зову!

Остальные, бывшие в Ведущей Красного Яра, при этих словах приветственно загомонили, лишь кто-то грустно произнес:

— Не могу я — у брата старшенький сегодня по первинам чрез огонь прошел. Брат пир собирает...

...Барятинский шагнул вместе со всеми в радостной и ликующей толпе. Слава Перуну, еще одну тайну у природы взяли и не заплатили за нее рудой. Теперь можно и в стольный град, в самую Братиславу ехать, хвастать достигнутым. Старый ведар Каспарянц шел в толпе своих молодых соратников, отпустив домой служебный самобег. Любит Каспарянц мед — еще бы, у них-то, в Урарту, вином стоялым празднуют. Таким и упиться недолго...

Он слушал восхищенный щебет висевшей у него на руке Олеси и прикидывал, что водимая из нее будет — лучше не надо. Вот соберет к лету вено, да и сыграют свадьбу.

Но в голове билась еще одна мысль, вот уже день, почитай, свербела. Не выдержав, он поднял шуйцу, призывая внимание:

— Братие, сестрие, ради светлого Перуна, скажите: что есть «Брэдбери»?

Услышав незнакомое слово, ведары русских земель удивленно переглянулись...

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ 2005 ГОД. ЗАЧАТИЕ

Они уже не помнили, кому первому пришла в голову эта светлая идея. Тот день, а вернее, та ночь, когда из автоклава был извлечен настоящий, живой котенок, созданный из клеточного материала кошки, пошедшей на чучело в зоомагазине, вообще осталась в их памяти какими-то кусками. Они так долго хлопали друг друга по спинам, что чуть было не подрались. Два молодых ученых-биолога из тех, что именуются «подающими большие надежды», Ивлев и Пржевальский, закадычные друзья еще с института, резвились как малые дети. Новорожденного котенка теребили и тормозили до тех пор, пока едва только не угробили. А потом наступила релаксация. Они курили: Ивлев — откинувшись на спинку стула и закинув ноги на стол, Пржевальский — валяясь на кушетке и сыпая пеплом на пол.

— Слушай, Серега, а ведь теперь надо бы и на человеке попробовать, — задумчиво сказал Ивлев.

— Ага, — согласился Пржевальский, пуская колечки дыма, — вот я ща помру от переизбытка чувств, а ты, Саня, меня воскресишь и вырастишь.

— Да нет, я серьезно. Представляешь: взять покойника и проверить — тот же человек вырастет или нет. По дрозофилам сходится, по позвоночным — тоже, а по приматам?

— Ага, — снова согласился Пржевальский, — а для чистоты эксперимента возьмем Чикатилу. По нему сразу видно будет — маньяк или нет. В смысле, удалось или нет.

— Нет, давай лучше мою бабушку возьмем: я ее хорошо помню.

— И в детстве тоже?

— А кого тогда?

— Наполеона. У него вся жизнь только что не по минутам расписана. Сравнивай — не хочу.

Ивлев задумался, а потом сказал, что французы Наполеона не дадут. Хотя, конечно, нужно-то всего полграмма ткани, но дело это сложное. Пржевальский, заинтересовавшись, предложил связаться с коллегами, обслуживающими мавзолей, и взять ткани Ленина. Идея была хороша, но приятели вспомнили, что реальной биографии Ленина нет и быть не может. «Раньше был совсем белый, сейчас стал совсем черный, а серого — нет!» — подвел черту Пржевальский. И они снова стали думать и выбирать...

...Сперва кандидатура показалась выдвинутой скорее в плане юмора. К тому времени уже были перебраны и забракованы Пирогов и Гагарин, Курчатов и Ландау, Петр I и

Екатерина Великая. Но, тщательно все обдумав, друзья решили, что идея заслуживает внимания. Затем, в течение недели, они искали способ добыть вожаденный образец. И, наконец, вот он — сморщенный кусочек, залитый формалином, обошедшийся в нечеловеческую сумму — 2 000 долларов США. Продавший его смотрел на Ивлева и Пржевальского сочувствующим взглядом, каким смотрят на людей «с мухами». Дурачкам понадобился образец, срез ткани — на здоровье! Но друзьям было наплевать на такие взгляды. Опыт начался.

2006 ГОД. РОЖДЕНИЕ

— Вот, забирайте вашего богатыря, — медсестра подала Пржевальскому пищащий сверток.

Не удержавшись, он отогнул краешек одеяла и взгляделся в крохотное багровое личико, ища знакомые по фотографиям черты. Разумеется, напрасно. Умом он понимал, что найти сходство у новорожденного с тридцатилетним мужчиной невозможно, но все-таки ужасно хотелось увидеть хоть что-то, хоть какие-то приметы.

— Ну, — Ивлев протянул ему руку, другой открывая дверцу автомобиля, — что, отец-одиночка, поехали домой. Ты как, новую хату для ребенка подготовил?

— А как же, — Пржевальский достал сигарету, но, вспомнив о ребенке, стал заталкивать ее обратно в пачку. — Все в порядке. Только непривычно чуток в двух комнатах после четырех...

Чтобы решить вопрос с регистрацией ребенка, Сергей продал доставшуюся ему в наследство от деда четырехкомнатную квартиру в самом центре и перебрался в стандартную малогабаритку-двушку. Зато теперь у ребенка есть непробиваемые документы, согласно которым его мать, никогда не существовавшая супруга Пржевальского, умерла во время родов и отец — Сергей Пржевальский, отказавшись от «помощи» государства, забрал ребенка себе.

— Слушай, Сань, я вот только думаю, — Пржевальский озабоченно покрутил головой, — мы его с тобой на этих искусственных смесях не угробим? Может, кормилицу?

— У тебя с головой все в порядке? — Ивлев оглядел друга с беспокойством. — Это где ж ты в XXI веке надумал кормилиц искать?

— Ну все-таки, нет у меня доверия этим питаниям. Мать говорила — я до года грудь сосал...

— И это говорит кандидат биологических наук! Как не стыдно повторять бабкины домыслы?!

— Знаешь, все-таки по бюллетеню мне с ним сидеть! Черт с ним, у меня от квартирных еще кой-чего осталось, попробую кормилицу найти.

В квартире друзья уложили ребенка в детскую кроватку, вытребованную Ивлевым у своей доверчивой сестры, и перевели дух.

— Ну что — лиха беда начало? — сказал Александр, доставая бутылку советского шампанского. — Давай, папаша, доставай бокалы, отметим это дело...

Сергей принес два фужера, бутылка в сильных руках жалобно пшикнула, звякнул хрусталь... И в этот момент из детской раздался крик. Ивлев вздрогнул:

— Слушай, Серега, — произнес он через минуту, — а тебе не кажется, что у него какой-то злобный крик?

— Какой еще злобный? — Пржевальский лихорадочно метался по кухне. — Тебя бы в ковер завернули и жрать не давали — ты б тоже, небось, матюгами орал. Где грелка для бутылки, ты не видишь? Б..., куда я ее сунул?!

2012 ГОД. ДЕТСТВО

— Николай! Брось сейчас же! Я кому сказал, брось!

— Пап, а у нас в группе одна девочка в цирке была. Там носороги ученые и крокодилы...

— Врет твоя девочка! Носороги практически не дрессируются, а крокодилов не мог приручить даже Дуров! Вот мы с тобой сами сходим в цирк — сам все увидишь. Колька, давай-ка, брат, побыстрее, а то если папа опять на работу опоздает, то нам не то что на цирк, а и на хлеб денег не хватит... Здорово, Саня! — Пржевальский замахал рукой Ивлеву, высунувшемуся из машины.

— Здорово, святое семейство! Отец, сын, а я — ваш дух святой! Садитесь, подвезу.

— Это здорово, а то мы уже опаздываем.

— Дядя Саша, а почему у машины, когда мотор работает, колеса крутятся, а у компрессора — нет? А я вчера новую песенку сочинил, хочешь послушать? Пап, ну, пап, а если сто мышей нападут на кота, кто победит?

— И так — все время! Ты себе не представляешь, как это утомляет...

Отведя Николая в садик, Пржевальский сидел в машине и негромко жаловался на свою тяжелую жизнь. Ивлев гнал машину — они действительно опаздывали.

— И самое удивительное — ничего еще не заметно! А ведь уже хоть что-то должно было проявиться...

— Да? А то, что шестилетний ребенок складывает пятизначные числа — это нормально? А какую он музыку сочиняет!

— И что? В его возрасте я сам складывал тысячи. И мотивчики такие же сочинял. Вообще я бы сказал, нормальный ребенок, без каких бы то ни было признаков особенности и гениальности.

— И что теперь? — Ивлев почесал нос. — Будем считать, что эксперимент не удался? Наверное, так будет лучше. К тому же, я тебе не хотел говорить: жена мне нашла место... ну, новое. Науки никакой, но денег — втрое. Так что, может, оно и к лучшему, а?

— Знаешь, Сань, я тоже хотел сказать, что перехожу на другую работу. В институте гроши платят, так что хрен с ней, с наукой...

— Ну, чего тогда, давай-ка вместе с парнем к нам в субботу, отметим окончание эксперимента...

— ...Дети, мне нужно отойти по делу. — Воспитательница Наташа, молодящаяся тетка неопределенного возраста, торопилась: ее ждал новый ухажер. — За порядком пока последит Коленька Пржевальский. Коля, я на тебя рассчитываю...

Группа притихла. С Колькой было лучше не связываться: он дрался так, как будто в последний раз. И умел поддержать порядок...

2024 ГОД. НАЧАЛО

Сергей Николаевич Пржевальский, скромный менеджер ООО «Сигма+», шел домой. Сегодня была зарплата, и в кармане у Сергея Николаевича был его месячный оклад — 32 000 рублей. Плюс премия — еще 20 000. «Надо будет Кольке новый телефон купить, — рассуждал Пржевальский, — а то ходит со стареньким «^ешешом». Небось, перед девчонками неудобно... Однако можно было бы и фонарь повесить, а то темно как у негра известно где...»

Задумавшись, он не заметил, как дорогу ему заступили несколько подростков. Пржевальский обнаружил их только тогда, когда один из окруживших его юнцов нарочито хрипловатым голосом спросил:

— Слышь, мужик, на пиво не добавишь?

— Ага, и на водочку с закуской, — явно издеваясь, добавил другой. — Ну, давай, давай, дядя, не жмись. Бог велел делиться, не слыхал?

«Во влип!» — облился холодным потом Сергей. Не так страшно то, что отнимут деньги, хотя это тоже очень плохо. Страшно другое: искалечат или даже убьют просто так, рисуясь своим молодечеством. А с кем же тогда Николай останется?

— Ребята, — голос звучит неестественно глухо, — ребята... Пары сотен хватит? — жалкая улыбка, чуть склоненная голова, — у меня больше нет...

— Проверим, — подростки, опьяненные своей силой и безнаказанностью, уже хватили его за руки, грубо шарили по карманам...

— Стой, братва, стой... Эта, типа, прощенья просим, ошибочка вышла. Не признали, Сергей Николаевич, эта, извиняемся... Тут темень, ва-аще, ни х... не видно, своих не узнаешь. Вы тока не подумайте чего, мы ж так, попугать, а бабла нам нафига не надо — капуста, в натуре, имеется... Мы пойдем, ага?

— Ага... — только и сумел сказать Пржевальский.

Он ничего не понимал, но попытался уйти с достоинством. Уже сворачивая за угол, он услышал голоса:

— И чего, Март, зассал? Чего козла отпусти... — вопрос прервался звуком удара.

— Ты, б..., за базаром следи, баран. Это, — голос понизился, но Сергей Николаевич все же расслышал, — это — Коляна отец, понял, урод? Тебе с Коляном объ-яснялово надо? Мне — на х... не надо...

...Пржевальский вошел в квартиру и с порога крикнул:

— Сынок, привет. Я пришел.

— Привет, батя, — из комнаты вышел сын.

Невысокого роста, одетый в старенькие домашние джинсы, он казался таким домашним, таким тихим, что Пржевальский невольно успокоился. В конце концов, совсем не обязательно, чтобы сын был драчуном или, того хуже, главарем этих питекантропов. Очень может быть, что эти оболтусы просто списывают у Кольки уроки и боятся, что лавочка закроется...

— Представляешь, — Сергей Николаевич поставил сковородку на плиту и теперь выбирал яйца для вечерней глазуньи, — меня сейчас какие-то обормоты чуть было не ограбили. Накрылся б тогда твой новенький мобильник, мне ж сегодня еще и премию дали...

— Кто? — сын перестал резать колбасу и пристально смотрел на отца, слегка закусив губу. — Ты не знаешь, кто?

— Да нет. Какие-то подонки из нашего дома. Один из них, Март у него кличка, узнал меня. Вот и отпустили.

— Хорошо. Это Андрюха Майский. Его все Мартом зовут. Со мной в школе учится.

— Вот поэтому, видимо, и отпустили...

— Ага, — сын встал из-за стола, — пап, я сейчас. Ты извини, я позвонить забыл...

Сергей Николаевич занялся ужином и не услышал, как сын, плотно затворив за собой дверь, тихо выговаривал в трубку: «Март? Зачем около дома? А я где сказал? Хорошо, пусть тебе будет стыдно...».

И, конечно же, он не знал, что после разговора с тихим и вежливым Колей Андрей Майский — Март долго сидел, содрогаясь от ужаса, и жалел только о том, что нет у него родственников в другом городе, куда не доберется Колян Пржевальский по кличке Абрек...

2040 ГОД. СИЛА

На кладбище было грязно, мокро и уныло — как и положено на кладбище. Александра Ивлева хоронили скромно. Когда разошлись немногочисленные коллеги и знакомые, у свежей могилы остались четверо: вдова с дочерью и Пржевальские — отец и сын. Сергей Николаевич подошел к Светлане, вдове Ивлева, и чуть приобнял ее. Светлану он знал уже очень давно — они были знакомы по институту. Ивлев женился тридцать лет назад, но супругу свою знал долго и ухаживал за ней еще в студенческие годы.

— Света... — интересно, что еще можно сказать, когда глупо и бессмысленно погибает человек, еще не слишком старый, и для его жены все обрывается со смертью того, кто был дороже всех? — Света, мы с Николаем поможем, если что...

Николай Сергеевич, стоявший чуть в сторонке, услышав отца, молча кивнул. А потом

снова повернулся к Наташе, дочке Ивлева, которая тихонько рассказывала ему, что отца сбила пьяная девчонка, не справившаяся с управлением дорожного «Бехиза».

— ...А опер нам сказал, что расследование установило, что у отца сердце остановилось прямо на дороге. И девица эта уже на мертвого наехала. — Наташа сжала кулачки. — Конечно, тот, кто своей подстилке эту тачку подарил, тот и в милиции отмазал...

— Как, ты сказала, фамилия того опера, который дяди-Сашино дело вел? — поинтересовался Пржевальский-младший.

— Рублев, старший оперуполномоченный капитан Рублев. Только я не говорила. — Наташа бледно улыбнулась. — Я тебя, Колька, всю жизнь знаю и сколько знаю — ты никогда ничего не забывал.

— Ага, — Николай тоже улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, успокаивающая. Потом он скорчил страшную гримасу и трагическим шепотом провыл: — Отдавай назад моего медвежонка!

Невзирая на тяжелую утрату, Наташа Ивлева тихо прыснула — она вспомнила, что, когда ей было лет пять, она забрала у Николая, к тому времени солидного пятнадцатилетнего джентльмена, забавного лохматого медвежонка. Это было ее едва ли не самое первое связанное воспоминание. Николай тогда очень сердился: медвежонок был ему чем-то дорог, но потом остыл и никогда больше не вспоминал об этом. И вот, через семнадцать лет...

— Товарищ оперуполномоченный Рублев? Здравствуйте. Это Пржевальский Николай Сергеевич. Петр Иванович должен был вас предупредить... Очень хорошо. Скажите, пожалуйста: почему заключение экспертизы по делу Ивлева не доступно? Не знаю, сказали, что его нет. А кто проводил вскрытие и сделал заключение? Странно, он утверждает, что этого не делал... Вы знаете, товарищ Рублев, по-моему такое поведение называется двурушничеством... Хорошо, пусть вам будет стыдно...

...Когда через полгода посадили не только юную любовницу директора крупного банка, но и ее патрона за попытку подкупа должностных лиц, в СМИ появились статьи о принципиальности следственных органов и прокуратуры. Действия старшего оперуполномоченного Рублева и следователя прокуратуры Синявского оценивались как смелые, решительные и волевые. МВД и прокуратура развернули могучую PR-кампанию, которая должна была показать неподкупность и верность закону обеих структур. Общего ликования не разделяли только сами виновники торжества. Рублев и Синявский почти одновременно легли в больницу с диагнозом «нервное истощение». Рублев не мог спать, так как в темноте он снова и снова видел окровавленных жену и дочь, у которых, прямо на его на глазах, медленно отрезал куски тела страшноватый тип по кличке «Ежов». Прокурор же Синявский плохо переносил свой кабинет да и любое замкнутое пространство после того жуткого отпуска, который он провел в чьем-то подвале...

— Прикинь, брателло, это ж надо было, такой прикол...

— А че?

— Да тут одна сикаряха баклана даванула...

— Ну?

— Че ну? У сыкухи — папик при делах. От ментов отмазал, и типа все в шоколаде!

— Ну и че тут прикольного? Ну понятно, папик пробашлял и чики-пики.

— Ага. Только прикол в том, что баклан этот, ну придавленный, был так, по мелочи, дяхан самого Абрека.

— Че, в натуре?

— Зуб даю. Кентяра один рассказал, что на зоне этого папика враз запетушили, а сикаряха ща на все зону пашет. В ночную смену...

— Прикол, мля! От ведь: Бог — не фраер, он все видит...

2055 ГОД. ВЛАСТЬ

— Скажите, господин президент, как Вы относитесь к результатам выборов в России?

— В первую очередь я должен подчеркнуть, что выборы в России — это, безусловно, внутреннее дело самой России. Однако мы не намерены оставаться в бездействии, когда в стране, имеющей ядерное оружие, к власти пришли экстремистски настроенные лица. Программа президента Пржевальского, человека с весьма неясным, криминальным прошлым, провозгласившего курс на восстановление Советского Союза, представляется провокационной не только мне, но и всем честным людям Америки и Европы.

— И какими Вы видите будущие отношения с Россией?

— В первую очередь именно на нас, американцев, сейчас ложится важнейшая задача по сохранению и поддержанию демократии в странах, где сильны экстремистские, античеловеческие тенденции. К моему глубокому сожалению, Россия в настоящий момент вызывает у нас серьезные опасения. Потому, резюмируя сказанное, я могу отметить, что наша политика в отношении России будет, в основном, зависеть от самой России. Если мы увидим, что, несмотря на амбициозные заявления, Россия остается страной, желающей интегрироваться в демократическом сообществе, то наши отношения, безусловно, останутся самыми добрыми. В случае же попыток со стороны нового правительства России растоптать демократические завоевания, с таким трудом полученные народом этой страны, мы, разумеется, будем вынуждены предпринять адекватные шаги.

— Большое спасибо, господин президент. А теперь нашим читателям было бы интересно узнать Ваше мнение по некоторым вопросам внутренней политики...

— ...Наталья Александровна, нам очень хотелось бы узнать: какие чувства Вы испытали, узнав, что стали Первой леди России?

— Вы знаете, я, так же как и муж, не люблю этот термин. Что значит — Первая леди? Президентом выбрали его, а не меня. В этом отношении я скорее разделяю пример жен советских лидеров, которые считали дурным тоном появляться прилюдно вместе с мужьями. В конце концов, я человек, достаточно интересный сама по себе, чтобы не быть простым придатком, эдаким довеском к мужу... А если Вы имели в виду те чувства, которые я испытала, узнав, что Николай стал президентом... Знаете, наверное, лучше всего здесь подойдет слово «удовлетворение». Я очень давно, с раннего детства, знаю мужа как человека упорного, целеустремленного, справедливого и я действительно испытала удовлетворение от того, что власть в нашей стране досталась достойному человеку.

— Скажите, пожалуйста, а как восприняли это известие Ваши дети?

— Ну что Вам сказать? Конечно, они были очень рады за отца, но, с другой стороны, они понимают, что теперь он сможет уделять им значительно меньше времени...

— ...Че, козел, довыеживались? Свой на власть, свой на власть! самка собаки, продал сразу всех. Мля буду — это еще тока цветочки... Спокойно, начальник, спокойно. Уже все нормалек — видишь, качу свою тачку...

2070 ГОД. ТРИУМФ

Подписание капитуляции и дальнейшую мирную конференцию транслировали все телекомпании мира. Когда подтянутый американский генерал вошел в зал, он, видимо, ожидал, что его поприветствуют. Вместо этого маршал Муравьев лишь коротко бросил:

— Подпишите.

И минуту спустя:

— Мы вас не задерживаем...

Над развалинами Капитолия развевается алое знамя победы. Хмурые и обросшие американские и английские военнопленные строят новые здания в центре Москвы, восстанавливают развалины Киева, сильнее всего пострадавшего от бомбардировок, возводят новые города в Сибири и на Дальнем Востоке.

На XXXII съезде, открывшемся через месяц после подписания Соединенными Штатами безоговорочной капитуляции, Генеральный Секретарь Николай Сергеевич Пржевальский обращался к народу Всемирного Союза Советских Республик:

— Мы не хотели войны. Она была нам навязана, нарушив наши планы мирного развития Отечества. Но, как мы и предупреждали этих безответственных агрессоров, война, принесенная ими в наш дом, очень быстро вернулась назад к своим поджигателям. Сегодня, сейчас я хочу от всего сердца поблагодарить Великий и Могучий народ России, который в суровые дни испытаний не ломается, но расправляется как стальной клинок, готовый обрушиться на голову врага!

Пржевальский говорил негромко, но так внятно и отчетливо, что любое его слово было слышно даже в самом дальнем уголке огромного Дворца съездов. И тысячи людей, замерев, ловили эти слова.

— Я хочу поблагодарить и наших братьев — сильный, словно океан, китайский народ. Приняв мудрое решение об объединении наших усилий в борьбе с общим врагом, он влился в братскую семью, отринув мелочные обиды и дразги. Спасибо, братья, говорю я вам!

— И особенно в этот день мне хочется поблагодарить немецкий народ, единственный из всех европейцев самостоятельно решивший воссоединиться с Россией и Китаем. В прошлом мы не раз были врагами, но прошлое — пусть останется в прошлом! Впереди у нас с вами светлое будущее!

Многие из присутствовавших в зале впервые видели Пржевальского. То есть, конечно, его видели на фотографиях и даже иногда удивлялись: как странно иной раз шутит природа. Николай Сергеевич вовсе не был похож на своего отца, Сергея Николаевича, но зато на далекого предка, того самого Николая Пржевальского, похож как две капли воды. Некоторым счастливым удалось увидеть и даже поговорить с Вождем после заседания. На всю жизнь они запомнили эти мягкие движения, которыми он набивал табаком любимую трубку, спокойный голос с легким акцентом и пышные, чуть тронутые сединой усы...

Москва, 2006 г.

Александр Романов ОПТИМАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

За опущенными шторами на окнах кабинета стояла глухая осенняя ночь.

Сталин, сидя во главе стола, рассматривал разложенные странные предметы: телефоны, похожие на дамские пудреницы, и плоский, как альбом, прибор с откинутой крышкой со светящимся телевизионным экраном — персональный компьютер — и слушал старшего из гостей.

Пришельцы из другого времени — два парня и девушка, — одетые в обычную форму без знаков различия, ничем не отличались от их теперешних ровесников. Молодые, взволнованные лица рядовых советских людей, оказавшихся в Кремле. Все смотрели решительно, особенно девушка, и у всех во взглядах читалось исполинское значение того дела, что привело их сюда. Судьба войны. Судьба партии и страны. Победа или гибель всемирного коммунизма.

Сталин взял в руку трубку, но набивать не стал, а поднявшись из-за стола, окончание доклада... рассказа того, который называл себя Алексом, дослушивал, уже расхаживая неторопливо по ковру. Так ему было привычнее.

Несколько раз бросил взгляды на других присутствующих на этом совещании. Берия выглядел таким же решительным, как и его подопечные, интеллигентно поблескивая пенсне, но в отличие от них следил за вождем без излишнего волнения, хотя так же внимательно. Ишь, нашел себе Лаврентий помощников, решил поддерживать во всем — даже сюда притащил: значит, верит в открывающиеся возможности, готов рискнуть головой, без дураков...

Шапошников, выдернутый из Генштаба на ночь глядя, серый, с красными глазами, не столько слушал, сколько, сильно нахмурясь, рассматривал комплект карт с нанесенными подробностями боевых действий аж до сорок четвертого года. Начальника Генштаба можно было понять. Карты имели неслыханный гриф: «Только для пользования тов. Шапошникову.

По исходу ситуации — уничтожить». Одни только эти карты ставили с ног на голову всю стратегическую ситуацию на всем ТВД советско-германского фронта...

Пришелец замолчал.

С минуту Сталин продолжал прохаживаться вдоль стены. Затем, остановившись, повернулся, шевельнув зажатой в руке трубкой.

— Что вы можете добавить, товарищ Берия? — спросил он.

Генеральный комиссар встал.

— Коба, — быстро и заметно (для Сталина) горячась, произнес он по-грузински: — Это для нас шанс выиграть все! Большой шанс! Они мало знают, но и этого достаточно! Политический расклад в Европе, то что Япония не нападет на нас, а кинется на Америку! Атомное оружие, эта их кибернетическая техника!.. Войну мы сейчас почти проиграли, но сможем выиграть в промышленной гонке! Это мое слово, Коба!

Сталин повертел в пальцах трубку. Увлёкся Лаврентий, увлёкся... Увидел будущее и уже строит в нем планы. Да, чем-то эти ребята очень его к себе расположили...

— Не забывайте, товарищ Берия, — ответил Сталин по-русски. — Здесь не все владеют грузинским языком!.. Изложите, пожалуйста, ваше мнение для остальных присутствующих. И — без эмоций...

Лаврентий успокоился. Одернул гимнастерку и заговорил на русском:

— Я считаю, товарищ Сталин, что мы получили политическую и международную информацию... очень большого значения. Опираясь на нее, мы можем начать разработку действий стратегического характера. Так, чтобы по завершении войны быть готовыми к овладению мировыми рынками в тех их областях, которые будут определять международную политику в послевоенный период. Для этого нам сейчас уже известно достаточно, а в случае привлечения специалистов окончательный план мероприятий может быть разработан к концу текущего года. У нас все готово к началу предварительных изысканий. Требуется только ваше распоряжение, товарищ Сталин!

— Хорошо, товарищ Берия! Садитесь. — Старший из пришельцев хотел что-то сказать, но Сталин сделал ему знак подождать. — А вы что думаете по этому вопросу, Борис Михайлович?

Шапошников, оторвавшись от разглядывания карт, поднялся из-за стола и взглянул Сталину в лицо.

— У меня пока мало информации, товарищ Сталин, — ответил он, казалось, нисколько не удивленный происходящим. — Здесь, — кивнул на карты, — довольно точно отображены места боев в ходе минувшей летней кампании... И такие же места на три года вперед. Есть информация по участвовавшим... и будущим участвовать в них частям, их приблизительной численности и оснащению. Но кроме ближайших обстоятельств сражения за Москву, все остальные данные для нас ценности не представляют. Генеральному штабу жизненно важна реальная информация — оперативные данные о концентрации немецких войск по фронту и в глубину, графики их перемещений, объемы и обстоятельства снабжения войск, планы штабов, хотя бы начиная с дивизионного уровня... Ничего этого здесь нет. И, как я понимаю, получить их... данным способом не представляется возможным. В таком... разрезе я не вижу, чем в данных обстоятельствах эта информация может пригодиться сейчас, товарищ Сталин.

Старший из пришельцев опять хотел что-то сказать, и снова Сталину пришлось попросить его жестом остановиться.

— Вы слышали, — сказал он, возвращаясь к столу, — что сказал Борис Михайлович? А он у нас очень грамотный специалист в военном деле. Товарищ Берия, — Сталин бросил взгляд в сторону Лаврентия. — Товарищ Берия несколько излишне... оптимистично отнесся к оценке известных вам обстоятельств... Он не специалист.

— Но, товарищ Сталин!.. — не выдержал пришелец. — Ведь мы!..

— Не будьте так настойчивы, товарищ Алекс, — перебил его Сталин. — Мы очень внимательно выслушали ваш... рассказ. Товарищ Берия проверил все ваши обстоятельства...

какие смог проверить. У нас нет сомнения в ваших словах и в вашем желании помочь Советскому Союзу в его борьбе... Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков высоко оценит полученную от вас информацию. Но лучшее, что на данный момент мы можем предпринять на основе ваших данных — это не предпринимать никаких действий. Вам понятно, почему?

— Нет... — удивленно ответил пришелец.

Сталин помолчал, ожидая еще каких-нибудь слов,

потом заговорил снова:

— Скажите... товарищ Алекс... Что можно сделать на основе ваших сведений?

Алекс бросил взгляд в сторону Шапошникова, уже переставшего разглядывать карту. Потом снова посмотрел на Сталина.

— На основе имеющихся данных, — сказал он упрямо, — можно хотя бы построить нормальную оборону Москвы!

— Очень хорошо, товарищ Алекс, — Сталин кивнул. — Можно построить оборону Москвы. И выиграть это сражение с большим эффектом, чем... это известно вам. Так?

— Ну, так...

— Следовательно, это изменит стратегическую обстановку на всем центральном направлении. И — как следствие — на остальных фронтах тоже. Так?

— Да... — признал Алекс, начав понимать, к чему клонит вождь.

— А это означает, — продолжил Сталин, — что изменятся и исходные условия для всех последующих операций войны. И все события на ней пойдут уже не так. И значит, то, что нанесено у вас на картах на сорок второй, сорок третий и сорок четвертый годы — перестанет соответствовать действительности. И зачем тогда нам такие карты? Если же мы не станем вносить никаких изменений — да Борис Михайлович и сказал уже, что реально такой возможности у нас нет, — у нас будет в распоряжении некий эталон, по которому мы сможем сверять ход боевых действий. Чтобы, по крайней мере, не отклоняться от него: иначе, как я понимаю, все происходящее вообще пойдет вразрез с марксовской теорией исторического материализма. А мне бы этого, как материалисту, не хотелось.

У Алекса округлились глаза. Да и у остальных его спутников тоже.

— Но... — начал пришелец, желая, видимо, что-то возразить, однако Сталин не дал ему договорить.

— У нас на фронте тяжелейшее положение, товарищи гости, — сказал он. — Немцы рвутся к Москве. Нам приходится снимать войска с Дальнего Востока, чтобы переломить ситуацию. А там — японская армия. Если ваша информация верна — японцы по нам не ударят. А если все же ударят? Что сможет противопоставить им Дальневосточный фронт? Не надо так реагировать! Я не сказал, что ваша информация является дезинформацией! Вы сообщили о том, что вам известно. Но вы не сообщили, каким образом нам добиться такого положения, которое, по вашим словам, в ближайшее время сложится на Дальнем Востоке. А не зная этого, мы не можем знать, что нам для этого предпринять. Прикажете верить вам на слово? Я учился в свое время в семинарии. И благодаря этому знаю, чем знание отличается от слепой веры. Давайте не будем уподобляться глухим, ведущим слепого, — ни у вас, ни у нас нет на это права перед историей. Нам сейчас жизненно важно — как ничто иное в данный момент — остановить фашистское наступление. Для этого нам нужны пушки и снаряды, авиация и танки, нужно достаточное количество войск. Нам нужны грамотные генералы, способные разработать план сражения, нужны разведчики, приносящие текущую информацию. Нужна, наконец, твердая партийная дисциплина, чтобы не сорваться в хаос в этой критической обстановке. А рассказы о том, что четвертого декабря Красная Армия начнет победоносное наступление под Москвой — оставим писателям... На потом — когда победим. А сейчас, товарищи, ваш вопрос можете считать решенным. Вы поступаете в распоряжение товарища Берия. У него есть в отношении вас какие-то планы. Не сомневайтесь: ваш уникальный опыт и ваши знания будут использованы для победы над немецко-фашистскими захватчиками с максимально возможной эффективностью. И

впоследствии — тоже... Заберите... ваши приборы, — Сталин чубуком трубки указал на выставку на столе. — Время нашего разговора заканчивается. Товарищ Берия позаботится о вас. А вас, Борис Михайлович, я попрошу задержаться в связи с новыми данными...

Посмотрев в спину Лаврентия, уводящего свалившихся им внезапно, как снег на голову, пришельцев из будущего, Сталин взял из раскрытой коробки папиросу и начал набивать трубку, не глядя на молчаливо ждущего Шапошникова.

У них имелось на сегодня еще много дел. Гудериан подходил к Туле, и остановить его было практически нечем...

Пермь, октябрь 2006 — сентябрь 2009 г.

Дмитрий Политов ДАЕШЬ ВАРШАВУ, ДАЕШЬ БЕРЛИН!

«Тридцатьчетверка» остановилась на опушке, выпустив последний сизый клуб выхлопа сгоревшей соляры. Крышка башенного люка медленно уехала в сторону с железным стуком, и из открывшегося отверстия чертиком вылетел человек в комбинезоне и шлеме. Стуча каблуками сапог по броне, ссыпался вниз и сразу же рванул к стоявшему поодаль штабному автобусу, не обращая внимания на вопросительные оклики командиров и бойцов, слонявшихся бесцельно поблизости.

Часовой, совсем молодой парнишка, дернулся было взять винтовку «на руку» и преградить дорогу, но натолкнулся на бешеный взгляд танкиста и, тихо ойкнув, отскочил в сторону, стремительно бледнея.

Незнакомец пулей влетел в автобус, но почти сразу же выскочил обратно.

— Где. Майор. Чернышев, — тихо, разделяя каждое слово, спросил он, глядя в землю, и, судя по внешнему виду, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться окончательно.

— Так он это... бриться пошел, — поспешно откликнулся часовой. — К роднику.

Танкист, не говоря больше ни слова, двинул в указанном направлении, не разбирая дороги, прямо через кусты, словно матерый кабан.

Шагов через тридцать он оказался в небольшой лощинке, по дну которой бежал, весело журча, тоненький ручеек темно-изумрудной воды, искрящейся и переливающейся в солнечных лучах, нашедших дорогу через кроны деревьев.

Человек в темно-синих командирских галифе и белой майке стоял возле истока, негромко мурлыча себе под нос какой-то веселый мотивчик. Лицо его наполовину скрывала белоснежная пена. В руке он держал опасную бритву. Серая коверкотовая гимнастерка, ремень, португепя и кобура лежали неподалеку, на покато валуне, обильно поросшем мхом.

— Вот ты где! — яростно выкрикнул танкист, царапая ногтями клапан кобуры пистолета. — Весело тебе, сволочь!

— Еще раз здравствуйте, Михаил Георгиевич, — бреющийся как ни в чем не бывало провел бритвой по щеке, снимая щетину, и глянул в небольшое круглое зеркальце, закрепленное на тоненьком деревце на уровне его глаз. — Вы чем-то расстроены?

— Ах ты... — задохнулся танкист, багровея лицом. — Ты еще издеваться?!.. Застрелю! Как собаку пристрелю!!

— Спокойно! — резким неприятным голосом осадил его бреющийся. — Хватит истерить, точно кисейная барышня! Вы же генерал, черт побери, возьмите себя в руки. Что случилось?

Танкист замер. Несколько мгновений он хватал ртом воздух, словно рыба, выброшенная удачливым рыбаком на землю, а потом неожиданно понуро сгорбился и как-то обмяк. Извлеченный наконец ТТ в бессильно опущенной руке безжизненно уставился стволом в землю.

— Корпус, — глухо сказал танкист после продолжительного молчания. — Мой корпус... Его больше нет... Совсем... Тысяча танков... Как сухой хворост, в один миг!

Бреющийся спокойно сполоснул бритву, вытер лицо полотенцем, перекинутым через

его плечо, потом вытер руки и, насвистывая, принялся натягивать гимнастерку. Вскоре перед танкистом стоял подтянутый и ладный командир с двумя майорскими «шпалами» в черных танкистских петлицах и орденом Красной Звезды над левым клапаном нагрудного кармана.

— И что? — хладнокровно осведомился он. — В чем проблема-то?

Танкист медленно поднял голову. Его лихорадочно блестящие глаза, все в мелкой сеточке лопнувших сосудов, красные от недосыпа и нечеловеческого напряжения, впились в лицо майора. Чумазое лицо странно дрогнуло. Так, словно человек хотел разрыдаться, но в последнее мгновение сумел сдержаться. Генерал медленно поднял левую руку и рывком дернул сначала ворот комбинезона, с мясом вырывая верхние пуговицы, а затем крючки гимнастерки.

— Ты... ты же обещал?!.. Вспомни, что ты мне говорил, что показывал — где все это? Где, я тебя спрашиваю?! Мы же должны сейчас быть на Висле, бить немчуру в хвост и в гриву. И чем, — голос генерала на секунду сорвался, — чем мы их сейчас будем бить? Сгоревшими танками? Выкошенной под корень пулеметным огнем пехотой? Чем?! Посмотри вокруг, разве это Польша?!

— А, вы об этом, — скучающе протянул майор. — Что я могу сказать? Бывает. Небольшая ошибка в расчетах. Выходит, карта легла так, что Берлин и Варшаву будет брать другой генерал, Хацкилевич, не вы... Да хватит уже махать этой пукалкой! — Майор сердито повел рукой, и пистолет вылетел из руки генерала, плюхнулся в воду и мгновенно исчез. — Поймите же вы, чудак-человек, реальностей великое множество, и угадать правильно, в какой именно мы оказались, невероятно сложно, практически невозможно. Но могу вас заверить, что именно сейчас наши войска с успехом ломают немецкую оборону, жгут вражеские аэродромы, гонят колонны пленных. Просто... ну это немножко не здесь. Понимаете?

Генерал пошатнулся.

— Мой корпус... Выходит, все зазря? Я напрасно слушал твои советы? Выдвигал войска, технику, добивался переноса складов, подтягивал резервы...

— Почему же? — майор совершенно искренне удивился. — Вы все делали так, как и должно было быть... В *вашей* реальности.

— Ты! — Хацкилевич дернулся, словно от удара. — Ты... Ты дьявол! Будь проклят, мерзавец!

— Опять эта высокопарность и пафос, — поморщился майор. — Всегда одно и то же. Ну почему никто не хочет войти в наше положение? Почему все думают, что коррекция времени должна постоянно идти одинаково при совершенно разных раскладах? Вы что же, милейший, считаете, будто время мой послушный домашний зверек, который исполняет любые желания? Так вот я вас огорчу до невозможности — это не так. Совсем не так!.. Впрочем, — добавил он после небольшой паузы, — это уже не имеет ровным счетом ни малейшего значения, мне пора. Надо еще успеть к вашему более удачливому отражению. Страсть как хочется войти в рейхстаг первым!.. Прощайте, генерал! — Майор лучезарно улыбнулся и, сорвав травинку, не торопясь двинулся вдоль ручья.

— Скажи хоть, что мне делать? — с тоской окликнул его Хацкилевич. — Пустить себе пулю в лоб или, быть может, рвануть на последней машине в лобовую на немецкие орудия?

— Что делать? — Майор замедлил шаг и бросил косой взгляд через плечо. — А в самом деле, что вам делать? — Он ненадолго задумался, будто прислушиваясь к чему-то. — А знаете... просто не закрывайте люк вашего танка во время движения. — ...???!!!

— Придет время, — ухмыльнулся майор, — и вы все поймете. Обязательно поймете. Я обещаю!..

...Кадет Михаил Федорович «Тайна Слонимских курганов» (статья в газете «Советская Белоруссия»):

«По вражьей воле туда и втянулись колонны штаба 6-го мехкорпуса, его медсанбата,

других тыловых подразделений. От моста и брода у Кошелей колонны направлялись к Клепачам, чтобы дальше — через Озерницу — выйти к Слониму... У поворота Ивановки, откуда хорошо просматривалась дорога на Кошели, немецкие артиллеристы установили орудия, а чтобы не было помех, сожгли дома, другие постройки на краю деревни. Появилась разведка: бронемашина и бойцы на трех мотоциклах с колясками... Один мотоцикл помчался назад. Потом у поворота появился танк Т-34 с по-походному открытыми люками. Немец, скрывавшийся в придорожной яме, вскочил и забросил гранату в башенный люк. Из уткнувшейся в бугор и заглохшей «тридцатьчетверки» вылетели и посыпались какие-то бумаги и денежные купюры: видимо, в ней везли документы и корпусную казну. Экипаж погиб. Но машина не взорвалась... Произошло это на глазах Петра Ракевича, Николая Апановича, Ивана Ракевича, многих других сельчан, томившихся у погоста. И следом за взрывом гранаты взлетела сигнальная ракета — немцы ударили по колонне из орудий, минометов, пулеметов... Неожиданный огонь, прицельный и сплошной, ошеломил красноармейскую колонну. Некоторые солдаты и офицеры не успели взяться за оружие. Позже жителям Клепачей открылись жуткие видения. Одно наиболее запечатлелось в памяти Петра Ракевича: в кузове машины-полуторки, пробитом пулями, навалом, друг на друге лежали убитые — 11 красноармейцев и женщина с ребенком; из кабины не успели выпрыгнуть водитель и капитан с танковыми эмблемами. И все же кому-то удалось вырваться за огненную завесу. Одна группа, прикрывшись кустарником, смяла орудийные и минометные расчеты, пробила в лес на противоположном берегу. Другая — вслед за танком и бронемашинной прорвалась через мост. Многие из тех, кто находился в хвосте колонны, укрылись в лесу, что ближе к Зельвянке. Эпизоды и картины кровавой схватки в Клепачах, как и подобных событий в Озернице, других местах этого уголка Слонимщины, складывались постепенно. А связь моя со здешними местами проистекает, хотя и с перерывами, лет двадцать. С того дня, как побывал в Озернице и Клепачах со слонимским журналистом и краеведом Михаилом Ивановичем Рылко. Позже приезжал сюда с группой участников приграничного сражения, были среди них и ветераны 6-го мехкорпуса. (В те годы я работал корреспондентом газеты Белорусского военного округа «Во славу Родины».) Собрал немало воспоминаний очевидцев драматического события. Наиболее ценными свидетелями оказались Петр Семенович Ракевич и Николай Васильевич Апанович. Они воевали в партизанском отряде. После освобождения Слонимщины ушли на фронт. Пулеметчик Ракевич участвовал в штурме Кенигсберга, артиллерист Ракевич — Берлина. Они толково, по-военному понятно изложили существенные подробности скоротечного боя немецких десантников и красноармейцев. Из «тридцатьчетверки», которую остановил гранатометчик, они достали и похоронили тела четырех человек. Один из погибших, как установили по найденным при нем документам, был генерал-майор Хацкилевич. Его документы Петр Ракевич спрятал на чердаке школы... Немецкие солдаты добились раненых, у прибрежного обрыва расстреляли сдавшихся в плен. Потом офицер, очевидно из русских эмигрантов, ошеломил и без того перепуганных сельчан:

— Немецкое командование поздравляет вас с освобождением от большевизма и приказывает закопать уничтоженных большевиков. Три часа — и чтобы духа большевистского не было! Невыполнившие приказ будут строго наказаны, — и язвительно запел: «Ложись проклятьем заклеянный...»

После боя немцы начали шарить по домам, но вскоре послышались клики и все они поспешили к Озернице... Сельчане, как было приказано, стянули, снесли и сложили убитых в ямы, выкопанные недалеко от дороги на Кошели. Сколько положили народа, никто не считал. Позже по сходным прикидкам очевидцы сошлись на цифрах 350–370. Среди убитых были женщины — врачи и сестры медсанбата, жены военных, их дети...»

ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ

Организовали они все грамотно. В то время, как десяток конников въезжал в деревню

по центральной улице — совершенно не таясь и нарочно производя как можно больше шума, пятеро солдат в немецкой, мышиного цвета, форме, но с советскими винтовками и автоматами, притаились в густых кустах, вольготно раскинувшихся за околлицей.

Деревушка казалась мертвой: ни дымков над избами, ни стука калиток, ни лая собак. Конники, громко переговариваясь, промчались на другой конец. Остановились на пригорке. Командовавший ими фельдфебель с Железным Крестом II-го класса зычно отдал приказ спешиться.

— Вон он, приготовились! — тихо сказал один из тех, кто прятался в кустах, заметив, как в сетке бинокля мелькнуло что-то темное, стремглав мчащееся к лесу.

Человек бежал, прихрамывая, подгоняемый пока еще далекими криками кавалеристов, также заметивших его.

Погоня продолжалась недолго: выскочившие из засады солдаты одним махом сбили жертву с ног, безжалостно повалив беглеца в нескошенную траву.

Когда фельдфебель не торопясь подъехал к месту событий, задержанный уже стоял перед солдатами, тяжело дыша и сплевывая время от времени кровь из разбитой губы. На вид ему было лет восемнадцать-девятнадцать, может, чуть больше. Совсем чуть-чуть. Даже черные круги, залегшие вокруг глаз, и глубоко запавшие, с нездоровой синевой щеки не делали его старше. Левая рука, похоже, раненая, безжизненно свисала вдоль тела, а правой он прижимал к груди большую ковригу, видимо, только что полученную в деревне. Тонкие бледные пальцы крепко вцепились в ржаную корку.

Фельдфебель легко спрыгнул с коня, небрежно бросил поводья ординарцу и не спеша обошел пойманного паренька, разглядывая того со всех сторон. Но пойманный стоял прямо, не поворачивая головы даже тогда, когда фельдфебель, размахивающий плетью, оказывался позади него. Потухшие глаза неотрывно смотрели перед собой.

Солдаты отпускали язвительные замечания и зубоскалили по поводу его не по росту больших галифе, спущенных обмоток и потрепанной красноармейской гимнастерки, на которой обильная августовская роса перемешалась с выступившим от бега и напряжения потом.

— Ну-с, и кто же это тут у нас? — нарушил, наконец, свое затянувшееся молчание фельдфебель. —

Документы при нем нашли какие-нибудь? — Солдаты ответили отрицательно. — Великолепно! Значит, это или советский разведчик, или... партизан? — последние слова фельдфебель произнес вкрадчивым тоном, остановившись перед пареньком и цепко глядя тому в лицо. — Отвечать! — Он больно ткнул рукояткой плети в грудь задержанного. — Хочешь жить — покажешь нам, где расположен партизанский лагерь. Ну?!

— Я не партизан, — едва слышно прошептал паренек. — Честное слово.

— Возможно, возможно, — легко согласился фельдфебель. — Но... вот кто тебе дал хлеб, ты наверняка знаешь. Ведь так?

Парнишка угрюмо молчал, еще крепче прижав к груди ковригу.

— Ну же, — настойчиво произнес фельдфебель, — я не буду требовать слишком много. Мне будет достаточно, если ты покажешь хотя бы дом. И тогда... пожалуй, я даже пощажу тебя, хоть это и против правил. Что скажешь?

Паренек отрицательно качнул головой.

— Это касается не только меня, — сказал он твердо, — хлеб нужен еще троим. Отпустите меня, они ранены и больны.

— О, это другое дело, — обрадовался фельдфебель. — Отведи нас к своим друзьям, мы их обязательно накормим, а если надо, то и подлечим. Верно, хлопцы? — Солдаты одобрительно засмеялись.

Задержанный дернулся, с тоской глянул в небо и вновь мотнул головой.

— Нет.

— О, как! — изумился фельдфебель, сделав круглые глаза.

— Да что ты с ним цацкаешься, командир, — не выдержал рослый солдат с

обожженной щекой, — дай мне этого краснопузого на пять минут, и он нам не только все расскажет, но и впереди твоего Урагана к лагерю на рысях помчится!

— Ну, зачем такие крайности, Сальников, — укоризненно выгнул бровь фельдфебель. — Мы же не звери, а солдаты доблестной Русской Освободительной Армии!.. Автомат! — он требовательно протянул руку. Ординарец, замешкавшись на секунду, начал торопливо сдергивать с плеча ремень, кляня подвернувшийся не вовремя погон.

Паренек словно очнулся от спячки. Он быстро обвел глазами окруживших его солдат, выбрал одного, самого пожилого, с седыми усами и, заметив на его лице явное сострадание, выкрикнул с отчаянием:

— Отец! Что же ты смотришь?!

Короткая, на три-четыре патрона, очередь ударила его в грудь, и он упал навзничь, широко разбросав руки. Краюха отлетела куда-то в траву...

Седой солдат отвернулся и краем глаза заметил белое как снег лицо какого-то русоволосого вихрастого мальчишки с синими, как небо глазами, с ужасом наблюдавшего за всем происходящим из зарослей орешника...

— ... Да, задание выполнено... Нет, проблем не было, все прошло строго по плану... Конечно, можно вызывать группу эвакуации... Ждем. Конец связи!

Фельдфебель закончил разговор и нажал клавишу отбоя на маленьком серебристом аппарате, напоминавшем застывшую каплю.

— Еще минут десять, хлопцы, — сообщил он товарищам и принялся сдирать с себя опостылевший мундир. — Десять минут и катер нас заберет... Василич!!!

Седой, схватившись за грудь, медленно падал на землю. Кто-то кинулся ему на помощь, кто-то бросился в сторону, полагая, что по ним ведется огонь засевшим неподалеку стрелком.

«Фельдфебель» упал на колени и, подхватив голову седого, с тревогой всматривался в его помутневшие глаза.

— Василич, ты слышишь меня? Да отзовись же, старый черт! Ты что это удумал, а?

— Фигня... фигня война, главное... — маневры, — запинаясь, с трудом проговорил седой. — Вишь, какая закавыка, Олежка, сердце, видать, прихватило... стар я, выходит, для этих игр...

— Да ты что такое говоришь, Василич, — изменился в лице «фельдфебель». — Неужто из-за гниды этой? Ты же сам его линию отслеживал, помнишь, что эта сука в лагере после вытворяла? Или забыл, как он девчущку ту чешскую... потом, в сорок четвертом? А профессора?!

— Я и говорю... старый я для всего этого... — слабо улыбнулся седой.

— Черт! Черт! Черт!.. Да где этот гребаный катер?!! — «Фельдфебель» беспомощно оглянулся по сторонам. Солдаты, поняв, что внешней угрозы нет, молча стояли вокруг. — У нас же из лекарств только йод да бинты... Блин, ведь просил же хотя бы одну аптечку нормальную выдать! Перестраховщики, твою за ногу!.. Потерпи, Василич, потерпи еще чуток, а?

— А пацаненок-то наш все видел, — едва слышно прошептал седой, не открывая глаз. — Ты бы знал, Олежка, с какой ненавистью он на меня смотрел — еще немного и с голыми руками бы на нас бросился...

— Да знаю я, Василич, знаю, — плачуще сказал «фельдфебель», — и ребята тоже все видели.

— Хоть какая-то польза с той падали вышла, — негромко пробурчал солдат с обожженной щекой.

— Зуб даю, он через десять лет все как положено сделает — мы ж ему нынче такую правильную прививку поставили, закачаешься! Даже не сомневайся,

верь мне... А сейчас лучше помолчи, помолчи, Василич, не трать силы!...Василич?!!..

АЙ-ПИШНИК ОТЦА НАРОДОВ

1939 год. Москва, Кремль, кабинет И.В. Сталина.

— Товарищ Сталин, к вам Берия! — голос Поскребышева в телефонной трубке был сух и деловит. Вождь немного помолчал, обдумывая что-то, а затем негромко произнес:

— Пусть заходит.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! — Берия остановился на строго рассчитанном расстоянии от вождя, поедая его преданным взглядом. В левой руке у него была внушительного вида красная папка с золотым грифом высшей степени секретности на обложке.

— Что там у тебя, Лаврентий? — устало спросил генсек, медленно набивая трубку. Нарком, правильно оценив настроение вождя, сноровисто раскрыл папку и взгляделся в текст на верхнем листе бумаги.

— Продолжите, пожалуйста, фразу: «Я шут, я арлекин, я...», — Берия пытливо посмотрел на Сталина.

— «Я просто смех!» — скучным голосом сказал Иосиф Виссарионович, не прекращая своего занятия.

— Та-ак-с! — зловеще протянул Берия. Его правая рука потянулась к кобуре.

— Нет, ну надо же быть таким идиотом! — Сталин, словно не замечая манипуляций главного чекиста, горестно возвел очи к потолку. — Лаврентий, это же вчерашний тест! — Берия торопливо, не спуская напряженного взгляда с раскуривающего трубку вождя, прошуршал листками, краем глаза прочел что-то и тут же густо покраснел.

— Простите, товарищ Сталин! Виноват, не углядел — работал допоздна, вот и забыл сменить конверты!

— Забыл он, — ворчливо произнес генсек, отправляясь в привычный поход по кабинету. Берия вытянулся в струнку. — Как дети малые, честное слово! Ну, что ты там опять ждешь или сегодняшний вариант тоже забыл?

— Никак нет! — нарком пошел пятнами. — Вот он! — Берия радостно потряс другим листком. Иосиф Виссарионович побуравил его тяжелым взглядом, то и дело скрываясь в облаках ароматного табачного дыма, и, наконец, благосклонно кивнул.

— В каком году «Динамо» Тбилиси выиграло Кубок кубков?

Сталин ошарашенно посмотрел на него.

— Вах, какие молодцы! Не знаю, что за Кубок, но все равно молодцы! Надо тренеров наградить! Не забудь на всех Указ подготовить!

— Да рано еще, Иосиф Виссарионович, — уныло протянул Берия. — Это еще через сорок два года только будет.

— Жаль! — вождь обиженно засопел. — Но, знаешь, все равно приятно! А то недавно товарищ Хрущев на заседании Политбюро хвастался, что в Америке всем «кузькину мать» показывал... с демонстрацией «матери»... а мне даже и ответить нечего было. Зато теперь я его точно сделаю! Ишь, распустились — один будущим памятником на Красной площади гордится, другой — кукурузой!

— Абсолютно с вами согласен! — торопливо согласился Берия.

Генсек, устав ходить, небрежно отодвинул один из стульев и присел, жестом предложив наркому присоединиться к нему. Они немного помолчали. Сталин думал о чем-то, Берия терпеливо ждал.

— Устал я, Лаврентий, — пожаловался вдруг вождь, прерывая напряженную тишину, повисшую было в кабинете. — Веришь, просыпаюсь каждое утро и думаю — а ну, как очередной засланец снова чего-нибудь натворил?! Вот подойду к окну, а там над кремлевскими башнями орлы или еще чего похлеще...

— Как я вас понимаю! — всхлипнул Берия. — Я ведь то же самое чувствую! Жене на глаза показаться стыдно — вот, знаю точно, что нет у меня никаких любовниц, а все одно, не по себе как-то! Словно обманываю ее. Даже не знаю с кем и когда, а все равно обманываю!

— Опять ты про баб! — Сталин недовольно поморщился. — О стране надо думать! Вот ты смотри — на секунду расслабишься, глянь — уже, оказывается, с Гитлером какими-то письмами секретными обменялись, дружбу предложили, эшелоны с сырьем отправили. Или вот, недавно, вдруг выяснилось, что мы крейсер в Германии купили... Ну что ты на меня так смотришь?

— А зачем нам крейсер, товарищ Сталин?

— Я почему знаю? — вождь угрюмо засопел. — Всех, кто знал «зачем», ты, оказывается, уже расстрелял.

— Я?! — Берия испуганно отшатнулся. — Не может быть! Да что же это, я ведь всю жизнь... как настоящий коммунист... верой и правдой... товарищ Сталин!!

— Да верю я, — Отец народов махнул рукой. — Верю... Что у вас, товарищ Поскребышев?

— Срочная телеграмма от президента Рузвельта, товарищ Сталин.

— Читайте.

— «Йося, мерзавец, что ж ты меня вчера из друзей в «Одноклассниках» удалил? Хрен теперь тебе, а не ленд-лиз, выкручивайся с Адей сам!»

Сталин мрачно взглянул на съездившегося Берия, вновь потянувшегося к кобуре, и медленно произнес:

— Отправьте в «Удаленные», это спам.

В повисшей над кабинетом напряженной тишине оглушительно клацнул передернутый затвор...

ДОСРОЧНЫЙ ДЕМБЕЛЬ

— Деда, а ты воевал с немцами?

Надо же, вроде простой совсем вопрос, да только замялся отчего-то старый Ермолаич, стушевался и угрюмо засопел, глядя понуро в землю. Долго-долго молчал, а затем нехотя ответил требовательно глядящим на него правнукам:

— Не пришлось.

— Я же говорил! — толкнул в бок брата Лешка. — А ты еще спорил со мной. Вот подставляй теперь лоб!

— Еще чего, — опасливо отодвинулся от него Степка. — Тут еще разобраться надо. Дед, а почему не воевал-то, война ведь почти полгода шла?

— Пять месяцев, три недели и два дня! — наставительно произнес Лешка. — Неужто не помнишь, что нам на уроке рассказывали? Эх, ты! Может, ты и даты американской кампании забыл?

— Отвяжись. Дед, ну не молчи, рассказывай!

— Да что рассказывать-то?..

Западная Белоруссия,

июнь 1941 года.

...Полк подняли по тревоге рано утром, еще и четырех не было. Судя по красным глазам и помятым лицам, невыспавшиеся, а потому донельзя злые командиры подгоняли нерадивых бойцов грозными окриками, заставляя их как можно скорее занять свои места в кузовах грузовиков.

— Что, и позавтракать не дадут? — возмутился Матвей Колесов, круглолицый паренек из недавнего пополнения, ошалело крутя головой. — Так и повезут не жрамши?! Да что же это, а, хлопцы?!

— Молчи, салага, — цыкнул на него сержант Трош-кин. — Я, братцы, сейчас совсем про другое думаю: чегой-то нас без оружия погрузили?

Красноармейцы негромко зашумели. В самом деле, ни у кого, за исключением командиров, перетянутых ремнями с пистолетными кобурами, не было видно даже завалящей винтовочки, не говоря уже о пулемете.

— Товарищ лейтенант, — окликнул Трошкин пробежавшего мимо взводного, — а что, мы так и поедем без оружия?

Лейтенант резко затормозил. Задумчиво взглянул на настороженно замерших бойцов, помолчал немного, а затем вдруг широко улыбнулся и ласково сказал:

— А на хрена демобилизованным оружие? — и унесся дальше, прежде чем ошарашенные красноармейцы успели задать ему новый вопрос.

— Слыхали?! — только и смог вымолвить сержант, обводя товарищей круглыми глазами. — Демобилизованных! Что за фуйня, мне ж еще год трубить!

Станция гудела, словно разворошенный муравейник. Свистки паровозов, лязг металла, рев двигателей и... перекрывающий все эти звуки неумолчный людской ор создавали поистине фантастическую картину.

Подъехавшие красноармейцы, которых высадили из грузовиков, построили в походную колонну и повели к вокзалу на посадку, завороченно смотрели по сторонам, пытаясь уместить в голове невиданное доселе зрелище.

А посмотреть и в самом деле было на что. Метрах в пятидесяти от станции, прямо на путях, загадочно переливалась жемчужным блеском непонятная полукруглая конструкция, смахивающая на разрушенную напополам водную поверхность, поставленную на попа. Из нее то и дело выскакивали длиннющие составы с открытыми платформами, на которых теснились непривычного вида танки — с мощными длинноствольными пушками, приплюснутыми башнями хищных очертаний, неизвестными пулеметами, — не менее странные броневики, тягачи, орудия и совсем уж дикие машины с таинственными тубусами всевозможных размеров на станинах.

Иногда проскакивали поезда с пассажирскими вагонами, откуда на растерянных красноармейцев с любопытством глазели одетые в странную форму с чужеродно выглядевшими старорежимными погонами люди. Они что-то весело орали, высываясь из окон, махали руками замершим на перроне красноармейцам, но понять что-либо в царившем на станции шуме было попросту невозможно. Единственное, что разобрали более-менее, это фразу: «Салют, предки!», но и она особой ясности не принесла.

— Кто это, товарищ сержант? — тихо спросил у Трошкина Колесов, опасливо косясь на очередной эшелон. Сержант ничего не ответил, пожав плечами. Он всюду рассматривал дикий мир, брошенную ему одним из пассажиров прямо из окна. Красно-белая коробка с вязью чужестранных букв, неизвестный аромат, непривычно тонкие, с фильтром, папиросы.

— Ма-ар...марл...марлборо, — с трудом прочел сержант и неуверенно предположил: — Англичане, что ли?

Низкий гул, донесшийся с небес, заставил бойцов судорожно задрать головы. Над станцией, пара за парой, пронеслись над землей с огромной скоростью странные самолеты без винтов. Сначала небольшие, затем побольше, а в конце совсем уж огромные, похожие на гигантских белых лебедей. Все они выскакивали из парящего чуть ниже облаков большого зеркала, покрытого уже знакомой жемчужной рябью.

— «Тушки», — сказал кто-то рядом с остолбеневшим Трошкиным. Сержант закрыл разинутый от удивления рот и медленно повернул голову. Коренастый капитан с голубыми петлицами летчика провожал загадочные самолеты тоскливым взглядом побитой собаки.

— Ч-что?

— Я говорю, «тушки», — не слишком понятно объяснил капитан. — Сто шестидесятые. — Помолчал, а затем обидчиво добавил: — А нас не берут. Говорят, не потянем... Эх, — скрежетнул он вдруг зубами, — я же в Каче одним из лучших был, а меня какой-то хреновиной проверяли и сказали, что я перегрузок не выдержу. Представляешь, сержант?! — лицо его задрожало от обиды.

— А это вообще... наши? — осторожно спросил Трошкин капитана. — Ну, самолеты в смысле, танки. И вообще...

— А чьи же еще? — несказанно удивился летчик. — Конечно, наши. Самые что ни на

есть! Только... нездешние.

— Как это, — не понял Трошкин, — из другого округа, что ли?

— Ага, — засмеялся капитан. — Из другого. Совсем другого!.. Ладно, бывай, пехота, вон мой поезд подходит.

Сержант проводил его глазами, а затем, привлеченный шумом, повернул голову. Несколько энкавэ-дэшников вели мимо них странную компанию небритых разновозрастных мужичков, одетых кто во что горазд, но вооруженных до зубов, угрюмо переругивающихся со своими конвоирами.

— Граждане «засланцы», я вам еще раз повторяю, не нужно никакой самодеятельности — у нас ведь здесь плановое хозяйство, — усталым сорванным голосом хрипел высокий капитан госбезопасности со знаком «Почетного чекиста». — Вы же видите сами, все, что нужно, к нам поступает в достаточном объеме. А если кто-то из вас желает отслужить по контракту, то нужно обратиться в военкомат по месту жительства в вашем времени. А сейчас мы примем у вас по описи оружие, артефакты и прочее оборудование и отправим вас обратно... Нет, танк мы вам в качестве сувенира не оставим, даже не просите! И атомную бомбу тоже... Железный Крест? А что, вы уже успели прогуляться по немецким тылам на сопредельной территории?!.. Это безобразие! Ну в самом деле, неужели вы не понимаете, что могли испортить нам всю операцию? Мы столько времени заманивали фашистов, а вы... Эх, взрослые ведь люди!.. Собак своих уберите, пожалуйста! Желательно всю свору. Благодарю!

— С Харькова кто есть? Трошкин! Сержант! Да, я тебе говорю. Ты ж у нас вроде с Харькова будешь? — лейтенант теребил превратившегося в соляной столб сержанта. — Тебе нужно в здание вокзала пройти. Держи вот документы.

— А что, разве я не со всеми?

— Какое там, — устало вздохнул взводный. — Тут ведь какая загогулина выходит, — он немного помялся, — нету больше твоего Харькова! Совсем нету...

ДЕНЬ ДУРАКА

— Гудериана под Большими Дятлами надо было в обход, через сельсовет брать, а не в лоб через речку переться, — авторитетно заявил Лисов и подлил себе в блюдце из пузатого чайника, расписанного подсолнухами.

Военачальники возбужденно загомонили, обсуждая сказанное личным порученцем Сталина.

— Товарищ Лисов, да вы один целой общевойсковой, да что там — гвардейской! — армии стоите, — провозгласил Еременко, оглядываясь в поисках поддержки на остальных генералов. — И откуда вы только свали... то есть я хотел сказать, все знаете!

— Работать надо! — внушительно сказал Илья, шумно прихлебывая густую черную жидкость. Генералы с интересом принимались — почему-то чай известного поэта-песенника пах дорогим французским коньяком. — Вот товарищ Абакумов, — глава «Смерша» обреченно поднялся из-за парты под злорадные смешки, — на прошлой неделе провел трехчасовой сеанс «Морского боя» с адмиралом Деницем по каналам правительственной связи, — Виктор Семенович побелел и стал закатывать глаза, — и по ее итогам утопил три вражеских крейсера. Молодец! — Абакумов резко передумал падать в обморок и победоносно оглядел товарищей.

— Да ему Тонина два сидюка с точным расположением всего кригсмарине передала, — тут же наябедничал нарком ВМФ Кузнецов. — Будь у меня такая информация, я бы фрицев вообще без кораблей оставил!

— Клевета! — горячо возразил Абакумов. — Форменная клевета! Мы, можно сказать, ночей не досыпали, всю свою агентуру на уши поставили...

— Тоже мне, чебурашки! — вполголоса протянул Жуков. Ему до сих пор являлся в страшных кошмарах меховой уродец в буденовке и с оскаленной пастью, подаренный

Верховным на прошлый Новый год с подачи Лисова, наладившего подпольное производство этих чудовищ. Говорили, что три полка дальней авиации разбрасывают их над Германией, сея панику среди гражданского населения. — Виктор Семенович, вы бы лучше объяснили нам, почему так замедлилась проверка вышедших из окружения?

— А что я могу, — взвился Абакумов, — мои следователи уже с ног сбились — кого ни начнут допрашивать, обязательно на очередного махровца наталкиваются. А они, сами знаете, ребята резкие — чуть что не так, сразу или бока мнут, или норовят себе подмогу вызвать. А это или танковая дивизия, или целый ракетный дивизион! И, что интересно, в последнее время они словно взбесились — на всех направлениях чуть ли не посреди белого дня через линию фронта прут. С обозами, пленными, трофеями — немцы уже позиции бросают и потихоньку бежать начинают. Кричат, что с русскими варварами воевать невозможно — у них, мол, одна армия на фронте, а еще одна в тылу — и какая сильнее, совершенно непонятно.

— Махновцы?! — несказанно удивился недослышавший руководителя «Смерша» Буденный. — Неужто еще остались? Да, выходит, не всех мы в гражданскую порубали...

— Да спите уже, Семен Михалыч, — недовольно бросил Шапошников. — Это не те махновцы — эти правильные!

— Кхе-кхе, — смущенно откашлялся Лисов. — Каюсь, мой косяк! Это я друзьям приглашение на свадьбу разослал. Ну не рассчитал маленько... Не, вы поймите, если б я забыл кого, они и без приглашения приперлись бы, только еще и злые!

— А сейчас они, выходит, добрые? — недоверчиво поинтересовался Берия. — Мне вчера пришлось товарищу Сталину заявку подавать на развертывание трехсот дополнительных лагерей для пленных — Сибири уже не хватает! А куда нам после англичан вывозить прикажете? Вы уж, товарищ Лисов, как-то побыстрее со свадьбой заканчивайте. Или вообще скажите, что она уже прошла, а?

— С ума сошли?! — Илья даже поежился. — Они ж тогда вообще здесь все разнесут! А нам еще сады на Марсе нужно успеть разбить, к Юпитеру... ох, что-то разговорился я! — Прославленный разведчик торопливо заткнулся. Все находившиеся в комнате разочарованно загудели. В глазах прославленных военачальников еще виднелись отблески пожарищ на далеких планетах, армады боевых космолетов с алыми звездами на бортах и толпы сиреневокожих инопланетянок, радостно приветствующих своих освободителей охапками ярко-оранжевых ромашек.

— Ну вот, опять на самом интересном месте! А я только-только сметы освоения Меркурианской Советской республики принялся составлять! — молодой, но очень перспективный хозяйственник Алексей Косыгин огорченно взмахнул рукой и выключил ноутбук с красочной аббревиатурой «MicroHarkov» на крышке.

— По-моему, товарищи, вы забыли, какое сегодня число? — вкрадчиво поинтересовался Лисов, едва сдерживая глумливую ухмылочку.

Все торопливо повернули головы к настенному календарю.

— Первое апреля! — ахнул Жуков. — Так это что, был... РОЗЫГРЫШ?!!

— Ну-ууу... почти, — скромно потупился Лисов, пряча прощелыжные глазки. — Основная хохма в кабинете... у Самого, — он неопределенно махнул рукой.

— А что там? — осторожно поинтересовался Берия. Прошлогодняя первоапрельская шуточка со стриптизершами, выскакивающими из стола Верховного под звуки кавер-версии «Интернационала», исполненного оркестром Утесова, аукалась ему до сих пор.

— Да так... мелочи, — загадочно ухмыльнулся Лисов, пряча за спину кусок мела, ведерко с клеем и кусок бикфордова шнура. Присутствующие занервничали...

ТАНК КВ-2(009)

...Инспектор ВАИ появился на дороге неожиданно. Сто пудов, прятался вражина в кустах, поджидая зазевавшегося мехвода!

...Дождлся...

— ...Не может быть! — Командир экипажа даже на секунду отшатнулся от перископа и ушибнул себя за нос. Вроде и не сон? — А ну-ка, Костя, жми на газ и давай напрямки, через него!

— Командир, но это ж не глюк, я его тоже вижу!

— После вчерашнего мы все дружно и Ленга в балетной пачке увидим. — Упомянутый пес недовольно заворчал и, на всякий случай, забился в какую-то щель, успешно прикинувшись маленькой незаметной мышкой. — Ладно, тормози.

Танк недовольно взревнул движком и остановился.

— Что там этот хмырь делает?

— К нам идет. Может, все-таки мираж? Давайте я его из пулемета, а?

— Сиди уже! Я сам разберусь. — Командир откинул крышку люка и вылез на броню. Ваишник неторопливо подходил к танку, лучась жизнерадостной улыбкой.

— Старший лейтенант Иванов. Попрошу водительское удостоверение и техпаспорт на машину.

— Че...чего?! Какое еще удостоверение, какой, к хренам, паспорт?! Ты вообще откуда здесь взялся, старшой? Немцы в трех километрах!

— Вы что же это, без документов ездите? — мгновенно подобрался и построжел лицом старлей. — Попрошу всех выйти из машины!

— Но немцы...

— Подождут твои немцы, там и без вас энтузиастов хватает! А ну вылазь!!

— Пиз...ц!!! — потрясенно выдохнул командир и точно загипнотизированный начал слезать вниз.

— Все выходим! — ваишник забарабанил жезлом по люку мехвода. — Остальным что, особое приглашение требуется? — Экипаж после небольшой паузы нехотя последовал за командиром.

— Кто старший?

Командир медленно шагнул вперед.

— Способ перемещения?

— Но... откуда...

— Способ!

— Видите ли, мы на охоту ехали, а тут...

— Попаданцы, значит. Ясно.

— А что, можно иначе? — осторожно поинтересовался наводчик.

— Можно, — равнодушно ответил ваишник, доставая из планшетки бланк протокола. — Бывает — умирают, бывает — психоматрицей переносятся. Шибко умные вообще машину времени строят — можно подумать, без их «шедевров» прожить нельзя, а на рынке китайского ширпотреба мало!.. Вы как перемещались, через туман, вспышку, яркий луч света или по-другому?

— Через туман. Наверное. Точно и не вспомнишь — вы же понимаете, охота: за первый выстрел, за новый камуфляж... Традиции!

Старлей понимающе ухмыльнулся и начал быстро водить ручкой по листу.

— Цвет тумана? Его плотность? Особые звуковые или визуальные эффекты?... Чего молчим? Может, вы все же упыри? Дай-ка я проверю, — ваишник отработанным движением выхватил здоровенный черный пистолет и... щедро окатил экипаж длинной струей воды.

— С ума сошел?!!

— Живые, — с видимым сожалением протянул старлей, пряча в карман связку деревянных колышков. — Ладно, продолжим. Где танк брали?

— Э-ээ...там, — заряжающий неопределенно махнул рукой куда-то назад. — Он на дороге стоял. Ничейный.

— Что, и табличка была? — язвительно усмехнулся ваишник.

— Какая табличка?

— «Танк ничейный, берите кто хотите».

Экипаж растерянно молчал.

— Но мы же не просто так, а нашим помочь, — робко проговорил мехвод.

— Все так говорят! — отрезал старлей. — Лучше бы документы нормально оформляли. И, главное, прутся все, как на парад — на указатели и не смотрят. А мы ж по всей трассе таблички развесили: «Граждане засланцы, пункты временной регистрации расположены по адресу...» Короче, сейчас отгоняем танк на штрафстоянку — здесь недалеко, за Минском и сразу налево — и будем проверять по базе на предмет угона. А заодно и вас по картотеке пробьем, уж больно вы какие-то подозрительные!

— Совсем охренел?! — взвился стрелок-радист. — Да что мы на него смотрим, братцы, может это диверсант переодетый — из «Бранденбурга»! — Ленг согласно гавкнул.

— Так вы еще и животное с собой притащили?! — потрясенно ахнул вайшник. — А справка о прививках у него имеется? — Пес, услышав страшное слово, жалобно заскулил и спрятался за хозяина. — Нет, это уже просто форменное безобразие, товарищи попаданцы... А это еще что за бурлаки на Волге?!

— Мы в город изумрудный идем дорогой трудной!.. — показавшаяся вдалеке процессия странно знакомых попаданцам личностей, упорно тянущая привязанный к металлическим тросам фантастический гибрид — «Дора» на шасси от БТ-7, и задорно распеваящая при этом некогда популярную песенку из мультфильма, медленно приблизилась, а затем преспокойно миновала танкистов и вайшника и скрылась вдали.

— Это ж Олегович со своей бандой! — потрясенно выдохнул командир, выйдя из ступора. — Не, я не понял — шеф, а фиг ли ты их не остановил?!

— С какой стати? Пешеходы вне моей компетенции!

— Так нечестно!

— А ты, поди, думал, что в сказку попал? Хе! Так, а что стоим — погнали на штрафстоянку! У вас, кстати, еще башня грязная и номера, скорее всего, перебитые. Ох, чует мое сердце, попали вы...

— Серега, да брось ты этих засланцев! Все одно или растворятся, или отбредутся, — вылезший из кустов краснорожий капитан с массивной бляхой «Хроно-ВАИ» презрительно махнул рукой. — Давай лучше за мной — там Гудериан сейчас проезжать будет, а у них ни транзитных номеров, ни справки о растаможке — в общем ни хрена! А тачки просто класс — ни у одной пробега по СССР нету, представляешь?! Окучим по полной! Я уже всем нашим стуканул по рации, сейчас подтянутся — глядишь, до вечера управимся...

Старлей смерил КВ и замерший в тревожном ожидании экипаж задумчивым взглядом, нехотя убрал бланк протокола обратно в планшет и сухо проговорил:

— Чтоб духу вашего через пять минут здесь не было! Шляются тут... всякие, а после танки пропадают! Еще раз попадетесь... ну вы поняли, правда?..

ЛОВИ ДЕМОНА!

«Бьем челом, царь-батюшка, оборони нас от врага лютого... — Петр пробежал глазами первые строки, презрительно хмыкнул и совсем уж было решил отбросить прошение в груды таких же бесполезных бумаг, но вдруг его взгляд ухватил несколько странных слов и государь вчитался повнимательнее. — ...объявился в громе и молнии, аки диавол или змий-искуситель. Лицом в разводах, будто скоморох, платье басурманское — но не аглицкое и не немецкое. В руках пистоль чудной, зараз по несколько выстрелов может делать. Брата Луку, что отказался строить машину демоническую, со ста шагов убил наповал...

...А после всех девок наших загнал в сарай, силком заставил раздеться и возле оглобли, в землю воткнутой, танцевать. И все это действо богопротивное «ночным клубом» обзывал. После разыскал браги хмельной и меду столетнего, напился безобразно и драку с попом нашим, отцом Иосифом, учинил. Обвинял его, что, дескать, с детства кровавого тирана и деспота ненавидит, а за какую-то пятьдесят восьмую статью вообще убить готов...

...енотов велел всех в округе известить, но перед тем пытаться их, не князем ли Тембечинским они являются...

...с пьяных глаз рыдал, кричал, мол, ты, царь-батюшка, лузер бестолковый, все его идеи запоровший по недомыслию, и что вот он уже достроит своего ворошилова и враз всю Москву на уши поставит...

...с купцами заморскими дружбу свел, механизмами диковинными их прельстил, обещал продать, но только в обмен на Индию, Пакистан и плантацию конопли...

...сокрушался, что дружки его верные не в ту эпоху угодили. И винил в том аффтаров бесовских, всю историю перевернувших, в эпохах запутавшихся и реалиев местных, дескать, не знающих...

...Грозился гетмана Мазепу в позу коленопреклоненную поставить и раскаленную кочергу ему в зад воткнуть, потому как не сумел дело правильно обставить и тебя, надежу нашу и опору, Карле в цепях привести на суд и расправу...»

Петр дочитал бумагу, положил ее на стол и задумался. Долго сидел, напряженно что-то обдумывая, а затем набил трубку и громко крикнул:

— Алексашка!.. А ну пойдешь сюда. Да живей давай!

— Звал, Петр Алексеич? — Светлейший князь Меншиков появился в избе тотчас, будто ждал зова где-то рядом.

— Дверь прикрой. Дело у меня к тебе важное есть... На-ка вот, прочти.

— Так ведь неграмотный я... — запнулся было Меншиков, глядя на царя честными глазами.

— Мне-то вот только не ври! — тут же взъярился самодержец российский. — А то я твоего путевого дневника не видел. Читай давай, время не терпит!

Светлейший мученически вздохнул, но взял челобитную в руки. Быстро пробежал неровные строчки раз, потом другой. Неопределенно хмыкнул и почесал затылок.

— А ведь точно кто-то из наших. Как думаешь? — выражение лица его разительно переменилось, а взгляд стал жестким и прицельным.

— Да это и ежу понятно, — досадливо отмахнулся Петр. — Вопрос в том, кто именно и что за предъявы он нам выкатить грозит? Вспомни, кому *мытам* дорогу могли перейти?

— Ну и вопросы ты задаешь, барин, — поежился Меншиков. — На самиздате, почитай, несколько сотен авторов над темой попаданцев трудится, разве всех упомнишь?.. Эх, чуется мое сердечко, что придется нам с «демоном» этим лично познакомиться! — Александр Данилович воровато оглянулся и выудил из-за пазухи маленький черный револьвер. Крутанул барабан, привычно прицелился и, мученически вздохнув, спросил: — Засланца-то как обычно к князю-кесарю, тьфу, к Владу в пытошную или сразу на кол?

— На твое усмотрение, — рассеянно бросил Петр. Он уже переключил свое внимание на следующий документ, в заголовке которого выделялась фраза: «...заранее разыскать и предать мученической казни всех людишек по фамилии Махров, Орлов, Логинов, Конюшевский, Буркатовский... (полный перечень в трехтомном приложении) дабы урону для державы нашей в будущем избежать...», и злобно сопел, набирая какой-то номер на маленьком серебристом аппарате, извлеченном из потайного кармашка камзола, приговаривая негромко: — Договаривались же, не больше десятка человек на эпоху! Что там у них, весеннее обострение, что ли?!

ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ...

«...и обязательно установить командирскую башенку на Т-34!» — Сергей закончил фразу, проглядел напоследок свое сообщение — все 527 пунктов — и решительно кликнул «Отправить», со злорадством представляя, что сейчас начнется на форуме. Ничего, пусть попляшут — нашли, с кем спорить!

Сергей Довгий вот уже несколько лет был твердо уверен — ему непременно повезет. Не сегодня, так завтра. А как иначе: неужели все, что он сделал, окажется напрасной тратой

времени? Нет, это решительно невозможно! Кому как не ему надлежит отправиться в прошлое и железной рукой навести там порядок.

Эта мысль запала ему в душу, когда он прочитал книжку с красочным рисунком на обложке, повествующую о приключениях некоего бравого «попадан-ца» «при дворе царя Иосифа». В тот раз Сергей целую ночь не спал, размышляя о том, как бы он сам поступил, окажись вдруг в тридцать девятом или сорок первом году. В мозгу сменяли друг друга яркие картины, на которых он то сидел по правую руку от товарища Сталина — красивый, в новенькой гимнастерке (или френче, не принципиально!) со Звездой Героя на груди, а Политбюро смотрит ему в рот, внимая мудрым рекомендациям; то стоял на ступенях поверженного Рейхстага, принимая Парад Победы, то зачитывал положения безоговорочной капитуляции бледным и жалким американским сенаторам, трусливо прячущим трясущиеся от страха перед мощью Красной Армии потные ручонки....

На утро Довгий решительно уселся за рабочим столом — благо календарь показывал выходной, открыл новый файл и недрогнувшей рукой настучал: «План мобилизационных мероприятий СССР». Подчеркнул написанное и... завис.

Нет, не компьютер, а он сам. Только сейчас Довгий вдруг с ужасом осознал, как малы и ничтожны его знания о той эпохе. В самом деле, ну что ему было известно о работе сталинских наркоматов, перипетиях закулисной борьбы партийных группировок или технологиях, использовавшихся на оборонных заводах? Так, сущие мелочи. И что, прикажете идти к вождю народов с этой ерундой, отрывая его от дел? Даже не смешно — на месте генсека тут же отправил бы наглеца на Лубянку.

Значит... значит, нужно в срочном порядке ликвидировать пробелы в образовании! Приняв это поистине судьбоносное решение, Сергей не стал откладывать дело в дальний ящик, незамедлительно начав «работу над ошибками». Перво-наперво он запустил Яндекс и вбил в него запрос найти рекомендации по модернизации РККА. Результат ошеломил — сто тысяч пицот мильенов ссылок! Юноша скрипнул зубами, но решительно «провалился» по верхней...

С той поры минуло три года. Сергей приобрел в Сети устойчивую репутацию знатока по предвоенному периоду, язву желудка и очки с толстенными линзами. Окрестные библиотекари трусливо прятались под столами, заведя в двери его согбенную фигуру и жадный ищущий взгляд, шарящий по полкам, а продавцы в «Олимпийском», наоборот, вручали ему при встрече охапки гвоздик и прочувственно сморкались в носовые платки, помогая взвалить на плечи рюкзак с отобранными книгами.

В потайных кармашках его куртки всегда присутствовали два десятка флэшек, до отказа набитых необходимой для передачи товарищу Сталину информацией, а трясущиеся от хронического недосыпа руки прижимали к груди верный ноутбук. Но главным достижением являлось то, что он наконец-то был готов отправиться в прошлое. А на разные досадные мелочи Довгий попросту не обращал внимания.

И вот сегодня он вышел из дому, пребывая в полной уверенности, что его мечта осуществится. Внутренний голос тихо шепнул ему: «Иди!» и Сергей отбросил в сторону недоеденный бутерброд, оделся, отсалютовал своему отражению в зеркале у двери и решительно щелкнул замком.

Ослепительная жемчужная воронка цепко приняла его в свои нежные объятия сразу за порогом, закружила в бешеном водовороте, перемалывающем кости и расщепляющем сознание, а затем безжалостно швырнула в безбрежный океан красок.

— ...Se levez, le prince! Vous non² ушиблись? — последнее слово Сергей уже понял. А вот что ему сказали вначале? Довгий машинально ухватился за протянутую руку, поднялся на ноги и... что за ерунда?!

— Где я?! — закричал он, глядя на стоявшего перед ним мужчину в странном

² Вставайте, князь! Вы не...

одеянии. — Кто вы такие, почему не видно товарища Сталина?!! Передайте ему немедленно, что у меня сведения государственной важности!.. — Сергей глянул за спину незнакомца и вздрогнул. — Стойте... Год. — Сердце в груди бухало с такой силой, словно собиралось вот-вот выпрыгнуть наружу, а в висках стучали тысячи молоточков. — Какой сейчас год?!!

— Право, вы шутник, князь. Неужели падение с лошади отразилось на вашем самочувствии столь прискорбным образом? — Мужчина засмеялся. — Хватит прикидываться, пора дать команду полку выдвигаться на исходный рубеж — Император ждет. Еще одно последнее усилие, и мы окончательно слошим сопротивление русских — солнце Аустерлица навсегда померкнет для них!

ПРОГРАММА-МИНИМУМ

— Но, парус... па-аарвали, парус! Каюсь, каюсь, каюсь!!! — Лаврентий Павлович в последний раз ударил по струнам и замолчал, переводя дух. Соратники по Политбюро тревожно молчали, наблюдая за ходившим по кабинету взад-вперед вождем, ожидая его вердикта.

Наконец Сталин остановился. Помолчал. Обвел соратников холодным взглядом и неторопливо заговорил:

— Невероятно, но факт. Товарищ Берия не прошел испытания, — наркомвнудел закатил глаза и рухнул со стула. Жалобно звякнула разбившаяся гитара. Ворошилов злорадно засмеялся, прижимая к груди любимую гармонь. Генсек слегка поморщился, но продолжил, мягко переступив через бездыханное тело. — Чем объяснить такой однобокий и странный характер исполнения столь хорошей песни товарищем Берия? Как могло случиться, что потенциально неплохой вокалист, располагающий громадными возможностями и не меньшим потенциалом, так легко и без отпора отказался от своих позиций и своих обязательств? Не объясняется ли это слабостью товарища Берия? Конечно, нет! Он бесспорно сильнее всех заслушанных нами ранее исполнителей.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки и столь, я бы сказал, слабовольное поведение наркома внутренних дел? Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, нежеланием демонстрировать свои истинные возможности, отказом от пролетарского интернационализма и такого испытанного метода, как наша общая работа!

— Правильно! — заорал Мехлис. — Поддерживаю, товарищ Сталин. Предлагаю отобрать у него партбилет! Нет, сначала расстрелять, а потом — партбилет!

Вождь недовольно засопел:

— Не в этом дело, товарищи. Я смотрю, вы не поняли мою мысль.

— Так поясни конкретней, Коба? — осторожно поинтересовался Молотов.

— Пожалуйста, — неожиданно покладисто согласился генсек. — Вам надо петь хором!

— То есть... как?! — подобрал с пола отпавшую челюсть Каганович.

— А капелла! — безжалостно отрезал Сталин.

Рядом с валявшимся на полу Берией оказалось еще несколько членов Политбюро.

Сталин презрительно усмехнулся и повернулся к тихо сидевшему в углу Поскребышеву.

— Что там у нас дальше по плану? Доложите!

Секретарь откашлялся:

— Разучивание песен Владимира Семеновича Высоцкого... выполнено? — Вождь благосклонно кивнул. — Тогда приведение в исполнение высшей меры наказания для товарища Хрущева. Эн Эс.

— Опять?! — Хрущев побелел как полотно. — Да сколько же можно? Побойтесь бога, товарищи, сейчас-то за что?

— За целину, — сверившись со списком, дал справку Поскребышев. — А после еще за Карибский кризис, сокращение армии и флота, дискредитацию КПСС...

— Подвинься, чего один на полкабинета развалился? — Никита Сергеевич недовольно ткнул в бок продолжавшего изображать полную потерю сознания Берию. — А то мне раньше времени «педерастов» припишут... Ох уж мне эти попаданцы! — паренек в спортивном костюме, шапке-ушанке и застиранной футболке с надписью «Iron Maiden», неотступно следующий за генсеком, виновато улыбнулся и развел руками.

— Давайте следующий пункт, — устало попросил Сталин. — Только учтите, что работать на Ътихе я отказываюсь категорически — пусть сначала нормальную операционку на мой ноутбук установят!

— Но тогда нам придется перейти к программе-максимум, — замялся Поскребышев.

Вождь народов обреченно потянулся за новой пачкой «Герцеговины».

Москва, 2009 г

Алексей Махров РЕЗЕРВНЫЙ ФРОНТ

— Давай-ка, Витек, наливай еще по одной, а я тебе историю одну расскажу, которая случилась со мной в сентябре сорок первого... Ух, хорошо пошла! Ты закуси, закуси — это мериканские сосиски, их только летчикам да генералам в пайке дают! Ну, так вот... Войну я встретил на Украине, сражались мы хорошо, отступали только по приказу, командовал нами Рокоссовский — мировой мужик, я тебе доложу! И что характерно, особистов и чекистов ненавидел лютой ненавистью, хотя на открытый конфликт, конечно, не шел. Ну, были у него причины, перед самой войной сидел он... За что? Ну, за что у нас перед войной сажали? Понял? Сам ты, Витька, враг народа! Если бы у нашего народа такие враги были бы, то ему бы и друзья не понадобились! Кому? Да, блин, народу! Что ты меня путаешь? Я сам запутаюсь! Хе... Уже запутался! Ладно, давай еще по половинке и перекурим.

С чего я начал-то? А! История, что произошла в сентябре! А я что говорю? С кем войну начал? Ну, стало быть, издалека начал! Хе... Хороший табачок, говоришь? Дык, тоже мериканский! Вот чего у союзников хорошо — так это снабжение! Лучше бы второй фронт открыли? Да, уж! Я согласен без сосисок и табака остаться, но чтобы фашистских гадов вместе били! Ладно, опять я отвлекся... Так, значит, начал я войну на Украине, воевали мы хорошо, но из-за дурости начальства попали мы в котел всем фронтом. Да, ты прав — под Киевом это было! Ну, и когда выходили из окружения, зацепило меня осколком. Да так хорошо зацепило — в грудь навывлет! Спасибо ребятам из взвода, вытащили-таки к своим! Провалился я тогда в госпитале, а после выздоровления поставили меня командовать ротой ополченцев. Резервный фронт... Да... Хотели для немцев непреодолимый вал создать, только немцы, чтоб им пусто было, тоже не дураки, обошли нас, так что история с окружением повторилась. Да, Витек, ты прав, тот самый Вяземский котел. Но это уже другая история. А та, которую я тебе рассказать пытаюсь, произошла в самый первый день немецкого наступления.

Ну, готовлюсь я, значит, к обороне, муштрую своих ополченцев. Причем в моей роте сплошь творческая интеллигенция была. Даже писатели и композиторы попадались! Муштрую, значит, а тут в распоряжение роты гости приезжают — корреспонденты из Москвы. Какой газеты, спрашиваешь? Вот черт, не помню, то ли «Правда», то ли «Известия». Ну, в общем, одной из центральных! Вот... Приехали два молодых мужика — политруки, старший и младший... С ними шофер при «ЗИСе» и дамочка, красоты неопишуемой — артистка. И хотели эти корреспонденты статью о моих бойцах накатать, мол, вот смотрите, товарищи, воюют все, даже писатели и композиторы, никто в тылу не отсиживается! Это чтобы другим в пример! И все бы ничего, но приперся с корреспондентами особист наш полковой — Левкович. Гнида редкостная! Пока мы к обороне готовились, он, сука, все по ротам шастал, вынюхивал. Несколько десятков человек потом взяли. Как за что? Они придумают за что! Был бы человек, а повод найдется! За невесторженный образ мыслей! Да... Так вот, корреспонденты... Приехали, значит, ну и

давай лазить по окопам, фотографировать да выпрашивать, кто из красноармейцев кем до войны был. Вот... Целый день лазили, а вечером я их в свою землянку пригласил. Посидели, выпили... Простые мужики оказались, не гордые... Коньяк свой на стол выставили да закуску всякую, что из столицы с собой привезли. Артистка эта нам песни пела, романсы там всякие. Э, нет!!! Что-то я вперед малость забежал, эти посиделки уже после боя были! Вспомнил, днем они лазили и обедать ко мне в землянку пришли. К тому времени Левкович уже смылся куда-то. Как чувствовал гад, что скоро начнется... Ну, ладно... На чем я остановился? Так, обед... Да, а я говорил, что они мужики простые были? Говорил... Пообедали, супом из концентрата! И ничего — никто даже не поморщился! И только мы закончили суп хлебать — тут все и началось! Немцы артподготовку начали. Ну так себе сабантуй, средненький... Может, дивизион по нам лупил, может, два... Мы к такому готовились и в землю врылись основательно, так что я за своих людей особо не беспокоился. Успел им таки в голову вбить, что как загрохочет — прикинься ветошью и не отсвечивай! А корреспонденты эти как-то странно удивились! Нет, Витек, не самому обстрелу. Нет, Витек, и не испугались они нисколько, видно было, что люди они обстрелянные. Ну, дамочка, понятное дело, побледнела с перепуга... А мужики ничего, переглянулись между собой, а потом старший политрук как бы про себя говорит: почему, мол, на день раньше? Я, помнится, тогда удивился малость, и откуда они о наступлении знали? Ну да все по порядку... Начался артобстрел... Я, конечно, по окопам решил пробежаться — посмотреть, как мои бойцы, порошу не нюхавшие, команду укрыться выполняют. Ну, пробежался, посмотрел — хорошо выполняют, жить-то всем охота! Где-то через час обстрел прекратился. Выбрались мы под небо, глядь, а немчура уже тут как тут! Ну ты, Витек, сам со взводного начинал, третий год воюешь, знаешь небось, как они это умеют — подобраться почти вплотную под прикрытием огневого вала! Ну и в тот раз подобрались... Где-то десятка три танков и самоходок, да мотопехота численностью до полка...

Мой батальон на холме стоял, по-над речкой Вопь, моя рота на левом фланге. Хорошая у нас позиция была — местность на несколько километров просматривалась и простреливалась... Хм... Было бы чем простреливать, самым тяжелым оружием у меня были пулеметы «Максим». Да и то во время обстрела у одного из них кожух осколками посекло. Вот... А перед холмом лужок до самой речки спускается. Хороший такой лужок, для обороны самое то — заболоченный по самое не могу! С этого направления нас было не достать. Но вот левее нас была балочка, аккурат от реки. Сухая такая лощинка, и у речки там твердый брод был. Наши, конечно, прекрасно знали, какую опасность эта «дорожка» представляет — там целый полк встал... Ополченский... И неполного состава — тысячи полторы. Да батарея сорокапятков, да батальон штурмовой... Не, Витек, не штрафной! Путаешь ты! Это с сорок второго года эти батальоны стали штрафными называться. Ага, после знаменитого приказа «Ни шагу назад!». Да, а в сорок первом они штурмовыми назывались, хотя суть одна... Ну, батальон — это громко сказано, было их там не больше полутора сотен, командиров бывших, то есть офицеров по-теперешнему. Но воевали они отлично! Стояли насмерть! Да... Так вот как раз по этой балочке немцы и подобрались! И то, что мы на несколько километров все просматривать могли — стало бесполезным, дистанция сократилась до пятисот метров. Балочка, конечно, заминирована была. Да только то ли мин наши пожалели, то ли немцы под шумок успели их снять, им тоже отваги не занимать. Да ты, Витек, знаешь! В общем, прут эти танки с мотопехотой, как на учениях. Уже и речку форсировать успели. А встретить их почти некому: тем, которые лощинку держали, больше всех досталось! Вся позиция воронками перепажана! Места живого нет! Вижу я, что пара сорокапятков еще бухает, но куда им против тридцати стволов! Но молодцы артиллеристы, четыре коробочки зажгли! Потом то, что от батареи оставалось, немцы гусеницами проутюжили. Тут штрафники стали под гусеницы с гранатами кидаться! Страшное зрелище, я тебе доложу! Откуда знаю, что штрафники, а не ополченцы? Так ведь в фуражках они были да в сапогах! Ну, бывшие...

В общем, смерть свою они достойно приняли, что бы они в прошлом ни сделали!

Искупили кровью! Своей и вражеской! Да... Однако немцев это не остановило! Смяли они нашу оборону, заняли траншеи. Ну и начали на нас поворачивать, чтобы фланг свой обеспечить! Вот... А лужок-то болотистый только у речки! А со стороны лощины пологий сухой склон! Отличные, просто полигонные условия для атаки! Они и атаковали! Давай, Витек, плесни еще по полной! Что-то от этих воспоминаний сердце защемило! Вот, казалось бы, третий год воюю, до майора дослужился, две «звездочки»³ на груди краснеют да три золотых⁴ шеврона сверкают, а до сих пор этот бой забыть не могу! Глянул я тогда на своих орлов — как они? Нормально! Хоть и интеллигенты, а не дрожат! А старший политрук со своим шофером хватают артистку в охапку и в тыл бегом! Я еще мельком подумал, что трусили они! Вот веришь, Витек, сколько времени прошло, а мне за ту мысль до сих пор стыдно! Потому как ошибся я и ошибся сильно! Тут мне не до раздумий стало, немцы-то прут! Пятнадцать танков вверх по склону ползут, за ними батальон пехоты в цепь развернулся, а со дна лощинки еще десяток самоходок постреливает! В общем, веселуха полная! Ну, вдарили мы по ним, да толку... Сотня винтовок да три пулемета... И чувствую я — не удержим высоту! Выбьют нас! Слышу, один из моих «Максимов» замолчал. Я к нему! Добежал, а от расчета только ключья остались, по стенкам окопа раскиданные! Ну думаю, все — хана нам! Огляделся я по сторонам тоскливо и вдруг вижу — возвращаются мои «беглецы»! И политруки, и шофер их. И тащат какие-то пеналы! Прыгнули в стрелковые ячейки, и тут такое началось! Пеналы эти «эрсами»⁵ оказались! Противотанковыми! Что глаза округлил? Неужели тебе еще немецкие «фаустпатроны» не попадались? Ах, попадались! Ну, так чего ты тогда удивляешься? Откуда они у наших в сорок первом взялись? Вот об этом, Витек, я до сих пор гадаю! Да и не «фаустпатроны» это были. Наше это было оружие, советское! Политрук их потом «гранатометами «Муха» назвал. Что ты ржешь? Эти «Мухи» жужжали так, что немцам мало не показалось! Через пять минут немецкие танки пылали! Да-да, Витек, как свечи на новогодней елке!!! Какое расстояние до них было? Метров триста-четыреста! Сам знаю, что «фаустпатроны» так далеко не бьют! Я ж тебе говорю — советские это были хлопушки! Ну, ты, блин, и вопросы задаешь, Витек! Ну откуда я знаю, почему их до сих пор в войсках нет! Мне тот политрук еще тогда сказал, что это экспериментальное оружие.

Что дальше было? А! Интересно стало! Хе! Налей еще по половинке. Эх, хорошо прошла! Ну вот, а потом слышу — пулемет заработал! Я думаю — откуда? Как? Ведь оба моих «Максимки» уже вверх колесами к тому времени лежали. И интересно мне стало! Я ужом по ходам сообщения на звук! Дополз — глядь, а тот корреспондент, младший политрук, с каким-то незнакомым пулеметом в свободной ячейке пристроился и стреляет! И смотрю — хорошо стреляет! Да не просто хорошо, а отлично! Короткими очередями, экономно, а после каждой очереди три-четыре немца в цепи падают и не поднимаются! Ну, блин, думаю, повезло мне — опытный пулеметчик попался. И не просто опытный, а обстрелянный! Пять очередей даст и меняет позицию, пока немчура по нему не пристрелялась! Что за пулемет? Хрен знает! Чем-то на чешский VZ-26 похож, только рожок сверху не торчит. Питание ленточное, а сама лента в коробку уложена, а та коробка снизу к ствольной коробке пристегнута. Ну, ты слушай, что дальше-то было! А дальше у этих чудо-корреспондентов заряды к их гранатометам кончились. Но это было уже не важно, атакующие танки сгорели, а те, что внизу стояли, назад через речку ушли. А за ними и пехота покатила. Я до старшего политрука добежал, а он из автоматического карабина бьет. И как бьет! Любо-дорого смотреть! Один выстрел — одно попадание! Причем только

³ Орден Красной Звезды.

⁴ Нашивки за тяжёлое ранение

⁵ РС — реактивный снаряд

офицеров выбивал! Что за карабин, спрашиваешь? Вот тут опять загадка, никогда больше я таких карабинов не видел! Только у немцев что-то похожее есть — штурмовая винтовка называется. Как ты сказал? Вот-вот! Штурмгевер!⁶ Видел уже? Ну, значит, можешь представить тот карабин. Внешне очень похож, только легче и сделан проще. Как это, какой лучше? Наш, конечно!

В общем, отбили мы ту атаку. Тут немцы опять из пушек огонь открыли, мы все по щелям, как тараканы, попрятались. Я с этим корреспондентом в одной ячейке сижу. Вокруг грохочет, а я его все выпрашиваю, что это у них за оружие. И тут понимаю я — не корреспонденты они! Тогда я политрука напрямую спрашиваю: мол, вы кто такие? А он сначала сказал что-то вроде «Спецназ ГРУ». Видно, что машинально ответил, но потом поправился: «Мобильная группа особого назначения»! Я обрадовался было, ну еще бы — такое подспорье в обороне! Но политрук мой пыл сразу охладил. Сказал, мол, прости, лейтенант Гымза, но у нас свое задание. Хотя до вечера обещал остаться. Ну и остались они... До вечера еще три атаки отбили. Вижу я — выдохлись немцы! Затихло все, только на юге погромыхивает. Как потом выяснилось, это Гудериан к Туле прорывался. Теперь-то я знаю, что мы уже тогда почти в окружении бились. А тогда я об этом не думал, отбили атаки — и слава богу! То есть «слава труду»!

Отбились и отбились! Я, конечно, людей проверил, потери подсчитал, раненых на эвакуопункт отправил. Вроде все дела свои командирские переделал. Можно отдохнуть, перекусить, принять «наркомовскую». Я тогда политруку и говорю: пошли ко мне в землянку, отметим нашу маленькую победу. А он: погоди, надо артистку нашу из убежища вызволить. Интересно мне стало, что там у него за убежище. Напросился проводить. А он идет напрямую к своей машине. Они, оказывается, в полукилометре от передовой ее оставили. Подходим мы к «ЗИСу», а возле него воронка здоровенная от пушки-гаубицы немецкой стоя-тимиллиметровой... Ну, думаю, если артистка где-то рядом пряталась... Жаль девушку...

Нет, подходит политрук к автомобилю, открывает дверь, и артистка живая и невредимая выпархивает... Что, блин, за чудо? Воронка в пятнадцати метрах! Простой «ЗИС» весь осколками бы посеколо! Присмотрелся я тогда к машинке этой повнимательнее, хотя и темнело уже... И что ты думаешь? Нашел на борту несколько царапин! От осколков! Словно по броне чиркнуло! Да нет, Витек! С виду это самая обыкновенная машина была — ЗИС-101. Что говоришь? БА-20? Ну, ты, Витек, думай, что говоришь! Что я, кадровый офицер Красной Армии, броневик от легковушки не отличу? Вот только борта у той легковушки были попрочнее бортов броневика!!! После близкого разрыва БА-20 решето напоминает! Сколько я их за войну навидался, коробочек этих!

Ладно... Извлекли мы из «ЗИСа» артистку, гитару, коньяк, закуску эту московскую, диковинную. Почему диковинную? Ну, консервированную ветчину ты наверняка видел, а вот лапшу в коробочках, которую готовить не надо? Как это? А вот так! Заливаешь кипятком, ждешь три минуты и готово! Название у нее тоже какое-то смешное было, татарское, что ли — «Доширак»...

Ну, посидели мы душевно, это я тебе уже рассказывал... Да, песни пели, коньяк пили... Неплохо, в общем, время провели! Я все порывался политруков этих расспросить об оружии, да и обо всем другом... Но то ли постеснялся, то ли... Что потом? Потом я посты проверять отправился, а когда вернулся, мне взводные и говорят, мол, ворвался в землянку Левкович со своими подручными и арестовал наших гостей, те и сделать ничего не успели! На каком основании? Блин, Витек, какое этим уродам нужно основание? Петька, ну, зам мой, так он сказал, что, когда их обыскивали, то под шинелями много чего нашли! Рации, что ли, какие-то портативные с надписями не по-русски. Как там Петька сказал? Слово уж больно мудреное, но зам мой университет перед войной окончил... «Моторола», что ли? Да, точно

⁶ StG — 44. Первая в мире штурмовая винтовка. Визуально похожа на АКМ.

— «Моторола»!

Ну, думаю, совсем Левкович оборзел — таких боевых ребят хватает! А фронт кто держать будет? Особист этот хренов со своими мордоротами? Сел я тогда и крепко задумался. Ну не мог я допустить такую несправедливость! И вот тогда, Витька, я и решился на авантюру, по меркам нашего государства — преступление! Об этом, Витька, теперь только двое знать будут — ты и я; остальные посвященные — на том свете все: и правые и виноватые! Но я тебя с первого класса школы знаю, да и на фронте ты за чужими спинами не прятался! Вон какой иконостас у тебя, покруче моего будет! Да и то, что мы с тобой именно в госпитале встретились... Ладно-ладно, Витек, хорош обниматься! Переборщил с непривычки, парень... Еще бы — три месяца на больничной койке... Сядь, закури, дай мне историю закончить.

Ну, успокоился? Продолжаю... Подумал я тогда, да и позвал несколько ребят, в которых был уверен, как в самом себе: двоих взводных, Петьку, зама своего, да сержанта из второго взвода, пожилого дядьку, третью войну уже пахавшего. У него на Левковича зуб был: тот его за «превознесение царского генерала» арестовать хотел, комиссар полка отмазал, они с этим сержантом вместе в партию вступали, в одна тыщца девятьсот пятнадцатом году. Какого генерала? Да про Брусилова дядька красноармейцам рассказывал, про прорыв его знаменитый, хотел новобранцам мысль внушить, что немца победить можно.

Вот собрал я, значит, команду и объяснил ребятам, что делать нужно. Все со мной согласились — политруков-то мы в деле видели, а суку эту, Левковича, на дух не переносили. А задумал я отбить наших гостей-помощников... Как это можно скрыть? Так фронт же, дружище, самый передок! Всех особистов перебить, и пускай потом другие гадают: то ли шальной снаряд, то ли пулеметная очередь с самолета! Ну собрались мы, пошли... Где блиндаж особого отдела — сержант знал, точно вывел! Подходим мы, и вдруг выстрелы! Винтовки бьют, судя по звукам — две. Мы рассредоточились и подкрадываемся. Вдруг все стихло. Я поближе подобрался и слышу голоса: политрук вопросы задает, а Левкович отвечает. Причем, судя по голосу, со здоровьем в этот момент у Левковича явно нехорошо! Как-как? Ну, ранен он! Я еще ближе подполз, выглянул из-за кустов. Вижу — трупы разбросаны, а над ними эта троица стоит. Какая-какая? Блин, Витек, ты что-то совсем соображать перестал! Все, тебе больше не наливаем! Какая троица? Отец, сын и святой дух! Ха! Ну, ясно же — политруки эти да шофер их! А где девушка была? Распереживался, блин! Да все в порядке с ней было — в блиндаже она отсиживалась! Ну вот... Допросили политруки Левковича, потом старший приставил ему дуло винтовки ко лбу и спокойно спустил курок. В общем, не понадобилась им наша помощь! Сами прекрасно справились. Как я потом посмотрел — охрану блиндажа голыми руками перебили, а когда Левкович вернулся, из засады его встретили и из двух винтовок, что у охранников отобрали, всю особистскую кодлу положили! Сколько-сколько? Человек семь-восемь...

Ну, вылез я из кустов. Окликнул, конечно, предварительно, чтобы не пальнули от неожиданности. Политрук мне спасибо сказал за помощь... Объяснил, что именно за особистом его командование и послало, мол, враг народа тот был... Как же — поверил я ему! Но сделал вид, что поверил! А что? И ему и мне спокойней! Разошлись мы друзьями... Хорошие они все-таки ребята! Да, на прощание политрук спросил: служил ли в моей роте Илья Ясулович. Служил такой... Во втором взводе... Так я и ответил, и добавил, что ранило его днем и что его отправили в медсанбат. Догадался я потом, что именно Ясуловича этого они под видом репортажа и искали. Что это был за человек? Человек как человек... Вроде бы бывший аспирант, да перед войной отсидел пару лет... Ну, не за кражу же! Конечно, по политической статье!

Вот такая история, Витек! Думай, что хочешь! Да... Я потом уже узнал, что видели этих людей в медсанбате и что протащили они через фронт триста раненых. Как-как? Какомверху! Тогда под Вязмой слоеный пирог был... Можно было сделать, раз провели... Я сам тогда из окружения остатки батальона вывел... Хотя выводить здоровых людей проще, чем раненых. Про медсанбат мне сестричка одна рассказала, когда я после второго ранения в

госпитале валялся. Узнала, что я тоже под Вязьмой бился... Еще она сказала, что забрали эти политруки двух людей — того самого Ясуловича да одного майора, командира батальона штурмового. Что-то она еще плела про пенициллин, мол, майора им из горячки вывели. Что удивительного? А то, Витек, что этот самый пенициллин только в прошлом году придумали! Ладно, давай по последней и на боковую! Что-то я тоже окосел...

Эх, хорошо пошла! К чему я все это рассказал? Да вот к чему... Как думаешь, откуда у меня коньяк этот, закуска и табак мериканский? Какую посылку из дома? Кто мне коньяк пришлет? Мать с трудом концы с концами сводит, трех сестренек растит на один мой аттестат! Какой спецпак? Ты что, Витек, мы с тобой в одной палате на соседних койках лежим, мне что, особые условия полагаются? Все? Сдаешься? Ладно, не буду больше томить, встретил я своего старого знакомца. Кого-кого? Политрука того, старшего! Только он теперь генерал-майор! Искал он здесь в госпитале кого-то. Меня сразу узнал, первым подошел, обнял, про здоровье спрашивал... Гостинцы эти вручил... И знаешь, Витек, что он сказал на прощанье? Недолго, говорит, осталось — через год война кончится! И знаешь, Витек, я ему почему-то верю!

ПРОБОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Белый свет залил фонарь кабины боевого самолета. И тут же с явно слышимым щелчком пропал. Командир элитного ударного подразделения воздушных сил ВМФ Российской Империи подполковник Антон Крюков машинально взглянул на тактический экран — все в норме, только засветились красным светом пиктограммы каналов спутниковой навигации и телеметрии с авианосца «Владимир Мономах». Затем Антон посмотрел на своего ведомого — истребитель-бомбардировщик С-150 из эскадрильи «Черный орел» шел за ним в левом пеленге.

— Командир! Что это было? — удивленно спросил сидевший рядом оператор вооружения поручик Дементьев.

— Не знаю, — ответил Крюков. — Проблемы с навигацией, переходи на запасной канал!

— Есть, командир! — поручик принялся за работу.

— Полсотни-третий! Ответь полсотни-первому! — запросил подполковник своего ведомого капитана Левшина.

— Ответил! Полсотни-третий! — раздался в наушниках флегматичный голос капитана.

— Отказ навигации! Продолжаем выполнение задания! Основная цель — тяжелый крейсер Халифата «Меч пророка»!

— Понял, командир! — подтвердил ведомый.

Антон вопросительно посмотрел на Дементьева.

— Глухо, командир! — несколько растерянно сказал оператор. — По всем трем каналам глухо!

— Спокойно, поручик! Что бы ни случилось — спокойно! — твердо сказал Антон. Поручик был молодым и шел на боевое задание второй раз. — Возможно, вспышка белого света была от действия какого-то нового оружия. Курс мы не меняли, поэтому крейсер вскоре должен появиться на наших тактических радарх.

Крюков оказался прав, и через семь минут на экранах появились сигналы.

— Командир! Неужели разведка подвела?! — удивился Дементьев. — Кораблей охранения почти в два раза больше!

— Последние данные с разведспутников и авианосца поступили к нам до этой вспышки. Всего десять, нет, уже одиннадцать минут назад. И вряд ли противник успел подтянуть дополнительные силы в этот район, — ответил подполковник. — Это могут быть ложные цели, я видел такое в боях над Суэцем во время второго Джихада!

— Полсотни-первый! Ответь полсотни-третьему! — Судя по голосу, Левшин вышел из своей обычной флегмы.

— Полсотни-первый! Слушаю! — ответил Крюков.
— На курсе 275, удаление 500 наблюдаю группу надводных целей! Количество целей не совпадает с данными разведки! Наши действия? — запросил Левшин.
— Боеголовки ракет в режим селекции тоннажа! Нижняя планка — 20 000! Повторяю — 20 000 тонн!

— Принято! — уже более спокойным голосом ответил ведомый.

— Атакуем! Слева 30, до цели 400, план номер три! — четко скомандовал Крюков.

— Принято! Атакуем! — отработовал Левшин.

Истребители-бомбардировщики С-150, повернув влево, легли на боевой курс...

Командир авианосца «Авраам Линкольн» ВМС США Гарри Кондейл был разбужен сигналом с мостика. Вахтенный офицер доложил Кондейлу, что самолет ДРЛО засек приближение к эскадре неопознанных воздушных высокоскоростных целей.

АУГ⁷ из состава 5-го флота во главе с «Линкольном» находилась в Персидском заливе из-за очередного обострения конфликта с Ираком. Командующий группой вице-адмирал Тимоти Китинг был предупрежден о возможных провокациях со стороны иракцев, но эти самолеты шли с юга.

— Ну что тут у вас? — спросил командир, поднявшись из своей каюты в БИЦ⁸

— Цель групповая, высокоскоростная, патруль засек их на удалении 700 миль, но дежурная пара «Томкэтов» на перехват не успела. Цель движется со скоростью 4 Маха, — ответил офицер поста ПВО. — Минуту назад они повернули влево и теперь следуют точным курсом на нас. Учитывая их скорость — время до контакта 2 минуты.

— Боевая тревога! — объявил командир. Гигантское тело авианосца наполнилось громким «квakanьем» сирен и грохотом ног. Несколько тысяч моряков спешили занять свои места по боевому расписанию. Палубная команда приступила к подготовке взлета пары F-14.

— Что за шум? — брюзгливо спросил подошедший адмирал Китинг, оторванный тревогой от чтения последнего номера журнала «Hunting & Fishing».

Адмирал недоуменно посмотрел через плечо оператора на тактический дисплей. И в этот момент группа целей разделилась. Через секунду вместо двух точек на радаре появилось несколько десятков.

— Цель задействовала имитаторы! — объяснил оператор, не отрывая глаз от экрана. А спустя десять секунд добавил: — И поставила радиоэлектронные помехи!

— Противник забил все командные частоты, полностью потеряна связь с кораблями охранения! — доложил вахтенный офицер.

— Эта группа явно атакует нас! — Адмирал слегка побледнел. — Иракцы?!

— Для иракцев они слишком хорошо оснащены! — Кондейлу тоже сделалось не по себе.

Почти целую минуту в БИЦе царила тишина. Все офицеры смотрели на покрывшиеся сплошными засветками экраны радаров.

— Перехват невозможен!!! — офицер поста ПВО был близок к панике. — Мы не можем различить цели, мы их просто не видим!!!

— Сделайте хоть что-нибудь, они же нас сейчас прикончат! — заорал адмирал.

В сторону приближающихся самолетов были выпущены все зенитные ракеты, вслепую, по выбранным компьютером случайным целям открыли огонь комплексы «Вулкан-Фаланкс» правого борта.

Но все эти действия оказались тщетными.

Авиационные противокорабельные ракеты «Шестопер», используемые истребителями-бомбардировщиками ВМФ Российской Империи, были предназначены для борьбы с

⁷ Авианосная ударная группа.

⁸ Боевой информационный центр

устаревшими, но защищенными толстой бортовой броней кораблями Халифата. Для надежного поражения цели на «Шестоперах» стояли кумулятивные фокусно-плазменные боеголовки, при номинальном весе БЧ в пятьсот килограммов имевшие мощность 12 тонн. И таких ракет каждый С-150 нес по две штуки.

Ракеты, выпущенные экипажем Крюкова, вошли в борт авианосца. Первая на полметра выше подводной защиты, проделав пробоину диаметром 20 метров и разрушив прилегающие отсеки на глубину половины корпуса. Но даже такая чудовищная рана не смогла бы вывести гигантский, водоизмещением 95 000 тонн, корабль из строя. Однако вторая ракета проделала аналогичное отверстие напротив кормового эшелона силовой установки.⁹ Ядерный реактор не перенес близкого взрыва. Сработала аварийная защита, реактор был заглушен, и корабль временно, до разгона на рабочую мощность носового эшелона ЯСУ,¹⁰ остался без энергии и хода.

Ракеты, выпущенные экипажем Левшина, сделали горку и ударили сверху в идущий по инерции плавучий остров. Первая полностью разрушила надстройку, убив всех, кто в тот момент находился в боевом информационном центре, ходовой и штурманских рубках. А вторая последовательно пробила 50-миллиметровые стальные настилы полетной, ангарной и главных палуб и нырнула в трюмный отсек, который, по замыслу конструкторов, должен был являться самым защищенным, после ЯСУ, местом на корабле. Именно в трюмном отсеке находились запасы авиационного топлива и боезапаса. На беду американцев, путь «Шестоперу» преградила наполовину пустая цистерна с авиационным керосином, где, по чьему-то упущению, не была включена система заполнения инертным газом. Чудовищный взрыв вскрыл корабль, как консервную банку. Затем сдетонировали остальные цистерны и погреб боеприпасов. «Линкольн» завалился на борт и стал быстро погружаться.

Завершив противоракетный маневр, самолеты легли на обратный курс.

— Отлично сработано, ребята! Благодарю от лица службы! — по общей связи сказал Крюков.

— Рано благодарить, командир! — ответил капитан. — Параметры цели не совпадают с данными бортового вычислителя. К тому же я хорошо рассмотрел пораженный корабль — это не «Меч Пророка».

Антон не стал переспрашивать, он хорошо знал своего ведомого и поверил ему сразу. На принятие решения у командира ушло не больше пяти секунд.

— Разворот на повторную атаку! Боеголовки в режим селекции подвижных целей! Будем атаковать до полного уничтожения!

«Черные Орлы» повернули назад, на едва пришедшую в себя от стремительной атаки американскую эскадру. В бомбоотсеках русских истребителей-бомбардировщиков висело по два десятка мощных тактических ракет ближнего боя.

Москва, 2007 г.

**Владимир Коваленко
ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ**

ВЕРНЫЙ

Сэр Мелвас сидит в засаде. Точнее, стоит, но принято говорить, что сидит. И не столько в засаде, сколько наблюдателем. Граф Арранс сказал — проследить, как пройдет

⁹ На авианосцах типа «Честер Нимитц» два реактора, которые в целях повышения живучести корабля разнесены по длине корпуса

¹⁰ Ядерная силовая установка.

отряд Проснувшегося, и дать знак. Кроме самого Мелваса, в пикете еще двое, но оба зеленъ, что непременно или веткой хрустнет, или солнечного зайчика пустит шлемом. А у Проснувшегося не те люди, что упустят столь явный знак. Если решат, что в кустах скрывается чужой — лес прочешут. И тут — дай Господь ноги унести.

Сэр Мелвас вздыхает. Еще год тому назад в любом лесу графства хозяевами были воины графа Арранса. Теперь и эта пора кажется счастливой, но тогда... Тогда Мелвас вспоминал иные деньки, еще более благословенные — дни, когда корнуолльский бритт оставался хозяином на своей земле. Да, волна варварского нашествия смывала королевство за королевством, но за прошедший с победоносных времен короля Артура срок в славном королевстве Думнонии к этому привыкли. И к беженцам с севера и с запада, что ни год наполняющих города, и к тому, что на ярмарках становится все меньше купцов. Таков был ход вещей, и даже монахов, призывавших покаяться и поминавших *furog germanicum*, думнонии слышали, но не слушали.

Приучились — жить. Приучились — не думать о драконе по соседству. Да и надежда была: королевства, что жрал белый саксонский дракон, такие все маленькие... Потом саксы вышли к Ирландскому морю, и соседей попросту не осталось. Разве кто по морю заплывет. Все больше монахи из разоренных язычниками обителей. Рассказывали, кто и когда пал. И барды слагали печальные песни, а рыцари их слушали. Прихлебывали пиво из золоченых братин, ухмылялись в усы. Думали, нашествие мимо прокатилось. Ошибались.

Давно это было... Мелвас последний в дружине, кто — нет, не помнил — забыл. Толку-то душу рвать? А поди ты, только позабыл — стало хуже. Ведь выбил из памяти бывшее, как клин из бревна, что передумал раскалывать. Веселье на графском дворе, длинный стол, за которым нет места, не занятого добрым товарищем, идущая кругом чаша, круглый стол с очагом посередине, шипение мяса на вертелах, довольное бульканье котла, удалая песня... Все померкло, и, даже пожелай, всплывет в голове сухое знание — так было, а не яркие картинки: летящий под копытами наезженный тракт, майская зеленъ, веселое солнце сквозь ветви, гомон товарищей за спиной...

Вот это — приходит во снах, а то и наяву мнится, и дергает душу, показав наяву краешек того, что целиком уж не поймать. Того, что померкло, как свет на закате, пожухло, что трава по осени. Веселая, беззаботная жизнь дружины графа Арранса до явления Проснувшегося. Остатки счастья, которое не сумели убить даже саксы. Тогда, дюжину лет тому, казалось: не может быть ночей черней, чем наставшие дни. На западных рубежах лежало королевское войско. Хлипкий частокол на пути разлившейся реки... Подмыт стрелами, снесен копьями, топорами вымолочен, мечами перемолот. По дорогам, меся извечную грязь, шли усталые, перепачканные кровью и золой люди. Шли да рассуждали: насколько хороша здешняя глинистая земелька. Готовились делить. Ворчали: им, победителям, велели брать землю вместе с побежденными. И им навстречу из лесов выходили люди, ждавшие в чащобах голодной смерти. Те, кто не успел убежать. Обещали отдавать часть урожая, не держать в руках оружия и чтить своих новых господ.

Куда им было деваться? Тот небольшой кусок Думнонии, что не достался саксам, только потому и сохранился, что призвал иных германцев в господа, обязавшись платить за защиту тяжкую дань королевству франков. И первые платежи были сделаны не золотом, а людьми, которых нечем прокормить на белых меловых скалах...

Многие ли тогда вспомнили павших соседей? Верно, никто. Многие ли вспомнили гневные голоса монахов? Такие были. Иные успели добежать до обителей, чтоб сгореть вместе с ними. Иные сошли с ума и бродили по дорогам, именем Господним пытаясь выклянуть кусок хлеба, отложенный голодным детям. Впрочем, до первого сакса. Те ставили на помешанных удар.

Кое-кто вспомнил давние легенды о короле Артуре. Молились, надеясь, что древний вождь услышит и вернется. Сам Мелвас и то, было дело, пробрался в Тинтагель. Руины громоздились вокруг, подобно гнилому зубу. Он звал. Разрушенная крепость молчала, только эхо билось в обломках высоких, таких больше не умеют строить, стен.

Только годы спустя, когда сильные устроились, а слабые притерпелись, явились: воин с севера... и его девка. И тучи окончательно сомкнулись над головой. И пусть кричат, что северянин — последний рыцарь Артура! Хоть бы и так, да от него добрым бриттам вовсе житья не стало. А ведь сэр Мелвас был одним из первых, кто встретил пришельца на земле, презрительно прозванной саксами «западной пустошью» — Корнуоллом.

Тогда, в последний день, старый рыцарь ворчал, ему чего-то не нравилось... А, конечно: сбор подарков. Так это называл граф, а вот идею подбросил Мелвас. Знал бы, что выйдет — смолчал бы. А может и нет — животы уже подводило, а гостеприимство корнских хуторов хоть и вошло в поговорки, но никак не распространялось на постой трех десятков королевских дружинников. Так что приходилось брать свое — силой. Корнуолл — не Камбрия. Кланов слабые, а после поражения и оружие саксам отдали. Ну, топоры, конечно, остались — не специальные, боевые, но такие, что, приладив их на более длинное топорщице, могут стать пристойным оружием. Но корнец с топором вдали от дома — преступник и законная добыча любого сакса.

Так что — куда крестьянину деваться, когда его домишко окружает графская дружина? Да человечешка сам виноват! Не умер в решающей битве с саксами, не сбежал в последний вольный клочок или на континент — в Бретань.

А для очистки совести летело вскользь:

— Лучше мы, чем саксы.

— Выгоним сакса, все будет, как встарь. Потерпите.

— На семена тебе оставили, на пропитание тоже. Мы ж не звери...

И верно, оставляли. Даже с некоторым запасом. Граф велел. Сказал:

— Последнее должны выгрести саксы.

И саксы выгребали, до зернышка. Вскрывали ухоронки, скребли затылки: даже с припрятанным выходило мало.

— Мы знаем, сколько должна родить такая земля, — говорили, — потому платите налог. Или получайте наказание за бунт.

Время от времени кто-то из крепостных, не забывший, что такое быть свободным воином, брался за топор. И умирал быстро. Семья получала надежду на рабский кусок в свежесрубленном саксонском бургере. Или все ту же быструю смерть. А чаще всего — отправлялась к портам, на продажу. У саксов тоже не много припасов на лишние рты.

Иной, что о свободе позабыл сильнее других, валялся у саксов в ногах, просил прощения, что зерна мало — и честно валил на ушедшую в леса дружину прежнего владельца. И то, что правда взяли, и то, что прикопал сам. Саксы все равно обирали такого до нитки. А из леса являлось возмездие предателю. Люди, которым рабы уж точно не нужны...

Впрочем, до подобного доходило только последнее время. Поначалу два десятка человек легко собирали на сытый прокорм — себе и графу, сыну предыдущего. Учили парня сидеть в седле, стрелять из лука, бить копьём и мечом.

А вслед им летело:

— Скорей бы парень вырос!

Вот и возмужал. Стал о возвращении отчины думать. Войско набирать. И разоренный край, что легко кормил, помимо саксонских дружин, два десятка веселых лесных всадников, узнал, что такое недоедание.

Да и с новенькими, одно название, что рыцари — беда вышла... Они-то другой жизни не видели. Привыкли, что дружинник выгребает из крестьянина все, в чем нуждается. Если потребного нет, скажем, меча, берет больше — чтобы нужное купить. Дождавшись торговца с вольных думнонских земель. А чаще — подыскав сакса пожадней.

Это выходило не трудно: самих саксов особо не трогали. Сначала — ни к чему было. Думали, Аррансин подрастет, тогда... Дождались. И что сказал дружине, наливающейся элем по поводу совершеннолетия предводителя, новый господин? Предложения ушипнуть, наконец, сакса позлей, так и летели с хмельных языков. Но безусый вождь послушал-послушал, да и ответил:

— Рано.

Сказал — отрезал. Мелвас тогда даже протрезвел настолько, что снова почувствовал, что под задницей — корни дуба, а не скамья в парадных палатах. А мальчишка в зеленом — и красиво, и жизнь может спасти, потому и рядили молодого графа с детства в зеленое, так и осталось — пересказал все мысли. Которые и сами дружинники, поди-ка, выдали б. Натрезве да покумекав. Мол, лезть на тех, что войско прежней, большой, Думнонии в прах растоптали, с двумя десятками самых лучших воинов неразумно. Саксам не трудно и две тысячи прислать.

Вот уж кто не смущался соотношением сил, так это Проснувшийся. Возник из ниоткуда, как снег на голову. На головы — дюжины саксонских фуражиров. И ладно бы положил их из лука... Уж непонятно, как так обернулось, а к приезду сэра Мелваса вокруг хутора только остывшие тела валялись. Перебиты, да так, как только в сказках сказывают или в былинах поют: кто напопы развален, от плеча до пояса, у кого голова проломлена от макушки до подбородка, кто пробит копьем сквозь щит, да вместе с конем и кольчугой, да насквозь...

Первой мыслью было: «Дождались!» Мол, теперь только найти в лесах богатыря, свести с Аррансом. А потом — поход. Как тогда, столетие назад... Слова-то, слова! Как песня, как колокол: Тинтагель, Камланн, гора Бадон. А оттуда и до Лондона недалеко! Ясно же — или сам Артур тоже скоро на свет Божий выйдет, или прислал рыцаря из спящей своей дружины, чтоб тот помог изнемогшему в борьбе народу дожидаться урочного часа.

Граф, однако, вовсе не обрадовался. Грыз травинку, сплевывая кусочки сочного стебля.

— Ищите, — сказал, наконец. — Наверняка самозванец. Но умный самозванец — тоже неплохо. Может пригодиться.

Неделя шла за неделей, а найти проснувшегося рыцаря никак не удавалось. Зато со всех сторон доходили слухи о лихих налетах. То сакс-гонiec расстался с жизнью. То часового снесло со стены бурга. Ну а больше всего доставалось тем, кто крестьян обирал.

При этом образ богатыря обрастал новыми подробностями, вовсе сказочными. Проснувшийся, казалось, не тратил времени на дорогу, умудряясь в один день раздеть сборщика налогов и пристрелить наблюдателя на дозорной башне бурга — в двух суточных переходах друг от друга. Конных.

На опросы крестьяне только руками разводили. Мол, волхвство. Старинное. Недаром ходили слухи, что рыцарь любил и по сию пору любит Деву Озера. Леди Нимуэ — а по-старому Неметону. Ту, что дала королю меч. Ту, что заманила Мерлина в пещеру без выхода. Ту, что взяли в мечи, как ведьму и язычницу. Ту, после чьей гибели держава бриттов удивительно быстро сошла на нет.

Иные и дальше заходили. Что с того, что сам Проснувшийся себя называет не иначе, как «сэр Кэрра-док». Что всего и значит — «счастливый влюбленный». А кто, по легендам, любил Нимуэ-Неметону? Пусть и несчастливо? Мерлин! Получеловек-полудемон. И, конечно, соратник и рыцарь Артура. Который, напоминали старики, и вовсе из старых богов. А никакой не полудемон, как уверяли в церкви.

Волшба в голове укладывалась. Легко. Так же, как совмещалась восторженная любовь к богине — с вполне земной девкой, мчащейся бок о бок с героем. Это жизнь, и это Мелвас понять мог. Но как Проснувшийся бьет саксов с коня из ростового лука, и вообразить не сумел. Оставалось заключить — «Кэррадок» и не человек вовсе. То ли, верно, Мерлин-полудемон. То ли кто из старых богов. Может, у этих руки иначе устроены...

Новую лихоманку саксы терпели недолго. Тем более прирученные умерли первыми. Опаски не хватило. Привыкли по лесам спокойно ездить. А тут — стрелы в упор. И рыцарь, при котором — одна знаменная. Правда, ведьма. А штандарт — проще не придумать. Белая тряпица, на ней углем от сожженного хутора нарисована буква «А». То ли первая буква имени спящего короля, то ли намек на око Господне; его монахи изображают, как треугольник с глазом поверх пирамиды. А иные говорят — знак Нимуэ, которая любила в земле возиться. Или знак борьбы за родную землю — циркуль землемера.

Вот сколько значений! А значок прост. Его так легко вывести меловым камушком на обугленной стене сожженной дозорной башни. Или вырезать ножом-саксом на спине казненного корнца, что так и не выдал логово Проснувшегося.

В лесу тоже жизни не стало. Прикормленные саксы полегли раньше, чем поняли, что происходит. На их место пришли злые. Сунулись в лес. Пусть и в чужой, да оказалось: смыслят саксы в лесной войне, еще как смыслят. Засада на засаду, и стрелы в упор. У саксов слабей луки, да кольчуг больше. А если дело доходит до топоров — пиши пропало! При первом же нападении половина старой дружины полегла. На смену опять пришлось брать молодых. А эти-то злые. Все ворчат, что пришли в лес мстить, а не меж дубовых корней отсиживаться. И учиться ратному делу им недосуг.

Пришлось привыкать к потерям. Да и жизнь стала похуже: мало того, что схватки с саксами каждый день, а по воскресеньям три, мало того, что дичь в лесу выбита да распугана, так и с крестьянина теперь мало что возьмешь. То есть попробовать можно. Да только ныне и графским людям приходится посматривать, не мелькнет ли в кустах белая тряпка. Не полетят ли стрелы под грозное «Неметона!»

Живых после такого не остается. А крестьяне лишь кланяются да ворчат в лицо: мол, вы уже и семена забираете, а Проснувшийся разве поесть спросит. И ведь ясно, что на каждом хуторе его уши. Но как узнать, которые чуть длинней и острее остальных? А резать всех подряд, чем лучше сакса будешь?

А скоро пришли новые вести. Нашлась на саксов своя напасть. Другие саксы. Их королевства никогда мирно не жили, вот и свалились в очередную собачью свару. Сперва обидчик думнониев, король Уэссекса Кенвалх, тяпнул побольней своего шурина, мерсийца Пенду. По двум больным местам — южным плодородным равнинам да по носу и ушам собственной жены. Которую в таком виде и отослал: мол, встречай, брат, сестру. Тот взвился. Отвлёкся от непонятных дел на севере да обрушился на юг. Да так, что накормил саксонским мясом всякую стервь на острове Британия.

По весне — новый сюрприз. Пенда не стал распускать ополчение на лето, пахать да сеять. Сказал, что дарит урожай своим верным подданным да такой, какой им в жизни со своей земли не снять. И не то диво, что в уплату даже братины, из которых с дружиной пьет, отдал. А то, что нашел продавца!

Теперь у Пенды войско, а Кенвалх Уэссекский свое распустил. А получил выбор: смерть от меча теперь же или от голода по зиме. Вот и распорядился у покоренных семенной запас до зернышка выгрести. Это, считай, треть урожая. Если еще подтянуть пояса да казну выгрести, скупая излишки зерна у франков и вестготов... То до следующего лета можно и дотянуть. Что корнцы перемрут — так нужны ли королю бунташные мужики? А на пустую землю саксов с континента пригласить. Эти хоть и своевольные, да свои.

Тогда граф Арранс, поминая всех бесов преисподней, выставил собственное знамя.

— Рано, — ворчал, — ну что мы сделаем сотней? Но, может, хоть ополчение соберем. Не верю я в мужиков... Ну да по трое за сакса отдать, и то неплохо. Может, кто на развод и останется.

Надежда была. Большая часть саксов Кенвалха сидела по крепостям, в мерсийской осаде, и помочь местным бургам ничем не могла. Впрочем, и местных — больше тысячи. Но если часть из них отвлекут мерсийцы.

Что надежда рухнула, граф понял сразу, как услышал, что Проснувшийся тоже поднял знамя. Проклятую черную букву. А Мелвас, как дурак, торчал на хуторе, назначенном для сбора ополчения. Чтобы не увидеть ни одного человека.

Зато теперь вот наблюдает, как мимо ползет бесконечная колонна. Кто знал, что в Корнуолле — или все-таки снова восточной Думнонии? — столько людей осталось! Идут и идут. Час, другой. Кажется, тут все, кто может поднять руку. Мужчины и женщины. Старики и подростки. Но и мужчин в соку довольно, и среди них нет-нет, да увидишь цвета кланов из соседних графств. А кое-кто и из той Думнонии, что под франками. Перебрался через реку, значит.

И оружия много. Не с палками идут. Больше всего топоров да кос и багров, посаженных на древки. Но есть и вырытые из ухоронок мечи да длинные буковые луки. И над всем — стяги. Грубые куски неотбеленной домотканины. Угольный рисунок, часто полустертый. Циркуль Неметоны.

Тогда сэр Мелвас впервые увидел Проснувшегося. Рыцарь летел мимо строя. Бросилось в глаза — в седле сидит как-то не по-человечески. Да и копьё держит странно. Словно наклони он его да ударь тычком, с разгона, не вылетит из седла. Рад чему-то. Летит вдоль колонны, орет радостно. И люди ему откликаются. Весело. Словно и усталости не бывало. Ближе, ближе...

— Она жива! Слышите, она жива! Она снова победила!

Ответ — радостные клики. Люди рады за вождя — и за себя. Эта радость... знакома. Как можно было забыть? Так народ приветствует любимого владыку. И поднимается из глубин памяти то, что когда-то утопил с тремя грузилами. То, что, казалось, ушло вместе с днями свободы и чести. Главный принцип службы сюзерену. Старому графу. Настоящему властителю, а не лесному умнику. «Не следует рыцарю пережить своего господина». А если уж довелось, так нужно погибнуть над телом, мстя.

Да, у Мелваса и его двух десятков был приказ. Спаси наследника. Так ведь спасли! Вырастили. Приказ исполнен. Так может... Отойти на три шага, прыгнуть в седло. И попросту, без выкрутасов, положить голову за старинную верность. Какая разница, под чьим знаменем? Враг не переменился!

Старый рыцарь подошел к лошади.

— Сэр?

Молодые. Не понимают. А старых уж и не осталось. Все полегли за это проклятое лето. Так не пора ли и ему — к товарищам? Одно привычное движение, и рыцарь в седле. Шпоры осторожно прижимают бока скакуна — не коля и не рая. Просто давая понять, что пора перейти с шага на рысь.

Но как ни быстр старый рыцарь, молодые руки, вырывающие стрелу из открытого колчана и натягивающие тетиву, — быстрее. Другое дело, что выучки у них нет. Одна в молоко, вторая пришила ногу к седлу. До скакуна стрела не добралась — а потому новых выстрелов не последовало. Стрелы сквозь деревья не летают.

Вот зачем за спиной была молодежь! Впрочем, какая разница? Если обломить стрелу, она и видна не будет. А слезать с коня Мелвас теперь не собирается до самой битвы. Из которой выйти живым не рассчитывает.

Один из молодых ругается, поминая ад и преисподнюю. Не зря лорд Арранс предупреждал. Не удержался старик, предал. Что ж, со стрелой в бедре, верней всего, не заживется. Жаль, преследовать и добить нельзя: приказ. Рано раздавать долги! Проснувшийся пока не победил. Еще может случиться, что и нынешние, ослабевшие, саксы перетрут народного героя в кашу, из какой только лепешки печь. И тогда вернется время графа Арранса, время медленной, продуманной, жестокой работы. Почти безнадежной — потому как и от народа останется лишь каша. Что поделать, пришельцу из иных времен все равно. Не так, как саксу. Но разницы между корнями или теми же диведцами для него нет. Падут одни, в битву пойдут другие. Это им с графом нужны собственные люди, которые, увы, не захотели больше терпеть. И выбор их придется уважить. Пока не решится исход битвы с саксами. Тогда победителю — кто бы он ни был — будет предложено поделиться плодами победы с законным владельцем этих мест.

Молодой ухмыляется. Саксы точно не пожелают. Да и Проснувшийся — наверняка. Кто ему граф? Последыш, сын побежденного. Что ж. После победы уже Сэру «Счастливному Любовнику» придется создавать дружину, налагать поборы на голодающий народ. И люди рано или поздно вспомнят, что он колдун и чужак. Тогда и придется Проснувшемуся, получившему все слишком легко, столкнуться с заготовленными на сакса медленными жерновами.

Молодой дружинник ежится. Старая сказка припомнилась. О том, что у одного из

рыцарей Артура как раз и был меч, что рубил жернова, словно сырные головы... А еще не идет из головы радостное: «Она жива! Она победила». Если богиня поможет старому дружку, тяжело придется. Но лорд Арранс — умен. Он что-нибудь придумает.

Тот дружинник, что попал, выползает на покинутое сэром Мелвасом место — вполне ловко и скрытно, да еще и не стесняясь перепачкать брюхо травяным соком. Дождивается хвоста колонны. Слезает вниз. Говорит напарнику:

— Тысяч пять. Если Проснувшийся управится с этой оравой, победа у него в кармане.

Если управится, значит — если сумеет хотя бы построить. И не даст порскнуть от одного вида саксонского войска. И сумеет разменять хотя бы пятерых на одного. И не даст тающим войскам разбежаться от ужаса тяжких потерь.

Напарник коротко кивает. Оба садятся на лошадей и летят — докладывать. И не видят, как из-за поворота лесной дороги появляется голова второй колонны под флажками с циркулем.

НОВАЯ

Ночь. Без тепла. Костры есть, но мало. И раз уж ты, голубушка, оставила четыре пятых войска без тепла, изволь сама померзнуть. Да-да, приказ отдал Проснувшийся. А ему кто на ухо шептал, что враг наверняка костры подсчитает? То-то. Так что холодай-мерзни, знаменная. Завернись поплотней в плащ. Его плащ, камбрийский. Шерсть и лен... Никто на целом свете не умеет так сплести нити, чтоб лен закрыл путь сырости, а шерсть холоду. Только камбрийцы. Римляне пробовали. Саксы пробовали.

Соседи-бритты уж сколько столетий старались! Получалось: лен пропускает холод, а шерсть — влагу.

Но рыцарь как скинул тебе на плечи свой алый плащ, наготу прикрыть, так ты при нем и осталась. При них обоих. Весной плащ новым, разве измятым немного. Но ты в нем скакала, и ты на нем сидела, его подстилала, им укрывалась. Не осталось в уставших нитях ни цвета, ни вида. Только тепло. Тепло родины. И его тепло. И это тепло ты ни на что на свете не променяешь.

Врешь. Променяешь. Не глядя. На право забиться под бочок Проснувшемуся Рыцарю. Тебе хочется сказать, да хоть подумать — своему рыцарю? А и мечтать не выходит. Не твой он, ее. Одержимый богиней. И не она того захотела — сам пожелал. Потому и отпустить его сида не сумела. А пыталась. А толку, если тебе, Мейрион-озерная, остается спать с сэром Кэррадоком в обнимку, как сестре с братом, почти год. Люди перешептываются: «ночная кукушка». Кэррадок говорит: «ребенок». И только ты знаешь, кто ты есть на самом деле. Четыре слова: «старшая ведьма юго-восточной линии». Здесь их никто не слышал. Что толку сотрясать воздух, хвастаясь тем, чему тут не знают цены?

Ты ведь тоже не знала, какие пойдут долги и плата, когда вылезла из родного болота на зов богини. Навстречу солнцу и приключениям. Радуйся — хлебнула от души. И того и другого. Как только с головой не накрыло. Горек и сладок хмель камбрийских долин, словно мед вересковый. Камбрия... «Страна друзей» — для тех, кто числит бриттов людьми. Уэльс, «пустошь» — для варваров. Ты выбрала. Была девой озерной, стала камбрийкой. Боевым товарищем. Пусть все оружие — кинжал на поясе. Убить себя, чтоб позора не вышло. Какая разница?

Ты стерла бедра в кровь, рыся по горным дорогам. Ты придумала резать накладные огамой на дощечках — и грузы для армии не были разворованы по дороге. У тебя на шее монета с дырочкой висела! Награда. Дырочку сама просверлила, и широкою. Чтоб шнурок прошел витой, красивый. Чтоб побольше вкусного купить на золотую стружку... Чтоб отметить победу. Общую. Ты не стояла в копейном строю, не метала камни из пращи, не натягивала боевую машину. Ты не видала, как, подобно вспугнутым оленям, бегут пять тысяч саксов, не поднимала клинка, чтоб срубить бородатую голову — победа была и твоей.

Потом тебя позвала сестра богини. Рука на перевязи, лицо то и дело кривится знаками

боли. Заплатила за мост, по которому прошла армия союзников. Но калека не стала жаловаться на судьбу, а предложила взяться за дело побольше. И ты, конечно, сказала: «Да». Никто за язык не тянул.

Больше дело — меньше друзей. Вот когда ты это поняла: пытаешься забиться меж корней дуба в надежде уже не на сон, но лишь на толику тепла. Не полученного извне — сбереженного. А представь, каково Ей! И каково ее рыцарю.

Сейчас Кэррадок с людьми. Ходит меж костров. Вариво в котлах пробует — и передает тем, кто в тени. Хлопает по плечу, смеется шуткам и сам шутит. Его работа, долг человека с хрустальным взглядом, не ведающим лжи. Взглядом, который обращает в ничто пролетающие шутки и навсегда отсекает его от тех, кто идет за ним следом. Печать Иного мира люди не видят — чувствуют. А он шарит словами в пустоте и не слышит даже эха от окружающих теней. Для Кэррадока есть только он сам. Его возлюбленная богиня. И ты — единственный голос, который он слышит и слушает.

Сегодня Проснувшийся весел. Он не допускает и мысли о поражении — ведь он идет в бой во имя своей богини. Которая жива. Новость, которую ты, змеюка болотная, хранила почти полгода. От человека, который думал, что его любовь погибла. И мстил! И спас тебя... Тогда, впрочем, он и на человека походил мало. Всадник Дикой Охоты, не иначе. Выскочил из-за пылающей вербы — не пожалели саксы на священное дерево ни хвороста, ни масла, — выхватил назначенную на заклятие полонянку из-под меча, бросил поперек седла. Вывез. А ты, конечно, отказалась уходить. Сперва от страха и оттого, что некуда. Ты ведь не умела по чужой земле ходить.

И поверить не могла, что жива. Ты ведь свое сделала. Выкрикнула Слово. Главное слово. Несмотря на все травы, что тебе в глотку насовали. И смерть твоя должна была дать силу не богу чужаков, Вотану, а — Ей. Неметоне. Неметоне-Немайн-Нимуэ-Вивиан-Сулис-Минерве-Афине... Вот сколько имен. За тысячи лет накопились. Но, пусть Она и богиня, теперь она тоже камбрийка. Товарищ. А товарищи силу своих не пьют. Зато выручают.

И вместо меча пришли сильные руки. Теплый плащ. А потом — песня!

Не причинит друзьям вреда
Та, что погибнет за друзей!

Так поют по всему Корнуоллу, шепотом, даже молча. И смотрят, будто ты — это Она. Что не мешает им гадать, кто из вас с Проснувшимся на ком по ночам скачет. Ну и пусть. Главное, Немайн тебя спасла. Хотя от смерти твоей получила бы лишнюю силу. Нет, деревом священным пожертвовала, а Мэйрион вытащила. Рыцаря послала. Какая разница, что не с волшебного Авалона, а из-под Кер-Нида? Не на сто лет в грядущее, а на пару месяцев? А то и попросту сжала надоевшему поклоннику дорогу да и вывела туда, где он нужен. Неважно. Важно, что ты смогла догадаться, как Ее отблагодарить. За жизнь. За песню. За рыцаря и теплый камбрийский плащ. Поняла — и взялась за работу. Тяжелую, кровавую, увлекательную, волшебную работу неметониной жрицы.

Которая мало чем отличается от линейной службы. Разве саксов кругом побольше, так это не беда. Если б ты успела так развернуть юго-восточную... Тебя бы, как в песне поется, все войско Уэссекса не смогло бы схватить, не то что случайный рейд. Потому что ты знала бы, где и сколько саксов бродит по округе каждый час, где и сколько забитых крепостных готово по первому сигналу выхватить припрятанные луки и топоры, обратившись в воинство под знаком Неметоны. Удар должен быть верным. Так, чтоб выживших не осталось. А всякий, явившийся на поле боя после, увидел результат действий одного древнего героя, и никак иначе.

Именно твоя голова склоняется: «Бейте!» — когда сомнений нет, или мотается в стороны: «Терпите» — когда ждешь оплошности. И только изредка, когда цель уж очень сладка, например, обоз с зерном, размыкаешь ты рот, один на троих — тебя, рыцаря и богиню: «Проснувшийся идет с вами!» Кэррадок одним своим присутствием обращает

жалкое ополчение в Дикую Охоту. Ту, которую не разбить! А ты скачешь рядом. Со Знаком.

Знак ты подсмотрела на стройке. Любимый инструмент богини. И нарисовать просто: любой ребенок справится. И вот, сперва Знак оказывается на стене бурга или на бортике обозного фургона. Три черты углем. А потом он же — на пепелище или побоище. Три черты кровью. Иногда, когда очень нужно, и вхолостую сакса пугали, но редко. А как светятся глаза у обреченных на голодную смерть, когда им возвращаешь зерно! Вот тут Кэррадок всегда к месту. И ты, знаменная. Его голос. И его уши. Так уж получилось: тебя он почему-то слушает. И говорит с тобой. С остальными редко. И этот разговор — в одну сторону.

— Прячьте!

И прячут. А потом приходят те, что прячутся в чащобах. Марала ли ты о них руки? Раз два. Потом лучше придумалось. Саксонскому графу как раз везли невесту... На этот раз пришлось ехать самой, но без Проснувшегося. Проследить, чтоб девку убили. И убили не слишком быстро. Так, чтоб саксы подробности как наяву увидели. И тут уж никаких «циркулей Неметоны» не оставляли. Вместо них — четкий след в сторону логова лесных сидельцев. Да и подослать человечка в бург, чтоб выдал логово лесных всадников, ты не забыла. И очень удивилась, когда обреченный шпион вернулся.

Хорошо сцепились с лесной дружиной саксы! Половина людей графа в чащобе осталась. Да и воинство саксонского эрла убавилось едва не на четверть.

К осени саксы озверели вконец. Уже не бросали «хитрых кельтов» голодной смерти. Ухоронки вырывали пыткой, на месте деревень оставляли лишь головни... Пришлось разнести слухи. Сначала — безнадежные, чтоб проняло. Потом — о том, что шанс есть. Сразу на все. На сытую жизнь, на прежнюю волю, на добрую славу и честь.

Ты ведь не ожидала, что их придет столько? И хотя многие принесли немного пищи с собой, войско Проснувшегося на половинном пайке. Ничего, все решит бой. Победленным не понадобится ничего. А победители... Кэррадок у костров обещает завтрашний ужин за счет саксов. А тех немного, и сами голодные. Уж кому знать, как не тебе! Но победители, верно, досыта поужинают. Еще и пропадет! Потому что останется их никак не больше числа, на которое ты рассчитала снабжение. И в этом тоже твоя вина.

Теперь ты кутаешься в плащ чужого рыцаря, всматриваешься в недалекие огни. Их считают враги. И ты считаешь. Сколько их, сидящих вокруг огня и прячущихся во тьме, мерзнущих, но теплых, завтра к вечеру остынет на поле возле Тинтагеля?

Ты сделала все, что смогла. Но ты не богиня, а ведь и Неметона без потерь не побеждала. Ты же только ведьма-недоучка. Что ж, вот он, экзамен. И примут его не саксы. Не им судить! И не тем, кому ты боишься взглянуть в глаза. Тебе ведь не стыдно, нет? Нечего стыдиться. Но нечего перед ополченцами Дейрдру-плакальщицу изображать. К чему им читать в печальном взгляде, каковы они, проклятые расчетные потери... Так что правильно ты прячешь взгляд от войска. В ночи позволительно даже всплакнуть. Тихонько-тихонько. И чтоб утром смотрела весело!

Под восходящим солнцем да под прапором с циркулем оно выйдет сподручней, ведь так? А что никто не узнает, чего тебе стоила эта ночь, так не им судить. Это даже Кэррадоку не по плечу. Припомни: когда Неметона вела камбрийское войско на битву и останавливалась на твоей станции — одну ночь, всего одну бессонную ночь, — богиня уронила несколько слов. Тогда ты их не поняла. А теперь...

Теперь ты знаешь. И ждешь встречи со своей богиней — или с Тем, в Кого ты веришь с нею вместе. И как бы ни повернулось сражение, и каков бы ни был приговор утра, ты встретишь его весело и гордо.

«От равных вам дождетесь Вы мудрого суда. И равнодушно взвесит Он подвиг ваш тогда». Сегодня и завтра ты — это Они.

ЧУЖОЙ

Сорок третий воин во втором ряду. Это я, Хорса, сын Оффы. Сорок третий, если

считать справа, с почетной стороны. Почему тяжело дышу?

А через пять рядов протискивался. А перед тем с коня соскочил, а до того скакал всю ночь. Одного коня загнал, второй в пене. Неважно! Важно: успел. Сюда вот. В строй. Теперь все будет просто: вокруг — товарищи. Впереди враг. За спиной — сперва обоз, дальше бург, а потом армия Пенды Мерсийского, чтоб ему пусто было.

Что он мстит за сестру, это понятно. А вот что спелся с бриттами, нехорошо. Все-таки англ. Нам, саксам, родич. А ведь ударит в спину, не раздумывая, и гнать-рубить станет без пощады. Милю за милей, пока конница не устанет. Бург его не задержит. У мерсийцев машины есть, сильнее римских. Самый крепкий город выстоит не дольше, чем понадобится времени на постройку. А зовутся-то как! Стены Дорчестера почтили «волком». Винчестер пал иначе — три «лисицы» снесли защитников со стен, а там и до лестниц дошло. Простым же бургам хватает «крыс» да «мышей». Что за штуки, не скажу, не видел — а, верно, придется познакомиться. Если Пенда успеет дойти до бурга раньше, чем мы здесь упрямимся.

Не будь этого самого бурга, взял бы я ноги в руки да через пролив подался. Где армия погибнет, один человек вполне проберется. Не телохранитель, умирать рядом с вождем клятвы не давал. Срок вассальной службы за год выходил. Земли у меня нет. Денег не видно. Одно название, что тэн.

Что думал король? Понятно, что. Волков приручить хотел. Сказал, на новых землях кэрлов не будет, только тэны и молодая дружина, а пашут пусть бритты. Но раздавать тех рабами по хозяйствам не захотел. Велел саксам жить в бургах, а выезжать только за данью. И на охоту, конечно. Мол, так безопасней.

Первые годы все шло пристойно. А числиться тэном, человеком с доходом от пяти полей, приятно. Хотя и поля не свои, и сеньор — не король, а эрл думнонийской марки. Но лебедь-Саннива на кэрла или простого наемника и не глянула б! А если б не цепнула взглядом, как осадным ножом, пробирался б я теперь к южному побережью. Но и счастья бы не знал.

Она, мое сокровище, подарков не принимающее, в бурге. Интересно, что делает? Впрочем, понятно, что. Или водой стены да крыши поливает, или к стрелам оперение мастерит. К прялке да веретену вернется нескоро. Даже если все пойдет хорошо.

То есть если победим. Проиграть — хуже некуда. Пенда обещал всех больших людей повесить. За обиду сестры. Вот те и собираются драться. А для верности и народ уверяют, что — не пощадят. Люди слушают. Верят. Что с Хвикке случилось, слышали уже. Из самых первых рук — иные рядом стоят, со щитами да копьями. Да, не своими руками мстит Пенда. Руками бриттов. А тех уговаривать не надо. Звери. Умные, хитрые, что притворяются: покорились. А повернешься спиной — прыгают на хребет.

Взять, например, лесных всадников. Годами сидели тихо. Ну, брали кое-чего у рабов, но и нам оставляли. Эрл даже хотел с вождем их договориться, на службу взять. Чтоб не грабили, а свое требовали, спокойно, без оглядки. В обмен на обычные дни службы. А живут пусть, как хотят. Хоть в бурге, а хоть и в лесу, раз больше на волков похожи, чем на людей. Не согласились. Воровать им милей, чем служить.

И все равно эрл отдал приказ их не трогать. Ловить конных по лесам — муторное занятие, проще крестьян потрясти, нет ли лишней захоронки. Бритты жадные, у них всегда лишняя есть. Так что не перемерут с голода.

Может, с того приказа и начались у меня опоздания. Как на хутор ни заедешь, все лесные прошлишь впереди. Все, говорят, забрали. И не проверишь. Да и зачем? Те много не увезут, во вьюках-то. Какой год удался, сколько земля родит, саксы не хуже бриттов знают. Сколько оставить на посев и на пропитание оставить — тоже.

Нет, молчат, упрямые, не выдают зерно. Даже с ножом у горла. А самим искать...

— Ладно, — говорю, — тогда девок давайте. Завезу в порт, продам франкам. Как раз ярмарки! Так и недоимку покроем. Годится?

Как правило, не годится. Иные, взбесясь, на копья бросались с голыми руками. Иные

выдавали зерно — с таких я малость лишку брал. Пусть малость пояса подтянут. Полезно для соображения. Может, через год и поймут, что нам нужна наша доля урожая, а заглядывали к ним лесные, не заглядывали — неважно.

Были случаи, когда — годится. Мол, лучше раба у франков, чем умершая от голода. Мало, но были... Первый раз я опешил даже.

— Ладно, говорю. Вижу — правда зерна нет. Живите вместе...

Тут они мне в ноги, бабы плачут, иные знаки свои христианские делают. Мол, защиту своего бога на меня призывают. Я сам чуть слезу не пустил, но сдержался и вместо того пустил коня рысью. Еще раза два такое случилось, и я попривык. Станный народ. Мужчины кривляются и руками машут, как бабы. А женщины... Как ива в бурю. Куда подует, туда и мечутся. И радость и горе показывают так ярко, что внутри ничего не остается. Остаются пустые оболочки. В Саксонии, говорят, такие встречались: по виду девка, а на деле — пустой кожаный мешок. Спереди не видно, сзади заметно. Вот мужчин таких не бывало. А у бриттов весь народ такой. Полный внутри.

Когда я это понял? А как стал по второму году дань собирать. Когда первый же хутор девок отдать согласился, еще удивлялся — мол, надо же, не повезло. На втором — задумался. Но недоимку простил. На третьем — понял, дурят меня. Добротой пользуются. Тут желчь во мне вскипела...

Я подлостей на дух не переносу. С детства. Может, после того, как отец объявил, что мать его отравить пыталась. Убил, семье и королю виру выплатил. И новую жену в дом приволок. Нет, я, как и все, верил. Плакал, но верил. Года три. Пока убийцы душа в душу жили. А как свариться начали, из-за пустого мачехиногo брюха, так правда и выплыла. Мачеха сама призналась.

— Задумаешь меня прогнать, — кричала, — все расскажу. И тебя с щенком твоим в мечи возьмут!

Вира ведь вирой, но одно дело, когда муж в своем праве был, а за кровь платил, чтоб повода для мести не было. А другое — когда месть действительно нужна.

Я? Нет, не мстил. На отца руку не поднимешь, даже после такого. Разве что ту, кого три года матерью называть приходилось, живой оставил. А сам ушел. Как раз сюда. В Корнуолл. А отец с мачехой... Друг друга они накажут куда больней, чем острое железо.

С тех пор и кланяюсь Вотану, богу странников, ищущих славу и достаток собственным мечом.

А вот там, на хуторе, где доброту мою предали, я железом поработал. Нет, никакой пелены на глазах, я не одержимый. Несколько ударов плеча. Аккуратных, чтоб меч на кости не погнулся. Заодно проверил, как это, со стремян рубить. Очень удобно. Хорошая штука, жаль, недавно появилась.

Потом в бургe эрл мне выговаривал. Мол, нельзя забирать много девок и детей. Приплод нужен. Некому станет землю пахать. С тех пор я больше одной души из семьи не выдергивал. Ну, тут тоже всяко бывало. Вот и в тот раз — тоже. Эрл сказал: проверь, как там добытки, задерживаются. А как вернешься, еще дело будет. Важное.

Возвращение же возьми и подзатылись. Там, на хуторе, вся команда фуражиров — лежала. Ни единого живого. Бритты, напуганные, даже не сочинили ничего. «Режьте, — говорят, — зато уж мы насмотрелись, как вам смерть приходит. Рыцарь Артур проснулся. А там, глядишь, и сам король Британии встанет!» Трясутся, как ясеневые сережки в бурю. Но час назад наверняка добивали раненых. Впрочем, какая разница? Взбунтоваться они могли. Потрепать фуражиров — нет. Ну, случайно, при везении — ранить или убить одного. Но всех?

Стал я смотреть следы боя. Хорошо, лисы и мертвых волков боятся, все осталось нетронутое. Даже кошело! Значит, думаю, крестьянам — жить. Это потом понял, что на здешней войне серебра не берут, а стрелы в раны руками поглубже вбивают. Надо бы всех в мечи, по крышам солнышко пустить, и карьером — в бург! А я провозился. Больно следы оказались странные. Враг и правда пришел один, пеший. Наши спокойные были, за спинами

сlediли плохо. Скупились спинами к лесу, разговаривали, не спускаясь из седел... Ну кто мог подумать, что один лучник может вышибить из седел пятерых закованных в латы всадников раньше, чем двое оставшихся его догонят. Кстати, все были побиты короткими стрелами, обычными для конного лучника. Потом он взялся за меч. Один пеший против двоих конных. Вот парит туша лошади с распоротым брюхом. Всаднику придавило ногу, и его Проснувшийся добил чуть позже. Копьем товарища...

В общем, дурные вести принес я эрлу. И помчался на новое задание. Охранять старую бриттскую руину, Тинтагель. Там жрецы Вотана затеяли жертву приносить. Закрывать место бриттской богини. Я еще подумал: точно, пора. На деле вышло — поздно.

День скачки — для чего? Чтобы увидеть трупы лучших людей Уэссекса? Погибли жрецы Вотана — старейшины славнейших родов. Начальник охраны рядом лежит, с собственным мечом в груди. Дружинники в кучку жмутся, будто обугленная верба вот-вот в дракона превратится. А рассказывают... То, что теперь каждый знает. Как из огня проклятого дерева вылетел всадник, как посыпались стрелы. Уверяли, что страшный лук метал стрелы по десятку разом, меч тлел багровым огнем, а добрые клинки жрецов не могли продырявить кровавого покрова на плечах чудовища.

В таком образе Проснувшегося и не угадать было. Сначала я узнал лошадь. Ту, что еще позавчера ходила под товарищем, уходящим на фуражировку. Потом заметил и нитки от красного плаща, ободранного о кусты, и оперение стрел. Чудовище оказалось человеком, но оттого оно только опасней.

Воины оцепления в глаза смотреть не смели, хотя стыдиться им нечего. У них был приказ: смотреть наружу. И, что бы ни происходило внутри, не вмешиваться. Кто его отдал, осудил себя сам. А спас он не Проснувшегося, как сказал эрл, а шкуры своих людей. И тут не важно, был ли на деле древний бритт тогда наполнен колдовской силой, или нет. Его увидели именно таким, и толку от простых воинов не было бы.

Впрочем, некоторые из них познакомились с Проснувшимся чуть позже. Чудовище-то не успокоилось. Правда, перешло на ростовый лук. Как? Просто. Стреляло уже не оно. Стреляли «рабы». Те же, что кланялись и плакали. Днем одни, ночью другие. Лук спрятать куда легче, чем зерно. Но все стрелы были подкрашены красным и зеленым. И никогда в дело не шел топор или бил-кусторез. Никогда не поднималась дубина, не свистел камень из пращи. Только стрелы. Только меч. Только копье. И мы верили, что воюем с одним человеком, когда против нас сражалась армия. И армия эта росла, мы же гонялись по лесам за парочкой. Рыцарь и ведьма с его знаменем. Она нам глаза и отводила. Хотя помощники у нее были.

Например, тот человек, что явился перебежчиком от лесных всадников. Сказал, что не одобряет излишних жестокостей. А потому согласен выдать лагерь бывших товарищей.

— Каких еще жестокостей? — удивился эрл. Лесные не Проснувшийся, если кого и убивали, так заартачившихся крестьян, не желающих платить две дани разом.

— Когда женщин так убивают. Тем более благородных. Вчера, на римском тракте. Всю ночь коня гнал, не поверите.

По несчастному животному видно было, что перебежчик не врет. Но даже если на римской дороге засада, какая разница, когда идет вся дружина? Эрл ждал невесту как раз с той стороны, а потому я оказался в седле. Хотя на сей раз и не во главе. Мы взяли по две заводных, и обе были в мыле, когда я вернулся в бург. И пока начальник рассказывал эрлу о страшном и непоправимом, попался в цепкие ручки зазнобы.

Не хотел я ужасы пересказывать, а толку? Если Санни чего втемяшится, выбирай: или ты с ней не знаком, или все будет, как она скажет. По крайней мере, до свадьбы. Да и после, подозреваю, будет она покорнейше из мужа веревки вить. Пришлось рассказать. Ненаглядная раздумывать долго не стала.

— Женщина, — говорит, — мужчина до такого не додумается...

Тут рога прокричали. Мол, все в седло. Что тут думать? Нужно мстить! Есть перебежчик, что обязуется прямо к лагерю лесных вывести. Говорит, его прежняя жизнь

устраивала. А резаться с нами насмерть он не желает. Я-то знал уже, что такое бритты. Не верил. И эрл бы не поверил. Если бы подумал. Но за него приказы отдавала ярость.

Что умница-Саннива подсказать пыталась, я догадался, уже когда рубился с «лесными». Поезд вырубил все тот же проклятый богатырь. С невестой эрла жрица богини расправилась. А сам Проснувшийся, верней всего, этого и не видел. Иначе б поправил. Не нужно было уродовать лицо. За мертвую красавицу мужчине отомстить захочется сильнее, чем за кусок мяса...

Опять вышел нам убыток. Одно название, что победа. Отбили у врага поляну, разогнали. Так другую найдут. Соберутся. Убили многих? Так и у нас не все вернулись. Мне вот ногу поцарапали. Главное же — от лесных пошло много больше беспокойства. Я к десятнику, а толку? После того как перебежчик точно вывел на лагерь лесных, за ним не следили. Зря. Исчез, как не бывало.

Тогда и стало ясно, что двум народам на одной земле не ужиться. Что ж, снопы метать копьями да молотить топорами нам привычно. А что рабы в кучу собрались — так оно и проще выйдет, чем по чащобам их ловить. Жаль только было, что меня, как подранка, в бурге оставили. Оказалось — не случайно. На второй день, как эрл против мятежников выступил, вести пришли.

Мерсиец Пенда повернул на нас. На севере оказалось хуже, чем нам в кошмаре примниться могло. Ополчение и собрать не успели, король сбежал куда глаза глядят. Винчестер с Дорчестером, столицы славные, обе на дым ушли. А раз там были и бритты, не наши, а вольные, с запада... Всех людей, кто в плен попал, по остаткам стен развесили. Никого не пропустили. Оставили — рабов, крепостных, чужаков, незаможников, что на тинг не выходят. Ну и женщин. Тех, что жить после позора согласились...

Забыл я про больную ногу, гонцом вызвался. Дурные вести эрлу привез. Боялся — прискачу, а господина моего лисицы доедают. Но нет, лагерь стоит, стяги выются, рога поют, войско строится.

Эрл выслушал, поиграл желваками... Глянул на мою довольную рожу и хлопнул по плечу.

— Вот молодец, не уныл! Всех бы мне таких! Ну, ступай, отдыхай.

— Господин мой, — говорю, — разреши в строй встать.

А то, думаю, боги за опоздание сочтут. И отнимут у наших победу.

Эрл и вовсе рад. Сказал, что с такими молодцами ему и Пенда не страшен. А еще велел в первый ряд, как тэну положено, не становиться. Мол, случись чего, ему и живые храбрецы понадобятся. Вот потому я и во втором ряду. Стараюсь дышалку унять да через плечи и щиты первого ряда туман впереди разглядываю. Оттуда топать должно, лязгать. А то и вопить. Бритты стоять на месте не умеют. Если стоят — проигрывают. Они должны наброситься на нас, отойти, ударить снова... Но вот туман опускается, открывая чужой строй. Недвижный, странно приземистый. В первом ряду — удивленные голоса:

— Да они на коленях!

— Пошады просить вздумали? Не дождутся!

Ну, из второго ряда тоже неплохо видно.

Точно. Все войско штаны травой красит. И знамена склонены. Глупые самодельные знамена без наверхий. Неотбеленные тряпки с тремя угольными чертами. Только не могут они сдаваться. От чужого строя шибает чувством, и это — не страх. Сосед справа бормочет под нос:

— Зря радуются. Бритты молятся. Ох, чую, жарко сегодня будет.

— Ничего, — говорю, — попотеть при всякой болезни полезно.

Мне сегодня никакими бриттскими молитвами настрой не сбить. Сегодня я, наконец, успел. А значит, еще посмотрим, чья возьмет.

Глоссарий

Эрл — титул, примерно соответствующий графскому, но не римского, а скандогерманского происхождения.

Думнония — королевство романизованных бриттов, занимало территорию нынешнего Корнуолла. Религия: христианство.

Уэссекс — саксонское королевство, занимавшее значительную часть нынешней южной Англии. В описываемый период — смешанной веры, короли — язычники и христиане — чередуются.

Мерсия — королевство смешанного населения. Титульная нация — англы. Также значительное количество саксов, а на западе — и романизованных бриттов, находящихся с мерсийской короной в вассальных отношениях. Занимало нынешнюю центральную Англию. Смешанная вера, король Пенда предпочитает старых богов, его дети — христиане.

Камбрия — одна из пяти Британии, примерно соответствует нынешнему Уэльсу. Южные и западные части значительно романизованы. От того же корня происходит самоназвание валлийцев — кимру и гор в Уэльсе — Кембрийские горы. Игры с буквами появились в результате отражения валлийского слова на латынь, английский, русский языки.

Тинтагель — замок в Корнуолле, возле которого был зачат легендарный король Артур. Место, связанное с древними бриттскими богами.

Камланн, гора Бадон — места битв короля Артура.

Дева Озера, леди Нимуэ, Вивиан, Немайн, Неметона — разные формы имени древнекельтского божества. Первые три превращены при переработке артуровских легенд на континенте. Последнее — результат романизации и смешивания с Афиной и Минервой. А еще — персонаж романов «Кембрийский период» и «Камбрия — навсегда».

Мерлин — колдун, персонаж Артуровского цикла. По тогдашним поверьям — полудемон.

Озерная — **гуаррагед аннон, «озерная дева»** — обительница Аннона, мистического края на дне горных озер и болот Уэльса. Возможно, в действительности существовала затерянная среди болот языческая община. По крайней мере, потомки озерных дев в Уэльсе здравствуют и ныне.

Монета с дырочкой — да, вот так и появились медали.

Иной мир — общее название для заокраинного запада, внутренности населенных волшебными существами и старыми богами холмов Аннона...

Дикая Охота — мистическая кавалькада, собранная вокруг языческого божества, демона, легендарного персонажа, обычно проклятого. Свойства разные: от предупреждения о дурной погоде до атаки в конном строю. Большинство Диких Охот, впрочем, интересуется не людьми или, тем более, душами, а оленями...

Вотан — древнегерманское божество, примерно аналогичное скандинавскому Одину.

Авалон — остров, на котором в холме спит легендарный король Артур.

«Волк», «лисица», «крысы», «мыши» — различные осадные машины. «Волк» — требюше, «лисица» — перрье, «крысы» и «мыши» — тараны под прикрытием.

Тэн — титул в саксонских королевствах, мелкий тэн примерно соответствует рыцарю, крупный — барону.

Кэрл — свободный крестьянин, выходящий в ополчение и обладающий правом голоса в народном собрании.

Бург — саксонское укрепленное поселение, признакам города не удовлетворяющее: нет ни канализации, ни бань.

Рыцарь — дословно «ulchewr». У камбрийцев — воин королевской дружины. Обычно — конный лучник.

Минск, 2009 г

**Андрей Величко
СТАРЫЙ ДРУГ**

Пискнул селектор, голос секретаря сообщил мне:

— Сергей Максимович, звонок по вашему старому номеру, звонивший представился как Андрей Петраков.

— Переключайте, — я оторвался от монитора, все равно сейчас ничего срочного не было, так, по сайтам лазил, а тут Петрик звонит... сколько мы с ним уже не общались? Да лет десять, пожалуй, будет.

В начале девяностых я занялся автомобильным бизнесом, а у Петрика наступили трудные времена — деловых способностей у него отродясь не было, кандидатская зарплата со всеми доплатами вдруг превратилась в пшик, сын пропал где-то в Приднестровье, жена ушла... Была у меня мысль как-то помочь, но тут у самого начались неприятности, еле вытащил свое дело, а потом я узнал, что вроде у моего друга все нормализовалось, сын нашелся и живет с ним, появились хоть какие-то деньги...

Ведь в детстве лучшие друзья были, с досадой подумал я, что же это он так, забыл и с концами. А теперь, скорее всего, ему нужна какая-нибудь помощь...

— Конь? — услышал я знакомый, ничуть не изменившийся голос. — К тебе тут и по телефону не пробьешься, а мне вообще-то хотелось с тобой лично пообщаться...

— Когда?

— Да чем быстрее, тем лучше.

— Так, — прикинул я, — через полчаса у меня обед, успеешь приехать?

— Если ты прямо у себя в офисе питаешься, то конечно, я же сейчас дома, — услышал я бодрый ответ.

— Новая квартира? — поинтересовался я.

— Нет, все та же, с чего ты взял?

— От «все той же» тебе сюда полтора часа ехать, если не два!

— Это не мне, а тебе. Я и за двадцать пять минут успею, жди.

Он действительно успел. Мы поздоровались, я с интересом пригляделся. По одежде определить нынешнее финансовое состояние Петрика было невозможно — он всегда ценил только удобство и функциональность, не обращая на внешний вид своих тряпок никакого внимания. То, что он приехал на скутере, могло говорить как о том, что у него нет денег на автомобиль, так и о том, что у него нет времени на пробки... хотя определенный вывод можно было сделать. Мы с ним ровесники, обоим чуть за пятьдесят, но ведь ему же сейчас больше сорока не дашь — загорелый, подтянутый, только слегка прихрамывает. Когда мы виделись в последний раз, выглядел он куда хуже. Так что, судя по всему, именно нет времени...

— Ну, как сам-то? — приветствовал я его. — Заходи, садись. Сказать, чтобы и тебе поесть принесли?

— Не, я только что пожрамши, — отмахнулся Петрик, и, ей-богу, во взгляде, которым он одарил мой бифштекс, мелькнуло нечто вроде насмешки. — А сам я неплохо. И, знаешь, на днях как в темечко вдарило — вот сижу я тут, весь из себя такой благополучный, а старый друг, может, на последний червонец пакет растворимой лапши купил и думает, как теперь до полочки дожить... Но навел справки — слава аллаху, у тебя тоже все путем. Однако все равно встретиться не помешает, подумал я, даже подарок небольшой приготовил в ознаменование возможного возобновления знакомства. Я тут дачу купил, правда, далековато, в Тверской области, вот адресок и мой телефон, заезжай как-нибудь в гости, — он протянул мне мятую бумажку, — а вот подарок.

Петрик встал, порылся в карманах куртки и достал небольшой полиэтиленовый пакет, перетянутый резинкой.

— Понимаю, что мелочь, — ухмыльнулся он, — но, как говорится, дорог не подарок, дорога любовь. Ну, не буду тебя больше отвлекать, а то Россия совсем без китайских джипов останется, чао, — и, прежде чем я успел ответить, он встал и быстро вышел.

Я машинально развернул его пакет. Там были невзрачные серо-желтые камешки размером примерно с гальку. Можно, конечно, отправить их на экспертизу, но я и так был

почему-то уверен в ее результате.

Необработанные алмазы. Общим количеством примерно полкило...

Где-то с полчаса я тупо смотрел на небрежно оставленное Петриком состояние, а потом, вздохнув, достал телефон.

— Дорогая, у тебя сейчас нет срочных дел? Это хорошо, а вот у меня, возможно, есть... Так я еду домой, ты будешь?

Домой я успел раньше Тамары, положил на стол петриковский пакет и стал ждать. Не сказать, чтобы я всякое свое решение согласовывал с ней, но важные — обязательно. Все-таки у меня довольно удачный брак... да и первый тоже был ничего. Людмила — умница, все поняла и сейчас сидит хоть и без мужа, одна с дочерью, но при хороших деньгах. А уперлась бы двенадцать лет назад — может, и была бы при супруге, но уж точно при нищем. Чего там себе-то врать — не вылез бы я тогда наверх без Тамары, ну никак. И дело даже не в том, чья она дочь, хотя и это отнюдь не пустяк — у нее есть чутье и хватка, а у меня только способность тащить на себе воз и не жаловаться...

Войдя, Тамара первым делом окинула меня внимательным взглядом — все ли со мной в порядке, и, видимо удовлетворенная увиденным, предложила:

— Рассказывай.

Я рассказал.

— Та-а-к... это они?

Не дожидаясь ответа, она вытряхнула камни на стол, взяла один, поднесла к глазам...

— Да, похоже, что ты догадался правильно. Я не специалист, но... похоже. А что это за друг, я его видела?

— Нет, мы с ним перестали встречаться еще до знакомства с тобой. А так — с пятого по десятый класс в одной школе, на соседних партах, за одними и теми же девчонками ухаживали...

Петрику с ними не очень везло, вспомнил я, он мне даже завидовал. А потом почему-то перестал...

— Давай уточним, что нам известно, — откинулась в кресле Тамара. — Что ты можешь сказать про последние десять лет его жизни?

— Только то, что это время он или прожил в Москве, или регулярно тут появлялся. Скорее все-таки прожил, общие знакомые мне несколько раз про него говорили — и ничего про какие-то отъезды.

— То, что про него совершенно ничего не известно в деловом мире Москвы, — задумчиво сказала супруга, — скорее всего говорит о том, что камни у него появились совсем недавно.

— Вовсе нет, — возразил я, — у него весь дом давно, может быть, ими завален. А чтоб купить кроссовки, взамен вовсе износившихся, или куртку, хватит совсем маленького камушка, который он продал, например, несколько лет назад... хотя погоди.

Я взял телефон и позвонил заведующему сервисным отделом.

— Илья Петрович, ты у нас крупный спец по скутерам. Не видел, на чем пару часов назад ко мне гость приезжал? Даже так? Ну, спасибо...

— Редкая и дорогая модель, — сообщил я Тамаре, — какой-то «Биг Рукус», да еще и в хорошем тюнинге. Ну, значит, камешек был средний, только и всего.

— Ладно, — решительно сказала Тамара, — камни плюс адрес дачи означают недвусмысленное приглашение. Телефон — что надо заранее позвонить... Значит, поспешность мы демонстрировать не будем. Завтра ты с ним созвонись, а в субботу утром мы поедем. Я пока постараюсь справки навести...

Как говорится, мы приближались к месту нашего назначения. До поселка Ворошилово наш «Ниссан» домчал нас довольно быстро, но вот последние пятнадцать километров... На спутниковой карте там было небольшое озеро в лесу, и все, но Петрик сказал, что на самом деле имеется дорога, именно там, где нарисовано на его бумажке — и что мы на своем джипе по ней проедем без труда. Вот мы и ехали уже скоро час...

За три прошедших дня Тамара не добыла ни байта полезной информации. Петраков уже пять лет числится временно не работающим, соседи его почти не видят, а как полтора года назад была куплена эта таинственная «дача», так он на своей квартире стал появляться только наездами, а его сын теперь и вовсе безвылазно сидит на той фазенде.

Наконец за очередным поворотом мелькнуло озеро, а потом стала видна и цель нашего путешествия.

На невысоком холме перед этим озером обнаружили развалины какой-то старой барской усадьбы, частично скрытые молодым лесом, а рядом с ними — два свежестроенных дома и несколько маленьких будочек. Один из этих домов был довольно странным — пирамида, вроде как у Хеопса, только высотой метров десять, из дерева и слегка наклоненная в сторону. Второй был обычным сборным домом о полутора этажах, на его крыльце стоял Петрик и делал нам приглашающие жесты.

— Доехали? — поинтересовался он. — Тогда прошу к столу, в меню сегодня седло кабана и запеченный не знаю в чем тетерев.

— То есть как не знаете? — удивилась Тамара.

— Так и не знаю, мне повар говорил, но я что, Спиноза, запоминать такие вещи?

В некотором обалдении мы прошли за хозяином. Я бы не удивился, если бы внутри этот дом оказался обставлен в духе пещеры Али-Бабы или царских покоев, но тут все было просто.

Небольшая стойка с компом в углу, обычный стол в центре комнаты, три пластмассовых стула. На столе скатерть ручной вышивки, причем чуть ли не золотом, на ней старинный фарфоровый сервиз с теми самыми кабаном и тетеревом, блюдо с пирогами и два кувшина. Рядом с ними стояли несколько диссонировавшие с остальной икебаной три граненых стакана советских времен.

Мы расселись.

— А что, вашего сына сегодня не будет? — светским тоном поинтересовалась моя супруга.

— Вообще-то я его звал, — кивнул Петрик, — но он, поганец, говорит, что вот сейчас ему с плантации никак, а то, мол, половину урожая прохлопать можно. Прямо как дитя малое со своим хлопком, честное слово, как будто негры без него не справятся...

По-моему, мы с Тамарой подумали одно и то же — кто здесь рехнулся?

— Никто, — улыбнулся Петрик, — все в своем уме. Просто, наверное, мне пора рассказать, в чем тут интрига?

— Да уж, будьте так любезны, — серьезно попросила Тома.

— Итак, эта история началась пятнадцать лет назад, — начал Петрик. — Отец вашего мужа, Сергея, среди одноклассников более известного как Дас Пферд или просто Конь, в свободное от работы время интересовался всякой непознанщиной. В частности, у него была маленькая настольная пирамидка, внутри которой сами собой точились бритвы. Помнишь эту историю?

— Да, — пожал плечами я, — ты еще сказал отцу, что она не только точит бритвы, но и повышает всхожесть семян моркови, а вот огурцов, наоборот, понижает. Так и оказалось...

— Эти свойства, насчет семян, я выдумал прямо там, поглядев на дачную полку твоей мамы, — уточнил Петрик. — Такой вот эксперимент экспромтом...

Вот смотрите. Пирамида в Египте содержит в нетленности мумию и строит козни потрошителям гробниц. Пирамидка твоего отца точит бритвы, а потом вдруг начинает изгаляться над семенами. Что общего?

— Не вижу, — признался я.

— Ладно, разжую. Весь народ Египта верит, что мумия в пирамиде не тухнет, а гробокопателям будет бяка. Так и выходит. Твой отец верит, что пирамидка точит бритвы — и она их ему исправно заостряет. Наконец он поверил мне, он ведь считал меня серьезным и начитанным человеком. И пирамидка тут же принялась за семена... Теперь понятно? Не всякая, разумеется, пирамида так себя ведет, а только сделанная из диэлектрика,

определенных размеров и должным образом ориентированная относительно магнитного поля.

— Машина исполнения желаний? — не поверила Тамара.

— Ну, не все так просто, — внимательно посмотрел на нее Петрик, — всего лишь прибор для искривления поля вероятности. Вы не торопитесь, за пару минут тут все равно понять не получится... Так вот, мы привыкли жить в мире, где поле вероятности равномерно и прямолинейно. То есть брошу я монетку, и вероятность выпадения решки будет ровно половина. А пирамида способна это поле искривить, и, скажем, решка будет выпадать в десять раз чаще. Это значит, что относительная кривизна поля в этом случае равна десяти. Данный пример — это только по одной координате, а их теоретически бесконечное множество, тут без специальной математики не обойдешься. А вкратце можно сформулировать так — в рабочей зоне пирамиды желательное для внешнего оператора событие в «ку» раз вероятнее нежелательного, где «ку» — добротность пирамиды. У моей досчатой, например, это двенадцать, у хеопсовой по расчетам было около тридцати, а сейчас семь.

— А что ты говорил про поле и размеры? — вспомнил я.

— Размерный ряд должен соответствовать напряженности поля, — пояснил Петрик, — для земного поля этот ряд имеет кратность девять. То есть годится как в Египте, потом в девять раз меньше, потом в восемнадцать и так далее. А еще пирамида должна иметь основание, параллельное силовым линиям со сторонами, перпендикулярными им. Вот почему мое сооружение стоит с наклоном — в наших широтах надо учитывать угол магнитного склонения. Теперь понятно?

— Не совсем, — возразила Тома. — Хорошо, пусть в вашей пирамиде вероятность превращения куска угля в алмаз в дюжину раз больше, чем снаружи. Но ведь это вообще невозможно!

Точнее, ну очень маловероятно, подумал я.

— Правильно, — подтвердил Петрик, — в природе нет вообще ничего невозможного. Есть просто явления с очень низкой вероятностью. Но тут, конечно, добротности в десятую-другую будет совершенно недостаточно... пойдемте, я вам покажу.

Мы вышли из дома и подошли к пирамиде. Петрик открыл дверь и пригласил нас внутрь. Там была еще одна пирамида, примерно метр высотой, но вся какая-то кривая, состоящая исключительно из изогнутых поверхностей.

— Как я уже говорил, — тоном экскурсовода продолжил мой старый друг, — эффективность пирамиды зависит и от напряженности поля, земное — оно ведь совсем слабое. Катушки видите? До тысячи эрстед я могу разогнать запросто. А кривая эта штучка потому, что она должна попасть в координаты силовых линий. Поле такой напряженности сделать равномерным трудно, проще в координатах его нелинейности построить пирамиду. Добротность этой, средней, уже разок доходила до двух миллиардов. А там внутри еще одна маленькая есть, из сапфира. Все вместе — каскадное включение, то есть добротности перемножаются. Внутри третьей пирамидки искривление поля вероятности достигает десять в пятидесятой. В таких условиях маловероятных событий практически и не остается...

— Так что, вы теперь почти всемогущи? — потрясенно спросила Тома.

— По отношению к тому, что внутри маленькой пирамидки — да. Только тут надо блюсти сугубую осторожность, сдуру ведь можно захотеть такого, что мало никому не покажется, кусочек антивещества, например. А вот кусочек европия я вам могу прямо сейчас сделать, на память...

— Зачем он мне, — слабо отмахнулась Тома, — тут как бы в себя прийти побыстрее... даже немного жутко. Вы, конечно, извините, но это просто замечательно, что ваши возможности ограничиваются внутренностями вот этой... совсем маленькой...

— Вообще-то возможности человека в основном ограничиваются его нежеланием мыслить, — усмехнулся Петрик, — ну вот, например, какой способности вам не хватает? Смелее, не стесняйтесь, скорее всего вы ее сейчас получите.

— Я хочу летать, как птица, — заявила моя половина, — но вы же не будете утверждать, что это возможно и прямо сейчас?

Петрик окинул Тому оценивающим взглядом и задумчиво протянул:

— Как птица? То есть крылья с перьями... тушку тоже придется перьями покрывать... метаболизм менять на птичий...

«Он что, серьезно?!» — с ужасом подумал я.

— Или лучше голые крылья, как у летучей мыши? — продолжал сомневаться Петрик. — Так вроде проще, но вот с эстетической точки зрения... слушайте, а может, ну их, эти крылья? Летайте за счет броуновского движения, как Ариэль у Беляева! Так, секундочку...

Он подобрал с пола какой-то ржавый болт, откинул грань средней пирамиды и приподнял маленькую. Положив под нее болт, он закрыл грань, вывел нас из большой пирамиды и подошел к стоящей рядом будке.

— Минутку...

В пирамиде что-то загудело, сквозь щели в досках стало видно фиолетовое свечение, но через несколько секунд все стихло.

— Финита, — прокомментировал Петрик, — я сейчас.

Он скрылся в пирамиде и через полминуты вышел с болтом.

— Вот, — сказал он, вручая его Томе, — держите, можете начинать летать. Просто захотите приподняться, и все...

Тома взяла железяку и сосредоточилась. Вдруг ее ноги оторвались от земли, она поднялась метра на полтора и начала заваливаться набок. Видно, нервы у супруги не выдержали, она завизжала и отшвырнула болт. И тут же шмякнулась оземь...

— Несколько неосторожно с вашей стороны, — попенял ей Петрик, помогая подняться, — а если бы вы поднялись метров на десять, кто бы вас ловил?

Тамара стучала зубами, говорить у нее пока не получалось. Я тоже был в шоке — вся жуть сегодняшнего цирка начала потихоньку доходить до моего сознания. Ведь он же может сделать с нами что захочет!

— Ну, это ты зря, — укоризненно сказал мне старый друг. — Вот у тебя пистолет в кармане, но я же не бьюсь в истерику, что ты прямо сейчас во мне дырки делать начнешь? А ведь можешь, ты на рожу-то свою перекошенную посмотри. Вот что...

Он быстро сходил в дом и вынес кувшин с двумя стаканами.

— Пейте, пока у вас на почве переизумления крыша не тронулась. Да пейте, говорю, это никакое не колдовское зелье, а просто рябиновая настойка!

— Ну как, полегчало? — спросил он, когда мы немного пришли в себя. — Тогда слушайте дальше. Действительно, я могу творить почти что угодно во внутреннем объеме малой пирамиды. А почему «что угодно» не может быть предназначено для каких-то вполне определенных действий снаружи? Наделить, например, вошедшего с ним в контакт человека способностью летать... Надеюсь, методика понятна? Я научился делать талисманы. Кстати, Конь, болтик-то возьми, он на предъявителя... Так вот, талисманы... для самых разных целей — технических, лечебных, даже развлекательных... а особняком стоят для путешествий в прошлое или будущее. Собственно, вот это я и хотел вам сказать. А теперь подумайте, чем мы можем быть полезны друг другу. Я не тороплю, как надумаете — звоните. Мешок-другой алмазов или платины на дорогу не желаете?

Домой мы ехали молча. Обычно под шуршание шин да на пустой дороге мне хорошо думается, но тут был не тот случай. В голове вертелось только что-то вроде «не может быть» и «да как же это он, а?», Тома тоже всю дорогу молчала...

В Москву мы вернулись ночью. Супруга сразу ушла в свою спальню, я остался один и, даже не пытаясь заснуть, все прокручивал в голове одну и ту же мысль. Зачем мы ему нужны? Что мы можем ему предложить, чего он не может без нас? Ничего хоть самую малость логичного в голову не приходило. Под конец эта голова дико разболелась, и я пошел в гостиную, где у нас была аптечка. Там уже сидела Тома, она раздраженно перебирала

упаковки с лекарствами.

— И чего мы у себя снотворного не держим? — поинтересовалась она, не оборачиваясь.

Тут я припомнил — когда мы уже уезжали, Петрик сунул мне в руки какую-то пластиковую баночку и шепнул: «На, пригодится». Кажется, она была в кармане куртки...

Через минуту мы тупо рассматривали цилиндрок из-под аспирина с небрежной надписью фломастером «обезболивающее/успокаивающее/снотворное. Противопоказания: отсутствуют в принципе». Внутри лежали две ягоды лесной земляники.

Некоторое время Тома колебалась, но потом решительно отправила в рот ягоду покрупнее. Я съел оставшуюся — и еле успел на подгибающихся ногах добраться до постели. Сил раздеваться уже не было...

Весь следующий день ушел на попытки разобраться в ситуации. Сразу выяснилось, что мы думаем о разном — если я пытался понять, зачем мы понадобились Петрику, то Тамара искала ответ на вопрос — а какую пользу он может принести нам?

— Понимаешь, — возбужденно говорила она, — до этой поездки я думала, что он или нашел клад, или научился производить свои алмазы! Не перебивай, и без тебя собою... нормально производить, на каком-то оборудовании, с затратами, в ограниченных количествах.

— Так он и сейчас в ограниченном, — возразил я.

— Ага, только своей ленью. Помнишь — «мешок на дорогу не желаете»? Да и не в алмазах дело, в конце концов. Ты вникни, у нас теперь может быть все, что мы захотим — из вещественного, само собой.

— Если он сочтет нужным нам это дать, — уточнил я.

— Почему бы и нет, если мы зачем-то ему нужны, — пожала плечами Тамара.

— Вот именно, зачем?

— Да какая разница? Твой друг кто угодно, только не дурак, и если он захочет от нас чего-то, то только такого, что нам по силам! Вот скажет, что ему надо, тогда и будем думать. Но что надо нам... я просто в растерянности. Так... все, я решила. Едем к моему отцу, и не возражай мне, пожалуйста. И болт свой возьми, думаешь, я не видела, как ты утром у себя парил под потолком с совершенно идиотской улыбкой на лице? Дверь надо было закрывать, и вообще, собирайся.

Тесть поверил нашему рассказу практически сразу. Алмазы вызвали у него умеренный, но не выходящий за рамки обыденного интерес, а моя левитация — так и вовсе почти никакого. Более всего его почему-то взволновали вскользь сказанные слова о возможности путешествий во времени.

— Поспешили вы сбежать, — сокрушенно качал головой он, — сначала хоть что-нибудь узнали бы! Как, куда, меняется ли от действий в прошлом наш мир или образуется новый... В общем, узнайте это, а? И скажите своему гению, что я прошу о личной беседе с ним. Готов оказать любую требуемую поддержку, как-то так...

Вопрос о беседе решился, как только я позвонил Петрику.

— Это пожалуйста, — сразу сказал он, — я сегодня в Москве и буду здесь до позднего вечера. Так что, если хочет — пусть приезжает.

А в субботу мы снова отправились в Тверскую область.

— Сегодня я решил сюда обед не тащить, — сразу после приветствий сообщил нам Петрик, — приглашаю вас в свое имение.

— Это где? — поинтересовался я.

— Здесь, — он махнул рукой в сторону развалин, — точнее было бы спросить «когда». В тысяча восемьсот сороковом году. Пошли, что ли?

Мы подошли к наиболее уцелевшей стене бывшего барского дома. Петрик достал из кармана какую-то проволоку и натянул ее между четырьмя вбитыми в землю кольшками так, что получился прямоугольник примерно два на три метра, короткой стороной вплотную к стене.

— Станьте внутрь, — велел он, сам зашел туда и положил руку на хранящий следы желтой краски камень, потом убрал ее...

Что-то сверкнуло, хлопнуло, и мир вокруг нас мгновенно изменился. Озеро осталось, но лес отступил, а на месте развалин стоял роскошный двухэтажный особняк. Вокруг появились хозяйственные постройки, ближе к озеру паслись три лошади, и только чуть наклоненная пирамида осталась на своем месте. Однако, присмотревшись, я понял, что это другая, почти такая же, но именно что почти...

Тут я обратил внимание на Петрика. Он побледнел, на лбу выступили капельки пота, кажется, его даже слегка качнуло...

— Нормально, — сказал он, перехватив мой взгляд, — против течения времени двигаться трудно. Ничего, мы привычные...

Из дома вышел рослый мужик в шароварах, хромовых сапогах гармошкой и свободной белой рубаше. Я как-то сразу почувствовал, что это не дворецкий или еще какой холуй, а охранник, причем доверенный, на таких типажей я насмотрелся у тестя.

— С возвращением, барин, — коротко поклонился Петрику секьюрити, — без вас тут полный порядок был.

— Спасибо, — кивнул тот, — это мои гости. Прошу, — это он уже нам.

В доме навстречу нам тут же образовался тип в раззолоченной ливрее, вот он уже точно был лакей.

— Накрывайте стол на троих в малой гостиной, — велел ему наш «барин», — мы — в кабинете, как будет готово, сообщите.

— А здесь разве принято с челядью на «вы»? — поинтересовалась Тома.

— Здесь принято так, как установил я, — жестко сказал Петрик, — и, кстати, спасибо за напоминание — прошу вас обращаться ко всей прислуге на «вы». Этим вы сразу позиционируете себя как моих доверенных гостей.

— Скажите, а ваш сын...

— Да, он тоже в этом времени. Но на другой стороне шарика, у него плантация под Новым Орлеаном.

У меня тоже была масса вопросов, и я задал первый попавшийся:

— А путешествовать во времени можно куда угодно?

— Теоретически да. Но у меня пока получается только по привязкам... нужна какая-то вещь, которая существует в обоих временах — и откуда уходишь, и куда идешь. В данном случае, если ты обратил внимание, это была стена дома. По ходу времени, то есть в будущее, путешествовать гораздо проще. И тут тоже талисман, — он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и показал золотую цепочку, — число звеньев определяет число лет переноса. Дата и время по умолчанию совпадают, вот пока я умею хроноползать только так.

После обеда Петрик сообщил:

— Ко мне там гости едут. К вам тоже, в смысле, имеют отношение... Предлагаю вернуться в двадцать первый век.

Когда мы оказались рядом с развалинами, сразу стал слышен шум моторов. Скоро к Петриковой даче подъехала небольшая колонна — «Гелендваген», армейский «КамАЗ» и «Бычок». Из джипа вылез тесть и подошел к нам.

— Я выполнил свое обещание, господин Петраков, — торжественно сказал он, — вот то, что вам нужно.

Он протянул Петрику небольшой дипломат. Тот взял его и не глядя поставил на траву рядом с собой.

— Я тоже, — кивнул Петрик и протянул ему цепочку. — Как пользоваться, я вам объяснял. Она на максимум, двести шестьдесят три года — до того на этом месте ничего не было. Подгоняйте «КамАЗ», а все остальное, как я и говорил, не пройдет.

Вскоре «КамАЗ» уже стоял, уткнувшись фарами в стену. Из джипа вылезли два мордovorота, из «Бычка» — водитель, и полезли в кузов, где, кажется, уже было полно народу. А потом...

Тамара решительным шагом подошла к своему отцу.

— Извини, Сергей, — буднично сказала она, — но тебя мы не приглашаем.

Я с разинутым ртом наблюдал, как тесть пошел к стене, коснулся ее, убрал руку...

Через мгновение мы с Петриком остались одни, да еще в сторонке стояли «Бычок» с «Гелендвагеном».

Мой друг сел на траву и захохотал.

— Ну и дурак, — сказал он, отсмеявшись, — просто образцовый! Как он только ухитрился наворовать свои миллиарды, неужели для этого вообще мозгов не нужно?

— Ч-что это было? — тупо спросил я.

— Исход, — объяснил мне Петрик. — У твоего разлюбезного тестя возникли крупные неприятности, он же из старых, видать, не сумел договориться... короче, ему пора было куда-нибудь линять. Ну и его доченька решила тоже сменить обстановку.

— И где они теперь?

— Да здесь же. Просто в другом времени... в самом для него подходящем времени. В будущем! На двести шестьдесят три года вперед. Хотя хотел-то он назад...

— Но почему?!

— Потому что он не только дурак, но и сволочь. Тебе, кстати, мочегонное не нужно? А то вон, в «Бычке» тонна уротропина. А до воздействия охранного талисмана это был гексоген... Если бы не это, помог бы я ему отправиться именно в прошлое. Но раз так — только туда, куда у него хватило своих силенок, то есть по течению времени.

— А Тома... она же не знала? — только и смог сказать я.

— Разумеется, — насмешливо сказал Петрик, — химический состав и количество гостинца с точностью до килограмма она, может, и не знала... Ты же с ней двенадцать лет прожил, неужели не изучил в деталях характер своей благоверной?

Я сидел и чувствовал, как на глазах рушится мой мир. Мелькнула мысль, что все это специально подстроил Петрик, но не успел я ее додумать до конца, как он подтвердил:

— Конечно, специально. Твой тесть, как я говорил, дурак, он начал конфликтовать с новой властью, так что за хобот его начали брать без всякого моего вмешательства. Дальше его либо посадили бы, либо он успел бы сбежать. В конце концов все равно ты остался бы без жены и без фирмы, только тогда было бы отрезание хвоста кусочками... Вот я и вмешался.

— Ага, прибил ту собаку, чтоб не мучилась...

— Не там у тебя пессимизм прорезался, где надо, — поморщился Петрик. — Без жены ты, строго говоря, остался двенадцать лет назад. А фирму можешь и сохранить при некоторой изворотливости — мне денег подкинуть не жалко. Про тестя, конечно, неприятные вопросы начнут задавать и про его доченьку тоже, но это так, переживаемо... Мелочь она, твоя фирма. И мои алмазы с платинами всякими тоже мелочь. Совершенно ерундовый побочный эффект от вещи, способной дать человечеству просто фантастические возможности...

Ну не мог я сейчас думать про какое-то там человечество! И спросил первое попавшееся, просто чтобы не молчать:

— Что это Томин папа тебе передал, вдруг там тоже бомба, в дипломате?

— Там, образно говоря, дерьмо. Не мог поверить такой гад, как твой тесть, что я его и задаром не против переправить — да пусть уматывает, куда хочет! Вот я и попросил компромат на пару совсем уж одиозных личностей... Хороший, конечно, ты задал вопрос для человека, от которого жена только что в будущее сбежала.

— А какой надо? — разозлился я.

— Например, а как там? На всякий случай отвечаю — про те времена, куда они сдернули, я точно не знаю. Но в двадцать пятом веке тут просто лепота — леса, холмы, озера, кое-где живописные развалины... Вот только людей нет, да и зверюшки остались какие-то некрупные, вроде крыс. Это, так сказать, базовый вариант нашего светлого будущего. Просматривается, правда, еще один, боковой, но он пока неявный и в силу только

что совершившихся событий скорее всего вовсе исчезнет... Так что уйду я отсюда в тысяча восемьсот сороковой год, тут как-то суетно, да и государство больно любопытное, не говоря уж об отдельных его гражданах. Если хочешь — можешь со мной. Не хочешь — я тебе, как уже говорил, два мешка приготовил и пяток полезных талисманов — живи на здоровье, вот только детей заводить не надо, а то их внуков жалко. Кстати, если решишь со мной — подумай, все ли долги ты раздал перед отбытием, возможно, навсегда... В общем, у тебя есть три дня, которые я еще буду тут. Хотя можно, пожалуй, прямо сейчас одну мыслишку проверить... Подожди минут двадцать, ладно?

Петрик подошел к развалинам и исчез.

Я сидел и ждал — что еще оставалось делать?

Вернулся он минут через сорок и какой-то встрепанный.

— Ну и ну, — развел руками он, — вот уж не подумал бы! Боковой вариант будущего теперь вполне реален, и люди там очень даже имеются — в меня какая-то скотина со стены замка из зенитного арбалета стрельнула... Так что раз даже твоя половина со своим родителем смогли такое учинить, не попытаться ли нам направить события по еще более благоприятному руслу? В общем, думай, Конь, думай...

Петрик поднял лежащий на траве дипломат, зашвырнул его в озеро и, не оборачиваясь, пошел к дому.

Примечание автора:

Все цифровые параметры, относящиеся к пирамидам, умышленно искажены. В описание рабочей зоны еще более умышленно введены неточности. Потому как только нам и не хватало, чтобы любой дурак мог повторить здесь описанное!

Москва, 2009 г.

Вадим Мельнюшкин РУСАЛОЧКА

— Да, Ваша Светлость, как живая. Мы когда в Копенгаген приходим, обязательно наведываемся сюда. Нет, на Светку совсем не похожа. Откуда знаю? Так служил я с ней, и история эта на моих глазах вся развивалась. Ей-богу не вру. Меня как зовут? Извините, Ваша Светлость, не представился! Капрал третьего дивизиона сил специального назначения Балтийского Императорского флота Федоров Игнат. Нет, конечно, не действующий состав, но отставка с правом ношения и предоставлением личного дворянства. Почему не ношу? Да не любят здесь нашего брата, потому форму оставляю дома, а кортик при мне завсегда, так, на всякий случай. Почему не рассказать, расскажу, только промозгло здесь, а там, чуточку в стороне, таверна приличная и название у нее «У русалки». Ага, с фантазией у датчан плохо, но суть момента передает. А фигуру из окна панорамного хорошо видно. Сядем, по бокалу грога закажем, так и рассказ по-другому пойдет.

— Спасибо, милейший, больше ничего не надо, если что — позовем. Так вот, Ваша Светлость... Хорошо, без чинов так без чинов. А как к Вам обращаться? Ну так вот, Игорь Юрьевич, что такое третий дивизион спецназа, Вы знаете? Правильно, на Балтике нас каждая морская собака знает и боится, коли есть за что. То, что оперативная база нашего дивизиона размещается на острове Даго, Вы, конечно, слышали, и никакой тайны я не раскрою. Сам Выродков ее строил. К моменту прибытия интересующей Вас особы служил я уже второй год, да в самой элите — Первом диверсионном отряде. А чтобы в него попасть, нужно либо пять лет оттрубить в обычном отряде, либо получить полные сорок баллов на выпускных экзаменах в Выборгском училище спецназа ВМФ, как со мной и произошло, либо иметь специфическую фамилию. Ну, Вы меня понимаете. Вот Светлана Шуйская по третьему варианту и проскочила. Нас тогда в отряде было одиннадцать пар да Федька Голицын — одиночка, вот к нему Светлану на время стажировки и прикрепили. Почему странно? Смешанные пары это нормально. У нас до Светланы девчонок было трое, и все в смешанных парах, друг мой Григорий, например, с Ольгой Курбской в паре работал. Ну, это я слегка

отвлекся. Вот Вы опять на фигурку в окошке гляньте, выглядит она конечно мило, но сходства со Светкой никакого, мало того, что вдвое мельче оригинала, у нее лицо даже чисто европейское, а Светлана вся в мать пошла, чисто шамаханская царица. Жгучая брюнетка, глаза чуть раскосые, скулы высокие, грудь четвертый номер, талия тонкая, двумя ладонями обхватить, и это при почти гренадерском росте. С хвостом скульптор тоже промахнулся. Двигательный комплекс «Дельфин-6М», который мы как раз обкатывали, было то еще чудо. Это сейчас у нас движки на нитрожире, а шестерка была последняя в серии, работающая на этиловом спирте, жутко замодерни-зированной, максимально облегченная, и все равно при этом больше пяти пудов весом. Ну пусть минус пуд на жаберный жилет, все равно хвост больше четырех пудов. Почему так много? А Вы знаете, сколько первый «Дельфин» весил? Больше десяти пудов! Так-то! А когда он появился, все на ушах стояли — какой прогресс. Кстати, головной институт, что «Дельфина» разрабатывал, знаете где находится? Будете смеяться, в Казани. Татары ребята дюже башковитые. Почему сейчас хвосты у боевых пловцов меньше? Так я ж и говорю, в качестве питания сейчас нитрожир работает, а тогда его только в «живой взрывчатке» умели использовать. Это сейчас «Касатка» чуть больше двух пудов тянет, да и то из-за того, что стали дополнительные баки использовать. А раньше все внутрь хвоста запихивали, но этилен-то тянет втрое жиже, отсюда двойной объем псевдомускулов. В общем, как говорят лимонники, прогресс форэва.

Что-то мы опять отвлеклись. Как прислали к нам Светлану, так спокойная жизнь у нас в отряде закончилась. Мало того, что стерва она была первостатейная, так еще и на передок слаба. Ничего я не наговариваю. Она себя сама называла законченной нимфоманкой. Мужиков она просто коллекционировала. Нет, меня, слава богу, участь сия миновала, во-первых, кто она и кто я, сын крестьянский, а во-вторых, сами на меня гляньте, куда мне с моими статями. Да не приbedняюсь я, тоже вниманием женским был не обижен, особенно в увольнении да в парадной форме, но на фоне нашей золотой молодежи выглядел я блекло. Зато морду мне не били да на дуэли не вызывали. Нет, смертельных случаев не было, ведь у нас в спецуре и дуэли специфические — голые руки да толща воды над головой, кто первый всплыл, тот и проиграл. В общем мужиков она всех перессорила, с бабами сама вдрызг разругалась. А больше всего они с Софьей Радзивилл рассобачились. Ну Софья сама по себе личность историческая. Как не слышали? Быть такого не может. Хорошо, про Софью так про Софью.

Эй, человек, повторить нам. Так вот, в то время Софья уже под зеркалом не работала, то есть под водой, по-сухопутному, ее по состоянию здоровья перевели на политработку, комиссаром дивизиона, а было ей тогда чуть за тридцать, но смотреть страшно. Свой позывной оправдывала полностью. Как какой? «Ведьма» у нее позывной был. А еще эти две рыбины страшные, с которыми она по ночам купалась, чистые змеюки, она их со Средиземки притащила, у нас эти мурены и не водятся. А история с ней громкая приключилась. Случилось это во время Третьей Ливонской войны. Шведы тогда как раз Мемель осадили, а войск для деблокаирования города не было, все в Крым ушли. Осадить осадили, а артиллерии крупной в десанте не было, так что город им никак не взять; и тут разведка доносит, что в Стокгольме под погрузкой стоит шестидесятипушечный фрегат «Принц Август». А грузят на него ни много ни мало шесть восьмидюймовых мортир. Если довезут, то тут Мемелю и будет полный кирдык, а что шведы со взятыми городами делают, это вы на примере Нарвы знаете. Да, еще в первую войну. Не поменялся у них характер.... Флота как такового после Готландского сражения у нас уже не осталось, потому на входе в стокгольмскую бухту закинули две пары боевых пловцов с мобильными зарядами. А сидеть им там пришлось без малого трое суток, при том, что и за сутки можно запросто ласты склеить — не было тогда такого оборудования, как сейчас. В общем, когда «Принц Август» покинул бухту, только одна «Ведьма» смогла выйти на цель, но все же она его грохнула. Через три дня шведы запросили переговоры, подписали перемирие и смотались обратно, а «Ведьма» год по госпиталям болталась, страшная стала до жути, вес набрала до десяти пудов, но в отставку уходить отказалась наотрез. Вот они с «Нимфой» и сцепились, «Нимфа»

— это позывной Светкин. В общем, подальше от горя спланировали ее на патрулирование Копенгагена, туда как раз английская эскадра притащилась с «дружественным визитом». Отправили нас туда двумя парами — ее с Федором да меня с Никитой Толстым. Ну, естественно, носитель нам дали, замаскированный под рыболовную шхуну, ну и начали мы там купаться да за лимонниками поглядывать. И как назло, у датского принца Эриха появилось новое хобби — ходить на яхте-одиночке вдоль берега, перед местными красотками выпендривался. В общем, довыпендривался — налетел на топляк, после чего его скорлупка в пять минут ушла на дно, а этот урод еще в придачу и плавать не умел. Злые языки потом трепали, что топляк уж очень вовремя подвернулся, когда Светка в ста саженях была, но тут уж ничего точно сказать нельзя. Ну в общем вытащила она его, а потом долго и с удовольствием делала ему искусственное дыхание рот-в-рот. Ну, долго-недолго, народ все равно набежал, ну и, естественно, не прошло и трех дней, как вся Дания знала, что принца спасла русалка. Ну а за кого ее еще могли принять, в «Дельфине»-то. Весь остаток смены, а оставалась нам неделя, принц с утра выходил на берег, куда его вытащила спасительница, и ошивался там до вечера, вглядываясь в волны взглядом, полным томления. Тьфу, вспоминать противно. Светлана сначала на шуточки, обращенные в ее адрес, просто хихикала, а потом вдруг перестала, и взгляд у нее стал такой... Амор в общем!

Как только мы прибыли на базу после пересменки, Светка тут же подала рапорт об отпуске по состоянию здоровья. Вот тут ей Софья и отомстила за все — поставила отрицательную резолюцию. «Нимфа» взбесилась, надела снаряжение — только ее и видели. Думали, к вечеру вернется, а она не вернулась. Она, оказывается, ушла «прилипалой» с попутным торгашом. Что такое уйти «прилипалой»? Это когда БП цепляется за проходящее судно, выбрасывает дыхательный зонд и уходит в псевдоанабиоз, в нужном месте отцепляется и далее делает свое дело. В общем через три дня Светка вынырнула около своего рыцаря, тот аж языка лишился. Почему Светка тоже? Ах, по легенде... Ничего она не лишалась — она просто заявила ему, что либо он задает ей глупые вопросы, и она уходит обратно, либо они отправляются в койку без всяких вопросов. Эрих парень, видно, был не глупый и решил: хочет молчать, пусть молчит — койка, она ценнее. Была ли это любовь? Наверно да. Светлана ведь ни с одним мужиком больше трех дней не крутила, а тут почти месяц. Но все кончается. Светка потом говорила, что достал он ее своими «что да как». В общем надела она своего «Дельфина» и опять «прилипалой» ушла обратно. Нет, на базе уже все знали, разведка у нас всегда на высоте была. «Ведьма» пыталась ей статью пришить, самоволка еще ладно, но она с секретным оборудованием ушла, но ничего у нее не получилось — перевели от греха подальше на Черноморский флот.

Что дальше было? Ну, Эрих — король. «Ведьма» сейчас в отставке, если жива, ей должно быть уже за семьдесят. Светка еще лет десять куролесила. Четыре раза ее пытались замуж выдать. Последний, четвертый, был самый смешной, смылась она, когда свадебный кортеж через Малую Невку переезжал. Как была в белом платье, так из кареты и сиганула. Папаша ее глянул на белую фату, уплывающую по грязной воде, так и плюнул. А из флота она ушла по залету, многие говорят, что она сама не знала от кого, но я думаю ерунда это, баба она была умная, просто перебесилась. Замуж так и не вышла, но детей у нее четверо. Младшая, «Ариэль», на самом деле при крещении Елена, в этом году Выборгское закончила, с полными сорока баллами, я в комиссии был. Я ведь в Выборгском тактику диверсионных подразделений преподаю. Вот такая сказка. А статуэтку датчане все равно хорошую сделали.

Москва, 2009 г.

Ольга Дорофеева ГИМНАЗИСТ

В этом году наш Илюша пошел в школу. Я, с одной стороны, была этому рада и даже гордилась немножко, но с другой... А вдруг там его обидят? Или не будут с ним дружить? Или старшекласники станут отбирать карманные деньги?

Но больше всего беспокоило меня, конечно, другое — а именно то, что делать с Илюшей после школы. Бабушки далеко, а у нас работа. Куда его девать?

«На продленку пойдет, и все! — сказал муж. — Мужик он или нет, в конце концов?»

Наверное, муж был прав. Если подумать, отходил же мой шестилетний голубоглазый мужик ростом в один метр и шесть сантиметров три года в детский сад? Но школа — не сад, и не уверена, что в продленке ему попадется такая же хорошая воспитательница, какая была у него в детском саду и на которой он всерьез подумывал жениться, когда вырастет. Ну, после того, правда, как передумал жениться на мне...

О том, какая у него будет учительница, я старалась не думать — а то разволнуюсь еще больше. Первое впечатление о Наталье Анатольевне было вполне приятным, но как будет дальше? На родительском собрании она была мила и приветлива, надеюсь, что и с детьми будет вести себя не хуже.

Я написала заявление на отпуск на две недели, и директор, сделав скорбное лицо, мое заявление подписал. Но добавил, что хорошие работники, болеющие за общее дело, свои семейные дела стараются делать без ущерба для производственных. И посмотрел на меня таким взглядом, будто я собственноручно лишила его последнего куса хлеба, а фирму пустила по ветру. Не подумайте, что у директора не было детей. Были. Но они так давно выросли, что он уже и забыл, наверное, что это такое — иметь детей. А может, и вообще никогда об этом не задумывался. Кто его знает...

Первое сентября пролетело как-то быстро — линейка в школьном дворе, два урока по 35 минут — и домой. Илюша важно вышагивал рядом со мной, неся в руках энциклопедию школьника в яркой обложке, которую получил в подарок от одиннадцатиклассников, и был очень доволен собой.

Но через несколько дней его настроение стало не таким радостным. И было отчего — его лучший друг по детскому саду Гриша пошел не в нашу школу, а усилиями своей честолубивой мамы был принят в элитную гимназию. А новых друзей, которых Илюша так надеялся найти среди одноклассников, почему-то до сих пор не появлялось. И сын затосковал. Его уже не радовал новый ранец, школьный костюм с настоящим галстуком — «как у папы», пенал с Человеком-пауком на крышке и учебники с тетрадками. И даже мобильник, специально купленный по случаю вступления в школьную жизнь, был заброшен.

А тут еще и мой отпуск подошел к концу, и в понедельник Илюша отправился на продленку. Можете догадаться, что раньше шести мне уйти не удалось.

У меня просто язык не повернулся отпроситься в первый же рабочий день после отпуска. Хорошо хоть, что от работы до школы было недалеко. Когда я вбежала в школьный вестибюль, часы показывали двадцать минут седьмого, Илюша катал по подоконнику машинку, тайком утирая подступающие слезы, а рядом с ним стояла дама лет сорока в строгом костюме.

— Пожалуйста, постарайтесь в следующий раз забирать вашего сына вовремя! — произнесла она холодно и постучала по циферблату наручных часов изящно наманикюренным ногтем.

Когда мы шли домой, Илюша крепко держался за мою руку, а перед самым подъездом тихо спросил:

— А можно я там больше не останусь?

Я не знала, что ему ответить. Мы стали подниматься по лестнице, и тут нам навстречу попала старушка-соседка. На ее руках сидел пушистый серый кот с ярко-голубыми глазами. Илюша не смог пройти мимо, попросил погладить кота, завязалась беседа... и через десять минут каким-то удивительным образом мы договорились о том, что Илюша после уроков будет приходить к Елене Николаевне — той самой старушке, а я после работы буду его забирать. И все это за весьма скромную, если не сказать символическую, плату.

Я сказала об этом мужу и, как и ожидала, выслушала в ответ тираду о том, что своим потаканием Илюшиным капризам я воспитаю из него «натуральную бабу». Но когда я предложила ему самому забирать сына с продленки вовремя, то получила полный

возмущенного негодования отказ. Назревал скандал, и я сочла за лучшее покинуть поле боя и пойти заняться стиркой.

Весь следующий день я провела как на иголках и наделала ошибок в тексте договора с очень важным клиентом, чего со мной обычно не случалось. Илюша должен был сам вернуться домой, и это не давало мне покоя. Путь от школы до дома занимал не больше пяти минут, даже если идти медленным шагом, но вдруг что-нибудь случится? А еще эти гаражи! Уже столько лет их собираются снести, а они все стоят — ржавые, старые, заброшенные... Часто там собираются местные подростки, и кто их знает, чем они там занимаются? А Илюше идти как раз мимо...

Я уже ругала себя за то, что не попросила Елену Николаевну приходить за Илюшей в школу. Вчера мне было неудобно заговорить с доброй соседкой еще и об этом, но сегодня... Я сидела перед монитором, а в голову мне лезли всякие ужасы.

Но вот зазвонил мобильник — это был сынок.

— Мамочка, это я! — радостно закричал Илюша, да так громко, что это услышала даже моя начальница, сидевшая за соседним столом. Услышала и улыбнулась.

— Мамочка, не волнуйся, у меня все в порядке! Я уже пришел! У меня теперь есть друг, настоящий друг!

Он начал мне что-то взволнованно объяснять, но так торопился, что слова у него наскакивали одно на другое, и понять, о чем идет речь, было трудно. Мне удалось убедить его отложить рассказ до вечера.

После ужина, когда сын допивал чай, я спросила его о сегодняшнем дне и о новом друге, о котором он хотел мне рассказать.

— Его зовут Петя, и он очень хороший! — сказал Илюша. — Мы с ним теперь друзья на всю жизнь!

Но тут с работы вернулся муж, и разговор опять пришлось отложить, а когда я заглянула в комнату сына, тот уже спал, крепко обняв своего плюшевого медведя.

Но зато в последующие дни я наслушалась про Петю вдоволь. По рассказам моего сына выходило, что Петя самый умный, самый смелый, самый добрый и учится лучше всех. Мне самой захотелось увидеть этого необыкновенного мальчика, который так очаровал моего сына. И я подумала, что неплохо будет пригласить его как-нибудь к нам домой, пусть поиграют.

Этот мальчик не только сам был необыкновенный, у него и все вещи, должно быть, были необыкновенные. Иначе как объяснить, что Илюша отдал ему свои фломастеры в обмен на цветные карандаши? Карандаши, на мой взгляд, были самые обычные, но Илюша так не считал и очень ими гордился.

Я была рада, что Илюша теперь не один, и разрешала ему гулять вместе с Петей после школы. Илюша прямо расцвел и даже стал приносить домой... нет, не оценки, оценки теперь в первых классах не ставят, а штампики в виде звездочек, бабочек и дельфинчиков, чего раньше с ним не случалось. Хотя подозреваю, что и эти оценки, которые учительница ставила им за хорошую работу, были тоже не совсем официальными. Но Илюша был так рад и с гордостью демонстрировал папе блокнотик на пружинке, в котором учительница отмечала его достижения. Кстати, она и вправду оказалась довольно милой, и за эти три недели мы не услышали от сына про нее ни одного плохого слова.

В общем, я успокоилась. И, как оказалось, напрасно.

Все началось с сущей ерунды. Вечером Илюша рассказал нам, что Пете задали выучить стихотворение. А он взял и вместе с Петей его выучил.

— Послушайте! — громко заявил сын и, встав на середину комнаты, начал выразительно декламировать:

— Белый, бледный, бедный бес
Убежал голодный в лес.
Лешим по лесу он бегал,

Редькой с хреном пообедал
И за горький тот обед
Он наделал много бед...

Стишок был какой-то смешной и несуразный, но чего только в школе сейчас не учат!
Даниил Хармс какой-нибудь...

— Дальше я забыл, — честно признался Илюша, — он очень длинный. Помню только еще про немцев, которые вязали веники, и про то, что нельзя смеяться над калекими. Папа, а зачем немцам веники?

Я представила себе фашистов, которые вяжут веники, сидя в окопе, и засмеялась.
Илюша посмотрел на меня и засмеялся тоже.

Но мужа стишок не развеселил, а совсем наоборот. Он отправил Илюшу спать и долго еще возмущался тем, какую ахинею заставляют детей учить в современной школе.

В четверг вечером в школе назначили родительское собрание. Конечно же, в 6 часов и ни минутой позже. То ли они не понимают, что родители работают, то ли делают так из вредности? Вряд ли только я одна работаю, а остальные мамочки сидят дома...

Я пыталась отпроситься у директора несколько раз, но ничего не получалось. То у него были какие-то важные клиенты, то он уезжал в банк, то у него просто было дурное настроение...

Тут позвонил Илюша, сообщил, что у него все в порядке и что сейчас они играют с Петей у Елены Николаевны. Потом трубку взяла сама соседка:

— Надеюсь, вы не против, — спросила она, — что я пригласила и другого мальчика? Они ведь и так каждый день гуляют вместе... Очень вашему сыночку в друзья подходит — такой же милый и воспитанный! Вот только одет как-то странно, но теперь уж как только детей не одевают...

Настроение несколько улучшилось, а тут еще позвонил муж и сказал, что сам пойдет на собрание. Вот уж это была неожиданность так неожиданность! Не знаю, что им руководило, но то, что мне не придется отпрашиваться — это было просто отлично!

Я переделала кучу дел, все проблемы разрешались сами собой, все удавалось... Бывают же такие удачные дни!

После работы я забрала Илюшу у соседки, и мы пошли домой. Пока я занималась ужином, Илюша пристроился за столом на кухне и что-то рисовал Петиними, а вернее, теперь своими карандашами. По радио передавали какие-то дурацкие песенки на тему «полюбила — разлюбила», и все было замечательно.

И тут с родительского собрания вернулся муж.

Он молча съел ужин, отправил Илюшу в его комнату и, наконец, сказал:

— Ты нарочно выставила меня идиотом?

Я не знала, что ответить, но на всякий случай спросила:

— А в чем дело, что случилось?

— И ты еще спрашиваешь, что случилось?! — заорал муж и стукнул по столу кулаком. Это было на него совсем непохоже, он редко выходил из себя. Я разволновалась не на шутку, но прошло, по меньшей мере, минут десять, пока я из выкриков мужа поняла, в чем дело. Оказывается, после собрания он подошел к учительнице узнать, что это, собственно, за Петя, с которым так дружит наш сын. Но учительница очень удивилась и сказала, что мальчика с таким именем в их классе нет. И в другом первом классе, кстати, тоже! Нет и не было!

— И теперь нас вызывают на беседу к психологу! — продолжал кричать муж. — Как будто наш сын псих, поняла? Фантазии, говорят, у него странные! Если ребенок выдумывает себе несуществующего друга, то это говорит о его нестабильной психике! И о том, дорогая моя, что дома у него не все благополучно!

На мой взгляд, если у кого в данный момент и была «нестабильная психика», так это у мужа, но спорить с ним сейчас было бесполезно. Пусть уж выскажется до конца.

— И если ты думаешь, что я туда пойду, то очень ошибаешься! — рубанул рукой по

воздуху муж. — Я и так уже по твоей милости опозорился сегодня дальше некуда! Теперь все в школе будут считать, что у нас ненормальный ребенок!

Когда он, наконец, утихомирился, я рассказала ему, что сегодня Илюша и Петя были в гостях у Елены Николаевны и Петя соседке очень понравился.

— Может, спросим у Илюши, в чем дело? — предложила я. — А если хочешь, можешь зайти к Елене Николаевне — спросить про Петю у нее.

Идти куда бы то ни было муж отказался, но Илюшу позвал.

Сын испуганно таращил глаза на папу, не понимая, чем же он так разозлил его. К тому же из своей комнаты он, конечно же, слышал все его выкрики и, наверное, подумал, что мы поругались.

Муж строго посмотрел на него и спросил:

— Илья, отвечай, этот самый Петя учится в твоём классе? — и добавил: — И не смей мне врать!

Сын судорожно втянул в себя воздух и отрицательно замотал головой.

— Ты что, язык проглотил? — рявкнул на него муж. — Отвечай, когда тебя спрашивают!

Илюша посмотрел на него удивленно и заплакал.

Я решила вмешаться:

— Илюша, сынок, расскажи нам, пожалуйста, где ты познакомился с Петей?

— На... на улице, — произнес Илюша еле слышно. — Я домой шел, и он домой шел. Я сказал: мальчик, давай дружить? А он сказал: давай.

— А где Петя учится? — спросила я снова.

— В гимназии, — сказал сын.

— Иди спать! — сказал муж, давая понять, что разговор закончен.

Когда мы остались вдвоем, муж сказал:

— Вот видишь, что значит — во всем разобраться! — и сказал это таким тоном, будто именно он все и выяснил. — И ни к какому психологу ты не пойдешь и Илью не поведешь — еще чего! Если этим педагогам мерещится черт-те что, пусть сами к нему и ходят!

Потом он ушел смотреть телевизор, а я стала мыть посуду. На столе так и остались лежать Илюшины карандаши и раскрашенный листок. Я взяла его в руки и рассмотрела повнимательнее. Сынуля нарисовал двух человечков, которые стояли на ярко-зеленой траве под голубым небом, держась за руки. Тот, что слева, был похож на Илюшу — у него были такие же светлые волосы и ярко-голубые глаза. И одет он был очень похоже — в черный школьный костюм с галстучком. А темноволосый мальчик справа — это, должно быть, Петя?

На нем была какая-то серая куртка, подпоясанная ремнем, и серые же брюки. А на голове — то ли бейсболка, то ли еще какая-то шапка. А, может, это волосы такие? Да уж, не выйдет из моего сына художника, это точно...

На следующий день моя начальница похвасталась, какой подарок купила любимой племяннице. Когда она вытащила коробку с карандашами, я, честно говоря, удивилась. Кого в наше время этим удивишь?

Видимо, недоумение мое так ясно читалось на лице, что начальница усмехнулась и спросила:

— А ты знаешь, сколько они стоят? Племяншка у меня их три месяца выпрашивала...

— Ну и сколько? — я рассматривала красный металлический цилиндр с 24 карандашами и прикидывала, какую цену назвать, чтобы не обидеть начальницу.

— Ну, не меньше трехсот, наверное... — сказала я, прибавив для верности сотню.

— Триста? — засмеялась начальница. — А почти семьсот не хочешь? Сначала ими рисуешь, а потом проводишь по листу смоченной в воде кисточкой, и получается акварельный рисунок, представляешь?

Да уж... Карандашики оказались недешевыми, что и говорить!

Я залезла в Интернет посмотреть, что же это за карандаши такие, «Фабер-Кастелл»?

Как-то до сих пор я на эту марку внимания не обращала, покупая Илюше карандашики рублей за пятьдесят. А то и меньше.

Карандаши оказались роскошными и выпускались уже лет двести. И тут мне на глаза попала фотография с карандашами, показавшимися очень знакомыми. Где-то я их видела, но где? Но, прочитав подпись под фотографией, я поняла, что ошиблась. И таких карандашей видеть точно не могла — их выпускали сто лет назад, до того, как к названию компании «Фабер» прибавили слово «Кастелл».

Тут меня вызвал директор, и все мысли о карандашах вылетели из головы.

Вечером, забирая от Елены Николаевны Илюшу, я поинтересовалась — был ли сегодня у нее Петя?

— Нет, — покачала головой старушка, — хоть я его и приглашала. Постеснялся, наверное, очень уж вежливый мальчик! Ну, надеюсь, еще забежит как-нибудь, вместе с Илюшенькой... Мне, знаете ли, с ними веселее — а то все одна и одна!

— А у Пети в классе учат закон божий, — начал рассказывать сын за ужином, — а у нас — нет!

— Ну и замечательно! — ответил муж. — Пусть Петя в своей гимназии все это учит, а ты лучше математику и русский язык учи, а уж без религии как-нибудь в первом классе обойдешься!

Перед сном я зашла в комнату к сыну — он спал, как всегда, в обнимку с плюшевым медведем и был похож на ангелочка. Перед сном он опять рисовал, и карандаши были раскиданы по полу вперемешку с рисунками. Я стала наводить порядок и собирать вещи, и вдруг так и застыла с карандашом в руке: даже в неярком свете ночника мне были видны выбитые на гладкой грани новенького карандаша слова «Johann Faber» и два перекрещенных молоточка. Точно так, как на карандашах столетней давности, с той фотографии в Интернете...

Утром в понедельник, собирая сына в школу, я спросила:

— А где живет Петя? Давай позовем его в гости!

— А я не знаю, — сказал Илюша, — он мне не сказал.

— Ну, так спроси у него! — сказала я. — Вот сегодня увидишься и спроси. А заодно и в гости позови — пускай приходит к нам в субботу.

Я проводила сына, потом мужа, но сама на работу решила не ходить. Позвонила и сказала, что очень плохо себя чувствую. А сама задолго до окончания уроков пошла к гаражам. Это было единственное место, где можно было спрятаться и увидеть, как Илюша идет из школы к дому. Если он встречает Петю где-то здесь, то я его увижу.

Время тянулось ужасно долго, но вот в сторону школы потянулись мамы и бабушки, а чуть позднее на дороге оказалась стайка малышей с рюкзаками за плечами. Кто-то шел в одиночку, но большинство шагали вместе с родителями. А вот и Илюша. Он шел, сосредоточенно глядя под ноги и размахивая мешком со сменной обувью.

Около одного из гаражей он остановился и стал оглядываться по сторонам. Я замерла, боясь пошевелиться, хотя, конечно, при всем желании Илюша не мог меня увидеть. Сын потоптался на месте около минуты. И тут вдруг из-за прохода между гаражами вынырнул маленький черноволосый мальчик с кожаным ранцем за плечами, в сером, подпоясанном ремнем мундирчике и брюках. А в руке он держал фуражку с блестящим черным козырьком.

Они о чем-то пошептались с Илюшей пару минут, после чего гимназист юркнул обратно в проход, помахав на прощание товарищу рукой.

Илюша проводил его взглядом и не спеша пошел дальше по дорожке к дому.

Я сходила в магазин за продуктами и вскоре вернулась домой. Елена Николаевна удивилась моему раннему приходу, но я заверила ее, что все в порядке, и забрала Илюшу домой.

— Ну что, встретил своего друга? — спросила я как можно безразличнее.

— Встретил, — сказал Илюша. — Но только у него не было времени поиграть со мной. У его мамы сегодня день ангела, и ему надо было торопиться.

Именины? Ну, конечно! Сегодня же 30 сентября — Вера, Надежда, Любовь...

— А когда у тебя будет день ангела? — спросил Илюша.

— Еще не скоро, зимой! — сказала я.

— А у меня?

— А у тебя — летом.

— А почему мы никогда не празднуем дни наших ангелов?

— Ну, так уж получилось, — ответила я, — но мы исправимся, сынок. Обязательно!

Для полноты картины мне не хватало последнего штриха. Я ввела в Яндексe строчку из смешного стишка, который учил Петя.

Нелепый стишок про бедного беса действительно существовал. И выглядел он следующим образом:

БѢлый, блѢдный, бѢдный бѢсъ
УбѢжалъ голодный въ лѢсъ.
ЛѢшимъ по лѢсу онъ бѢгалъ,
РѢдкой съ хрѢномъ пообѢдалъ
И за горькш тотъ обѢдъ
Даль обѢтъ наделать бѢдъ.
ВѢдай, братъ, что клѢтъ и клетка,
Решето, рѢшетка, сѢтка,
ВѢжа и железо съ ять, —
Такъ и надобно писать.
Наши вѢки и рѢсницы
Защищаютъ глазъ зеницы,
ВѢки жмурить цѢлый вѢкъ
Ночью каждый человѢкъ...
ВѢтеръ вѢтки поломалъ,
НѢмецъ вѢники связалъ,
СвѢсилъ вѢрно при промѢнѢ,
За двѢ гривны продалъ въ ВѢнѢ.
ДнѢпръ и ДнѢстръ, какъ всѢмъ известно,
ДвѢ рѢки въ сосѣдствѢ тѢсномъ,
ДѢлить области ихъ Бугъ,
РѢжетъ съ севера на югъ.
Кто тамъ гневно свирѢпѢть?
Крепко сетовать такъ смѢть?
Надо мирно споръ решить
И другъ друга убедить...
Птичьи гнѣзда грѢхъ зорить,
ГрѢхъ напрасно хлѢбъ сорить,
Надъ калѢкой грѢхъ смеяться,
Надъ увѢчнымъ издаваться...

Да уж, без этого стишка Пете и вовсе было не запомнить, какие слова писать через «ять»...

На следующий день я, как обычно, пошла на работу. Илюша позвонил мне очень рано, где-то в половине первого.

— Ты уже у Елены Николаевны? — удивилась я. — Что-то случилось? Почему так рано?

— Ничего не случилось... — сказал Илюша грустным голосом, и тут трубку взяла Елена Николаевна.

— А у нас такие новости! — заговорила она возбужденным голосом. — Эти ужасные

гаражи наконец-то снесли, представляете? За пару часов убрали! Значит, не зря мы в мэрию жаловались — навели все-таки порядок!

До конца недели продолжалось то же самое — уже в половине первого Илюша был у Елены Николаевны и с каждым днем становился все грустнее.

В пятницу вечером, вернувшись от соседки, Илюша поковырялся в тарелке, остался равнодушным к арбузу и ушел в свою комнату.

— Он, случаем, не заболел? — спросил муж озабоченно. — Чего-то он всю неделю ходит как в воду опущенный...

— Надеюсь, что нет... — ответила я.

Немного позже я зашла к сыну в комнату. Илюша лежал, отвернувшись к стене.

— Ты не спишь? — спросила я.

— Не сплю... — прошептал сын.

— Не грусти, — сказала я и погладила его по голове. — Даже если вы больше не увидите, все равно будете помнить друг о друге всю жизнь.

Я поцеловала сына и вышла, погасив свет. Ночью мне приснился маленький гимназист, рисующий маме ко Дню ангела поздравительную открытку яркими чешскими фломастерами...

Москва, 2009 г.

Сергей Ким ПОГРАНИЧНИК

*Вопрос Президенту РФ на пресс-конференции:
«Собирается ли Россия использовать для защиты
государственных рубежей огромных боевых человекоподобных
роботов?»*

*Ответ Президента РФ:
«Без участия человека это невозможно. Главное — это
пограничник».*

— Эй, Рик! Рикки! — крикнул Ахмет, стараясь перекрыть грохот дизеля «Брэдли». Тут движущийся на высокой скорости БМП дернуло на какой-то колдобине, и солдат чуть не прикусил язык.

Тот, к кому он обращался, сидящий напротив него высокий, что было заметно даже в тесноте десантного отсека, капрал явно не услышал крика, продолжая спокойно дремать. Ахмет жестом попросил соседа Рика поменяться местами и плюхнулся на сиденье рядом с капралом.

— Рик!!! Твою мать, долбаный чикано! Оглох, что ли? Ты что, задница, по ночам долбишься в уши? — заорал Ахмет в самое ухо приятеля.

— Да слышу я тебя, долбаный ниггер, чего орешь? — Рикардо поднял на Ахмета глаза. — До чего вы, черные парни из Бруклина, крикливые...

— Но-но! — Ахмет показал Рикку. — А не паришься за «ниггера» по морде схлопотать?!

— Ладно, Ахмет, не заводись, считай, что мы квиты. Ты меня тоже не ангелом назвал, — примирительно сказал Рикардо приятелю, — говори, что хотел!

— Ладно, — остывая, кивнул чернокожий Ахмет, которого считавшиеся в своем квартале интеллигентами родители при рождении нарекли Мартином Лютером. Однако в юности Мартин, подобно большинству своих черных «братьев», принял ислам и сменил имя. — Как думаешь, правду болтают о русских?

— Что именно? — удивленно спросил Рикардо. Ранее Ахмет совершенно не интересовался «долбаной политикой».

— Блин, ну ты че, гонишь, что ли? — обиделся спрашивающий. — Ну про то, что они с нами воевать собрались?

— Да ну... Брось ты, Ахмет... Скажешь тоже, война...

— Ты не скажи, — не согласился бруклинец. — А чего они тогда армию подтягивают к границам Альянса?

Рикардо удивленно посмотрел на Ахмета, сдвинул каску на затылок и озадаченно потер лоб.

— А я смотрю, Ахмет, ты не такой тупой, каким кажешься. В офицеры, что ли, метишь?..

— Да пошел ты... — тут же надулся от обиды Ахмет. — Я же серьезно спрашиваю... Ты в нашем взводе самый образованный — начальную школу успел закончить, вот и растолкуй мне!

— Так и я серьезно отвечаю! Очень сомневаюсь, что будет война, — задумчиво сказал Рик, машинально проверяя предохранитель штурмовой винтовки, — сколько мы в прошлом русских пинали — и ничего! Утерлись!

— Это хорошо! — хмыкнул Ахмед. — А то мне что-то не очень хочется воевать! Ты меня успокоил, Рикки! Пыхнуть хочешь? Мне земляк, он сейчас в Косово служит, отличной травы прислал — местные там целые плантации конопли держат!

— Эй, вы там! Ну-ка быстро заткнулись, засранцы! — рявкнула сержант Родригес, которой уже порядком надоели оба. — И не вздумайте курить дурь! Первый, у кого я увижу косяк, поедет на лобовой броне в качестве дополнительной защиты!

Небольшая колонна из двух танков, четырех БПМ и старенького командирского «Хамви» выдвигалась в сторону украинского города Черкасск.

Капитан Джеральд Виккерс — командир этой небольшой группы (и единственный белый во всем батальоне!) решительно не понимал, в чем цель подобного маневра — все равно горстка солдат Альянса ничего не смогла бы противопоставить вторгнувшимся российским войскам. Единственным приемлемым объяснением было то, что командование НАТО просто решило припугнуть «иванов».

Ограниченному контингенту войск Альянса на Украине было приказано тянуть время. Причем как можно дольше, пока не подойдут основные силы из Польши. В крайнем случае даже разрешалось применить силу. В командовании НАТО не сомневались — русские не будут раздувать тлеющую искру локального конфликта в разрушительный пожар мировой войны...

...Происходящее сейчас на Украине никак не укладывалось в привычные рамки! Подумаешь, очередная «цветная» революция... Сколько их уже было вокруг России... Но в этот раз...

В этот раз реакция русских оказалась совершенно неожиданной.

Едва стало известно о том, что во время беспорядков в Киеве погибло несколько граждан России, федеральные СМИ моментально раздули истерию по поводу притеснения русскоязычного населения Украины и заговорили чуть ли не об этнических чистках в отдельных районах. В соседнюю страну были оперативно введены армейские подразделения, Черноморский флот наглухо блокировал побережье и высадил морские десанты в стратегически важных точках, а в небе над Украиной начали барражировать самолеты ВВС России.

Соппротивление русским войскам практически не оказывалось. Возможно, это было вызвано тем, что на территорию антироссийски настроенных западных областей армия РФ не вступала, ограничившись только восточными областями.

Но небольшие столкновения все же происходили.

...Западные СМИ моментально вспомнили Пятидневную войну в Грузии и подняли вой, то и дело поминая русскую оккупацию, агрессию, интервенцию и прочие страшные слова. Однако Россия совершенно спокойно игнорировала все эти крики.

Между тем молчала и Украина, но здесь причины были более понятны. В стране, государственным устройством которой уже долгие годы была своеобразная форма анархии, просто некому было организовать сопротивление. Да и кому сопротивляться? Братскому

народу, пообещавшему наконец-то «навести настоящий порядок», как выразился на пресс-конференции один из русских правителей?..

А вот Соединенные Штаты сразу же заговорили, причем на повышенных тонах.

По всей Европе начали двигаться войсковые колонны, к черноморским проливам подошел 2-й Флот США, в воздух были подняты стратегические бомбардировщики. Россия тоже не осталась в долгу — ее армия, флот и РВСН были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

В воздухе отчетливо запахло войной.

Из немногочисленных на Украине баз НАТО вышли, с целью задержать русских, все наличные силы. Непонятно как, но задержать.

На худой конец заявить громкий протест...

Ну, просто показать, что это все происходит не без ведома Америки...

Капитан Джеральд Виккерс пребывал в весьма скверном расположении духа. Мало того, что его подняли чуть свет, так еще пришлось в компании обкуренных черножопых придурков, только по недоразумению именуемых военнослужащими Армии США, тащиться в этот городишко с труднопроизносимым названием. И главное — зачем? Русские напали на эту Богом позабытую страну? Ха, не смешите!.. Уже который год они стараются лишний раз не вмешиваться в дела цивилизованного мира, а этот самый мир благополучно прикрывает глаза на все непотребства, творимые в России.

Надо было и ПРО в Европе строить, и базами русских продолжать окружать — зря тогда Обама-Миро-творец пошел на уступки... Это же у нас демократия и все такие дела, а у русских еще до сих этот... Как его?.. О, тоталитарный режим!.. Таким палец в рот не клади...

— Сэр! — водитель снизил скорость и указал рукой куда-то вперед. — Впереди блок-пост!

Виккерс внимательно посмотрел туда, куда указывал солдат.

Моргнул. Еще раз моргнул. Озадаченно почесал нос и приказал колонне остановиться.

Поскольку тревоги никто не объявлял, мотоманевренная группа не стала разворачиваться в боевой порядок, так и оставшись в походной колонне. Только из головного БМП выскочило несколько солдат. И то — скорее с целью размять ноги.

Капитан Виккерс надел каску, подхватил винтовку, вылез из «Хамви», вскинул к глазам бинокль... И понял, что именовать ЭТО «блок-постом» было чересчур.

Прямо посреди голого поля шоссе перегораживал полосатый шлагбаум. Около него стоял одинокий русский солдат в потертой и старой форме...

Нет, не так!

В потертой и ОЧЕНЬ старой форме. Такую капитан видел только в любимых старых фильмах «Красный рассвет» и «Рэмбо-3». На солдате были надеты мешковатые брюки, заправленные в высокие и даже на вид тяжелые сапоги. Странная куртка, нет, даже не куртка, а, скорее, рубашка непривычного покроя, с высоким стоячим воротником и короткой застежкой на пуговицах. Широкий кожаный ремень с крупной квадратной металлической бляхой. На голове странная продолговатая шапочка, формой напоминающая пирожок. На шапочке — красная пятиконечная звездочка. В руках солдат держал магазинную винтовку с примкнутым штыком.

Джеральд огляделся по сторонам. Вокруг было совершенно пусто. Ни бронетехники, ни других русских солдат. Не было даже будочки возле шлагбаума.

Странно, очень странно...

На всякий случай капитан отдал команду спешиться. На БМП откинулись аппарели, и на дорогу, со смехом и прибаутками, начали неспешно выпрыгивать солдаты. Увидев посреди дороги странного человека, американцы достали камерофоны и принялись увлеченно, словно туристы на экскурсии, щелкать парня с разных ракурсов. Постепенно американцы окружили русского полукольцом. Впрочем, не приближаясь к нему ближе двадцати метров. Образованный капрал Рикардо пояснял всем желающим, что странная рубашка русского называется гимнастеркой, а чудной головной убор — пилоткой.

«Иван» равнодушно взирал на все эти маневры, не проявляя никакого интереса.

Но как только Виккерс, в сопровождении двух сержантов, подошел ближе, русский мгновенно вскинул винтовку и, направив штык на капитана, четко произнес по-английски:

— Стоять!

По толпе, а американские солдаты стояли именно толпой, прошло быстрое движение. Некоторые подняли оружие к плечу, другие просто сняли его с предохранителя.

Но одинокого русского совершенно не смутили направленные на него стволы. Он спокойно стоял в нарочито-картинной, словно на плакатах, караульной позе, и смешной игольчатый штык был твердо нацелен точно в грудь капитана Виккерса.

— Вы незаконно находитесь на территории суверенной республики Украина! — выдал заготовленный заранее текст Виккерс, надеясь, что «иван» понимает человеческий язык. — Вы обязаны покинуть ее территорию!

— А что на территории суверенной Украины делает подразделение армии Соединенных Штатов? — на прекрасном литературном английском языке спросил русский.

Капитан опешил от такой наглости, но решил не терять лица.

— Мы находимся на территории Украины согласно подписанному два года назад с правительством этой суверенной страны Договору! Мы представляем войска НАТО! — веско проговорил американец, надеясь, что последнее слово подействует на русского особенно сильно.

— Объяснения приняты! — ровным голосом сказал русский. — Можете продолжать свое пребывание. Но должен предупредить, что сразу за шлагбаумом начинается территория РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ!

Виккерс натуральным образом выкатил глаза.

— Но нам нужно в... этот... как его... Черкасск! У нас приказ!

— Если вы пересечете границу, к вам будут применены самые жесткие меры! — равнодушно пояснил русский.

— Вы... ты... — поперхнулся от возмущения капитан, с каждой секундой багровея все больше и больше... — Ах так, да?.. Ну, сукин сын, ты сейчас получишь!

Джеральд резко развернулся и зашагал обратно к колонне, на ходу скомандовав своим солдатам рассыпаться в цепь и взять русского на прицел. Теперь уже все американцы навели оружие на одинокого бойца с антикварной винтовкой.

Капитан залез в «Хамви» и приказал водителю:

— Вперед!

Машина тронулась и начала медленно накатываться на «ивана». Рассыпавшиеся в цепь американские солдаты застыли в напряжении.

А русский... Русский оставался совершенно, неестественно спокойным. Он так и продолжал стоять в той же позе. «Хамви» подъезжал все ближе и ближе. Виккерс смотрел на одинокого солдата, молясь, чтобы тот все-таки отступил. Нехорошее предчувствие скребло капитана. Он никак не мог понять, что в этом русском его настораживает... И вдруг понял — «иван» стоял АБСОЛЮТНО неподвижно, нормальный человек не сможет так стоять перед надвигающимся на него тяжелым джипом.

Бампер «Хамви» почти коснулся кончика русского штыка, и тут одинокий солдат исчез вместе со своим шлагбаумом. Просто растаял в воздухе, как будто бы его и не было. Что за чертовщина?!!

Водитель от неожиданности резко затормозил. Виккерс выскочил из машины и огляделся. Нет, русский не лежал под колесами — его действительно нигде не было. Американские солдаты недоуменно крутили головами.

— Так это всего-навсего долбаная голограмма! — раздался голос капрала Рикардо. — Этот русский был ненастоящий! Нас, парни, просто пытались взять на дешевый трюк! И мы чуть не купились!

Такое объяснение мгновенно сняло напряжение. Все опустили оружие, раздались шуточки, кто-то тихонько хихикал, кто-то ржал в голос. Капитан, посмеявшись вместе со

всеми, приказал грузиться и следовать дальше. Колонна снова тронулась вперед. Никто уже и не вспоминал про грозное предупреждение виртуального часового.

Внезапно капитан увидел, что с придорожными кустами начало твориться нечто невероятное — их очертания расплылись... Джеральд вспомнил, где он видел такой эффект — в старом боевике, «Хищнике», кажется...

Воздух около дороги заискрился, и, словно из ниоткуда, появилось жуткое создание. Огромный, метра три в высоту, человекоподобный... да, пожалуй, что робот, сильно напоминающий трансформера из последней пятой части. Две ноги, две... руки, отсутствие головы как таковой, сложная система бронешитков, покрывающая все тело...

Робот ожил и с легким гулом работающих сервоприводов начал подходить к дороге. Водитель головной машины с перепугу так ударил по тормозам, что «Хамви» пошел юзом, попал передними колесами в кювет и заглох. Шедший следом танк не успел среагировать и протаранил корму джипа. Несколько секунд — и колонна смялась, словно пустой одноразовый стаканчик. Солдаты выскакивали из бронемашин и застывали в полном обалдении при виде прущей на них ожившей кинофантастики.

Между тем непонятная машина шагнула на дорогу и встала. При более внимательном осмотре оказалось, что «руки» у робота все-таки отсутствуют. Примерно на уровне «плеч» из корпуса торчали короткие консоли, на каждой из которых был подвешен оружейный блок. Первоначальный испуг американцев сменился недоумением — на грудном щитке робота была изображена большая красная звезда — опознавательный знак Российской, а до того — Советской Армии. Откуда у русских ТАКОЕ?

— Стоять! — прогремело из внешних динамиков робота. — Вы нарушили границу! Немедленно покиньте территорию Российской Федерации! Даю десять секунд и стреляю!

Воцарилась мертвая тишина.

И тут сержант Родригес, пытаясь подойти поближе, чтобы разглядеть это чудо в металле, споткнулась о чью-то ногу и со всего маху приложилась головой в каске о броню БМП.

Звук, напоминающий выстрел, был воспринят изрядно перенервничавшими американцами слишком болезненно. Они открыли по непонятному объекту беспорядочный огонь. Большая часть выпущенных пуль ушла в «молоко», а немногочисленные попавшие со звоном рикошетировали от брони.

И тут доселе передвигавшийся достаточно медленно механический солдат, будто подброшенный исполинской пружиной, резко взмыл вверх и в сторону. Стрелять робот начал уже в прыжке. Причем, в отличие от американцев, стреляла чертова русская железяка исключительно точно.

Первая очередь из закрепленного на правой консоли спаренного крупнокалиберного пулемета прошла по столпившейся у бронемашин пехоте настоящей косой смерти. Бронежилеты не могли спасти своих владельцев от пуль, выпущенных из механизма, любовно собранного в провинциальном русском городе Ковров, на заводе имени Дегтярева¹¹ Одновременно с пехотой робот прицельно расстрелял пару «Брэдли». Пули с вольфрамовыми сердечниками прошли обе БМП навылет, словно машины были сделаны из картона, а не защищались комбинированной алюминиево-стальной броней. В одном из «Брэдли» детонировал боекомплект «Бушмастера»,¹² второй просто тихо загорелся неярким пламенем. Эти пули вылетели из ствола висящего на правой консоли русского монстра устройства, разработанного советским конструктором Владимировым еще в 1943 году.¹³

¹¹ 12,7 — мм пулемет КОРД.

¹² 25 — мм автоматическая пушка M242 «Bushmaster». Штатное оружие БМП M2 «Bradley».

¹³ 14,5-мм пулемет КПВ.

Приземлилась русская боевая машина прямо на командирский «Хамви». Капитан Виккерс и его водитель погибли практически мгновенно, сплюснутые проломленной крышей.

Головной танк начал разворачивать башню в сторону противника, но из-за спины механического чудовища рванула вверх пара ракет. Сделав горку, ракеты ударили почти неуязвимые танки сверху. Там, где была самая тонкая броня и не стояла динамическая защита. Мгновение — и на дороге стало на две кучи металлолома больше.

Только сейчас американцы полностью врубались в ситуацию и открыли шквальный огонь из всего оружия. По русской боевой машине долбили винтовки, пулеметы, автоматические пушки. Но чертова железная лягушка, перемещаясь по полю прыжками, все время уходила из-под прицельного огня. И стреляла, стреляла, стреляла в ответ. Загорелась еще одна бронемашина, а пехотинцы полегли практически все.

Отчаявшийся попасть в противника наводчик уцелевшей БМП наугад выпустил «просто в ту сторону» обе ракеты противотанкового комплекса. Ему повезло — он успел поймать робота в прицельную марку в краткий миг между двумя прыжками. ПТУР «Тоу», могущая пробить восемьсот миллиметров брони, вошла монстру в правый бок. И, видимо, повредила привод нижней «конечности». Русское чудовище сразу перестало прыгать. Правда, и прихрамывая, робот продолжал двигаться довольно быстро. Но недостаточно быстро.

Очередь бронебойных снарядов автоматической пушки прошла поперек «туловища» чудовища. И все-таки пробила защиту. Робот странно дернулся, словно был живым и враги причинили ему боль, и встал. Но удачливый американский наводчик не сумел воспользоваться плодами своей победы — крупнокалиберная пуля с вольфрамовым сердечником пробила маску башни и вошла солдату точно в лоб. Обезглавленное тело сползло на дно БМП.

Механическому бойцу потребовалось совсем немного времени, чтобы методично и безжалостно добить всех оставшихся американских солдат. Бой закончился.

На корпусе замершего в нелепой, скособоченной позе «робота» откинулась передняя броневая пластина. Из пахнущего горелой изоляцией чрева экспериментального боевого костюма «Скиф» неловко вылез старший лейтенант пограничных войск Михаил Киреев.

Неловкость Киреева объяснялась ранением — осколки снаряда «Бушмастера», расколовшегося при пробитии защиты, попали Михаилу в ногу. Лейтенант торопливо перетянул рану бинтом и принялся за осмотр костюма. Но даже беглого взгляда на него было достаточно, чтобы понять — «Скиф» безнадежно поврежден. Был полностью разбит сервопривод правого ступохода. Из-под покореженных защитных щитков хлестала гидравлическая жидкость. Кроме этого, вышел из строя электронный блок управления ракетным оружием — теперь оставшиеся в боекомплекте два «Фагота» были бесполезны.

«Надо было их сразу по бээмпэшкам употребить, — подумал Михаил. — Глядишь, и не словил бы «ответку» в бок. Сэкономить решил, экономист хренов... Впрочем, и без них ведь справился! А не такие уж хорошие вояки эти амеры... И чего это они все время побеждают в своих войнах?.. Техническое превосходство? Ну да ничего — не все им бить превосходящими силами... Посмотрим, как вся эта сволота запоет, когда техника вроде моего костюма перестанет числиться экспериментальной и начнет массово поступать в войска!»

Киреев подобрал с земли более-менее целую американскую винтовку, надергал несколько запасных магазинов из неаппетитных куч мяса, бывших пять минут назад солдатами. Проверил оружие, рассовал по карманам комбинезона рожки. Отошел на двести метров от места побоища. И залег на приглянувшемся пригорке у дороги. «Скиф» поврежден, но приказа на охрану границы никто не отменял.

Сахалин, 2009 г.

Часть вторая Могло бы быть...

Сергей Буркатовский ВАРИАНТ «БАЦ!»

Дисклеймер .

Данный текст не является пародией на книгу уважаемого мной Сергея «СВАН» Анисимова. Скорее, это мое личное резюме жарких сетевых дискуссий — кто куда вышел бы в случае войны между СССР и союзниками в 1945 году — Паттон ли к Волге или же Жуков к Ла-Маншу.

Товарищ Сталин прошелся по кабинету и задумчиво тыкнул трубкой в собеседника:

— А что, таварыш Жюков, нэ хотите ли Ви прокатиться на Ваших танках прямо до Ла-Манша?

— Аффигеть! — только и смог вымолвить Жуков. Нет, кататься на танках он умел и любил, но вот момент был не очень подходящим. Война только что закончилась, потери армии составили минимум семь миллионов человек, а с учетом погибших в плену — и все десять. И плюс примерно столько же гражданских. Солдаты и офицеры рвались домой, и даже предстоящее добивание Японии создавало в этом смысле серьезные проблемы.

Присутствовавшие при разговоре Молотов и Берия тоже сказали «Аффигеть!», просто Жуков сказал громче.

Берия сказал «Аффигеть» потому, что такие авантюры (а имевшиеся у разведки сведения — в частности по атомному проекту американцев — говорили о том, что это авантюра в квадрате. Или даже в кубе) были нехарактерны для вождя. В свое время, после победы под Сталинградом, он не решился на «Большой Сатурн», ограничившись Малым. Хотя и советский Генштаб, и, как потом оказалось, Манштейн считали операцию вполне осуществимой. Сталин не рванул и на Берлин в январе сорок пятого, предпочтя сперва обеспечить фланги. И тут — р-раз — и сразу Ла-Манш.

Молотов сказал «Аффигеть» потому, что такое решение совершенно не соответствовало состоянию экономики — полстраны лежало в развалинах. Велись напряженные переговоры с Англией и США о помощи в восстановлении промышленности. С ними же планировались совместные действия против Японии, обещавшие возвращение половины Сахалина — и целый Китай в качестве дополнительного бонуса. Так что предложение Верховного было по меньшей мере неожиданным. А кроме того, пахло троцкизмом — экспорт революции, Земшарная республика Советов...

Видимо, о троцкизме подумали все и сразу. Ледоруба в кабинете не оказалось. Пришлось задействовать всю мощь коммунистической теории. «Капитал» весит килограмма три, а учение Маркса, как известно, всесильно. Потому что верно. Кто именно опустил фолиант на затылок Вождя, осталось загадкой — сам Вождь получил кратковременную ретроградную амнезию (как раз примерно с того момента, когда вышеупомянутая мысль пришла ему в голову), а остальные участники совещания скромно молчали. Во избежание.

Короче, вопрос о Ла-Манше был снят. Приказом Министра Обороны товарищ Сталин был понижен в звании с Генералиссимуса до Маршала Советского Союза, но за что — он вспомнить не мог, да и не хотел, поскольку подсознание связывало этот факт с какой-то космических масштабов глупостью. Так что поехал он в Потсдам в простом маршальском мундире.

В Потсдаме его встречали (уже) Трумэн и (пока еще) Черчилль. Трумэн был весел и сыпал искрометными идеями.

— А знаете, маршал Сталин (можно, я буду называть Вас просто — дядюшка Джо?), у нас в войсках есть такой замечательный генерал Паттон. Он уже всыпал джерри и теперь

клянется, что к новому году дойдет до Волги! Замечательная идея, правда? Плевать, что мы должны наконец расквитаться с япошками за Перл-Харбор, плевать на Китай и британское наследство — прикинь, Джо — это ж круто — прогуляться аж до Волги! Аффигеть, правда?

— Да-да-да! — поддержал Трумэна сэр Уинстон. — Нам тоже наплевать, что в Тауэре свинчены все медные дверные ручки, и на то, что в казне — шаром покати — тоже плевать. И то, что у нас еда по карточкам. И то, что наша империя сыплется на глазах — тоже по барабану. Зато зацените, маршал, какой я план придумал! А название-то каково — «Не-Мысли-Мо-Е»! О! Кстати, я уже предпринял некоторые шаги. Позвольте представить Вам нашего нового союзника!

В кабинет вошел изрядно пободревший по сравнению с ночью с восьмого на девятое мая Кейтель. Подойдя к столу, он залихватски щелкнул каблуками, достал из кармана губную гармошку и не без мастерства исполнил немецкую народную песню «Ах, майн либер Августин».

— Видите, маршал? В настоящее время мы сформировали из пленных немцев уже пятьдесят дивизий, которые готовы защитить европейскую цивилизацию от вторжения азиатско-большевистских орд! Короче, маршал. СССР сделал свое дело, СССР может уходить. Немецкий народ в лице господина Кейтеля требует уважения его законных интересов.

Сталин пыхнул дымом из трубки и тоже сказал «Аффигеть». Правда, про себя. Почему-то ему пришла в голову мысль, что в кабинетах президента США и премьер-министра Соединенного Королевства держать «Капитал» было не принято. Минут пять он смаковал трубку, после чего обратился к скромно стоящему в углу Миколайчику:

— Интэрэсно. А может, гаспадын Мыколайчик скажыт нам свое мнэние? Может быть, польский народ тоже трэбует уважения своих законных интересов?

— Аффигеть! — живо откликнулся Миколайчик (до того слова ему не давали). — Разумеется, польский народ тоже требует соблюдения своих интересов! — министр лондонского (пока еще лондонского) правительства, не отрываясь, смотрел на Кейтеля, как кролик на удава. — Скажите, пан маршал, — обратился он к Сталину, — у Вас ведь есть в запасе пара ну совершенно ненужных танковых армий? Не могли бы Вы разместить их у нас в Польше? Чисто на всякий случай? — За окном грянул тот же «Августин» — сотней глоток, в такт ударам кованых сапог по брусчатке. — Нет! Лучше четыре!

— Аффигеть! — крикнул в окно не приглашенный на заседание Бенеш. — Целых четыре! Он что, эти армии на ксероксе печатает?! В конце концов, Чехословакия пострадала первой! Две армии вам, две... (тут Бенеш, видимо, вспомнил о Тешине) Нет! Четыре нам! Мы обязуемся оплатить их содержание... В разумных пределах... Может, договоримся о рассрочке?

Армий хватило на всех. Даже на Венгрию с Румынией, которые о них не особо просили — но как раз их не особо спрашивали. Да, вывоз трофейного имущества из Германии пришлось провести в пожарном темпе, синхронно с выводом войск — но зато чехи клепали станки, «Хетцеры» и нелегальные копии «Ме-262» не за страх, а за совесть. В иные дни, когда направление ветра было особенно благоприятным для прослушивания германской народной музыки с той стороны Судет, производительность труда возрастала на сотни процентов.

А в соседней Польше, если вышедшие из лесов солдаты Армии Крайовой вдруг начинали выяснять отношения с «Людowymi» — соответствующее подразделение Войска Польского вывозили на экскурсию к западной границе. Пятнадцатиминутное внимание доносящемуся с той стороны «Августину» (и, ясное дело, топоту солдатских сапог) резко оздоравливало моральный климат в коллективе. Заодно решили некоторые мелкие проблемы — польская экспертная комиссия съездила в Катынь и откопала в указанном месте френч с засунутой в карман газетой, датированной 21 июня 41-го года. Чем и удовлетворилась. Все-таки четыре танковые армии — это четыре танковые армии.

Тем временем в Польшу приехала делегация с Ближнего Востока. Посетив Освенцим,

гости съездили на границу с Германией и послушали «Августина». Они не сказали ничего, но вскоре в окрестностях Иерусалима взлетели на воздух еще несколько отелей с британскими офицерами. Один из визитеров съездил к родственникам в Штаты. После бурного обсуждения в узком кругу значительная часть сотрудников Манхэттенского проекта (с одинаковым, что характерно, пятым пунктом) решила отдохнуть в Тихуане. Правда, мексиканский климат им не очень понравился, так что через некоторое время они обосновались немного севернее — кто в Челябинске-50, кто в Арзамасе-16. В результате советская атомная бомба взорвалась уже в сорок восьмом году.

Сенатор Маккарти был счастлив — наконец-то у антиамериканских деятелей появился четко определяемый признак! Резолюция по Ближнему Востоку, предусматривающая создание государства Израиль, была заблокирована, а внутренний климат в США (запреты на профессии, слухи о депортации на Аляску) наводил многих евреев на мысль, что окрестности Биробиджана — не такое уж плохое место. Крым, конечно, лучше — но туда немцы доходили уже два раза, оно нам надо? Климат на Дальнем Востоке не сахар — но еврейские кибуцники и не с таким боролись. Тем более, что религиозные ортодоксы прихода Мессии пока не зафиксировали — так что с Иерусалимом можно и подождать. Как евреи умудрились договориться с комарами и климатом — Б-г знает, но у Грузии появился сильный яблочно-мандариновый конкурент.

Французы ездили за острыми впечатлениями не на западную границу, а на восточную. Трофейных «пантер» им не досталось (все ушли в возрождавшийся бундесвермахт), так что ветераны «Нормандии» через Швецию летали в Москву, договариваться о поставках Т-34-85 и ИСов с небольшим пробегом по Европе. Чисто на всякий случай. Ну да, у немцев сейчас Потсдамская Республика. Но гитлеры, как известно, уходят и приходят — а немецкий народ остается. И, что характерно, остается он все тем же. Как минимум в музыкальных пристрастиях.

Японцы тоже ездили в Москву, договариваться о поставках нефти и самолетов в обмен на линкоры. Линкоры Сталину были не нужны абсолютно, а вот пол-Сахалина удалось-таки заполучить обратно. По-хорошему — оно всегда лучше, чем по-плохому. 6 августа американцы снесли ядерной бомбой Хиросиму («Аффигеть!» — сказали в японском генштабе), а 9-го одиночную «Суперкрепость» на подходе к Нагасаки атаковала большая группа самолетов, ранее на тихоокеанском ТВД не встречавшихся. Получив тридцатисемимиллиметровый снаряд в центроплан с дальней дистанции, бомбардировщик ссыпался на землю. Ходили слухи, что ритуальное «Тенно Хей-ко Банзай» в исполнении атаковавшего американский бомбардировщик японского пилота звучало несколько необычно (кажется, летчик вспоминал чью-то мать, но японские историки с негодованием отвергают эти инсинуации), а его имя — Тояма Токанава было выбрано в честь сельской дороги, по которой он в юности бегал в соседнюю деревню, до школы. В обломках Б-29 было найдено нечто крайне интересное, а проведенный со всей восточной вежливостью допрос выбросившихся с парашютом пилотов снабдил японскую разведку еще более ценной информацией. Стало ясно, что до 46-го года по поводу повторения Хиросимы беспокоиться не стоит — а вот дальше надо что-то делать. Чешские Ме-262 (а потом — русские МиГ-9) и керосин для них стоили дорого, в политическом смысле; с Китаем и Маньчжурией пришлось распрощаться — но Квантунская армия все равно была нужнее на Островах.

С Японией англичане и американцы возились до конца 47-го. Тем временем Мао без помех загнал Чан Кайши на Тайвань, Ким Ир Сен без особых проблем строил Народную Корею, а что касается Восточной Европы — то установление народной демократии в Польше и Чехии оказалось совершенно ненужным. В условиях возрожденного англо-американцами Вермахта любая партия, только заикнувшаяся об охлаждении отношений с СССР, не получила бы не то что министерского поста, а должности дворника в Бельведере. Конечно, коммунисты в восточноевропейских странах регулярно входили в правительство — но особого вреда от них, как, к слову, и во Франции, не наблюдалось.

В Советском же Союзе судьбоносный том «Капитала» многократно использовался по

назначению. Только по Хрущеву его применяли минимум 4 раза — в 53 (бодрая партийная дискуссия), 54 (Крым), 56 и 61 (съезды КПСС) годах. Применений по Брежневу западными советологами зафиксировано не было, но Леонид Ильич остановился на 2-й Золотой Звезде и до конца жизни обладал безупречной дикцией. Говорят, он клал том под подушку. Последнее подтвержденное применение состоялось в 1985 году — новый Генеральный Секретарь, наконец, научился правильно ставить ударение в слове «мышление» и иногда таки подменял на торжественных приемах минеральную воду продукцией завода «Кристалл».

Москва, 2007 г .

Олег Тарутин ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ

Южный сектор Одесского оборонительного рубежа, хронокластер 09.1941

Ближний взрыв швырнул его на землю, щедро сыпанув сверху комьями высушенной летним зноем глины, от ударов которых весьма слабо защищала вылинявшая от пота, побелевшая на спине гимнастерка. Рядом, коротко и страшно вскрикнув, упал в пожухлую степную траву еще кто-то из бойцов, атакующих позиции двенадцатой пехотной дивизии. Вслед за выворачивающим душу свистом в десятке метров поднялся еще один дымно-пыльный фонтан, и еще один, и еще: сегодня румынские минометчики пристрелялись куда лучше, нежели накануне. Ну, или не румынские, а, что куда более вероятно, подошедшие к ним в усиление немцы. И несколько сотен метров, отделявших вражеские окопы от линии обороны 31-го стрелкового полка, превратились в практически непреодолимую полосу изрытого взрывами, простреливаемого насквозь пространства.

Застонав, он поднялся на колени, блуждающим взглядом отыскивая отлетевшую в сторону винтовку. Подтянув за ремень верную трехлинейку, он с трудом принял вертикальное положение — приложило его все-таки не слабо — и побежал вперед. Окопы неожиданно оказались ближе, нежели казалось до атаки, и, перемахнув через невысокий бруствер, он оказался внизу, увидев в метре ошарашенного румынского солдата: песочно-желтый мундир, рыжие ремни португези, смешная «двурогая» пилотка. Привычным движением послав вперед-назад увенчанную штыком винтовку, он перепрыгнул через поверженного противника — умрет бедняга не сразу: тонкий четырехгранный штык при ударе в живот, как правило, растягивает это сомнительное удовольствие примерно на час — и рванулся дальше по ходу сообщения. Первого встречного, оказавшегося каким-то низшим офицерским чином, он опрокинул прямым штыковым ударом и, коротко и смачно хэкнув, добил уже упавшего ударом приклада в лицо. Отбросив в сторону творение царского капитана Мосина с заляпанным кровью и неприятными на вид серыми комками мозговой ткани прикладом, он выдернул из привешенных к поясу ножен трофейный штык от германской «98К». Вот так как-то оно лучше! Винтовка в узком окопе — то еще оружие, а вот штык не подведет. Кстати, интересно, хоть кто-то из ребят рискнул пойти следом? Да, впрочем, какая разница? Им все одно не понять того, что он должен сделать... и для чего, собственно, сделать. Вывернувшийся навстречу румын прервал его размышления — и тут же сдавленно охнул, принимая в грудь плоский штык и оседая на утрамбованную подошвами солдатских ботинок глину. Светлый мундир потемнел, быстро пропитываясь кровью. Вот и хорошо, вот и патрон, как говорится, сэкономил. Эх, ему б автомат — хоть родной ППД, хоть немецкий «38/40» — уж он бы тут такой концерт отчебучил, по заявкам, как было принято говорить в этом временном кластере, радиослушателей! Вот только где ж его взять, тот автомат? Родное командование едва-едва винтовками для них разжилось, и то не для всех, ну а трофеи? В лучшем случае можно рассчитывать на чешские ZB образца 1924 года, а то и на куда более раритетные экземпляры времен Первой мировой, например, австрийские

Манлихеры конца прошлого века или японские Арисаки, которыми вооружались запасные полки. А что поделать, если автоматическим оружием немцы своих ближайших союзников снабжать отнюдь не спешили? Что, впрочем, вовсе не означало, что сражавшиеся с превосходящими в несколько раз силами противника бойцы оставались без трофеев — всякое бывало...

Размышления снова прервались, на сей раз по причине обнаружения сколоченной из неструганых, не успевших даже потемнеть сосновых досок двери блиндажа. Неплохая находка. Ну, сейчас порезвемся! Перехватив штык лезвием к себе, он ударом ноги распахнул хлипкую дверь. Царящая в блиндаже полутьма после яркого летнего солнца показалась почти абсолютной темнотой, однако он вовсе не собирался ориентироваться только на собственные глаза. У тренированного человека, как известно, есть и иные органы чувств... Достаточно того, что он знает — *их* в блиндаже трое. Два румынских офицера и один немецкий. Последнее — особенно приятно и в каком-то смысле даже перспективно: есть шанс разжиться чем-нибудь огнестрельным для дальнейшего вояжа по тылам противника. Первый — справа от входа... был, поскольку плоское лезвие штыка, описав короткий полукруг, уже вернулось в исходную точку, запятив его старенькое хабэ зловещими темными брызгами. Второй, сидящий за дощатым, застеленным картой столом, еще только начал приподниматься, когда траектория потемневшего от крови лезвия на долю секунды пересеклась с его горлом парой сантиметров выше расстегнутого ворота летнего офицерского кителя. Третий, тот самый замеченный ранее немецкий офицер, стоящий спиной ко входу возле застеленной шинелью лежанки в углу, прожил немногим дольше товарищей, получив удар в спину, чуть ниже левой лопатки. И, прежде чем он успел опуститься на последнее в своей жизни ложе, сдвинутая далеко назад кобура рассталась с содержимым, девятимиллиметровым пехотным «люггером». Вот и хорошо, вот и оружием разжился. Ну, поехали дальше...

Выскочив из блиндажа — тренированные глаза еще не успели привыкнуть к темноте — он рванулся вперед, разыскивая пулеметную точку, одну из тех, что второй день прижимали их к земле, вместе с минометчиками срывая одну атаку за другой. В принципе, несложная задача — раскатистый рокот пулемета, опять же чешского, едва ли не перекрывал грохота разрывающихся на нейтралке мин. Небольшой полукоп, врезанный во фронт обороны, с установленным на сошках ZB-26 и прикидывавшим к прикладу первым номером. И второй номер, застывший рядом с парой сменных коробчатых магазинов в руках. Россыпи свежих стреляных гильз на бруствере и под ногами. Отлично... Геройствовать он не стал, попросту выстрелив пулеметчику в затылок и, с разворота, — в лицо подающему. Отпихнув сползающий по стене окопа труп, рывком принял на руки пулемет, попутно порадовавшись знакомой машинке и только что поменянной обойме. Что ж, вот теперь точно концерт по заявкам начинается! Здесь подобным киношным приемам «а-ля Джон Рембо» еще не обучены — и тем лучше. Жаль только, что пытается пулемет приставным магазином емкостью всего в каких-то двадцать патронов — придется рассчитывать лишь на них, а затем снова менять оружие. Или магазин, если, конечно, времени хватит. Ладно, прихватим парочку сменных, а там поглядим...

Поудобнее перехватив левой рукой пулемет за возвышающуюся над стволом рукоятку, он вышагнул обратно в ход сообщения, одновременно выжимая спуск. Первая же очередь смела троих вражеских солдат, спешащих к замолчавшему — ненадолго, как выяснилось! — пулемету. Разворот на «сто восемьдесят», и столь же короткая зачистка правого фланга. Не ожидали, *домнуде*? Охотно верю. Ну, что ж, как говорится, *буна зиуа*... Нет, вот чем хорош зброевский «двадцать шестой», так это небольшим, всего-то девятикилограммовым, весом. С родным ПКМом, а тем более американским М60 так особо не побегаешь, не в Голливуде, чай! Да и не постреляешь «от бедра» особо. Впрочем, это он что-то вовсе не в тему сравнил, поскольку до изобретения этих пулеметов оставалось еще никак не меньше нескольких десятков лет... Пустой магазин полетел под ноги, на его место с негромким щелчком сработавшего стопора встал запасной. Эх, выйти б сейчас на минометную позицию,

захватить один их стволов да поупражняться в прицельной стрельбе по их же собственным окопам! Ничего, в принципе, сложного — учитывая расстояние между двумя линиями обороны, достаточно просто изменить прицел градуса на три и уложить веером десяток мин — больше в любом случае не дадут! А уж там...

Прежде чем получить в упор несколько остроконечных 7,92-мм пуль, несущихся к цели со скоростью более чем семьсот метров в секунду, вывернувшийся навстречу солдат успел таки вскинуть винтовку и выжать спуск. Обидно — и глупо! Тяжелый, отбрасывающий назад удар пониже левой ключицы — и боль. Пока еще неосознаваемая в горячке боя, почти полностью растворяющаяся в захлестнувшем организм адреналиновом шторме, но уже рвущая грудь боль. В следующий миг мир перевернулся, стремительно опрокидываясь над головой, и последнее, что он еще успел увидеть, было иссиня-голубое, без единого облачка сентябрьское небо Причерноморья одна тысяча девятьсот сорок первого года...

Тренировочная база «Хронос», Земля, Россия, 2210 год

— У него получилось? — человек, облаченный в черный флотский китель с золотыми погонами адмирала, повернув седую голову, взглянул на сидящего напротив офицера:

— Уже есть данные по откату?

Собеседник, судя по тускло отблескивавшим в приглушенном кабинетном свете погонам, носящий звание контр-адмирала военно-космического флота, едва заметно улыбнулся:

— Да. Объектом был тот немецкий офицер в блиндаже. Коррекция удалась в полном объеме. Психоматрица стерта, состояние операнга Рогова хорошее, сейчас он проходит курс психосоматической реабилитации.

— Как у вас все просто — «объект», «удалась», — адмирал едва заметно дернул краешком сухого, с узкими губами рта. — А в чем был смысл этой коррекции-то? Что вы изменили в нашем легендарном прошлом? Или это секрет? Даже от меня?

— Да нет, что вы, какой секрет, — контр-адмирал пожал плечами. — Точнее, *уже* не секрет. Если б не мы, то после полученного в сентябре сорок первого ранения обер-лейтенант Гюнтер Штамм отправился бы на лечение в Германию. И там познакомился бы с участниками группы Ольбрихта, став одним из заговорщиков, готовивших покушение на Гитлера. В отличие от нашей истории, покушение оказалось бы удачным, и фюрер погиб еще в сорок втором. В действие был бы введен план «Валькирия», одновременно начались переговоры с Англией и США. Крайне невыгодные для нас переговоры. Союзники быстро поняли бы свою выгоду и согласились с условиями Германии...

— Постой, Сережа, не спеши. Но ведь этого не было в нашей истории? Откуда ж оно взялось?

— Так от нас и взялось, Алексей Анатольевич! Компьютерный мозг Центра просчитал возможные варианты развития событий и выдал именно такой вердикт. Ликвидация Штамма и станет отправной точкой для развития истории Второй мировой по привычному нам сценарию. Парадокс, товарищ адмирал, но парадокс, полностью управляемый и контролируемый нами. Своего рода замкнутый круг Времени. Если сейчас в нашей реальности ничего не изменится — значит, мы сумели изменить Историю... странновато звучит, согласен, но, тем не менее, это так.

— Да уж, странновато. Впрочем, ладно, твоим ученым виднее. Ступай, а я еще поработаю. Рогова твоего, я так понимаю, отметить следует?

— Да, я пришлю предписание. Думаю, пора ему внеочередное присвоить — и на пенсию. Иначе сгорит парень, сами понимаете, какая у боевых операторов нагрузка.

— Добро. Ну, ступай, Сережа, время не ждет. Хотя последнее, спорно, конечно...

Одесса, 2009 г

Елена Горелик

НАРВСКАЯ НЕЛЕПА

1

«Эх, Ругодев... Городок мал, да удал. Лихим наскоком на шпагу не возьмешь. А брать надобно. Никак нельзя шведу оставить».

Понимали эту истину далеко не все, кто пришел сюда отвоевывать потерянное прадедами. Вообще-то, город Ругодев — а по-немецки Нарва — никогда Руси-России не принадлежал. Недаром на правом берегу Наровы прямо против Длинного Германа некогда был выстроен Иван-город. Крепкий город, с каменными башнями и высокими стенами, долго сдерживал рыцарей немецких, на земли русские искони зубы точивших. Равно как и бастионы ругодевские построены были ради защиты от набегов псковитян да новгородцев. Вот его-то, Иван-город, недоброй памяти царь Иван, прозванием Грозный, и упустил. Вместе со всей землей Ижорской. Нынешняя Россия Петра Алексеича, словно вспомнив разом все давние обиды, причиненные разными немцами, заявила права на потерянное. И не только на свое. Право силы еще никто не отменял, и прерогатива сия не только у Европ имеется.

Вот и велено Петром Алексеичем Ругодев-Нарву брать. А сказать-то оказалось куда проще, чем сделать...

Бомбардами, что привезли в обозе, этих фельд-цехмейстеров бы взять да по башке приложить. Чтoб легли и не встали. Особливо царевича имеретинского Александра, даром что особа царственная. Где он столько рухляди столетней понабирал? Лафеты частью в дороге изломаны, частью уже на позициях по-разваливались, а многие расседались после первого же выстрела. Пушки да пищали времен той самой несчастливой Ливонской войны, в которую Ижору упустили. Пороха да ядер запасено ровно столько, чтоб с месячишко попалить по шведу и тут же застрелиться. От стыда. Куда Петр Алексеич смотрит? Да знай он, что тут на самом деле творится, не одна голова с плеч бы полетела...

Все же Васька Чичерин, Преображенского полка поручик, догадывался, что ведает Петр Алексеич и о пушках худых, и о припасах малых, и об иноземцах, что королевуса шведского Карла превыше государя русского, коему верой и правдой служить присягали, ставят. Там ведь на одного толкового офицера найдется десять разбойничьих рож, на хлеба русские притащившихся. Ибо в земле своей по ком тюрьма плачет, а по ком и плаха слезы проливает. Государю к морю выйти не терпится, оттого спешит, оттого армия кое-как обучена да обмундирована, оттого и воры в офицерах обретаются. Скорее-быстрее, тяп-ляп, но кое-как армию слепили. Дважды Азов несчастный брали, там этот «тяп-ляп» кровью русской ой как отлился. Так неужто не научились ничему? Видать, иноземным офицерам на русскую кровь плевать, да и свои дворяне ту же болячку подцепили. На нижние чины как на скотину смотрят. Ничего, мол, что мрут солдатики — бабы еще нарожают... Василий, Федоров сын, всякого на войне навидался. Покойничков, в баталии побитых. Повешенных и расстрелянных за разные воровства, своих и чужих. Лежит падаль — рот раззявлен, глаза никем не прикрытые уже бельмами взялись, мухи зеленые жужжат. А на рассвете-то еще живым человеком был... Страшно. Коли смерть так безобразна, помирать вовсе не хочется. Потому Васька, чтоб не быть убиту, убивал сам. И ведь жив еще. Назло всем жив.

2

— Кто вам сказал, милостивый государь, что эту крепость возможно взять подобным манером?

— Простите, вы о чем?

— О том, что фронт растянут на семь верст. Войска у нас немало, однако ударь нынче Каролус, беды не оберешься.

— Его величество король Швеции не так быстр, как ему хотелось бы, — язвительно

проговорил Гум-мерт, господин второй капитан Бомбардирской роты Преображенского полка, любимец государев. — В восемнадцать лет все мы имеем странную привычку переоценивать свои силы.

— Поговаривают, будто Каролус, несмотря на юные лета, неглуп и весьма горяч. Солдаты шведские его любят, ибо решителен и удачлив. Даст Бог, король саксонский пыл его поумерил. Однако, что если нет? Есть сведения, будто Каролус уже на марше.

— Мой дорогой фельдмаршал, — Гуммерт улыбается еще шире и любезнее, — все это суть эфемерные предположения. Его величество Петр Алексеевич мог быть дезинформирован, ибо кому, как не нам с вами, знать, что такое военная хитрость.

«Кому, как не тебе, стервец, знать, что сведения о Каролусе верны», — первый в истории Российской фельдмаршал, Федор Головин, весьма нелицеприятно помыслил о собеседнике. Помыслить-то он помыслил, но вслух сказал совсем иное.

— Его величество Петр Алексеевич не столь глуп и наивен, чтобы, поверив ложным рассказам, тревожиться понапрасну. И наш с вами разговор, дорогой *капитан*, — Головин проговорил это таким тоном, что сразу дал понять зарвавшемуся немцу, кто тут командующий, — отнюдь не дружеская беседа за добрым кубком, где позволительны иные вольности в обращении.

Будь ты хоть трижды друг царю и пятижды капитан гвардии, фельдмаршалство просто так не вручают. Гуммерту пришлось вытягиваться в струнку, козырять и бегом бежать вон из палатки.

«Однако же сволочь, — подумал фельдмаршал. — И государю ведь не скажи — еще лгуном прослывешь. Верит Петр Алексеич Гуммерту словно брату родному. А я в таком деле и брату бы не стал безоглядно доверяться. Предаст, немчура. Аль продаст — невелика разница...»

Головин далеко не всякого иноземца на государственной службе почитал тайным изменником. Взять хоть генерала Вейде — честный вояка, кому присягнул, за того и жизнь положит. Но — мало таких. Ох, мало. Кто в службе русской только прибыль видит, кто авантюрами всяческими живет и служит любому, чин повыше предложившему, а кто и вовсе подсыл шведский. А как подсыла от честного отличить? И добро бы только иноземцы беспокоили — свои тоже хороши. Пороху подвезли, а ядер с бомбами — хрен... Оттого и болит голова у первого русского фельдмаршала, что кое-кто иной не головой думает, а...тем, чем сидит. За неимением головы.

«Петру Алексеичу не скажу, но тайный пригляд за Гуммертом будет, — порешил фельдмаршал. — Пускай государь гневается, коль прознает. Нам только подсыла проспать не хватало, так лучше перебдеть. Спокойнее будет».

Ох, как же ругал себя фельдмаршал, когда следующим утром недосчитались этого самого зловредного немца! Самым ругательским образом ругал, а толку-то? Повелел, дабы не возмущать солдат прежде времени, объявить, что взят Гуммерт шведами в полон. Даже барабанщика отрядил идти с письмом в Нарву, убеждать коменданта обходиться с пленным российским офицером надлежащим образом, каково с пленными шведами в русском войске обращаются. А уж как расстроен был Петр Алексеевич... «Капитана бомбардирского полка профукали, ироды! Искать! Найти и персонально представить!» Опять же, сказать легче, чем сделать. А язык у фельдмаршала так и чесался поведать государю о вчерашней беседе. «Нет, — твердо решил он. — Пусть Петр Алексеевич сам уверится в том же, в чем и я уверился. Надежнее будет».

Недолго искали немца. В Нарве обнаружился, сучонок. Шереметев с дороги отписал: *«По письму твоему о Гуморе, заказ учинен крепкий. Чаю, что ушел в Сыренск или в город. А здесь уйти нельзя. Если ушел к королю, великую пакость учинил; а если в город, опасаться нечего»*. Как же, нечего! Головин настоял, чтобы военный совет обратился к государю с просьбой покинуть остров Кампергольм. И ведь не ошибся: на следующий же день шведы числом полтораста сделали вылазку на сей островок. Стрельцов человек сорок с полковником Сухаревым вкупе побили да полковника Елчанинова в полон взяли. А коли

государь бы там оказался?..

Петр же Алексеевич от предательства лучшего друга пребывал в таком гневе, что Головин лишь подивился мягкости его повеления: всех иноземных офицеров шведской нации из армии изъять, в Москву отправить и против Швеции более не употреблять.

— Кому верить? — царь в гневе так стукнул кулаком по столу, что подпрыгнули давно опорожненные кружки. — Кому верить, Федор, если ближний товарищ предал? Аль не приближать боле никого к себе? Не могу я так!

— Верить тоже с опаской надобно, Петр Алексеевич, — Головин осторожно прощупывал почву: если гнев не помешал государю почуять гнилой душок приближавшейся конфузии, то может получиться убедить его... В чем? В том Головин и под пыткой бы не сознался, но мысль о переустройстве армии бродила уже во многих головах. С таким бардаком не побеждают, а позорятся. — Иной раз и офицер надежен, а толку от него никакого, ибо сам порядку не знает и солдат не обучил. От такого вреда поболее, чем от перебежчика будет.

— Чего ты хочешь, Федор? Прямо говори, не вилай, — царь одарил фельдмаршала суровым, но усталым взглядом: Петр Алексеевич, болтают, третьи сутки не спит.

— А что говорить, государь? Правду, али чтоб тебя не обидеть?

— Правду я и сам вижу, — рыкнул Петр. — Распустились совсем, думают, что раз турок из Азова выбили, то им сам черт не брат. Так ведь шведы не турки, они и не таких, как мы, бивали!

— Они сами биты бывали, и от нас тоже, государь, но не в том дело...

— О том, что сказать хочешь — знаю, — отрубил Петр. — Брат наш Карл со всей поспешностью к Нарве идет. Сколько войска при нем, достоверно не ведомо. Кто говорит, тыщ тридцать, кто — двадцать. А нам и пяти хватит, коли вкупе соберутся да по нашим линиям в месте едином ударят... Шереметев как про шведов дознается да прибудет, вели ему про их число тайно герцогу фон Круи доложить и помалкивать. Да к баталии готовиться.

— Так ведь, Петр Алексеевич, я и сам...

— Ты мне нужен, Федор. Со мной в Новгород поедешь.

— Велите сдать командование фон Круи?

— Сдавай. Числа осьмнадцатого¹⁴ до свету выезжаем... Что волком смотришь? Думаешь, слабину дал бомбардир Михайлов? — Петр Алексеевич сам сощурил глаза и вдруг стал похож на кота, готового прыгнуть и закогтить мышь. — Как бы не так! Тебе откроюсь. Мыслю я, сколь бы ни было шведов при Карле, нам все равно урон будет немалый. Кроушкой умоемся, как пить дать. Однако ж и Карла умыть можем, если с умом к делу подойти. Ты герцогу командование сдай, а сам Бутурлина накрути. Пусть преображенцы с семеновцами всякий час наготове будут. Эти, вдруг что стрясется, выстоят, а прочие полки по их примеру так же нерушимо встанут.

«Сказал бы я, где и как они встанут, да боюсь, Петр Алексеич меня за это кулаком в рожу угостит, — совсем уж невесело подумал фельдмаршал. — И ведь прав будет. Нечего при царе такие срамные слова говорить». Однако же мысли свои крамольные он попридержал при себе. Всяко лучше, чем в опалу впасть.

4

«Полкам Преображенскому, Семеновскому, Лефортову да Ингерманландскому быть наготову».

Приказ господа офицеры передавали с таким видом, будто они его украли и собирались продавать из-под полы. Хорошо хоть ядер да бомб подвезли, не то нечем было бы встречать

¹⁴ Рано утром 18 ноября (29 по новому стилю) 1700 года Петр, Головин и Меншиков выехали в Новгород «для того, чтобы идущие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо иметь свидание с королем Польским».

Карла. Шереметев, зараза, едва явившись в лагерь, тут же всем растрезвонил: мол, идет король шведский с большою силою. Тысяч тридцать, а то и более, войска. У иных поджилки и затряслись: шведы и впрямь не турки, таких бывать еще не приходилось. Васька, читавший кой-чего по гиштории, знал, что приходилось, и не единожды. Князь Александр, прозванием Невский, шведского ярла Биргера побил? Побил. Тевтонцев на Чудском озере побил? Побил. У Грюнвальда немчуру союзным войском побили? Вот то-то и оно. Так то ведь Васька Чичерин — гвардейский поручик, грамоту понимает, книжки читал. А солдатня безграмотная? А офицерье иноземное, что Карла превозносит? Одному такому Васька наемдни скулу своротил. Да не на людях, чтоб никому сраму не учинилось, а в укромном месте. И ведь не посмел жаловаться, голштинцев чертов. Но злобу, видать, затаил. То-то в усы хмыкал, как прослышали про шведское войско.

«Береженого Бог бережет, — думал Чичерин, кутаясь в плащ: голодно, холодно и сыро — хуже для солдата не бывает. — Чуть что, голштинца прибью. Не то он мне пулю в спину пустит. Видали мы таких...»

То, что русским плохо, Васька видел своими глазами. Но разумом понимал, что шведам на марше должно быть еще хуже. Особливо, если тащат припасы на себе, покинув обоз ради спешности. Но поди растолкуй это темной солдатне! Не разорвут, так обложат по матушке, и не посмотрят, что гвардейский офицер. Напуганные, злые, голодные, продрогшие... Разве это войско? Вот гвардейцы, те — войско, хоть и малое. А эти токмо число прирастили, да не умение. Смотрит на тебя тупая деревенщина, зенками хлопает и на все вопросы отвечает: «Чего? А чего я?» Иной раз так и хочется рыло на сторону свернуть.

«Вот придет Карл, он вам покажет, чего и куда, — злорадно подумал Васька. — А когда вы, штаны испачкав, побежите, вот тут мы, гвардия, сами Карлу кое-что покажем».

И, мысленно обратив против королевуса шведского хульные слова, поручик принялся, пританцовывая от холода, греть озябшие руки у костра.

5

- Три выстрела! Музыку играть, в барабаны бить!
- Все знамена — на ретраншемент!
- Стрелять не прежде, чем в тридцати шагах от неприятеля!

Васька, услышав последний приказ, выругался сквозь зубы. И так понятно, что ближе подпускать нельзя, а дальше — только порох с пулями зря истратишь. Добро — солдатикам-новобранцам сие толковать, крепче запомнят. Но им-то, гвардии, зачем подобное в уши орать? Ученые уже и на плацу, и в баталии. Ну, что ж, выстроились... с грехом пополам. Теперь осталось пригласить шведов, дабы учинить тут ассамблею. Ибо баталию, стоя то врозь, то в тесноте, учинять не слишком-то удобно. А на позициях преображенцев то кочки с кустами, то ямы с болотинами. Хрен развоюешься. Одно в радость: шведам тут тоже наступать будет весьма и весьма... весело. Небось сами своего королевуса хульными словами помянут. Вслух и многожды. Другое дело — полки Трубецкого в центре. Там и позиция удобна для баталии, и стрелецкие полки, изрядно помятые под Иван-городом да в последней шведской вылазке на остров Кампергольм, кажутся легкой добычей. Ох, и несладко же им будет!

Часов до двух пополудни противники палили друг в дружку из всех пушек и мортир. Дыма и шума много, толку чуть. И все же даже за дымом было видно: шведов-то хорошо если тыщ восемь будет.¹⁵ Тогда как в русском войске только под ружьем стояло двадцать тысяч. Косо, криво, бестолково расположенная, но армия в двадцать тысяч способна выстоять против восьмитысячного корпуса. Если у нее будет желание выстоять, разумеется. Вот в наличии такового желания Васька крепко усомнился. То есть кое-кто встанет насмерть,

¹⁵ Всего с Карлом под Нарву пришло 8430 человек при 37 пушках.

но шведа не пропустит. А кое-кто в самом деле в штаны наложит да так ядрено, что неприятель тут же передохнет. От смрада.

В последнем вскоре тоже пришлось усомниться: западный ветер вдруг усилился, набежала большая тяжелая снеговая туча, и прямо в лицо русским понесло снежные заряды пополам с градинами. Так что если кто и обосрется, вонь понесет на своих. Бомбардирские офицеры приказали быть наготову: под прикрытием такого плотного — в двадцати шагах ничего не видать — снега неприятелю подобраться словно раз плюнуть. Да еще шведу, тоже привычному к холоду и непогоде. И ожидания оказались не напрасны. Шведы пожаловали так скоро, как только смогли быстрым ходом подойти ко рву и завалить его фашинами... Удар был внезапный и сокрушительный. В четверть часа шведы опрокинули оборону русских и захватили укрепления. А резервные полки русских, вместо того, чтобы занимать оборону и давать шведам отпор, принялись в панике метаться с криками «Немцы нам изменили!» Трудно сказать, скольким иноземным офицерам сие стоило жизни, однако ж доля их вины в том все же была: надо было солдат лучше обучать... Вредного голштинца Васька Чичерин пристрелил, едва тот принялся во всеуслышание хулить русское войско и прославлять шведов.

— А ну телеги в круг! — заорал он, сунув за пояс разряженный пистоль и вынимая шпагу. — Живее, сукины дети, живее!

Обоз превратили в вагенбург. Отчего-то Васька ни на минуту не усомнился в том, что семеновцы делают ровно то же самое. Оно и к лучшему: два полка прикроют друг друга, а тогда поди к ним сунься — в болотине гнить и останешься.

Началось нелепейшее из «сидений» русской армии...

6

— Каковы московские мужики! — запальчиво воскликнул молодой король, понаблюдав за обороной гвардейских полков. — Если бы брат мой Фредерик, король датский, стоял так же нерушимо под Копенгагеном, нас бы здесь не оказалось даже в будущем году!

Стойкость гвардейцев на фоне панического бегства или почти полного бездействия прочей армии не могла не удивлять. Шведские солдаты с именем короля бросались в атаку и гибли, как мухи. Дело усугублялось быстрым наступлением темноты. Русские явно не желали сдаваться, а шведы, измотанные быстрым переходом, жаждали отдохнуть и подкрепиться. К тому же в наступивших сумерках два шведских отряда, приняв своих за противника, начали пальбу и попросту перестреляли друг друга. Карл в ярости приказал прекратить огонь, людей ему и без того не хватало. После чего, повелев Себладу, Мейде-лю и Штенбоку занимать отбитую у русских главную батарею, сам расположился на левом фланге между Нарвой и захваченным русским ретраншементом. Будет новый день и новая битва, в удачном исходе которой юный король не был так уверен, как показывал.

— Они меня в могилу сведут, эти русские, — бурчал уставший донельзя Карл, заворачиваясь в плащ и укладываясь на походную кровать какого-то русского офицера из высших. С удобством расположились, нечего сказать. — Храбро дерутся, если хотят драться, и быстро бегут, если драться не желают... Но шведы сведут меня в могилу еще раньше! — раздраженно воскликнул он, слыша песни подвыпивших солдат. Видимо, добравшихся до русских винных запасов, черт их дери. — Гердт! Выясните, что там происходит, и прикажите прекратить безобразия! Завтра снова в бой!

И опять-таки, отдать приказ куда легче, чем его исполнить...

Доблестные шведские солдаты (большая часть которых были вовсе не природные шведы), утомленные переходом и оголодавшие, накинулись на русский обоз как моряк после долгого путешествия на портовую девку. Естественно, выпивка на голодный желудок и набивание брюха чем попало повышению боевого духа, может, и способствует, но не сразу, а наутро. Когда эти черти проснутся и проблюются. Казалось, победа уже в руках, чего

опасаться? Вот и вливают в себя русскую водку без меры, чертовы дети. А в самом-то деле, что еще может приключиться? Русский командующий и несколько его генералов сдались, часть армии обращена в паническое бегство, прочие боятся высунуть нос из шанцев и апрошей... Выслушав доклад адъютанта, взбешенный Карл выскочил из палатки — полюбоваться на свое пьяное воинство. Уж он-то прекрасно понимал, какая опасность может проистечь от сего неудобного положения. Ударь сейчас левый фланг русских, сумевший отбить атаку генерала Веллинга, от шведского войска останется большая вонючая лужа.

«Необходимо как можно дольше держать русских в неведении относительно нашего положения». —

Карл мыслил, как действовал — молниеносно. И так же молниеносно последовал его приказ:

— Русских офицеров-парламентеров в чине ниже полковника ко мне не пропускать!.. Нужно дать им прочувствовать всю безнадежность их дальнейшего сопротивления, — добавил он, когда к нему за инструкциями явился генерал Реншельт. — В отсутствие главнокомандующего и брата нашего Питера прочие русские генералы не решатся поднять войско в атаку, полагая его полностью дезорганизованным.

— Я велю убивать всякого русского лазутчика, который предпримет попытку передать какую-либо депешу от осажденных полков генералитету, — заверил короля Реншельт.

— Весьма разумно. Генералы не должны знать, что наше войско упилося вдрызг. Проклятые наемники... Мне бы шведов, шведов под ружье побольше! Вот на кого я в точности могу положиться!.. Молчите, Реншельт, я и так знаю, что обязан сим прискорбным обстоятельством скопиdomам из риксдага, желающим урезать мои королевские права. Но, победив русских, я сумею их поприжать, и тогда воевать за Швецию будут шведы, а не всякая сволочь... Итак, ждем парламентеров!

7

— Пьют и жрут, сволочи! Шведы проклятые *наши припасы* пьют и жрут!

С утра маковой росины во рту не державшие, с честью отразившие сильнейший натиск неприятеля, промерзшие и оголодавшие преображенцы были, мягко говоря, не в духе. Капитан Блюмберг, назначенный на место перебежчика Гуммерта, сдался вкупе с герцогом фон Круи. Многие офицеры и нижние чины (в числе коих были и храбрые иноземцы) полегли в бою. Что с прочими, никто не знал. То ли тоже в осаде сидят, то ли разбежались. Со стороны Кампергольмской переправы еще дотемна треск, лошадиное ржание да людские крики были слышны. Видать, потоп кто. Только некогда было преображенцам с семеновцами креститься и поминать новопреставленных. «Даст Бог, отобьем шведа, а там и поминки справим, — говорил солдатам поручик Васька Чичерин. — Не бойсь, пусть нас враг боится, а не мы его!»

Легче сказать, чем сделать...

Помогла преображенцам не храбрость, а злость.

Когда от позиций, отбитых шведами, донеслись разудалые немецкие песенки, гвардейцы сперва подивились: викторию, что ли, справляют? Не рановато ли? Потом до кого-то из офицеров дошло — до припасов добрались, вражины, и пируют. Вот тут злость-то гвардейцев и взяла.

— Они как нажрут в лежку, их голыми руками передавить можно!

— Посыльного к генералу Бутурлину, живо! — скомандовал поручик: если и остался кто в живых из высших офицеров в числе преображенцев, то обязательно либо пленен, либо ранен, либо усталый так, что с ног падает. Полуполковник Флент, раненный в голову, лично перепоручил командование ротой Чичерину, оттого тот и распоряжался.

Наказав посыльному непременно в точности пересказать генералу, что шведы, упившись вусмерть, уязвимы как никогда, Васька перекрестил солдата и отправил. Как прояснилось чуть позже, на верную смерть: не успел преображенец отойти от вагенбурга и

на полста шагов, как застучали выстрелы. Кто-то глухо вскрикнул в той стороне, и все тут же стихло.

— Прибили... — перекрестился Васька. — Прими, Господи, душу раба твоего...

— Как зверя обложили, — проворчал кто-то из гвардейцев, крестясь следом за поручиком. — Что делать-то, Василь Федорыч?

— Ждать посыльного от Бутурлина, — мрачно проговорил Васька. — Аль сигнала к атаке. Не может такого быть, чтоб генерал сам не видел, что шведа ныне крепко побить можно.

Последнее поручик сказал без особенной уверенности в голосе. Генералы, думал он, скорее посыльного к шведам отправят, дабы капитуляцию приняли. Тут в его мысли вкрались и прочно заняли положенное место хульные словеса в адрес собственных воевод. Слыханное ли дело — при таких позициях афронт иметь? «Да вот же она, виктория, пень дубовый! — мысленно ругал генерала Бутурлина неведомый тому преображенский поручик Васька Чичерин. — Токмо нагнись да подбери с землицы! Так не же, пойдет Каролусу сидячее место лизать и прочие места тож!»

А морозец-то крепчает. А пустые брюха бурчат. И от генерала никаких вестей, чтоб его...

8

— Ах, мать честна! Да что ж это такое происходит? Видать, посыльный к шведам!

Убедившись, что так оно и есть, Васька снова мысленно обложил начальство по матушке, батюшке и прочим родственникам, среди коих неожиданно обнаружились ослы, козлы, собаки и ехидны. «Мы тут, видите ли, корячимся, живота своего не жалеем, а они!.. Оставили нас голодными да холодными помирать в болотине Наровской!.. Мать ихнюю за ногу, да когда ж это предательство прекратится?»

Досада и злость: снова предали. Преображенцы недовольно заворчали. Стоило ли кровью своей землицу ижорскую поливать, коли не ценят сего? Васька понимал — еще четверть часа, и гвардию насильно в атаку не поднимешь. Раз генералы сдаются, мол, так и нам сам Бог велел. Еще четверть часа — и все будет упущено.

«Не бывать сему делу! Не бывать!»

— Ружья зарядить, — негромко, только чтоб свои ближние услышали, скомандовал он. — По моему приказу скрытно, без барабанного боя, выходим из вагенбурга. Тебе, Осип, — кивок в сторону гвардейского прапорщика, что первым выразил желание отомстить шведам за поруганный обоз, — брать тридцать человек и перебить стрельцов свейских, что посыльного пристрелили. На прочих мы купно навалимся.

— То мы, а другие роты? А семеновцы с лефортов-цами? — немедленно последовали вопросы. Вполне уместные, надо сказать. — Коль не поддержат нас, сгинем без славы.

— Поддержат, — на сей раз Чичерин сумел сказать это уверенно, хоть сам далеко не так крепко верил в поддержку вылазки, как показывал. — Тебе, Семен, своя инструкция будет: как услышишь пальбу да крики, ори во всю глотку, что приказ атаковать был.

— Так не было же приказу такого! — второй прапорщик не сразу понял, чего от него хотят.

— Было, не было — то после дознаваться будут. А наше дело — шведа побить. Понял?

— Понял, — просиял прапорщик.

— Тогда — с Богом, робяты...

«Не бывать измене, когда баталию выиграть можно!..»

9

— Что? В чем дело? Кто приказал?!!

Полуполковник, едва не сорвав с головы пропитавшуюся кровью повязку, сползшую на

глаза, вскочил на ноги, едва услышал частые хлопки выстрелов. Ни дать ни взять кто-то кого-то атакует. Вопрос был лишь в том, кто и кого. Когда же — и довольно скоро — выяснилось, что в атаку самовольно пошли вверенные ему преображенцы во главе с поручиком Чичериным, Флента охватил неподдельный гнев. Даже боль как будто улеглась. Как поручик мог самочинно повести гвардейцев в атаку? Или все же был приказ о наступлении, да он его благополучно проспал? А тут еще этот горлохват орет про приказ генеральский — мол, атаковать шведа надобно немедленно, пока слаб и с силами не собрался... Что творится?

— Стой! — Флент ухватил голосистого прапорщика за рукав — до воротника не дотянешься. — Какая атака? Кто приказал?

— Да генерал же и приказал! — отвечал детинушка, честно-пречестно глядя полуполковнику в глаза. — Нарочного прислал с приказом, а господин поручик исполнять и подался!

— Почему меня не оповестили, черти? — зарычал — от гнева, подстегнутого болью — полуполковник. — Где этот нарочный?

— Да вон там же, в атаке!

Ложь была настолько наивной, что Флент тут же раскусил ее. Никакого нарочного, равно как и приказа, и в помине не было. А поручик еще поплатится за самоуправство!

— Стой! — заорал Флент, оставив в покое обшлаг дюжего прапорщика, выхватив шпагу и пытаясь перекрыть своей персоной проход между телегами. — Стой, не то убью! Не было приказа, не было! Стой, сукины дети!.. А-а-а, доннерветтер! За государя Петра Алексеевича — вива-а-ат!!!

Преображенцы пошли в атаку. По их примеру поднялись семеновцы и лефортовцы. Лавина стронулась... Шведские дозоры, поставленные для отстрела русских посыльных, были сметены ею напрочь.

И поделом. Ибо когда лавина сходит с места, стоять на ее пути крайне неосмотрительно. Если не сказать, глупо.

— Особливо же хотелось бы отметить, ваше величество, что желательно было бы нам забрать оставленную на позициях артиллерию, дабы уйти с развернутыми знаменами и при оружии, как нам было обещано. — Яков Федорович Долгорукий, соблюдая все правила переговоров, желал выговорить как можно больше. Ибо спросит Петр Алексеевич, ох как спросит за обидную конфузию.

— Знамена и ружья при вас. А артиллерия ваша за спиною, нечего о ней говорить, — тоном победителя проговорил Карл. — Однако, памятуя о мужестве ваших гвардейских полков, я готов согласиться вернуть им шесть орудий, и не более того.

Условия тяжелы, но что делать? Разве можно надеяться на боевой дух армии, которая при виде неприятеля побежала к переправе и частью даже перетопла? Гвардия... Что может сделать гвардия против такого грозного противника, как Карл Шведский? В оборону стать и стоять насмерть. Это они делают, надо признать, блистательно. А атаковать с полным успехом они только бочонки с вином способны. Вот и думайте, господа генералы, что лучше — сложить головы за своего государя в компании трусливых новобранцев и злых гвардейцев или же уйти с честью, пусть и оставив шведам почти все пушки?

10

Господа генералы по своему разумению выбрали второе. О чем не замедлили сообщить своему венценосному неприятелю...

Шум, послышавшийся со стороны шведского лагеря, вызвал у Карла стойкую ассоциацию с зубной болью. Опять... Видимо, ужравшиеся и упившиеся «доблестные солдаты короля» стали выяснять отношения между собой. Кто кого — шведы голштинцев или голштинцы шведов. Голштинцев, как сугубых наемников, не очень-то любили в тех армиях, где им доводилось служить. Особенно в большом количестве. Экзерциции на плацу

они исполняли на диво ловко, а вот в настоящей драке шведам здорово уступали. Да что там говорить — они и русским, если хорошо подумать, тоже уступали. Брали разве что отменной дисциплиной, чему русским пока учиться и учиться. Но когда большая часть войска состоит именно из подданных голштинского герцога, те начинали наглеть и при первой же попойке затевали драки с коренными шведами. Шведы, что неудивительно, себя в обиду не давали, но шуму-то сколько производили!

— Простите великодушно, господа, я вынужден на несколько минут вас оставить, — Карл скривился, будто и в самом деле у него заболел зуб. — Располагайтесь поудобнее, вскоре я к вам присоединюсь. Гердт, распорядитесь насчет ужина!

Долгорукий и Автоном Головин переглянулись: с чего бы такое дело? Неужто подлость какую король замыслил? Или неладно что-то? Однако ни один, ни другой не проронили ни слова. Не ровен час, не соблюдешь политес, и все договоренности коту под хвост. И все же обоих посетило ощущение свершенной глупости. Может, поспешили они объявить Карла победителем?..

Ладно, поживем — увидим.

11

Разве ж это баталия — пьяным рожи бить? Это не баталия, это драка кабацкая. Почти и стрелять не довелось. Хмельные шведы не то что ружья — самое себя от земли оторвать порой не могли. А тех, кто оказался покрепче и еще был способен стоять во фронт, побили довольно быстро. Ибо обнаружилось их на диво мало, русская водочка сделала свое дело.

«А вот теперь, — думал разгоряченный поручик, — самое время бы с левого фланга нашим ударить. Ибо пьяных мы побили, а и тверезых у шведа хватает. Ох, насуют нам, ежели подмоги не будет!»

А что? И насовали бы. Еще как насовали. Шведы как раз мастера совать чего не надо куда ни попадя. Однако же, то в Европах, а тут русские пришли, и вспомнились ругодевским бастионам — и старым датским, и новым шведским — набеги псковичей да новгородцев. И время словно повернулось вспять на века. Европа давно выросла из детских штанишек, но ведь и Россия старалась не отставать. Наверстывала упущенное Грозным — а на деле ничемным — царем... Чичерин огляделся. Способных к сопротивлению шведов в округе не видать. А сзади, от позиций генерала Вейде, уже двигались огоньки: то шли, приняв атаку гвардии за приказ к наступлению всему войску, его солдаты. Плохо обученные новобранцы, однако ж числом их было не менее пяти тыщ, а то и поболее. И к тому времени, когда опомнившиеся шведы, кои особу государя своего оберегали, ринулись в атаку на разъяренных русских гвардейцев, полки Вейде вломились в позиции генерала Мейделя и учинили там баталию...

«А вот и виктория, мать ее так! Вот она, ети ее в корень! Наша!»

— Виват, гвардия! Виват, сукины дети!

И гвардия русская схлестнулась с гвардией шведской. Скала против скалы...

12

— Реншельту — атака с правого фланга! Штенбоку — с левого! С Богом, шведы!

Король был далеко не трус. Некоторые даже успели прозвать его коронованным солдатом. И все же он прежде всего был полководцем, а потом храбрым солдатом. Он сразу уразумел, что никакая это не пьяная драка шведов с голштинцами. Отчаянная вылазка русских застала его армию в самом непотребном состоянии и оттого имела большие шансы на успех. Однако, если не дать генералу Вейде подойти на подмогу гвардии, тогда у шведов также имеется немалый шанс на викторию. Отсюда и приказ — сомкнуть на теле вклинившихся русских частей клещи из двух отборнейших шведских полков, обратить неприятеля в бегство, а попавших в ловушку между полками Реншельта, Штенбока и

ставкой короля частью перебить, частью сбросить в прибрежное болото. Хоть будет кому искать там потерянную еще вчера шпагу его величества.

— Гердт! — подозвал он адъютанта. — Русских парламентаров арестовать, дабы впредь не смели морочить мне голову фальшивыми переговорами о капитуляции... Коня мне, немедленно!

...Ночная баталия постепенно превращалась в ад. Русские рвали шведов, шведы — русских. Запылали палатки, телеги, сено. Кое-где даже бочонки с порохом у пушечных лафетов рванули. Стало светло, однако свет был поистине адский: языки пламени превращали белый, кое-где попятнанный потемневшей кровью снег в зарево под ногами. Васька Чичерин колот и рубил шпагой направо и налево, где только видел синий мундир с желтым обшлагом. Второй пистоль давно разряжен в голову шведского офицера, ружье получило свою жертву в лице шведа-рядового, намеревавшегося Ваську зарубить. Оставалась шпага, и она умылась вражьей кровушкой по самую гарду... Верхового офицера, властно и запальчиво отдававшего приказы, он заметил не сразу. На голос обернулся. Прямо перед Васькой возник здоровенный швед... А под ребро клинком получи, чего на дороге встал!.. Лошадь под офицером, напуганная близким взрывом порохового картуза, встала на дыбы. Гвардии поручик, воспользовавшись моментом, взял у убитого шведа пистоль, взвел курок и пальнул... Эх, черт, не попал! Ружье бы... А вот и ружьецо, слава тебе, Господи! Ну, что ж ты вцепился в него, малец! Жить надоело?.. Видать, надоело, ибо с такими ранами не выживают... Курок взведен. Прицел. Выстрел...

«В аду увидимся, швед! В аду и счеты све...»

Темнота навалилась внезапно, словно Васька провалился в глубокий сон после долгого пешего перехода. И все кончилось.

13

— Мой король! Мой король! — побелевший от испуга Аксель Гердт немедленно спешился и, припав на одно колено к земле, уложил на другое упавшего короля. — Король ранен!

Тут было от чего пугаться: пуля вошла королю в левую часть груди чуть повыше сердца, сломав по меньшей мере одно ребро и разорвав какую-то крупную вену. Ибо кровь хлестала не только из ран — пуля прошла навывлет, проклятый русский стрелял с шести шагов, почти в упор — но и изо рта. Понимая, что дорог каждый миг, Гердт немедленно подхватил короля на руки и бегом — откуда только силы взялись! — помчался к королевской палатке, громко требуя лекаря.

Услуги лекаря, несмотря на самоотверженность Гердта, королю не потребовались. Он умер на руках у адъютанта и генерала Мейделя...

...Вопли королевского адъютанта не слышал только глухой или мертвый. Король убит! И шведы дрогнули. Совсем слабые духом побежали, прочие под командованием генерала Мейделя сплотились в каре и стали, огрызаясь огнем, организованно отступать... Король убит, плачьте, шведы. Закатилась звезда вашей славы. Навсегда ли? Вопрос из вопросов. И ответ на него теперь знала лишь судьба.

А может, спросить русского царя Петра, твердо порешившего сделать Нарву своим портом? У него-то наверняка есть свой ответ на сей вопрос.

Покойные псковичи с новгородцами, что века назад сложили головы под датскими стенами Нарвы, да русские, что Иван-город не удержали, наверняка рассмеялись на том свете. Правнуки не подвели...

14

«Аще хотелось отписать Твоему Величеству, что под Ругодевом королевус свейский Каролус побит был до смерти, а с ним не менее двух тыщ свейского войска, что, вина упившись, атаки нашей не чаяли. Пушки, что потеряны были прежде, все возвращены.

Особливо же геройствовали Преображенцы, да Семеновцы, да Лефортов полк, да полки генерала Вейде. А герцог фон Круи, что поставлен был командующим и в полон к свеем сдался, был нами из полона со товарищи вызволен. Не по чину мне судить их, пусть Твое Величество рассудит, как с сими трусами поступить. Однако ж моего скудного разума хватит, дабы учинить награждение храбрым гвардейцам, кои свейских людей в надлежащий момент атаквали. Наособу же награждения достоин поручик Преображенский Василий Федоров сын Чичерин, что королевуса свейского из ружья застрелил и сам быт тут же до смерти застрелен. Мною велено учинить ему почести яко павшему капитану. А капитана Блюмберга, что свеем на пароль сдался, велел под арест взять и представить на Твой правый суд, ибо сей мерзавец не себя, но гвардию своею мерзкою персоной опоганил.

Аще отписываю, что войско свейское отступило в Сыренск, откуда явилось, однако ж далее осаждать Ругодев нет никакой возможности. Припасы наши быти несчастливым афронтом потеряны, многие офицеры да солдаты побиты в баталии или потонули на злосчастной переправе. Зело опасаемся вымазок свейских из города. О дискреции¹⁶ гарнизона Ругодева и речи не идет, нам бы ныне ноги отсель унестъ вкупе с головою. Мыслю я, недостойный, что надобно нам осаду Ругодева снять и на Новгород маршем выступить, дабы не околеть от холода и голода, а летом будущим с новыми силами возвер-нуться. Верю я, слуга Твой нерадивый, что быт Ругодеву со Иван-городом нашими.

Урок нынешний да будет нами выучен, ибо хоть и побили мы Каролуса, однако ж викторию праздновать права не имеем, покуда сами воевать как надлежит не научимся...»

Днепропетровск, 2009 г.

Анатолий Логинов ВРЕМЯ ЦАРЯ МИХАИЛА

Три миниатюры с прологом и эпилогом

ПРОЛОГ

В году одна тысяча девятьсот первом заболел Его Императорское Величество Николай Второй. Болезнь была неизвестной, скоротечной и неизлечимой. После смерти Его Императорского Величества на престол взошел его наследник и брат Михаил Александрович Романов, ставший Императором и Самодержцем Всероссийским под именем Михаила Второго. Новый Император очень любил технические новинки и отличался характером более жестким, чем его предшественник. Над Российской империей взошла заря новой эпохи.

И ВЕЧНЫЙ БОЙ

Алексей поправил ленту, подтянул винт и дал пробную очередь. Пламя выстрелов забилося в надульнике, ослепляя и мешая рассмотреть что-нибудь на нейтральной полосе. Поэтому Алексей прикрыл заслонку и присел, ожидая, пока глаза отойдут. Тем временем в ответ на его очередь заполошно ответил пулемет «оранжевых», где-то несколько раз выстрелили одиночными, судя по громкости выстрелов, из винтовки, протрещал автомат. Обычное развлечение ночной смены, помогающее скоротать часы дежурства. Огонь в районе пулеметной точки утих, но спорадически возникал где-то дальше, то на одном, то на другом участке длинной линии окопов, перерезавшей, казалось, всю необъятную равнину. В капонир заглянул напарник Алексея, доброволец Георгий Орлов, невысокий крепыш, родом

¹⁶ Дискреция — сдача осажденного гарнизона на волю победителя

откуда-то из центральных губерний России.

— Что, развлекаетесь, господин юнкер? — спросил он.

— Проверил исправность пулемета, а заодно напомнил «оранжевым», что мы не спим, — усмехаясь, ответил Алексей. — Слушай, у тебя махорка осталась? Дай курнуть, рассчитаюсь, когда тыловые крысы подвезут.

— Держи. — Орлов курил немного и всегда охотно делился табачком с заядлыми курильщиками вроде Алексея. Оба свернули по небольшой самокрутке, осторожно расходуя бумагу, и, присев у стенки капонира, чтобы свечением не выдать себя, закурили.

— Слушай, Алексей, ты ж у нас из юнкеров, — последние дни Георгий разговорчив и весел, он получил с оказией письмо от родных, успевших эвакуироваться в Сибирь, — вот и скажи мне, кому и зачем весь этот бардак нужен был? Нет, я еще могу понять крестьян, они ж упертые и до земли жадные, чернорабочие... ну это теж крестьяне. А вот благородные и купчины — те чего? Разве им совсем плохо было, а? Да и нам, рабочим порядочным, неплохо жилось. Я на заводе Телефункена аж семьсот рубчиков заколачивал. Эх, жизнь...

— Так вот ты первую причину и назвал. Кто у нас заводами командовал? Симменсы, Гальске, Круппы... наших заводчиков и купцов почти никого и не осталось, разорялись да немцами давились. Хлеб возьми. Такие хитрые тарифы были, что у них наш хлебушек дешевле, чем в России стоил. Вот ты говоришь, семьсот рублей в год получал. Да немецкий рабочий на таком же участке получал бы втрое больше, и хлеб ему дешевле стоил, и мясо. Подумай и сравни. Нашито товары они к себе не пускали и у нас всю русскую промышленность давили. Вот тебе и повод для купцов и промышленников недовольными быть. Благородные, как ты говоришь... а кому охота в пристяжных ходить? Именно так и обстояло дело последние предвоенные годы. Ведь мы все больше и больше на положение какой-нибудь Бельгии скатывались. Вроде и самостоятельные, но все у кайзера спрашивать надо.

— Погоди-ка, — докуривший самокрутку Георгий привстал, прислушиваясь.

— Что, услышал что-то? — спросил, нервно и глубоко затягиваясь, Алексей. Дотянув в два вдоха оставшуюся часть самокрутки, поспешно бросив окурочек под сапог, он приподнялся к пулемету и открыл заслонку бойницы.

— По ходу банка стукнула, — сказал Григорий и потянулся к висящему над входом на крючке сигнальному пистолету с осветительной ракетой.

— Не надо, не трать ракет! Я слышу, в районе шестого колышка! — крикнул Алексей и, доразвернув пулемет, дал две короткие очереди по заранее пристрелянным ориентирам. В ответ раздалось несколько винтовочных и автоматных очередей, где-то неподалеку от капонира рванул «мильс». Только английская «ананаска» рвалась с таким противным звуком и жужжанием осколков. Русские и немецкие гранаты рвались более глухо, да и осколки у них не жужжали, а свистели. «Точно бритты «оранжевых» снабжают, правильно отец Афанасий говорил», — подумал Алексей и, обернувшись, увидел, как падает Григорий, из горла которого фонтанчиком бьет кровь. «Осколок рикошетом», — мелькнуло в голове Алексея, но тут ему стало не до этого. Прикрывая отход засветившейся штурмгруппы, по окопам Гвардии Возрождения ударили тяжелые девятисантиметровые гранатометы. Успев прикрыть заслонку, Алексей прижался к боковой стенке капонира, моля Бога, чтобы осколки не влетели в капонир сзади. Огневой бой неспешно разгорался над равниной, на каждую очередь гранатометных и пушечных выстрелов «оранжевых» имевшие мало боеприпасов орудия гвардейцев отвечали несколькими снарядами. Но лучшая выучка гвардейских артиллеристов сказывалась, постепенно «оранжевые» орудия и гранатометы замолкали, или подавленные, или решив не рисковать. Второе, как показалось Алексею, было более вероятным, тем более что и штурмгруппа, вероятно, отошла на нейтралку и где-то там, среди мешанины воронок, останков, сгоревших броневинов и укрывалась, ожидая, пока все утихомирится. По крайней мере, так поступил бы сам Алексей, имевший за плечами кроме двух лет юнкерского училища еще и годовой опыт этой проклятой войны всех против всех.

Алексей печально усмехнулся, посмотрев на уже застывшее, перевалившееся через

порог тело Григория. Вот и все, очередной напарник отправился туда «где несть ни радости, ни печали, а токмо жизнь вечная».

Еще печальней улыбка Алексея стала, когда он припомнил себя года полтора назад. Придурок малолетний, как говаривал Григорий, вечная ему память. Алексей вспомнил, как он радовался, что Михаил Второй отрекся, как ждал, что наконец-то в стране наступит желанный порядок и счастье. Впрочем, так думал не он один. Всем уже давно надоел и сам государь император, и его политика, всемогущество Третьей Его Императорского Величества Канцелярии, жандармы и Корпус Охраны, постоянные кризисы в экономике и засилье немцев, скупающих все самое лучшее, заваливших всю страну своими товарами. Алексею, как будущему военному, противно было, что армия целиком зависела от немецких советников царя, составлявших Военный Совет и командовавших основными округами. Все эти Рененкампы, фон Бредовы, Бильдер-линги и Мейердорфы, набравшие силу после Великой войны, пользовавшиеся неизменным покровительством царской четы, стремившиеся все и всюду переделать на немецкий лад. Бесило и преклонение перед Священной Империей Германской Нации. Подумаешь, победители. Раздавили лягушатников, а с бриттами так ничего сделать и не смогли. Даже для борьбы с французами нашей помощи потребовали, хорошо тогда у Императора хватило соображения отказаться под предлогом подготовки удара на Индию. Ударили, как же. Кому нужно через пустыни и горы неведомо куда лезть, когда с Японией воевать надо.

Вот и итог — такая вот даже не война, а смута. Оказалось, что вокруг полно спасителей родины, каждый из которых имеет единственно верный ответ, и каждый такой спаситель, если только ему удавалось собрать группу единомышленников, стремился установить с ее помощью свою власть на таком участке бывшей Империи, на каком удалось. И каждый из них устанавливал на своем клочке территории свои законы и уничтожал всех, с ними не согласных.

Тут еще немцы вмешались и наложили лапу на Польшу, Прибалтику и Украину. Теперь там были протектораты, гетманства и рейхслянд.

МОНОЛОГ ИМПЕРЦА

— Здравствуйте, дамы и господа. Разрешите представиться. Николай Семенович Врангель. Нет, не родственник, однофамилец. Очень приятно,

Василий Семенович и Юлия Павловна. Очень приятно, Артур Исхакович.

«Н-да..., ни за что бы не подумал, что у господина с такой внешностью может быть фамилия Назгуладзе...»

— Куда еду? К родственникам в Нижний. Там, говорят, сейчас спокойно. «Оранжевые» еще не добрались, кагэбисты тоже, а совнардеп местные еще раньше разогнали. Гвардия Возрождения? Так она туда вроде и не дошла. Похоже, вряд ли дойдет, она с татарскими националистами, кажется, воюет не на жизнь, а на смерть. А в Нижнем, говорят, спокойно. Вот попробую пережить потрясения там. Ну что вы, что вы, какой же я военный. Так по «программе Михаила» проучился на специальных курсах при университете. Молодость, знаете ли, романтика победы.... «Гром победы раздавайся, веселися храбрый росс», подвиг «Варяга», Сыпингайская битва, разбитые япошки. Да, все мы тогда были патриотами...

Что, простите? А, социаль-демократы. Ну, они как отбросами были, такими и сейчас остались, не так ли, господа? А вы, господин Назгуладзе, не из них будете? Нет? Извините, конечно, но вы о них вспомнили, не к ночи будь упомянуто. О, так вы конструктор. Да еще и оружейник. Вам тогда совсем неплохо можно устроиться: немцы, говорят, приглашают всех знающих инженеров. Нет, погодите-ка. То есть вы патриот и за Россию страдаете. Тогда вам в Возрожденцы надо. А, так вы в отставке. Понятно...

А не сыграть ли нам, дамы и господа, в покер? Ну что вы, какие деньги, на интерес, чтобы спать не хотелось. Говорят, здесь пошаливают и купе грабят. А еще слышал, банда черных появилась в окрестностях. Иногда и на поезд... Эй, что за... Извините, мадам,

пообщаешься со всякой швалью и невольно переходишь на их язык.

Кажется, охрану бандиты добивают. Спокойно, господа, кто со мной? Вы, Василий Семенович? О, вижу резервиста, навыки не забывшего. Идемте. Оружие откуда? Да по случаю достал...

Ну, вот мы им и показали, что такое настоящая война. Но вы-то, вы-то, мадам, зачем под пули полезли? Риск благородное дело, но не женское. Мы и сами справились. Или вас пулеметчица анархистская вдохновила? Так видите, чем для нее игра в войну закончилась. Смерть всегда некрасива, а уж такая смерть... ладно, не будем.

Народ-то у нас каков, а? Сидели и думали, но нас все же поддержали. А если б сразу, вместе с охраной? Глядишь, и убитых столько не было бы.

Интересно, а где же наш конструктор? И чем тут так пахнет нехорошо в купе? Эй, господин хороший, вы что? Вылезайте из-под лавки, вылезайте. Да и... сходили бы вы, не при даме будь сказано, в ватерклозет, поменяли бельишко...

Вот так вот, Василий Семенович. Как он распинался о предателях — офицерах, о политиках антипатриотических. Как за Империю переживал. А как до дела дошло — и имеем, что имеем. Нет, в купе положительно не продохнуть, пойдемте в соседнее. Оно свободно, вечная память его прежнему обитателю.

Признаюсь вам честно, Василий Семенович, офицер, угадали вы. Не кадровый, из студентов.

И про это не будем. Или будем? Тогда скажу так. Присягал я, как вы, наверное, помните, раз из резерва, Его Императорскому Величеству. А он меня от сей присяги освободил, м-да. Отрекшись от престола и не назначив преемника. Так кто у нас остался в законной власти? Чьи приказы я выполнять должен? Своего начальника, понятно. А ему кто прикажет? Военный министр? Покончил самоубийством, дезертировал, короче. Комитет Государственного Благоустройства? А почему? И чем он лучше Совета Народных Депутатов или Временного Военного Правительства? Вот Гвардия Возрождения... да, туда и еду.

Кстати, есть у меня заветная фляжечка. После боя и по чуть-чуть нам доктор обязательно советовал. Так что — будем! За то, чтобы все возродилось! За Россию!

ЕСЛИ БЫ НИКОЛАЙ НЕ УМЕР ТОГДА

Профессор истории Санкт-Петербургского университета Сергей Сергеевич Ольденбург еще раз осмотрелся, проверяя, не забыто ли что-нибудь в спешке, и печально вздохнул. От печальных размышлений его оторвало деликатное покашливание стоящего у дверей извозчика. Вытесненные в мирное время таксомоторами, сейчас, при полном отсутствии топлива, извозчики брали реванш и немалый, если смотреть по деньгам. Впрочем, деньги обесценивались довольно быстро, так что цены росли непрерывно, и уже мало кого пугали суммы в сто и двести рублей.

— Все готово, барин, можем ехать, — сказал извозчик, типичный «Ванька» откуда-нибудь из-под Пскова или Новгорода.

— Да, едем, едем. — Профессор снял с крючка вешалки простую пыжиковую шапку и вытащил из кармана ключи. Выйдя на площадку, он под пристальным присмотром извозчика и дворника, татарина Ахмета, тщательно запер дверь и отдал связку Ахмету.

— Нэ волнуйся, барин, Ахмэт присмотрит, все хорошо будит, — успокаивающе сказал дворник, пряча в карман «петрушу» и связку ключей.

Профессор лишь кивнул головой и, спустившись по парадному вслед за дворником, сел в коляску на дутых шинах, в которой его уже ждала жена.

Спустя час профессор и его супруга поднимались на борт дирижабля «Лемберг» компании «Люфтганза Рус», готовящегося к отправке в рейс Санкт-Петербург — Хельсинки — Стокгольм.

Разместившись с помощью стюарда, молодого, расторопного ярославца, в каюте, профессор оставил жену отдыхать, а сам отправился на обзорную галерею. В стоящих там

плетеных креслицах несколько пассажиров рассматривали царящую в ангаре предполетную суету. Заметив, наконец, своего спутника, профессор подошел и уселся в соседнее креслице.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич, — поздоровался, кажется ничего не замечавший, полусонный пассажир, видом напоминавший военного, по недоразумению одевшего гражданское платье.

— Здравствуйте, Александр Александрович, — ответил негромко профессор.

— Вы решились, Сергей Сергеевич? — спросил так же негромко военный.

— Да, я согласен, — ответил, волнуясь, профессор.

— Тогда до встречи в Лондоне, — сказал, вставая, военный, оставив на кресле пакет, поспешно убранный профессором во внутренний карман пиджака.

Через неделю в Лондоне по Гайд-парку прогуливалась, беседуя, пара джентльменов, в одном из которых посторонний наблюдатель признал бы профессора Ольденбурга.

— ...Император Николай Второй не любил торжеств, громких речей, этикет ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая широковещательная реклама. При этом Государь обладал совершенно исключительным личным обаянием. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской.

— Это очень хорошо, профессор. Вы убедительны в описании характера покойного Государя, — ответил ему собеседник, внимательно слушавший до того монолог профессора, — но это не совсем то, что нужно нам сейчас. Мы планируем воссоздание монархии во главе с Александрой Федоровной.

— Извините, но я вас перебыю, князь, — профессор заговорил более взволнованно, чем раньше, — вы же понимаете, что если бы Его Императорское Величество Николай не умер тогда, то Государыня Императрица правила бы вместе с ним? Тогда не было бы тесного союза с Германией. В результате не было бы войны, потому что немцы не решились бы воевать с коалицией трех великих держав, имея в союзниках Австро-Венгрию и Италию. Развитие промышленности продолжалось бы, как и в предыдущие годы, за счет привлечения французских и английских капиталов. Поэтому она была бы намного мощнее и поглотила избыток крестьянского населения. Вот эти возможные позитивные результаты и дают нам, белым, необходимую опору для агитации в пользу Ее Императорского Величества Александры Федоровны.

— Что же, прошу извинить мою поспешность в выводах, похоже, вы правы, профессор, — удовлетворенно ответил князь. — Хотелось бы еще узнать, как вы оцениваете последние новости с родины?

— Трудно сказать что-нибудь определенное, князь. По-моему, «красные», несмотря на разрыв своего временного союза с «черными», морально проиграли. Их советы пользуются все меньшей поддержкой даже у рабочих, не говоря уже о культурных классах населения. Грабежи и расстрелы, развязанные «черными» в Санкт-Петербурге, настолько поразили всех, что даже вытеснение и уничтожение «красными» ответственных за это отрядов анархистов не прибавило им популярности. Меня сейчас больше волнуют отряды националистов и сепаратистов, все эти «зеленые» и «оранжевые».

— Не думаю, чтобы они представляли серьезную опасность, — небрежным жестом отмахнулся этот тезис князь. — Мусульмане не имеют хорошего вооружения и солдат, а сепаратистов поддерживает меньшинство населения. А что вы думаете о Гвардии Возрождения?

— Игра в солдатики, князь, игра в солдатики. Жаль, что она отвлекает от нашей партии множество действительно полезных будущей России людей. Но лишенная внешней поддержки группировка, несмотря на все предварительные успехи, обречена на поражение.

— Даже несмотря на то, что они овладели Приволжским районом военной промышленности и Тулой?

— Даже несмотря на это, князь. Надолго ли хватит им запасов сырья и материалов для производства оружия? Как только все это закончится, сразу же прекратятся и успехи. Москву

у «красных» они, возможно, успеют отобрать, а дальше... — профессор укоризненно покачал головой.

ЭПИЛОГ

Над Москвой гулко разносился перезвон колоколов всех «сорока сороков» церквей и храмов. Перекрывая его, над улицей звучал оркестр, играющий «Прощание Славянки» — печальный и, если подумать, мало подходящий для такого радостного события марш. Под пронзительно-печальные звуки музыки по улицам, стараясь четко печатать шаг и держать равнение, рота за ротой шли войска Гвардии Возрождения. Шли в новеньких, еще не истрепанных, но уже грязных мундирах, взятых на складах ополчения, в старой, неоднократно штопанной, но бережно сохраняемой форме прежних полков Русской Армии, в гражданской одежде с погонами. Шли в одном строю бывшие гимназисты и юнкера, офицеры и солдаты, резервисты и запасники, рабочие и крестьяне, купцы и предприниматели. Вот, неся на плече ручные пулеметы, прошел взвод поддержки во главе с прапорщиком Алексеем Ивановым, бывшим юнкером. За пехотным батальоном, заглушая звуки оркестра грохотом гусениц и моторов, прополз броневой взвод. Из люка первого из броневиков нижегородского производства Т-18 выглядывал штабс-капитан Врангель, Николай Семенович.

Они шли и шли, все как один русские. Ибо русский — это не немец и не англичанин. Русский — это прилагательное к своей стране. И если убьют одного русского — на его место придет другой, неважно какой национальности: чувашин, великоросс или татарин — и снова будет жива Россия.

Москва, 2009 г.

Виктор Дуров УБОРКА

Арсений осмотрелся на позиции. Заботливо начищенный танковый «дегтярь» подготовлен к стрельбе. Три запасных толстых диска, на 63 патрона каждый, хоть Арсений и не рассчитывал истратить весь запас. Взрыв-машинка, провода для которой пока что воткнуты в землю. На самый крайний случай — две «лимонки» и штык-нож. До подхода колонны эсэсовцев оставалось еще не менее 15 минут. Парень в форме рядового РККА отряхнул колени, присел на край стрелковой ячейки. Он был одет во все чистое. Обмундирование не выглядело новым, но не было и заношенным. Поправив маскировку на бруствере, Арсений вынул из кармана галифе пачку «Беломорканала». Вытащил папиросу, привычно заломил мундштук, закурил и прищурился на июльское солнышко. Яркое, горячее, так характерное для описаний лета 1941 года. Было время покурить, подумать.

Пока еще было. Или — уже было?

* * *

Сеня был «нормальный пацан», «хороший мальчик» или «прогрессивно мыслящий молодой человек» лет девятнадцати — в зависимости от точки зрения окружающих. Конечно, были и другие окружающие, особенно в сети, в том числе — на «Самиздате». Сеня повадился ходить туда какое-то время назад, читать про «попаданцев» и высказывать свое просвещенное мнение. Те, другие, подчас обзывались либерастом, троллем и, самое обидное, — «школотой»! Его, студента Европейского Гуманитарного Колледжа имени... обзывать «школотой» и «пэтэушником»! Обидно, правда? Ну, высказал он свое мнение по поводу тактики танковых засад одному такому. Кто ж знал, что тот — танкист, да еще и в «горячих точках» побывал! Разве он, Сеня, обязан у каждого, кто комментарии оставляет, профиль смотреть и биографию изучать? Тем более что его мнение тоже было не просто так

придуманно — он читал мемуары не кого-то, а самого Моделя! Ну, еще их творчески переосмыслил немножко...

День с самого утра не очень задался. Любимые джинсы не высохли, другие — так и лежали в кучке «на стирку». Надевать брюки со стрелками не хотелось, точнее, не хотелось утюжить, наводя те самые «стрелки». Попробовал надеть так, глянул в зеркало — бомж. Даже золотая сережка в левом ухе не спасает положения. Пришлось надевать купленные отцом для поездок в лес штаны защитного цвета с множеством карманов. Их Сеня не любил, как и все, что напоминало об армии, хотя бы цветом. Потому что все, связанное с армией, напоминало о прошлогодней эпопее с военкоматом. К штанам как-то логично наделись зеленая байка с надписью «Миру — мир» и «кислотная» салатовая ветровка — апрель стоял достаточно теплый. Черно-зеленые кроссовки на ноги — и можно бежать.

Тут недалеко открылся новый компьютерный клуб. Можно будет войти под новым айпи на страничку, где его недавно забанили, и посмотреть, что там и как. Вот же, наследники гэбни — не могут возразить по существу, так тут же банят. Всего-то вступился за мысль, что вся партизанщина в войну была ошибкой. Злили немцев, вот и получили в ответ карательные экспедиции. Вон французы никакой «всенародной борьбой» не маялись — и все культурно, по-европейски. Единственный случай за всю войну, когда деревню сожгли, и то непонятно, кто именно и за что.

«План Барбаросса» припомнили, пресловутый абзац об уничтожении 75 % населения. Ага, нашли план только в 1945, причем кто нашел? НКВД нашел. И абзац этот — на страничке из середины, без грифов, подписей и прочего. Кто знает, может, не нашли, а сами и напечатали на трофейной машинке?

Потом один из дружков хозяина странички вспомнил про деревню З., которую немцы еще в июле 41-го уничтожили, в самом начале. Спросил, тут-то кто и чем разозлить успел? Только Сеня отправил ответ, что вон, на форуме «Леонбург», где тоже неглупые люди сидят, писали, что эту деревню сами красные уничтожили, при отступлении, а на немцев свалили — тут его и забанили. Видимо, не нашли, что ответить.

Ну вот, в пачке «легкого» «Парламента» лежит последняя сигарета, и та — ломаная. Значит, придется новую пачку покупать, а до того — идти к киоску, в другую сторону от клуба. Возле клуба тоже купить можно, в магазине — но там дороже, а денег не много. Стипендию в «престижном колледже» не платят, частная организация. Хорошо хоть с этого семестра на бесплатное перевели, за «правильные» поведение и работы по политологии.

— Слышь, пацан, закурить есть? — раздалось вдруг сзади.

«Мляаааа... Ну вот зачем я решил «уголок срезать», дворами поперся?» — Сеня заканчивал мысль уже на бегу. Расстегнутая ветровка надувалась парусом на спине и, казалось, жутко замедляла движение. Сеня на бегу сорвал ее с одной руки, позволив повиснуть на локте другой.

— Эй, ты чо? Я не поэт, че ты, э? Забурел, да?

Сеня уже заворачивал за угол, почти выскочил на людную улицу, когда в затылке вдруг вспыхнула черная звезда боли. Лицо уткнулось во что-то мягкое, спину окатило жаром.

«Взорвалось что-то, что ли?» — на этой мысли сознание угасло.

* * *

Мягкая травка, жаркое летнее солнышко, неразборчивый гул голосов, пыль. Что?! Какая еще травка в середине апреля посреди города?! Это что, так долбануло, что глюки пошли? Сеня тихонько застонал. И тут же резко замер, услышав:

— Ну я же говорила, дядька Василий! Плохо человеку! А ты «мало ли кто, мало ли что...», — произнес девичий голос, слегка хриловатый не то от природы, не то от жары.

— И сейчас скажу. Одет непонятно, стрижку такую в районе не делают. Вещей при себе, считай, нету — вон, валяется что-то на шлейке, не то бритвенные принадлежности, не то дамская сумочка, — прозвучало с другой стороны на октаву ниже.

— Мало ли — выскочил человек из дому в чем был. Еще и контузить могло. А в сумочке, скажем, документы.

Сеня считал за лучшее прийти в себя окончательно. Пока незнакомые глюки не стали потрошить его борсетку. У него возникло ощущение, что это может оказаться и не совсем бред. Головная боль пока не давала хорошенько сосредоточиться, но почему-то мысль о реальности происходящего была неприятнее, чем мысль о бреде. В борсетке-то и было немного. А вы много вещей берете с собой, отправляясь на пару часиков в компьютерный клуб? Ключи от квартиры и подъезда, немного денег, телефон, паспорт, дежурная флешка. Зажигалка-«форсунка» с фонариком и чем-то, изображающим ножик. Вот и все. Но почему-то до дрожи не хотелось, чтоб кто-то туда залез.

Пока Сеня прокручивал все это в голове и пытался сесть, более низкий голос успел произнести:

— А вот документики были бы кстати. Вдруг это немецкий шпион? Вон, штаны какие чудные, да и обувка странная.

— Нет там документов, — просипел Сеня. — Так, из личных вещей кое-что.

Сеня пытался сообразить, при чем тут немцы и откуда вокруг лето?

— Ой, голова... Как приложили-то, сволочи... Какое число сегодня?

— Какое-какое... Хреновое... июля, год, если интересно, все еще тот же, сорок первый, — выдал тираду, сбивающую с ног не хуже, чем бита гопников, дядька Василий. Ну, скорее всего, его звали именно так, поскольку рядом был только он и еще девушка, к которой это имя ну совсем никак не подходило.

— Вредный ты, дядька Василий! Видишь — человека побили, еще и пограбили, наверное. А ты издеваешься. Вон, говорили же — эшелон немцы разбомбили, а там вагон был, в котором уголовников везли. Они и разбежались.

— Ишь ты, быстрая какая. Уже сама все и объяснила за всех. Ладно, нету документов — давай так знакомиться. Василий Никифорович я, или дядька Василь, как все зовут.

— Рая.

— Арсений, Сеня для простоты.

— А меня «Рая» тоже для простоты. А так — Рахиль. Мама так назвала, в честь бабушки. Папа в Первой Конной служил, когда они встретились — после того, как мама из дому сбежала. У меня и волосы — в папу, каштановые, а не черные, как у мамы...

Под простодушное щебетание спутницы Сеня приходил в себя. Книг про «попаданцев» в последнее время попадалось немало, термин «Перенос» был знаком. Другое дело, принять это не как забавную историю на бумажке, а как окружающую реальность. Или все же бред? Дураком Сеня, несмотря ни на что, не был, да и опыт других попаданцев учитывал. Если вокруг — бред, как себя вести — неважно, а вот если нет... Короче, для здоровья полезнее считать все вокруг реальностью. Тяжелой и страшной — но реальностью. Потому — борсетку никому не показывать, про себя не рассказывать. И думать, думать, думать! Как выжить и как вернуться.

Сеня напряженно думал, отвечая с паузами — благо добротнo ушибленная голова давала такое право. Одежда странная — был на сборах, это часть новой формы, подробнее рассказать не могу. В сумочке, точнее — в несессере, материалы со сборов. Сеня решил, что, судя по рассказам о царившей в эти времена вокруг секретности — должно прокатить. По крайней мере — до ближайшего сотрудника НКВД, который сочтет, что у него достаточно полномочий. А тогда... Одного паспорта с эдаким-то гербом на обложке уже хватит на Сибирь, был уверен Сеня. Он благодарил сам себя за то, что не имел привычки носить наручные часы. А зачем? Время на мобильнике можно посмотреть, зато браслет часов манжету рубашки не рвет. А были бы часики — например, как у соседа Сашки, дайверские, электронные, с кучей функций и водонепроницаемостью до двухсот метров — объяснялся бы сейчас с окружающими.

А окружающих было немало. Не только Василий с Раей, это Сене так показалось вначале. Да, около него рядом стояли эти двое, а вот метрах в десяти от полянки, на дороге...

На дороге людей было много. Проще сказать — текла через рощу людская река. В основном — женщины, дети, старики. Мужчин молодых очень мало, в возрасте — побольше, но все равно несоразмерно мало. Беженцы. Уставшие, запыленные люди, с какими-то узлами, вещами. Кто-то с тележками, единицы — на подводах, а большинство — просто пешком. С такими же уставшими и от того неестественно притихшими детьми. Как в фильмах — только тусклее, непригляднее. В фильмах не было удушающей пыли, гудящих вокруг насекомых и тяжелого запаха сотен людей, которые по несколько дней подряд часто не имели достаточно воды для питья, не то что для стирки.

Рая и Василь на общем фоне выглядели еще весьма свежими. Как выяснилось, они присоединились к потоку беженцев только вчера, причем переночевали у свояченицы Василия Никифоровича.

Сеня решил пока идти со всеми, а вот что делать дальше? Он грустно усмехнулся про себя. «Типовой герой-попаданец» уже бы спросил, где в последний раз видели Гудериана, и помчался останавливать вермахт. Сенья не рвался в герои и не верил в возможность изменить историю вообще. Что было — то было, а чего не было — того и не было, и все тут. Более того, парень подумывал о том, как бы отстать от беженцев. В Союзе липовое плоскостопие вряд ли помогло бы избежать призыва, даже если бы удалось как-то легализоваться и получить местные документы. С точки зрения Сени, отсидеться на немецкой территории было бы проще — немцы мобилизации русских в армию не проводили. Угона на работы в Германию он тоже не очень боялся, считая «ужасы рабства» по большей части достижениями пропаганды. Более того, начал возникать план попасть на работы ближе к лету 44-го, а затем остаться на Западе. Конечно, в том случае, если не удастся вернуться домой...

В размышления Сени вклинился новый звук. Ноющий гул с неба. Покрутив головой, он обнаружил источник звука — пару неспешно плывущих по небу самолетов. Вслед за ним головы к самолетам повернули и остальные, после чего колонна беженцев с криками «Воздух!» стала разбегаться прочь от дороги, стремясь к зарослям каких-то кустов слева от проселка.

Остроносый самолет, полого пикируя, выравнивался вдоль дороги. «Сейчас он увидит, что войск в колонне нет, и полетит дальше. Что ему, делать больше нечего или боеприпасы девать некуда? Немцы — они хозяйственные, просто так патроны жечь не станут. Патроны денег стоят».

Размышления Арсения прервал дробный стрекот. Фонтанчики пыли прошли тройной строкой через дорогу, немного наискось. В крики страха вплелись новые ноты — крики боли и агонии. Сенья стоял столбом, испуганный, ошарашенный, растерянный. Ведомый первого «мессершмитта» также прошелся огнем по колонне беженцев. Не то летчикам не нашлось достойной цели, а топливо заканчивалось, не то они получили приказ на «миссию устрашения». Или им просто было скучно.

Так или иначе, стервятники зашли на новый круг. На этот раз ведущий сбросил две пятидесятикилограммовые бомбы, разбивая брошенные на дороге повозки, скарб и поражая людей, пытавшихся спрятаться около дороги. Грохот взрывов и ударная волна словно разбудили Сеню. Он с диким криком, не помня себя, помчался прочь, по полю, к кустам, к укрытию...

В себя пришел минут через десять после окончания бомбежки. Да и какая там, по большому счету, была бомбежка? Пара истребителей разгрузилась по дороге домой, всего-то. Собственно, к тому моменту, как Сенья добежал до кустов, «мессеры» заканчивали последний заход на цель. Уже на обратном курсе они дали по короткой очереди в сторону зарослей, где укрылась часть беженцев.

Самолеты скрылись в небе, когда на дорогу начали выбираться люди. Послышались плач, причитания, крики. Все еще в ступоре — слишком происходящее было в духе «коммунистической пропаганды» и слишком далеко от облика «рыцарей неба» в мемуарах ветеранов люфтваффе — Сенья выбрался к дороге.

— Вот он, найденыш твой, — голос дядьки Василия показался вдруг не просто знакомым, а прямо-таки родным. — Что, первый раз под бомбежкой? Столбом, гляжу, замер. Испугался? Ничего страшного, бывает. Когда в ту германскую первый раз под артобстрел попали — больше половины взвода потом портки меняли.

— Ой! — Рая вцепилась в рукав Сени. — Страх какой!

Прямо перед ними лежал окровавленный ботинок с торчащим из него обломком кости. Кто-то попал под прямое попадание бомбы. На дороге там и тут виднелись тела, около некоторых виднелись родня или знакомые, возле некоторых — никого.

— Похоронить бы, — сказал Василий Никифорович. — Помощников подыскать надо.

— Сначала раненых перевязать! — вмешалась все еще бледная Рая. — Им помощь нужнее!

— Ну это само собой.

Через час после страшной, неприятной, но необходимой работы на месте одной из воронок возник холмик братской могилы. Сколько человек осталось там лежать, сказать было трудно — хватало и фрагментов тел, попадалась и просто окровавленная одежда, а где ее хозяева — неизвестно. Сошлись на мнении, что похоронено 24 человека. Сенья все это время чувствовал себя как персонаж какой-то игры. Шок не желал отпускать, все окружающее воспринималось, как сквозь толстую мутную пленку. Или как с экрана телевизора. Может, эта отстраненность и помогла работать внешне почти спокойно, а не бегать каждые пять минут в кусты, выворачиваясь наизнанку желудочным соком и желчью? Как бы то ни было, а несколько удивленно-уважительных взглядов от дядьки Василия, ветерана Первой мировой, Сенья заработал.

— Две семьи — полностью. Вот вы, молодые, в техникумах учитесь, скажите — что за люди такие, на баб да детишек бомбы кидать?!

— Обыкновенные фашисты, — ответил Сенья слегка измененным названием ранее виденного пару раз урывками фильма.

Пока трое попутчиков с полудюжиной добровольных помощников занимались оказанием помощи раненым и похоронами, колонна беженцев продолжала течь мимо них дальше, на восток. Люди обходили разбитый и разбросанный скраб, крестились на тела, сложенные у обочины. Или просто внешне равнодушно косились на них и шли дальше — в основном те, кто был в пути не первый день. Но последние минут десять людской поток резко ослаб и, наконец, прекратился вовсе. Немного отупевшие от жары и страшной работы, люди не обратили должного внимания на эту деталь. Тем более что дядька Василь завел разговор «по существу».

— Вот жизнь пошла! Каждый день похороны, и все — без поминок. Вчера летчиков хоронили. Бомбардировщик ТБ-3 шел один, дымил сильно. Потом два немца прилетели. Наши сразу почти выпрыгивать стали, так германцы их в воздухе постреляли и дальше полетели. Самолет на лес рухнул, а летчиков мы подобрали. Выкопали могилку, не так чтоб на виду, но место приметное. Вы, на всякий случай, запоминайте, чтоб потом перехоронить по-человечески. Верст с дюжину с гаком отсюда — деревня есть. Точнее, была деревня — теперь поселок Дружба, понимаешь. Вот, версты три не доходя, если отсюда смотреть, слева от дороги валун здоровенный лежит. От него сто шагов к югу — как раз полдень был, по солнцу смотрел, — полянка. На ней и схоронили. Оторвали кусок жестянки от самолета, на дно постелили, сложили летчиков. Брезентом от того же самолета накрыли и засыпали. У того, что слева положили, пулей германской ногу-то раздробило, почитай, на одних штанах и держалась, прости Господи...

Мужчины закурили. И Сенья угостился папироской дядьки Василя. Он смутно помнил, что папиросы считались шиком, сигарет считай, что и не было, на селе во всяком случае. Но по сравнению с привычным куревом местный «экслюзив» брал за душу так, что она чуть наизнанку не выворачивалась. Парень с ужасом думал о грядущем переходе на самосад и всерьез собирался бросить курить. Но, например, после похорон и особенно — во время их горлодер дядьки Василя казался мягким и нежным — по сравнению с тем наждаком,

который стоял в горле. Спросить, откуда у сельского жителя запас папирос, Сеня стеснялся. Да и говор был у дядьки уж больно литературный, хоть иногда и проскальзывали просторечные выражения. Как будто два разных человека говорят.

Но Сене было не до психологических изысканий в биографии случайного попутчика. Тем более что разговаривать с Раей-Рахилью было куда как приятнее и интереснее. Не только из-за того, что девушкой она была весьма привлекательной, с пышной гривой каштановых волос, стянутых в косу толщиной в руку. Но и из-за того, что девушка выбалтывала массу мелких бытовых деталей и тонкостей местного жителя. Сеня, в предвидении будущей легализации, впитывал эти данные, как памперс жидкость. «Как губка» звучит приятнее, но из губки впитанное так же легко и вытекает, а вот из этого предмета гигиены...

За разговором прозевали опасность. Треск мотоциклетных моторов за спиной раздался, казалось, внезапно и сразу метрах в пятидесяти. Как назло, вокруг — чистое поле, причем не какая-нибудь кукуруза или подсолнечник, а колхозный сенокос. Скошенный луг с аккуратными грядками неубранной травы.

— Только не бежать! — крикнул Сеня спутникам. — А то в спину постреляют, и все! Так еще есть шанс, что допросят и отпустят.

Так и случилось. Немцы подъехали, криком «Хальт!» остановили группу. Под дулом пулемета в коляске одного из мотоциклов провели беглый осмотр и даже обыск. Причем «обыскивали» в основном одну лишь Раю. Может, этот обыск перешел бы во что-то еще более неприятное, но тут уж врасплох застали излишне увлекшихся мотоциклистов. Подъехала легковушка, из нее вышел офицер, отругал солдат за «полную утрату бдительности в боевой обстановке» и приказал отправлять пленников в общую колонну для сортировки.

Сеня, который учил немецкий с первого класса «престижной» школы (и тихо ненавидел с того самого первого класса), внимательно вслушивался в разговор. При этом старался не показывать виду, что он понимает практически все. Однако старался, похоже, плохо. Потому как, не успел офицер отъехать, Василий Никифорович спросил тихонько:

— Что он этим охальникам сказал?

— Чтобы не распускались на боевом патрулировании. Приказал направить нас в общую колонну пойманных беженцев, для сортировки.

— А ты, вижу, хорошо на их языке понимаешь? Я так, кроме некоторых матюков, ничего почти и не разобрал.

— Учили...

Дядька, видимо, сопоставив это слово с историей о неких сборах и сильно секретной сумочкой, а также с поведением парня при похоронах, только понимающе кивнул головой. Кстати, борсетку Сеня сбросил в придорожную полынь, как только увидел мотоциклы. Потому что иметь беседу касательно мобильника с гестапо он хотел ничуть не больше, чем с НКВД. «Гестапо» он, не вдаваясь в детали, обзывал любого немца из любой спецслужбы, который мог бы заниматься его, Сени, допросом. Только зажигалка осталась в одном из многочисленных карманов брюк. Немцы при первом обыске не нашли ее, поскольку все это мероприятие было лишь поводом поиграть и пощупать прилюдно встречную красотку.

Сеня же ругая ругал себя за то, что не подбросил борсетку с уликами в могилу к беженцам. «Жаба задавила, да? Жалко стало мобилу выбрасывать? А вот взяли бы тебя за задницу с этим имуществом! Придурок малолетний!»

Зажигалку Сеня выбрасывать все же не стал, сочтя полезным предметом и, улучив минутку, воровато сунул в плавки. Никифорович отметил только отсутствие борсетки и заговорщицки подмигнул. Сеня же всю дорогу до привала думал только об одном — как бы случайно не нажалась кнопочка. Потому что иначе будет полный провал конспирации, да еще и в комплекте с серьезными ожогами нежных частей тела...

Через полчаса ходу впереди показалась деревня дворов на пятьдесят и за ней — кромка охватывающего населенный пункт по дуге близкого леса. Колонну захваченных беженцев,

человек тридцать, провели через деревню и погнали к стоявшим между лесом и домами хозяйственным постройкам. Это была старая, общинная еще, рига — сарай для сушки снопов, ток и амбар. Между большими зданиями лепилось несколько мелких сараюшек совсем уж непонятного назначения. На току шла ставшая, похоже, рутинной процедура. От пригнанной ранее колонны немцы отделили несколько человек, тычками прикладов отогнали их к торцевой стене амбара и, как-то буднично и обыденно, расстреляли. Командовавший процедурой офицер с брезгливым выражением лица пролаял короткую речь, переводчик повторил по-русски. После этого оставшихся от предыдущей партии пленных разделили на две неравные части. Меньшую часть заперли в риге, большую погнали на уборку трупов. Подошла очередь колонны, в которой был и Сеня.

— Как мне все это надоело! — бросил офицер переводчику. — Неужели нельзя было подогнать всех этих свиней одним стадом? Теперь пятый раз повторяй одно и то же — по такой-то жаре.

— Да, герр унтерштурмфюрер, это точно. Но что поделать — тяготы службы!

— Ладно, надеюсь, это — последняя партия на сегодня.

К сожалению, Сеня не слышал этого разговора — иначе, пожалуй, повел бы себя иначе. Но, как говорится по слухам в Одессе, «хорошо быть таким умным раньше, как моя жена потом». Сеня услышал только официальную речь. Причем мог воспринимать ее в оригинале, а не в весьма убогом переводе.

— Храбрые немецкие солдаты несут вам освобождение от тирании комиссаров и евреев! Вам не нужно бежать от немецкой власти, которая установит на восточных землях новый порядок. Возвращайтесь к вашим домам и приступайте к работе. Однако немецкие власти нуждаются в вашем содействии. Выдайте нам евреев и коммунистов, если они есть среди вас. Они будут направлены в фильтрационные лагеря для определения их дальнейшей судьбы. Поймите, это в ваших же интересах — как можно быстрее избавиться от еврейско-коммунистической заразы!

«И ведь так убедительно врет, — подумал Сеня, — если бы не видел сцену расстрела — поверил бы, что Раю, в случае чего, в худшем случае в гетто отправят. А теперь — неест, буду молчать, как красный партизан!»

Подождав минуты три и не дождавшись никакой выраженной реакции стоящего перед ним подobia строя, немец собрался было пройти вдоль напуганных людей и самолично «назначить евреями», но ему было уже просто лень. Да и проголодался изрядно, а на офицерской кухне заманчиво доспевала на вертеле над углями тушка реквизированного накануне поросенка. Запах, казалось, долетал и сюда, что явно было плодом воображения. Поскольку никакой запах против ветра не летает.

Унтерштурмфюрер уже повернулся спиной к пленным, махнув предварительно подчиненным в сторону риги, когда сзади раздался голос:

— Господин офицер!

Голос прозвучал по-немецки, причем с довольно незначительным акцентом. Эсэсовец полуобернулся, приподнятой бровью изобразив намек на легкую заинтересованность. Молодой парень, достаточно высокого роста, протолкался к выходу из строя, продолжая на довольно беглом немецком:

— Извините, вы не могли бы уделить минутку для разговора?

Минутку уделять не хотелось, ну а вдруг как скажет что-то интересное? Взгляд зацепился за штаны с множеством карманов, чем-то одновременно похожие и на рабочую одежду, и на военную форму. Может, это русский диверсант, который решил сдаться в плен? Или технарь, который знает что-то действительно интересное?

— Говори. Но если ты зря потратишь мое время...

— Я недолго. Господин офицер, во-первых, хотел бы заверить вас в моем искреннем уважении к немецкому порядку и в полной готовности к взаимовыгодному сотрудничеству. А во-вторых, хотелось бы узнать, какая судьба ждет нас, а точнее — меня, в ближайшем будущем?

«Похоже, пустышка. Обычная интеллигентская тряпка, подвид «студент восторженный». Но, может, хоть какая-то польза от него будет?» — подумал командир взвода эсэсовцев.

— В чем ты видишь возможность сотрудничества? Желаете вступить в полицию, дабы с оружием в руках помочь доблестному вермахту? Имеете важные сведения военного характера? Просто, на худой конец, знаешь о скрывающихся рядом русских солдатах, комиссарах или евреях? Ну?! От той пользы, что ты сможешь принести Великой Германии здесь и сейчас, зависит твоя судьба завтра.

— Господин офицер, я не могу служить в армии! У меня... эээ... — Сеня не мог вспомнить, как по-немецки сказать «плоскостопие», и растерялся еще больше, чем от предложения послужить. — У меня болезнь ног. Но я мог бы работать по специальности, принося пользу...

— Заткнись, придурок! — с прорезавшимся раздражением, но еще почти беззлобно бросил немец. — Все будут приносить пользу Великой Германии, трудясь на своем месте! Шульц!

— Я, господин унтерштурмфюрер! — вытянулся рядом ротный обершарфюрер.

— Возьмите пару бойцов и объясните этому обнаглевшему русскому, что отвлекать внимание немецкого офицера можно только в том случае, если имеешь сказать что-то действительно важное. Постарайтесь все же не калечить — русский, владеющий немецким языком, все же может быть достаточно полезен. Если, конечно, выдрессировать его как следует. Так что челюсть ему не сломайте да и с зубами поаккуратнее — не люблю шепелявых докладов!

Солдатам тоже было жарко, тоже было лень двигаться. И у них тоже, как и у командира, были трофеи, требующие внимания. Поэтому минут пять, пока офицер маячил в зоне видимости, они обрабатывали Сеню достаточно активно. Затем еще минуты три скорее имитировали активность, на случай, если командир вдруг вернется. После чего, закинув парня в ригу ко всем остальным, пошли по своим делам.

Для Сени случившееся было еще одним шоком. Даже не одним, а, как в рекламе шампуня, «два в одном». Во-первых, отношение «носителя высокой европейской культуры» к местным жителям, независимо от их гражданской позиции. Оно уж очень сильно отличалось от представления, сложившегося у Сени за последние пару лет под влиянием общения с обитателями форума «Леонбург». И было неприятно близко к тому, что рисовала официальная история. Во-вторых, сам факт физического насилия по отношению к нему, любимому. Да, случалось получить по шее в подворотне, пару раз неплохо «пощупали печень». Да, в детстве перепадало отцовским ремнем. Но чтобы три мордоворота целенаправленно били ногами! Ногами в тяжелых солдатских сапогах — это был совершенно новый и очень неприятный опыт. Сене казалось, что избиение продолжалось не меньше часа. Все это время он, помимо прочего, боялся того, что сработает зажигалка. Ни вытащить, ни выключить ее он бы не смог... Потом кто-то из эсэсовцев попал по старой шишке, и картинка окружающего мира поплыла. Стало даже вроде как легче.

Сеня застонал, и опять над ним зазвучали два знакомых голоса. Утренняя ситуация повторялась до боли (вот уж точно — именно до нее, родимой!) знакомым образом. Разве что сейчас болела не только голова, а все тело. И в голосе Раи было больше сочувствия.

— Что это ты помчался к этому, а? «Герр офицер, герр офицер...» — передразнил дядька Василь. — Чего подлизывался?

— Да просто спросить хотел, что с нами делать будут. Думал, если мы пленные, так хоть покормят.

— И что, хороший паек пообещали?

— Дядька Василь! Ну что ты опять привязался? Сам не видишь, что ли?

— Да ладно, Рая. Все нормально, я его понимаю, — сказал Сеня. И продолжил, обращаясь к вредному дядьке:

— Это я спросить не успел. Тот только сказал, что судьба будет зависеть от пользы, что

каждый сможет принести Великому Рейху. И опять прилип, как банный лист, где у нас евреи да комиссары. Да, еще про прячущихся солдат спрашивал.

— Кому великому? — раздался голос из глубины сарая. — У них же вроде как Гитлер главный, парторг на политинформации говорил. Или власть поменялась?

— Нет, «райх» — это по-немецки вроде как империя.

— Аааа... Тогда ясно. Только все одно не понятно — вроде как говорили, там у них рабочая партия у власти, а они про империю.

— Слушай, отцепись от человека! — вмешалась девушка. — Не видишь, в каком он состоянии? Давай я по тебе ногами похожу, а потом заставлю политинформацию читать?!

— Да я что, я ничего... Я и так-то выступать не умею, а уж если по голове настучать да ливер отбить...

Сеня лежал на полу и думал. Надо же, какой насыщенный денек выдался! Вышел из дому в 11 утра, здесь очнулся в десять утра же (по словам дядьки Василя). В полдень занимался похоронами, в два часа дня уже в плен попал, в три часа — лежит тут на полу, уставший, голодный, избитый. С разбитой, вопреки «совету» немецкого офицера, губой и гораздо сильнее разбитым мировоззрением. Так многое из воспринятого в последние пару лет оказалось не соответствующим происходящему вокруг! Что это — все, во что он поверил со всем юношеским максимализмом — вранье? А то, что он стал считать враньем — оказалось правдой? Или все то, что он видит вокруг и ощущает на себе — дикое стечение обстоятельств, совпадение частных случаев и эксцессов исполнителя? Но не слишком ли много совпадений для одного дня и одного свидетеля?!

— Ничего, не бойся. Завтра нас проверят и отпустят. У меня тут, в 3., свояк живет. У него себя в порядок приведем и подумаем, как дальше жить.

У Сени потемнело в глазах. То самое название! Неужели это та самая деревня, одна из первых, уничтоженных немцами? Название совпадает, так таких названий — только по области десяток. Дата? А какая там была дата? Вспомнить бы... Или не та?! Страх подсказывал — лучше считать, что и деревня — та, и дата — сегодня и что-то срочно делать! Если ошибаешься — не так страшно, как если поверишь в относительную безопасность и... А как действовать? Понятно — надо побег устраивать, только как? Как людей убедить в неслыханном ранее?! «Здравствуйте, я из будущего и точно знаю»? Ну-ну, решат, что головой сильнее, чем надо, ударился. Если бы не выбросил паспорт и мобильный... А что толку? Еще попробуй докажи, что ты не какой-нибудь английский шпион и что все это — не секретная техника. Специалисту по связи, да в его же мастерской, доказал бы и довольно быстро, а вот втолковать про «технологический уровень» и «культуру производства» здешним крестьянам, да так, чтобы быстро и чтобы поверили? Не смешно... Сеня сидел, прислонившись головой к щелястой стене. Гул голосов изнутри риги мешался с голосами снаружи.

— Сеня, что с тобой? Плохо стало, да?

— Тише, не видишь — немцев слушает, не шуми!

Точно! Вот оно, решение! Сделать вид, что подслушал из разговора, благо соседи по сараю немецкого не знают или почти не знают. Надо только складно составить «подслушанный» разговор. Пусть только эти двое подольше обсуждают: даст некая Лизхен некоему хромому Дитриху в связи с оттоком мужчин из городка или нет.

— Короче, слушайте. Немцы набрали какое-то «вспомогательное подразделение» на оккупированных землях. Из всяких предателей. Сами им не доверяют, поэтому решили устроить проверку — повязать тех кровью. Для этого собираются уничтожить всю деревню, ну и нас за компанию. Эти обсуждали, что выберет их командир — расстрелять, чтоб каждый проверяемый лично прошел проверку, или согнать всех в сарай и спалить, чтобы на патроны не тратиться.

— Да быть не может! — охнул кто-то. — Ты, головой ударенный, ничего не перепутал?

Взвился гул голосов: испуганных, недоверчивых, уточняющих и просто причитающих. Неведомо, куда дошел бы разговор, но тут раздался стук, ворота приоткрылись, и внутрь

проскользнул какой-то мужичонка в сопровождении пяти солдат. Трое остановились около входа, направив стволы на толпу, а двое вслед за проводником шагнули внутрь.

— Вот она, жидовка, спрятаться хотела! — подрагивающий от возбуждения палец ткнулся в сторону Раи, которая как раз начала переплетать свою косу.

Двое солдат схватили девушку и потащили к выходу. Один из них, на секунду бросив рукав опешившей девушки, с короткого замаха ударил прикладом карабина в голову рванувшегося на помощь Василия Никифоровича. Остальные просто отшатнулись под прицелом трех стволов. Кстати, только сейчас Сеня впервые увидел воочию пресловутый «шмайсер», да и то — только у одного из солдат.

Дверь захлопнулась, Сеня прильнул глазом к щели в стене. До него доносились только обрывки слов доносчика, который говорил громко, почти кричал. Немец отвечал тихо, его реплик слышно не было.

— Да вы не сомневайтесь, ваше благородие, сама доподлинная жидовка! Волос? А волос у ней в батьку пошел, кстати — комиссар отъявленный! Помните, с шашкой еще на вашего благородия солдат кинулся, когда жену его, жидовку...

Тут девушка, стоявшая внешне безучастно, рванулась вперед:

— Ах ты, скотина!...

Офицер сделал полшага в сторону, вытащил пистолет и, не поднимая ствол, выстрелил от бедра. Пуля ударила девушку куда-то в верхнюю часть живота, прервав на полуслове. Рая согнулась и рухнула на вытоптанную землю. Волосы рассыпались ковром по земле, скрыв искаженное мукой лицо.

Эсэсовец так же равнодушно убрал оружие в кобуру и, повернувшись боком к умирающей девушке, продолжил отдавать какие-то распоряжения. Чуть отступив назад, он наступил сапогом на ковер волос Раи и, не замечая этого, продолжал говорить. Сеня не мог оторвать глаз от начищенного сапога, втаптывающего в пыль волнистые, несмотря ни на что, каштановые пряди...

— Вот же сука! — зло прошипел поднявшийся на ноги Никифорович. — Жил у нас в поселке. Всю жизнь виноватых в своей дури искал. Помещик из батраков выгнал, когда по пьяни стог сена спалил — завистники виноваты. После революции сразу в комбед подался. Так и там только и знал — мстить да конфискованное добро пропивать. Когда его из комбеда турнули — стал доносы писать, что оклеветали его. Потом украл что-то в районе, его посадили. В прошлом году вернуться должен был, а не приехал. Решили, где-то застрял, ну и леший с ним. А оно вот когда всплыло-то!

Дядька Василь зло сплюнул и, повернувшись к людям в сарае, спросил:

— Ну, кто еще не верит в то, что могут «за просто так застрелить», а?

Скептики изрядно поутихли, началось обсуждение деталей побега. Бежать решили ночью, оторвав пару досок от пола и вылезая по одному в сторону леса. Сеня посветил фонариком, встроенным в зажигалку, чтобы рассмотреть способ крепления досок и ширину щелей. Удивление сидельцев странным устройством пресек дядька Василь, бросив веско только одно слово:

— Спецнаряжение!

Усевшись по местам, все стали ждать темноты. Вдруг Сеня вскочил:

— Тихо!

Люди в сарае, сопоставив странный фонарик, одежду парня и припомнив услышанные ранее слова о «сборах», стали считать его неизвестно кем, но явно разбирающимся в деле. Потому послушались почти беспрекословно. Странный звук стал яснее. Какой-то не то стон, не то вой. Вдруг на монотонном фоне послышались крики по-немецки, пара хлестких выстрелов.

— Началось! Немцы гоняют жителей! Темноты ждать не получится, надо или бежать сейчас, или помирать без боя.

Быстро решили — мужчины и женщины помас-сивнее навалятся на ворота, выломают их. После этого все бегут к лесу.

— Помните, толпой не собираться! Рассыпайтесь в ширину, разбегайтесь в разные стороны, а то одной очередью всех накроют! И еще — кто раненый, ноги сбиты или бежать не может — отвлекаем немцев, надо дать шанс остальным! Если удастся завладеть оружием — отходите к селу, но не за остальными, уводите в сторону! — перебивая друг друга, выдавали последние инструкции Сеня и Василий Никифорович.

Ну вот все и решилось — менять историю или нет. Или меняй — или гори в сарае заживо, выбор простой. Заодно и проверим, можно изменить историю или нет. Попробуем — и проверим.

Героем себя Сеня никоим образом не считал. Все, что произошло с ним за день, здорово изменило парня, но не настолько, чтоб идти с голыми руками против вооруженного противника в надежде завладеть его оружием. Будучи причислен к раненым, в выламывании двери Сеня не участвовал. Когда толпа хлынула в ворота, он оказался в гуще людей. Бахнули пару раз винтовки сторожей, разложивших костерок напротив дверей. Заверещал что-то неразборчивое голос доносчика, погубившего Раю, и пресекся внезапно. Сеня, ковыляя, бежал к лесу.

Было ли это проявлением неизменяемости истории или просто невезением, но навстречу волне людей из лесу по дороге выскочили три мотоцикла. Один из них — с коляской. Немцы спешили и открыли огонь, слева и чуть спереди, почти во фланг — классическая пулеметная позиция. Пулемет и внес основной вклад в срыв побега. Сеня видел, как летают над выпасом злые осы трассирующих пуль, как падают люди впереди, слева, сзади. Он не увидел и не услышал ту трассирующую пулю, которая погасла, ударив его под левую лопатку. Разворачиваясь от удара вокруг своей оси, он увидел, как падают под перекрестным огнем последние из бегущих. «Не удалось...», — подумал парень и упал, ощутив слева в груди уже знакомую черную звезду. Упал вперед, не имея сил выставить руки и обдирая лицо об асфальт.

* * *

...Об асфальт. Какой асфальт?!

— Эй, ты чего толкаешься? Откуда вообще выскочил, придурок!

— Может, ему плохо?

— Гы, или слишком хорошо!

Дома! Опять дома! Или — все это, 41-й год, война, кровь, пулеметная пуля в спину — привиделось? Бред от удара по голове? А где тогда гопота? Вообще, где я? И когда я?

Сеня брел к магазину. Шел третий день после его возвращения не то из прошлого, не то из бреда. Как выяснилось, он отсутствовал дома ровно сутки. Ветровка пропала. На майке, там, куда попала пуля, было опаленное отверстие, но на теле — никаких следов ранения. Родителям он рассказал почти чистую правду, но не всю. Шел через двор, напали, ударили по голове. Потом — ничего не помню, пока не упал на тротуар, может быть — из машины выкинули. Где был — не знаю, не помню. Родители терялись в догадках, напрягали участкового уполномоченного, таскали по врачам. Все было в порядке, кроме нервного срыва и общего утомления. Да появилась седая прядь справа за ухом.

Сегодня мать разрешила сходить в гастроном за кое-какими продуктами. Хотелось выйти на воздух, да и курить хотелось — уши пухли, дома же не разрешали, боялись сотрясения. Подойдя к киоску с куревом, Сеня, неожиданно для самого себя, вместо привычного по прежней жизни «Парламента» спросил:

— Папиросы есть какие-нибудь? «Беломор», например?

Продавец почему-то оглянулся по сторонам и, заговорщицки подмигнув Сене, сказал:

— А как же!

— Давай пачку.

Закурив (парень из киоска казался почему-то удивленным), Сеня вдруг услышал песню. Играли на гитаре, компания в ношеном камуфляже, стоявшая в глубине двора. Песня была

старая, но раньше парень не обращал на нее внимания — нудная, и не потанцуешь. Сейчас же аккорды проигрыша схватили сердце в кулак. А уж слова...

Третий день пошел без меня —

Я остался там, на войне.

Пуля-дура третьего дня

Молча поселилась во мне...

«А ведь это про меня песня! Я остался там, на войне! Три дня назад, в июле сорок первого. В девятнадцать, но не с четвертью, а с половиной, лет»... Сеня, как замороженный, подходил все ближе к этой компании. Парень, игравший на гитаре, посмотрел в его глаза, что-то увидел там, понятное себе, мазнул взглядом по седой пряди. Кивнул головой, как бы разрешая подойти. Допев, спросил кротко:

— Кавказ?

— Нет, западнее намного, — ответил Сеня, странным образом угадав смысл вопроса. Музыкант на секунду нахмурился, что-то высчитывая про себя, потом, придя к какому-то выводу, протянул:

— Понятно.... Оставил ТАМ кого-то?

— Да...

— Парни...

Слушатели расступились, пропуская молодого человека в свой круг. Он вдруг ощутил в своей руке граненое стекло. Кто-то сбоку пояснил:

— Годовщина сегодня, по Володьке. Он там остался. Давай за всех, не вернувшихся...

Проглотив огненный комочек не то водки, не то чего-то, что не давало дышать, поинтересовался:

— Ребята, а вы кто? Вроде раньше я вас тут не видел?

— Правильно, вон, Рыжий недавно в тот вон дом переехал. Сегодня вроде как и новоселье. А мы — поисковики, клуб.

— Тогда у меня к вам дело есть, — внезапно решил выяснить все окончательно Арсений. — Есть информация о воинском захоронении, июль 41-го. Километров тридцать от райцентра, около деревни одной. Есть координаты и приметы, надо бы проверить. Экипаж ТБ-3 там лежать должен.

Деревня вдали выглядела совсем не так, как описывал Арсению дядька Василий. И не только деревня. Исчез напрочь лесок из кленов и осин. Речушка ушла на дно магистральной мелиоративной канавы, заболоченная пойма превратилась в поле. А в скором будущем обещала превратиться в рощу — виднелись ряды посадки примерно пятилетнего возраста. Зато валун и лежал там, где его бросил ледник. Эдакий якорь к прошлому.

— Вот, от этого камешка — сто шагов к югу.

— Хм... Шаг — это единица расплывчатая. Металлические предметы в захоронении были, не знаешь?

— Должны были быть — медальоны, фляга пробитая. Кусок обшивки от самолета — на дне могилы.

— Ну, тогда найдем! — повеселел Шура, собирая миноискатель.

Они нашли.

Пять костяков, бережно переложенных в маленькие, как игрушечные, гробики для перезахоронения на поселковом кладбище. Три медальона, из них два — пустые. Только в одном просматривалось какое-то содержимое. Этот медальон командир отряда запаковал отдельно и особенно бережно, для передачи в экспертизу.

Нашли.

Все, как описывал Сене дядька Василь, Василий Никифорович: пять тел, остатки летной сумки, проржавевший до состояния прослойки земли другого цвета лист металла под скелетами, даже раздробленная нога у летчика, лежавшего в могиле слева.

Арсений почувствовал головокружение. Значит, все, пережитое им — не какой-то замысловатый бред? Но как такое возможно? Надо еще одну проверку...

— Знаете, если тут все так совпало с рассказом... Километрах в двадцати западнее должна быть братская могила. Беженцы, жертвы бомбежки. Двадцать четыре человека, но там, сами понимаете, никаких медальонов нет и быть не может.

— Ничего, главное — найти. Если хоть какой-то намек будет, эксперты личность установят. Если, конечно, родственники живы, для образца ДНК. И если, конечно, денег на экспертизу найти...

В конце экспедиции Арсений, отбившись от группы поисковиков, заехал в деревню З. Заново отстроенная и заселенная, она не разделила судьбу Хатыни. Эта деревня со времен войны изменилась меньше, чем та, возле которой было захоронение советских летчиков. Количество подворий увеличилось раза в полтора, дворов до семидесяти-восемидесяти. Правда, сами участки стали значительно больше — не обрезанные по самые стены, а с садами, огородами, цветниками перед многими домами. За счет этого деревня казалась выросшей вчетверо.

Арсений прошел по той же дороге, что и в июле 1941-го. Увидел снова кромку леса. Между деревней и лесом стояли, как и прежде, хозяйственные постройки, правда, как показалось молодому человеку, чуть дальше от домов. Подойдя поближе, парень понял, что не показалось. На месте прежнего тока стоял скромный бетонный обелиск с жестяной табличкой. На ней было написано: «Здесь... июля 1941 года немецко-фашистскими захватчиками была уничтожена группа пленных и местных жителей. Всего... человек, из них... детей». Слов о деревне, уничтоженной со всем населением, не было. Арсений не мог вспомнить, до переноса говорилось ли о полном уничтожении всех жителей или только об уничтожении деревни как таковой? Самое главное, что и не проверишь — изменилась история или нет, теперь во всех источниках будет новая версия.

Арсений еще раз перечитал табличку, тихонько проговаривая вслух цифры.

— Ага, дяденька! — раздался рядом тоненький голосок. — Могло и больше погибнуть. Просто пленные побег устроили, когда немцы сельчан сгоняли. Сами почти все полегли, только несколько человек с оружием в лес ушли. Зато несколько сельчан, кого немцы еще из домов не повыгоняли, успели тихонько сбежать под шумок. И моя бабушка тоже. Говорят, там, среди пленных какой-то диверсант был. Его потом так и не нашли ни среди убитых, ни у партизан.

Арсений почувствовал, как сердце пропустило удар. Неужели? Неужели все-таки что-то изменилось к лучшему? Получается, историю можно изменить? Более того, он, простой студент Арсений, тоже способен на это? Он повернулся на голосок:

— А ты, красавица, прямо настоящий гид-экскурсовод!

— Так у нас в школе музей партизанского отряда. Там и про это тоже есть стенд. Тут раньше табличка бронзовая была, только ее украли лет пять назад. Решили заменить на такую, которую красть не будут.

Годовщина 22 июня прошла в городе спокойно, как и День Победы. Были те, кто отмечали наоборот — «начало освободительного похода против большевиков». А 9 мая у них был траурный митинг. Произошла пара стычек. Правда, оба раза Арсения не было в городе, он был в отъезде с поисковиками. Те, раз признав в парне человека с боевым опытом, в душу не лезли и подробностей не требовали. Сам Арсений тоже помалкивал, правда, повадился лазить по форумам, посвященным армейской тематике, чтобы в случае чего не ляпнуть откровенную дурь. Он очень дорожил отношением к себе новых знакомых. Зато практически прервал контакты со старыми знакомыми с «Леонбурга» и с активистами «нового взгляда на историю» из колледжа.

Не то чтобы он демонстративно разругался и по-удалял аккаунты — просто перестал общаться. Многие знали о странном событии, случившемся с ним в середине апреля, возможно, списывали «странности» в поведении на это — Арсений не знал. Может, потому и случилось, что однажды утром, 28 июня, к нему постучался в скайпе один из активистов «европейского взгляда на историю», как он это называл. Арсений ответил, еще не зная, как держать себя с этим человеком и о чем говорить. Тот начал сам:

— Привет, куда пропал? Загорел вон — на море, что ли, ездил?

— Да нет, поближе тут, на природе...

— Ага, ну ладно. Мы тут неделю назад митинг устраивали, правда, нам пытались его испортить, и почти удалось. Но ты же знаешь — тут годовщина событий июля сорок четвертого на носу, мы масштабное мероприятие организуем при поддержке головной организации. С митингом в городском парке и парадом, пройдем по местам боев. Планируем сбор подписей за вынос памятника оккупантам за черту города.

Хотим на освободившемся месте памятник борцам с коммунизмом поставить.

Пока Арсений думал, как бы ловчее прекратить этот разговор, а в идеале — и знакомство, его собеседник продолжал заливаться соловьем:

— Представляешь, к нам приезжают почетные гости, настоящие ветераны борьбы с большевизмом, среди них — командир одного из первых отрядов! В соседней республике живет. Кстати, его фото есть в Инете на нашем сайте — современное и времен войны. Лови в «аське» прямую ссылку! Открылось, все нормально, ты его видишь?

Арсений смотрел на фото молодого мужчины в немецкой офицерской форме. Фото было поясным, но Арсений видел дальше. Видел широко, по-хозяйски расставленные ноги. Начищенные сапоги и — ковер каштановых волос под одним из них.

— Да. Вижу. Отчетливо вижу.

— Так ты примешь участие в нашем параде?

— Конечно, приму. Обязательно. Даже не сомневайся — эту встречу я не пропущу.

— Отлично, сейчас сброшу тебе на «мыло» расписание всех мероприятий.

Арсений, сжимая под подкладкой ветровки пачку купюр с портретами, шел на встречу с «черными» коллегами. В целом отношения между Красными и Черными были разные. Тут, скорее, дело было в конкретных людях и их поведении. Могли на раскопках одним лагерем стать, могли вместе водки выпить. Были такие «черные», что охотно передавали данные о захоронениях «красным» и даже помогали в работе. Были и откровенные мародеры. Их, в отличие от настоящих поисковиков, нисколько не интересовали останки бойцов и история как таковая. Только поиск «хабара». Они могли, не глядя, вытряхнуть «мусор» из солдатского медальона, пнуть выкопанный череп, если в нем не нашлось, к примеру, золотых зубов, раздробить ломом мешающие раскопкам кости.... Были и среди «красных» такие заунывно-правильные на словах, что уксус мог скиснуть в их присутствии. Всякое бывало.

Арсений шел к сравнительно дружественным черным, но не это определяло его выбор. А то, что именно эти собирали оружие. Собирали и чистили, нередко чинили, чтобы продать подороже. Вот за одним таким «экспонатом», о существовании которого узнал в ходе одних из посиделок, и шел Арсений. Вот и «конспиративный подвал» на недостроенном участке заброшенной промзоны.

— Здорово всем.

— Ха, кто к нам пришел! Что привело честного «красного» к нам, недостойным? Лекцию почитать, выпить не с кем или дело есть?

— Дело. Купить у вас хочу кое-что из инструментов. Особенных.

Арсений подмигнул собеседнику, изображая пальцем правой руки характерный жест, как бы нажимая на невидимый спусковой крючок.

— Нуууу... Такие дела с кондачка не решаются, — собеседник дал жестами сигнал проверить окрестности. — Имеешь виды на что-то конкретное?

— Имею. Я слышал, у вас «дегтярь» есть, почти рабочий?

— Брешут! Как собаки брешут! Кстати, что за псина тебе нагавкала?

— Неважно. Я купить хочу. Для одного коллекционера, в серию «оружие победы». Только надо, чтоб экземпляр был рабочий или легко восстанавливаемый.

Потенциальный продавец пропустил мимо ушей слова о «коллекционере» — еще никто из клиентов не сказал, что берет для себя. Через пару минут в подвал вернулись «черные», которые осматривали окрестности.

— Шеф, все чисто!

— Ну, вот если рассуждать чисто гипотетически... Есть такая машинка — ДТ. Тот же классический «дегтярь» с блином сверху, только заточенный под бронетехнику, ну там, приклад складной и все такое. И диск на 63 патрона, а не на 47. Точнее, четыре диска — один в комплекте и три запасных.

— Уговорил, давай. И все четыре диска. А еще бы «лимонки» парочку, если есть...

— «Давай». «Давай» жене говорить будешь. Тут ничего не держим — не дураки же! Давай договариваться, где встречаемся. А гранатами и прочей взрывчаткой я не занимаюсь — рискованное дело. Но могу дать наводку...

* * *

Арсений осмотрелся на позиции. Пулемет Дегтярева, заботливо отремонтированный и вычищенный, после многолетнего перерыва снова готов к работе. Три запасных диска, хоть Арсений и не рассчитывал истратить весь запас. Взрыв-машинка, рядом провода, до поры воткнутые в землю. Рядом выложены на землю две «лимонки» и штык-нож — на самый крайний случай. До подхода колонны эсэсовцев оставалось еще около пяти-семи минут. Парень в форме рядового РККА отбросил окурок, одернул гимнастерку. Он был одет во все чистое. Обмундирование не выглядело новым, но не было и заношенным. Из-за холмов уже доносились звуки «Хорста Весселя». Арсений поправил солдатский медальон на груди, прилег к пулемету, провел стволом по намеченному сектору огня. Июльское солнышко, неразлично одинаковое в июле 1941-го и очередном июле XXI века, ласково грело спину.

Вот из-за гребня холма показалась «Газель», динамики на ее открытом кузове продолжали извергать из себя нацистские марши. Следом двигался открытый лимузин 40-х годов, принадлежавший одному из активистов городской организации. За рулем сидел сам гордый владелец, на заднем сиденье — почетные гости.

Боец подключил провода от заранее заложенных мин к подрывной машинке. Четыре самодельных «клеймора» по рецепту «старое ведро, две-три троти-ловых шашки и пять кило металлолома», вкопанные в податливый песок придорожных холмов, ждали своего часа на обочинах. Голове празднично горланящей колонны осталось 30 метров до рубежа открытия огня.

Большой палец левой руки лег на кнопку подрыва. Пришло время менять историю. Историю будущего. И начинать Арсений решил с уборки в своем доме...

Минск, 2009 г.

Михаил Бураков ГОСТИ ИЗ БУДУЩЕГО

— Ну что, куда сейчас? — задал давно мучивший его вопрос Костя.

— Ань, у тебя вроде родители уехали куда-то на свадьбу? — спросила свою подругу Катя.

— Да, можно и ко мне, дома сейчас никого, только брат, но он нам не мешает, наверняка опять кто-то неправ в инете...

— Что с собой возьмем? — поинтересовался Вася.

— В магазине разберемся. Кстати, дома у нас вино есть, его мой дед делает.

— Да? — изумилась Яна.

— Ну да, сам. Из черноплодки, правда... зато тоже из своей, у него тут дача неподалеку...

— А, может, на дачу? — предложил Вася.

— Там нет отопления... Да и далеко...

— Пиво брать будем?

— Зачем, у нас еще есть, — указала Катя на пакет, в котором что-то позвякивало при

остановках электрички.

— Блин, мне ж завтра еще сочинение писать и таблицу делать... — вздохнула Аня.

— Что за таблицу?

— Да по гражданской войне. Кто, кого, где да с кем...

— На кой тебе нужна эта история? — удивился Костя. — Ты ж на тележурналистику идешь.

— Вот и я тоже думаю, на кой мне эта история... Сочинение еще ладно, нужно уметь писать тексты не только из трех букв... Отменить бы эту историю, и физику заодно.

— Не произноси при мне это слово! — сказал Костя. — Как меня эта физика достала!

— Сам виноват, нечего было в авиационный идти, шел бы в педагоги или еще куда...

— Какой из меня учитель? Музыки, что ль? А так я хотел на экономиста, но, блин, по баллам не прошел.

— Значит, ты, Ань, завтра не пойдешь гулять? — уточнил Вася.

— Пойду, если позовут, — подмигнула ему Аня. — Домашку вечером сделаю. А куда, кстати, планируешь?

— Да в Москву смотаемся, у приятеля день рождения...

— Так это на весь день... — разочарованно вздохнула Аня. — Ладно, если бы тут было...

— Почему? Ну, подумаешь, час на электричке да пол на метро...

— Ладно, посмотрю, как завтра чувствовать буду.

— Ну да, вдруг сегодня печенье несвежее попадется...

Внезапно из динамиков раздался хриплый голос: «Осторожно, двери закрываются, следующая остановка платформа «Совхоз»...»

— Блиииннн! — закричали хором подростки и, схватив вещи, бросились к выходу. Все выскочили из электрички, только у Кати прищемило куртку. Она дернулась и освободилась.

— Мля, чуть в «Совхоз» не уехали...

— ... Куда ты смотрел!

— Нет, куда ты..., смотрела!

— ...!

— Хватит! — оборвал дискуссию Костя. — Пойдем домой. Далеко?

— Далеко, две остановки, мы у «Фабричной» живем, а это, — Аня указала на табличку на платформе, — «Сорок седьмой».

— Так говорила же, что в Раменском живешь?

— У нас в городе три платформы: «Фабричная», «Раменское» и «Сорок седьмой». Вообще город большой, красивый, завтра покажу, — пообещала Яна.

— ...! — сказал Вася, изучив расписание. — На Москву электричка только утром. Так бы можно было доехать до «Фабричной».

— Пойдем пешком.

— Если ты не заметил, дождик. Да и тащиться так далеко... Пойдем на маршрутку, если они еще ходят...

— Смотри, нас пятеро, маршрутка двадцать пять рублей стоит... Может, на такси? — предложила Аня. — Всего сотка...

— На фиг. Его еще ждать...

— Что ждать, вон одно стоит...

— Не боишься, вдруг маньяк какой? — спросила Яна. — Завезет еще куда-нибудь...

— Не волнуйся, защитим, — сказал Костя. — Я больше боюсь, что не влезем, придется кому-то на коленки ко мне присесть...

* * *

Несмотря на неприятную, промозглую погоду, обычную для мая в Санкт-Петербурге, Его Императорское Величество Николай Первый не отменил Высочайшей прогулки и сейчас

в сопровождении нескольких придворных, некоторые из которых мысленно проклинали монаршую милость, но внешне изо всех сил изображали радость, шел по Дворцовой площади.

Внезапно огромная молния, разрезав пополам полнеба, озарила все вокруг неверным, мерцающим синеватым светом, придав лицам присутствующих сходство с ожившими мертвецами. Молния погасла, но свет из неведомого источника сиял по-прежнему, подавляя и без того малозаметные солнечные лучи, изредка пробивающиеся в разрывы облаков. Причем свет становился, казалось, все ярче и ярче. Неожиданно полыхнула еще одна молния, и на пустынной в такую погоду площади появилось нечто невообразимое. Похожая на дилижанс, но немного меньше по размеру, без лошадей, с окнами, вдруг вспыхнувшими желтым светом, повозка остановилась, гроыхая и распространяя непонятные противные запахи, недалеко от свиты Императора. Все, увидевшие это чудо, застыли, словно действительно пораженные молнией. Между тем в повозке открылись двери и на мостовую в сопровождении неритмичной, дерганой, какой-то дикарской музыки высадились несколько нелепо одетых людей.

Придворные испуганно следили за всем этим действием, крестясь и читая «Отче наш», лишь сам Государь и генерал Паскевич встретили непонятное явление с мужеством настоящих военных. Генерал выдвинулся вперед, прикрывая императора, в этот же момент снова полыхнула молния, невольно заставив всех зажмуриться на несколько секунд. Когда она погасла, обнаружилось, что повозка исчезла, и несколько странно одетых юношей и девиц, изумленно оглядываясь, все еще стояли на площади.

* * *

— Итак, — следовательно Константин Петрович внимательно посмотрел на девицу, похоже, самую толковую из всех *гостей*. — Опишите, сударыня, что вы знаете про царствование Его Императорского Величества Николая I.

— Николай I, — помощника, первый раз работающего с гостями, аж передернуло от такого фамильярного отношения к императору, — пришел к власти... кажись, после брата. В первый же день правления сотня этих... чин такой, на пэ...

— Полковников? Поручиков? Прапорщиков, — стал подсказывать молодой и дерзкий помощник следователя Христофор Иванович.

— Да, прапорщиков... то ли восстание подняли, то ли революцию... Так это ж декабристы! — внезапно озарило гостью. — Но Николай их всех... — девица сложила пальцы в кулачок, выставила указательный, подняла большой и сказала загадочное: «Тыж-тыж-тыж-тыж».

— Что, простите? — поднял брови следователь.

— Ну это... казнил их всех, поубивал...

Следователь закашлялся и многозначительно переглянулся с помощником.

— Продолжайте, пожалуйста, Анна Васильевна.

— Было это в девятьсот пятом... ой, в восемьсот пятом... или двадцать пятом году... О! Грибоедов еще говорил, что ста прапорщиков недостаточно, чтобы изменить что-то в России.

— Уточните, пожалуйста, какой Грибоедов? — попросил следователь.

— Ну тот, у которого «Горе от ума». У меня еще по нему сочинение было...

— Не скажете, поддерживал ли он декабристов? — спросил Христофор Иванович.

— Нам говорили... говорили... — стала вспоминать гостя, — нет, он их не поддерживал, но его книгу, «Горе от ума», запретили, и она была у каждого декабриста. Она их вдохновляла... Его поэтому и посадили...

— Вы не знаете, он потом участвовал в каких-нибудь мятежах, восстаниях? — не унимался следователь.

— Нет, его потом убили. Он дипломатом был, его послали в Персию... а может, к

туркам... ну куда-то туда! — махнула рукой в сторону Анна Васильевна. — Он мир очень хороший заключил, его потому и убили, порубили на куски.

— Кстати, а что вы скажете про судьбу Пушкина и Лермонтова? Ваши друзья утверждают, что они тоже убиты.

— Да, Пушкина убил Дантес, на дуэли. Кажется, в 37-м году. Или он родился в 37-м? Не помню. Нет, не убил, а ранил. Пушкин застрелил Дантеса, но и сам умер. Он долго умирал и с книгами прощался...

— А Лермонтов?

— Лермонтов? Его тоже на дуэли убили, молодой был, лет тридцать... Где — не помню... Помню, он бабушку любил, и она его. Кавказ любил, про него стихи писал...

Константин Петрович довольно кивнул. Что ж, Анна Васильевна демонстрирует пока отменные знания истории для гостей. Пусть и много ошибок совершает, но хотя бы знает, когда воевали с Наполеоном и некоторые другие подробности... Кстати, даже из этой обрывочной информации можно кое-что выцедить. Лермонтов любил Кавказ, значит, он туда ездил, и, возможно, его там и убили горцы...

— Про великих поэтов и писателей мы с вами еще поговорим. Давайте вернемся к царствованию Его Императорского Величества Николая I. Вот один ваш друг говорит, что его расстреляли большевики...

— Да нет, это не его расстреляли, это Николая II с семьей...

— Ваши друзья, кстати, с вами согласны.

— Это Костян, что ли, Николаев попутал?

— Да, Константин Петрович, — подтвердил Христофор Иванович. Вдруг из-за занавески, отгораживающей часть комнаты, вышел высокий красивый мужчина. Следователи попытались привстать, но он остановил их жестом.

— Не помните, сколько правил Николай I?

— Долго, лет двадцать... Нет, двадцать это много, скорее пятнадцать.

— Много?! — мужчина хотел что-то сказать, но сдержался. — А как он умер?

— Как-как, взял и умер... Откуда мне знать?

— Не вспомните, кто правил после него?

— Александр какой-то...

— Александр Николаевич?

— Возможно. А потом Николай II... Они так чередовались, Александр — Николай, Александр — Николай... Нет, Александров трое было, а Николай II последним. Значит, после Александра был еще один Александр... или два... Какого-то из них прозвали Освободителем.

— За что? — полюбопытствовал мужчина.

— Он это, крепостное право отменил.

— На каких условиях, не знаете?

— Землю отобрал у крестьян, выдал плохую, а что получше — помещикам, да еще работать заставлял: вроде свободные, а вроде и нет... Плохо, в общем, вышло... Еще он потом не умер, а притворился мертвым, а сам пошел по России гулять и долго там жил...

— Есть такая легенда про мое... про Александра I.

— А я про кого говорю? — не поняла Анна Васильевна.

— Александр I царствовал с 1801 по 1825 год и уже умер, — терпеливо разъяснил мужчина.

— Точно! — лицо девицы озарилось каким-то светом. — Точно! А Александр II — он хороший был... наполовину. Много всего сделал и хорошего, и плохого... Относительно жестокое воспитание... Кто-то очень известный был у него в воспитателях. Александр первым по России проехался, узнал народ поближе... На него еще было покушение.

— Покушение? — мужчина чуть не подпрыгнул.

— Да... или даже не одно...

— А кто их устроил? Революционеры? — быстро спросил он. — Иностранцы?

— Революционеры. Конечно, им еще иностранцы помогали, они видели, что он что-то для страны делает, и потому убили. Несколько покушений было, и потом убили.

— Когда, как, кто?

— Не знаю...

— Долго он царствовал?

— Не знаю.

— Хорошо, а что вы знаете про Александра III?

— Не знаю ничего. Не успели пройти, в десятом классе мы не укладывались в программу и дошли только до второго Александра, а в одиннадцатом начали уже с Ленина.

— Кем он хотя бы приходился Александру II?

— Может сын, может брат... Короче, родственник. Николай II тоже родственник.

— На ком они женились, не знаете?

— Откуда... хотя... Николай II женился на какой-то иностранке. Она откуда-то с Запада. Даже имя меняла. Родила пятерых детей: четыре дочери и одного сына. У него гемофилия была. Это когда в крови то ли тромбоцитов, то ли еще чего-то нет, и она не останавливается.

— А как он заразился этой болезнью?

— Она наследственная. Передается по женской линии, а болеют мужчины. Все очень просто, смотрите, — девица взяла в руки карандаш, бумагу и начала чертить какую-то хитромудрую схему. — У женщины два икс, одна из них больная, у мужчины икс и игрек. Женщина передает либо больную икс, либо здоровую. Мужчина передает ребенку либо икс, тогда рождается девочка, либо игрек, тогда больной мальчик...

— Об этом потом поговорите, с врачом...

— Лучше у Яны спросите, она на медика собиралась поступать...

— Всенепременно спросим. Давайте вернемся к Николаю I. Что вы знаете про него?

— Тогда еще цензура была жесткая. Но несмотря на нее, в литературе наступил золотой век. Русификация, развитие культуры, очень богатый язык был... Новая одежда, новую форму ввели...

— Бунты, восстания были?

— Бунты? Не знаю... Хотя... Медный и Соляной бунт — это вроде чуть пораньше?

— Да, в XVII веке. А поляки не восставали?

— Поляки? Нет, разве что во времена лжецарей всяких помогали им...

— Мы про XIX век беседуем, — повысил голос мужчина. — Какие вы войны знаете? Этого века.

— Ну, 1812 года, до этого еще была то ли в 1805, то ли в 1807 война...

— Вы почти правы... — отметил мужчина. Да, Анна Васильевна знала больше, чем остальные.

— А с турками воевали?

— Да, Крымская война, но вы же просили про XIX век, а она раньше была...

— Простите, но я такой войны не помню...

— Как? Была, то ли в XVIII, то ли в XVII веке... Может, при Петре, может, при Екатерине. С турками воевали, еще Крым захватили, он независимый был или автономный... Помнится, от кого-то Севастополь обороняли...

— Понятно... Продолжайте. — Приказал он следователям и скрылся за занавеской.

— Еще какие войны, сударыня, вы знаете? — спросил Константин Петрович.

— Ну, Первая и Вторая мировая. Вторая с 1939 по 1945, Первая где-то в начале XX века. То ли в четвертом, то ли в седьмом году... С финнами еще воевали.

— Финны? Они же сейчас в составе империи! — изумился следователь.

— Вот воевали и получили независимость. Было это, по-моему, после Второй мировой... или после Первой... С японцами еще воевали, но проиграли.

— Японцами?! — не поверил Христофор Иванович. — Они же дикари!

— Нет, они крутые сейчас. Они сидели на островах, никого не пускали, потом

открылись и очень быстро развивались. Воевали после Первой мировой... нет, перед. Возможно, даже в конце XIX века. Войну продули, потеряли Порт-Артур, Курилы... Много чего потеряли.

— Может, японцам кто-то из великих держав помогал? — предположил помощник следователя.

— Нет, наоборот, нам Китай помогал. На него Япония полезла, даже что-то там захватила.

— А Корея?

— Нет, про Корею ничего не знаю.

Христофор Иванович нашел нужную страницу атласа и, дав его девице, попросил:

— Укажите, где здесь Порт-Артур.

— Не знаю... Где-то там, на Дальнем Востоке... А, может, на Курилах...

— Не припомните, не воевали ли мы с Англией? — поинтересовался Константин Петрович.

— Нет, не воевали. У англичан проблемы были. Колонии там, с Францией ссорились постоянно... Но вроде не воевали. Потом с немцами начались проблемы.

— Может, с Пруссией?

— Нет, с Германией. Она объединилась в конце века. Было много-много мелких... княжеств, да? А потом объединились, в конце XIX—начале XX века...

— А кто объединил? Австрия или Пруссия?

— Ну... — девица погрузилась в раздумья, — вроде Австрия...

— А в каком городе столица Германии? — задал Христофор Иванович наводящий вопрос.

— В Берлине.

— Понятно, — кивнул следователь. — А Христофор — молодец, хороший вопрос задал... Столица в

Берлине, а объединяла Австрия. А может, не Австрия? Другие говорят, что Германия и Австрия — это два разных государства... Могла и Пруссия. Ладно, обдумать мы все потом успеем. — Италия тоже объединилась?

— А она была разъединена? — изумилась Анна Васильевна.

— Да, была... Ничего про нее не знаете? Какая столица?

— Ничего. Столица — Рим.

— Хорошо, что с Францией?

— Ну... Хорошие отношения были, даже союз против Германии. У Франции проблемы были, то республика, то революция... По ней немцы постоянно топтались... И в Первую, и во Вторую мировую... Во Вторую точно, а в Первую — не уверена... Потому они с нами на союз и пошли, боялись. Еще с Англией был союз против немцев, но толку от него... Англия сидит на своем острове, а немцы с французами воюют. Франция совсем ослабла, остались одни мы да Англия...

— Хорошо, были ли войны с турками?

— Нет, не помню...

— Проливы наши?

— Проливы? Какие проливы?

— Босфор и Дарданеллы.

— Это где?

— Там, где Константинополь.

— Никогда не слышала.

Следователь опять достал атлас и, пролистав его, указал на проливы.

— Вот тут, между Черным и Средиземным морями.

— Нет, что вы, там Турция...

— Но ведь Турция сильно ослабла. Ваши друзья упоминали независимую Болгарию, Сирию, Ирак со столицей в Багдаде... Почему не захватили?

— Не знаю... Вроде мы кому-то что-то там проиграли...

— Кому и что?

— Не помню. Но еще при крепостном праве было.

— Ваши друзья упоминают среди стран Болгарию. Давно ли она независима?

— По-моему, после Первой мировой... или Второй... В общем, после войны с немцами.

— С немцами воевали в обеих мировых войнах?

— Да. Я даже знаю, с чего все началось! Где-то убили принца...

— Где, какого?

— В Европе где-то, европейского принца. Вся Европа разделилась на две части. Одни за защиту убийцы, другие против. Мы защищали...

— Подробностей не помните?

— Нет... Вроде принц австрийский или немецкий... А убил его кто-то... про него еще стишки брат рассказывал.

— Не припоминаете?

— Служил Гаврила террористом, Гаврила принцев убивал, — продекламировала Анна Васильевна.

— Хорошо, — следователь решил перевести разговор на другую тему и снова начал листать атлас. — Так, какие есть владения у России в Африке?

— Никаких.

— В Америке?

— Никаких.

— А как же Аляска?

— Ее продали Штатам, при Екатерине.

— При какой Екатерине?

— Второй. Ну, у которой куча мужиков было... Потемкин, Орлов...

— Вы уверены? — переспросил Христофор Иванович.

— Ну да...

— Неужели местные жители не возмутились? Да и как могли продать Штатам, если у них нет выхода к Тихому океану?

— Да там никто особенно не жил, только эскимосы. А у Штатов выход к океану есть. Они у Мексики много чего отобрали, еще у кого-то... О! В Америке война была, между севером и югом.

— Между чем?

— Между северными штатами и южными. Северные победили.

— Долго длилась война? Кто поддерживал?

— Не долго, вроде год... Поддерживал ли кто, не знаю. Там в северной армии много негров было.

— Хорошо, — следователь посмотрел на огромные напольные часы, — на сегодня все. Вот вам бумага, карандаши, напишите все, что вспомните, про Его Императорское Величество Николая I и его наследников, про войны России...

— Так мы ж про это уже говорили!

— Да, но вдруг вы вспомните что-нибудь еще? Еще выпишите все известные вам города России, страны, столицы...

* * *

— Как она вам, Христофор Иванович? — спросил следователь у своего помощника.

— Ужасно. Поведение, тон...

— Видели бы вы, в какой ее одежде доставили... А сколько белил и темной краски под глазами у ее подруги...

— Это я как раз видел... Представьте, ложитесь в постель, а там это...

— Так и разрыв сердца можно получить.

— Не приведи Господь...

— И это наше будущее... Пьянство, разврат, женщины дымят как печь, грязно ругаются, вставляют железяки в губы и пупок, слушают ужасную музыку с бессмысленными текстами...

— Их мужчины не лучше... Ни чести, ни храбрости, все мечтают не попасть в армию... Мужеложцы парады проводят... Содом и Гоморра...

— Увы... Впрочем... Все это начинается именно сейчас. Одна моя знакомая барышня очень злоупотребляет белилами, вечно лицо как у покойницы... А сколько дворян предпочитают кутить и прожигать жизнь на балах или пьянствовать в своих имениях, а не служить? Знаешь, я думаю, Господь послал нам специально этих гостей, чтобы мы сделали все, чтобы такое не допустить.

— Но разве можно изменить то, что предначертано Господом?

— Можно. В предопределенность всего верят кальвинисты и вроде лютеране, православие же учит, что нет судьбы. Господь постоянно дает нам выбирать, поступить так или иначе... Наша задача узнать все о будущем, чтобы изменить его. Увы, гости знают очень мало...

— На самом деле, они знают очень много, но нужно только вытащить эти знания. Надо задавать правильные вопросы. Вот, например, Аляска. Так бы Анна Васильевна вряд ли бы ее упомянула, а когда я спросил ее о наших владениях в Америке, вспомнила, что их нет и что Аляску продали...

— Да, вы правы, нам надо будет спрашивать и спрашивать, задавать наводящие вопросы...

— Именно так. Надо собирать всю информацию. Куда и как они ездили, где бывали, что видели... Нам нужно все, что они знают. Особенно по технике...

— Помните, вчера вы расспрашивали Анну Васильевну про игральные карты?

— Да. Я узнал и про диск, и про магнитофон, и про...

— Про граммофон и пластинки, что лежат у нее на даче. Знаете, я думаю, что его вполне можно построить у нас. Надо только подробнее расспросить Анну Васильевну, как он устроен.

— Надо будет... Или вот Яна Дмитриевна. Она собиралась стать врачом и довольно много знает о медицине, может, что-то расскажет полезное.

— Надеюсь. Кстати, о чем завтра будем расспрашивать гостей?

— Подумаем. Любопытство Его Императорского Величества, так сказать, удовлетворили, надо будет начинать копать глубже.

* * *

Николай I стоял у окна и смотрел вдаль, на море. Прошли годы, и сколько всего сделано... А сколько еще предстоит сделать, если только Господь позволит.

Узнав о том, что случится, император понял, что он сделает все, чтобы предотвратить кошмар. Нет, не ради своего правнука, расстрелянного с семьей, хотя и ради него тоже, а ради совсем иного. Он ведь не просто человек, он государь, помазанник Божий, он в ответе перед Ним и перед своей совестью за то, что будет со страной. Какое счастье, что Он приоткрыл для него завесу над будущим, показал, к чему могут привести его действия.

Выцедив из гостей всю информацию, Николай I долго думал, молился, а потом... решился и начал. Его сын отменил крепостное право не обдумав и тем самым породил множество проблем? Значит, придется отменять самому. Аляску продали? С золотом и прочими ископаемыми? Так надо заселять, осваивать, чтобы никому и не пришло в голову продавать. И не одну Аляску, а еще и Калифорнию. Места там хорошие, там несколько миллионных городов уместится, да и золото есть. Финны получили независимость? Никакой автономии! Упраздняем Великое княжество Финляндское.

Пруссия объединила Германию и провела с нами две мировые войны, в которых погибло много людей? Надо договориться с Францией и не давать Пруссии прирастать территориально. США ведущая держава мира и всячески мешает России? Отлично, поможем Мексике, а потом — южным штатам.

В будущем важны железные дороги? Сейчас они тоже приносят прибыль. Значит, будем строить дороги, но только так, чтобы поэты про косточки русские по бокам от них не говорили... Популярен телефон и раньше был телеграф? Проводим телеграфные линии.

Самолет, двигатель внутреннего сгорания получить не удалось, зато все силы бросили на паровые машины, ведь гости говорили, что в будущем механизмы, машины очень распространены... В итоге паровозы и пароходы преобразили страну не меньше, чем отмена крепостного права.

А сколько полезного удалось узнать об армии и флоте! Пулемет, увы, сделать не удалось, но нарезные винтовки с бумажным патроном и капсюлем сделали. Подводная лодка оказалась не такой грозной, но вот броненосцы и мины...

Разумеется, броненосцы не вышли такими, какими их планировали. Например, для увеличения дальности действия пришлось поставить паруса, далеко не сразу удалось изготовить нормальный винт... Впрочем, броненосцы отменно себя показали в прошедшей войне, громя пароходофрегаты противника.

Император подошел к проигрывателю, поставил валик и покрутил ручку, заводя аппарат. Из раструба раздался красивый голос Анны Васильевны. В будущем не только одна грязь и мерзость, есть и красивые песни, например эта... Жаль, что аппарат постоянно хрипит и заедает...

Действительно, День Победы — это праздник со слезами на глазах. Почему он? Ему бы еще жить да жить, как говорили гости. Увы, меняя историю, можно получить совсем непредсказуемые последствия. Шальное ядро под Пештом... И теперь царем будет Константин. Но почему?! Или это такая плата за то, что Господь показал будущее и дал силы его изменить?

Да, историю удалось изменить. Только вот в лучшую или худшую сторону — пока не известно. Увы, сведения от гостей о грядущем большей частью обесценились, нельзя делать точных прогнозов... Что там, в будущем? Что ждет нас впереди?

Николай I задумчиво смотрел на море. Над водой, с трудом выгребая против ветра, летел дирижабль.

Первый дирижабль...

* * *

— Ну что, куда сейчас? — задал давно мучивший его вопрос Костя.

— Ань, у тебя вроде родители уехали куда-то на свадьбу? — спросила свою подругу Катя.

— Да, можно и ко мне, дома сейчас никого, только брат, но он нам не мешает, наверняка опять кто-то неправ в сети...

— Что с собой возьмем? — поинтересовался Вася.

— В магазине разберемся. Кстати, дома у нас вино есть, его мой дед делает.

— Да? — изумилась Яна.

— Ну да, сам. У него виноградник в Калифорнии...

— Калифорния... Хорошо там, тепло...

— Ну да, и в САСШ можно смотреться, погулять, да за покупками. Вычислители у них хорошие, машины... Главное, по-русски на улице не разговаривать, побить могут... А так страна неплохая, живут чуть побогаче нашего...

— Пиво брать будем?

— Зачем, у нас еще есть, — указала Катя на пакет, в котором что-то позвякивало при остановках магнитофона.

— Блин, мне ж завтра еще сочинение писать и таблицу делать... — вздохнула Аня, — и еще второй том «Горе от ума» читать...

— Что за таблицу?

— Да по Великим реформам.

— Зачем тебе нужна эта история? — удивился Костя. — Ты ж на тележурналистику идешь.

— Нет, история нужна... Вдруг какую историческую передачу придется освещать? Сочинения тоже важны, надо уметь писать тексты не только из трех букв... Вот физику, химию... отменить бы ее...

— Не произноси при мне это слово! — сказал Костя. — Как меня эта физика достала!

— Сам виноват, нечего было в авиационный идти, шел бы в педагоги или еще куда...

— Какой из меня учитель? Музыки, что ль? Авиационный... А так я хотел в бронеходную академию, но, блин, по здоровью не прошел...

— Значит ты, Ань, завтра не пойдешь гулять? — уточнил Вася.

— Пойду, если позовут, — подмигнула ему Аня. — Домашку вечером сделаю. А куда, кстати, планируешь?

— Да в Питер смотаемся, у приятеля день рождения...

— Так это на весь день... — разочарованно вздохнула Аня. — Ладно, если бы тут было...

— Почему? Ну, подумаешь, десять минут до Москвы и полтора до Питера на магнитке... и там минут двадцать на метро...

— Ладно, посмотрю, как завтра чувствовать себя буду.

— Ну да, вдруг сегодня печенье несвежее попадется...

Внезапно из динамиков раздался красивый женский голос: «Поезд прибыл на станцию Раменское. Уважаемые господа, при выходе из поезда не забывайте личные вещи. О подозрительных предметах сообщать машинисту или чину полиции...»

— Выходим быстро! А то в Воскресенск уедем! — скомандовала Аня.

— Далеко до дома-то? — спросил Костя, когда они вышли из поезда.

— Не очень. Минут пять на маршрутке... Или можно на электричке до «Фабричной», они параллельно магнитке ходят...

— Да ну, может, пешком...

— Зачем пешком? У меня тут машина припаркована, — возразил Вася.

— Какая у тебя? — любопытствовал Костя.

— «Жигули», «двадцатка».

— «Жигули»? Это ведро с гайками, а не машина... Вот у меня «Опель» — прелесть, а не машина, умеют пруссаки их делать...

— У меня не просто «Жигули», а «Жигули», выпущенные в Корейском королевстве, — с гордостью отметил Вася.

— О... вот это машина! А наши «Жигули»... Вроде тоже самое, что у корейцев, но выходит полная ерунда. Даже странно: бронеходы лучшие в мире выпускаем, самолеты-корабли в первой пятерке, а вот машины... все равно ведра с гайками.

— Места под заводы заколдованные выбирают, что ли?

— Мальчики, где машина? Ведите!

— Сейчас!

Кратово, 2009 г.

Ольга Тонина, Александр Афанасьев
БОЛВАНКА

*«Вот в панцер вдарила болванка.
Прощай навеки Фатерланд!
Пять черных трупов обгоревших*

Дополняют утренний пейзаж...»

— Ты уверен? — Упырь с тревогой рассматривал окружающую местность через прибор ночного видения.

— Абсолютно! — заявил Шмель. — Погода соответствует. Справа шоссе. Утром по нему попрутся танки Гудериана. Что тебя смущает?

— Тихо как-то. И народу никого.

— Все к бою готовятся.

— Все равно, что-то не так!

— Да тебе всегда, Серега, что-то не так! — взвился Шмель. — И танк тебя не устраивает! И машина времени тебе не понравилась! Между прочим, наш Т-90 — самой навороченной комплектации! Если наш вояж сегодня-завтра удастся, то мы можем сюда половину Кантемировской перебросить и устроить немцам — «драп нах дойчланд»!

— А ну тихо! — рявкнул Кот, в миру майор Иванов Михаил Альбертович. — Совинформбюро поймал!

— ...ожесточенные бои на подступах к Смоленску. Экипаж танка лейтенанта Лавриненко в одном бою из засады уничтожил двенадцать танков противника...

Далее в сводке упоминались бои на подступах к Киеву, бои в районе Лужского рубежа.

— Трындец какой-то, — заявил Упырь, в миру капитан Гончаров Сергей Алексеевич. — Что-то я ни-фига не понял. Луга, Киев, Смоленск. Ноябрь 1941! Какие Луга, Киев, Смоленск? Что с немцами? Или мы не первые? Или у дойчей СПИД напололам со свинячим гриппом и эпидемией диареи? Кот! Давай крути волну, ищи Геббельса и радио союзников! И дату! Дату старайся уточнить!...

Час борьбы с волнами радиоэфира принес все те же грабли — ноябрь 1941 года, немцы там же, где и говорилось в сводке Совинформбюро.

— Мда, — протянул Шмель. — Блин, нам до Смоленска, как до Парижа раком! И топлива хрен хватит, и первый же регулировщик остановит! Ведь не будешь же со своими драться! Че делать-то? — Шмель, он же капитан Изябеков Рафаил Самаркандович, посмотрел на Кота.

— Конспектировать и домой возвращаться, — задумчиво ответил Кот. — Самое главное мы уже проверили — машина времени действует. То, что мир не совсем тот — не важно! Подозреваю, что в НАШ мир мы и не могли бы попасть — из-за, скажем, невозможности нарушить причинно-следственный закон. Попали в параллельный. Ну и хули? Что меняется? Фашисты — они и здесь фашисты! Слышал, что про разрушенные и сожженные деревни говорили? А про зверства полицейского корпуса СС под командованием Манштейна?

— Так у нас он вроде Севастополь в это время пытался с ходу взять... — начал Шмель.

— ...УЙ ЕМУ, А НЕ СЕВАСТОПОЛЬ! — заорал Упырь. — Доберусь до змееныша и припомню ему и Аджимушкai, и Красную Горку, и Багеров ров! Буду варить на медленном огне в котле с кока-колой!

— А ну тихо! — рявкнул Кот. — До утра времени много. Наша задача слушать и конспектировать передачи, чтобы составить новую линию фронта на карте.

* * *

— Пей, военпред! Пей! — наставлял мастер ОТК «Н»-ского номерного завода Шмурдяков Соломон Алиевич. — И будет от этого всем польза — и трудовому народу, которому ты присягал служить, и городу, и государству. Ну, что ты так переживаешь, Зимов? Ну, сам подумай! Или ты считаешь, что ты один такой умный? Хочешь, жалобы твоих предшественников покажу? Не веришь? Вижу, что не веришь! — Шмурдяков встал из-за стола и, слегка покачиваясь, подошел к шкафу. Как-то слишком крепко и резко вцепился в хлипкую дверную ручку одной из дверей шкафа и замер. Постоял секунду, прикрыв глаза,

словно заснув стоя, затем пришел в себя и открыл дверцу. Его мозолистые пальцы заскользили по папкам с надписями «Заказ №...», «Заказ №...», «Заказ №...». Затем остановились.

— Ага. Вот, например! — Шмурдяков выдернул папку и подсел за стол к захмелевшему Зимову.

— Вот, смотри! Возврат всей партии «Заказа №...», приостановка приема продукции... Видишь? Нет, скажи, ты видишь?

— Д-д-а-а, ввижу, — пьяно протянул ведущий специалист Военного Представительства №... «Н»-ского номерного завода, Зимов Аркадий Моисеевич, и резко мотнул головой.

— А дальше видишь? Назначить комиссию. Видишь?

— Д-д-а-а, ввижу, — кивнул Зимов.

— А дальше видишь? Решение комиссии. Видишь?

— Д-а-а, вижу, — кивнул Зимов.

— Что ты видишь? Что ты видишь? — затараторил Шмурдяков. — Ты читай! «Допустить с ограничениями. Не применять против бронированных целей». Видишь?

— Д-а-а, вижу, — кивнул Зимов и поднял голову:

— Это как не применять? Это ж бронебойные снаряды!

— Ты подписи читай! «Ту-ха-чев-ский. Павлу-но-вский». Прочитал?

— Да!

— Там... ТАМ в Москве виднее, что к чему! А если бы ты не подписал — что было бы?

— Что было бы? — переспросил Зимов, тупо рассматривая подпись Тухачевского.

— Завод бы не получил зарплаты. Их семьи — жены, дети малые остались бы без куска хлеба. И ради чего? Снаряды бы все равно приняли! Хочешь еще покажу? Тут целый шкаф таких папок! Везде брак, но везде принимают с ограничениями! И так всегда! Поэтому пей, Аркадий Моисеевич! Пей и не бойся! Мы все сделали по уму! Ничего не изменишь!

— Но если война? — попытался возразить Зимов.

— Рассея велика. У нас много заводов. Ведь не все же брак делают! Да и эти снаряды — может, их на учениях расстреливают!

— Может, — согласился Зимов, и его мозг уцепился за спасительную мысль. Мысль была настолько спасительной, что он даже встал из-за стола и заявил:

— Я домой.

— Подожди, Моисеич! Я тебя провожу.

— Я сам! — Зимов отстранил Шмурдякова и вышел из прокуренной кандейки мастеров ОТК.

Свежий воздух взбодрил и потянул на подвиги — вместо дома Зимов направился в сторону вокзала...

Зимов скомкал лист бумаги и швырнул в урну. Уже десятый. Ну и что? Он все равно напишет товарищу Сталину о безобразиях. И лично бросит письмо в

Москве в специальный ящик! До поезда еще час. Успеет!

Успел. И даже прикорнуть успел в поезде. Только вот выпитое накануне... слишком много его было — а ведь нужно было держать себя в руках, чтобы со стороны не было видно, что он нетрезв. Весь путь в Москве от вокзала к заветному ящику и обратно был каким-то смазанным. Но он, Зимов, помнит, как бросил письмо в ящик! Помнит, как сел в поезд, как пошел в вагон-ресторан и чуть не прозевал свою станцию. Помнит, как зашел в коммерческий магазин за водкой. Гулять так гулять! Он пожаловался САМОМУ! В понедельник на заводе он всем устроит! И плевать, что потом будет!..

* * *

Вежливо-требовательный стук в дверь вырвал Аркадия из объятий Бахуса и Морфея.

Голова нещадно болела и раскалывалась, как бракованный снаряд при ударе о броню. Отбросив шерстяное одеяло, Зимов опустил ноги на прикроватный коврик, нашарил тапки и разлепил глаза. На столе остатки вчерашнего пиршества — две бутылки водки, тарелка с зачерствевшими ломтиками хлеба, обветрившаяся вареная картошка, хвост от селедки и пепельница, ставшая ежиком от папиросных мундштуков. Нужно вставать. Еще стук этот! Какого черта! В самом деле? Часы показывали восемь. И что? ЧТО??? Чего они стучат? Успеет он на эту службу!

Зимов, пошатываясь, поковылял к двери. Восемь утра или восемь вечера? Хрен разберешь! Чего им надо? Почему стучат в дверь? А если он ушел? Знают, что не ушел? Знают, потому что утро. Точно. Стоп! А ведь сегодня воскресенье! ВЫХОДНОЙ! Так какого... УЯ!!! Или уже понедельник? Но ведь он, Зимов, сел пить в субботу, вернувшись из Москвы. Или эти бутылки на столе — продолжение начатого в субботу? Как тяжело идти. Как болит голова! Где же эта дверь? Уцепиться бы за нее! Вот она! Уфффф! Ах да, стучат в дверь! О-о-о-х!

— Ведущий специалист Пэ-Зэ №... Зимов Аркадий Моисеевич? — обратился к нему один из троих людей в форме. Чекистской форме! Как Чека не переименовывать — НКВД, ГПУ, — так оно Чека и останется.

— Д-д-а! — утвердительно ответил Зимов.

— Собирайтесь! Машина вас ждет внизу! — категорично заявил старший из троицы чекистов.

— Д-д-а! — утвердительно ответил Зимов и закрыл дверь. Аркадий прислонился к стене и его прошел холодный пот. Именно прошел. Изнутри наружу. Холодный пот какого-то черного цвета — его организм моментально протрезвел и избавился от алкоголя.

Руки тряслись. Что с собой брать? Говорят, на заводе у кого-то даже был список нужных вещей, а некоторые так заранее держали «лубянские чемоданчики». Черт! Ведь нужно еще побриться! Последний раз как человеку! Но почему? Почему они приехали так рано? Ведь еще светло! Радио! Нужно узнать, какой хоть сегодня день...

Что??? Какая утренняя воскресная заря... От волнения Аркадий порезался. Черт! Нужно уж закончить начатый процесс! Но почему чекисты приехали утром? И... и где понятия????? Аркадий еще раз порезался. Черт! В самом деле, где понятия? Да и чекисты где? Аркадий еще раз порезался. Идиот! Они приехали за тобой, но не за тобой! От волнения затряслись руки, и Аркадий швырнул бритву в раковину и сунул голову под струю холодной воды. Полегчало! Теперь можно и добриться спокойно. Значит, оно дошло! Дошло его письмо до товарища Сталина, и начали разбираться. Отлично! Будущее Аркадия уже не пугало, оно было в его руках!...

Но он ошибался. Эту ошибку он понял, когда черная «эмка» остановилась на заводском полигоне. Да,

Аркадий, ты сегодня не первая скрипка, дай бог, если шестой ложечник в оркестре. Такого количества черных лимузинов Зимов не видел даже в фильмах. А такого количества Первых Лиц....

— Товарищ Сталин! Ведущий специалист Зимов по вашему приказанию доставлен! — четко отрапортовал старший из чекистов.

У Зимова... Блин, да его всего затрясло от волнения, но он нашел в себе силы и четко, как учили, представился товарищу Сталину, правда, сильно заикаясь.

— Контузия? — поинтересовался Иосиф Виссарионович, ласково поглядывая на Зимова тигриными глазами.

— О-о-т в-вол-лненн-н-ия, — стал отвечать Зимов, но Сталин его остановил полувзмахом руки с зажатой в ней трубкой и повернулся к стоящим рядом военным:

— Ну что, товарищи Тухачевский и Павлуновский, — Иосиф Виссарионович ласково улыбнулся. — Ведущий специалист... ВЕДУЩИЙ СПЕЦИАЛИСТ Зимов, беспартийный, жалуется, что ви снабжаете нашу Красную Армию негодными снарядами...

— Это клевета, товарищ Сталин! — взвился Тухачевский. — Какой-то беспартийный,

наверняка скрытый троцкист, пытается внести раскол в наши стройные ряды...

— Не кипятитесь, товарищ Тухачевский, — осек его Сталин. — Сейчас мы во всем разберемся. Я думаю, что никто не в обиде на то, что сегодня воскресенье? Товарищ Мехлис — вы в обиде?

— Никак нет! — бодро ответил Лев Захарович. — У настоящих коммунистов выходных не бывает!

— Вот и отлично! Тогда приступайте!..

Когда первый шок схлынул, Зимов стал осматриваться по сторонам — помимо Первых Лиц из правительства и командования РККА, было очень много чекистов. А еще было очень много ящиков со снарядами для 45-мм орудий. И пушек на полигоне было больше, чем обычно. Новых пушек. Да и снаряды, судя по маркировке, были не только их завода, но и других.

А потом и ему нашлась работа. Он работал подносчиком боеприпасов. Брал ящик из штабеля и подтаскивал к товарищу Мехлису, который записывал завод—изготовитель снарядов, после чего Аркадий тащил ящик к орудию, из которого стреляли армейцы...

— Ну что скажете, товарищи? — Сталин наклонил голову набок и посмотрел на Тухачевского и Павлуновского. Те молчали и были пунцовыми, как переваренные раки.

— А ви, Лев Захарович?

— Произведен контрольный отстрел снарядов для 45-мм орудия. Использованы снаряды 15 различных заводов-изготовителей. Из 1200 выпущенных снарядов броневой лист пробили только 20, хотя пробить должны были все 1200. Снаряды, пробившие броню, выпущены заводом...

— Достаточно, товарищ Мехлис! Ви слишком пунктуальны! Ваши рекомендации?

— Виновников и изменников... — Мехлис кивнул в сторону Тухачевского и Павлуновского. — Разобраться с этими вредителями и врагами народа со всей строгостью советского закона. А еще нужно найти способ исправить положение с браком. Затрачены огромные народные деньги...

— Товарищ Тухачевский! Трудовой народ доверил вам создание и вооружение Красной Армии. Отказывает себе во всем, доверяя вам и считая, что ви создадите армию, которая защитит интересы первого в мире социалистического государства, а ви... — Сталин кивнул кому-то, и началось движение — стоявшие до того момента китайскими болванчиками, чекисты вдруг засуетились, и Тухачевский вместе с Павлуновским исчезли, напоминая какое-то время о своем присутствии звуком отъезжающего «черного воронка».

А потом уехали и Первые Лица, оставив после себя указание — ждать! Чего ждать?

Отгадка пришла в понедельник в виде директивы СНК. Выпуск 45-мм снарядов временно прекратить. Объявлен конкурс на исправление брака. Победителю — Сталинская премия. Однако! Победитель будет один. И способ исправления брака должен быть очень экономичным. От Зимова на заводе все шарахались как от чумы — еще бы! Привел такое начальство! Предатель! Правда, про предателей кричали немногие и недолго. Тухачевский начал давать показания и пошли аресты. Началось то, что потом историки назовут «репрессиями 1936 года». На заводе притихли, тем более что, несмотря на приостановку выпуска продукции, задачу — поиск способа исправления брака — никто не снимал. Местные мастера и умельцы завалили заводоуправление прожектками и проектами, часть из которых удалось проверить на практике, и три предложения Зимов даже отвез в Москву. Но не судьба! Победителем в конкурсе оказался «спец» из «бывших». Тот самый Гартц, который разрабатывал шрапнель еще для Мировой или даже Русско-японской. Он предложил гениальное решение — подрезать наружный слой снаряда двумя неглубокими канавками—«локализаторами». Благодаря этому при попадании в броню наружный слой снаряда сминался, а его тело глубже проникало в броню, причем не только под прямым углом, но и при попадании в наклонную броню... Но все это затмил 1936-й — война в Испании, процессы над Тухачевским, Павлуновским и другими участниками «артиллерийского дела»...

* * *

Трем русским танкеткам не повезло — они выскочили на танки боевой группы подполковника Кризолли. Меньше минуты, и они запылали, а пантеры открыли огонь по двигавшимся за ними грузовикам с русской пехотой. Трем из шести грузовиков повезло — они успели выйти из-под обстрела, но три другие чадящими кострами догорали на дороге. Однако попытка преследования не увенчалась успехом. Вначале взвод мотоциклистов попал под обстрел русской пехоты, а затем при попытке атаковать танками головная «четверка» попала под огонь русских «ягеров» и запылала посреди дороги.

Похоже, что на трех удравших грузовиках большевики тащили на прицепе противотанковые орудия. На первый взгляд три русских орудия серьезной угрозы не представляли — тридцать танков при поддержке двух дивизионов артиллерии запросто сомнут русских, но... Что это даст? Топлива в боевой группе меньше, чем на треть заправки. Снарядов осталось по четверти боекомплекта. Для прорыва всех сил этого недостаточно. Тем более что неизвестно, что там, у отступивших русских еще имеется в наличии. Если это все силы — это одно, если это только передовой отряд — это другое. Хуже всего то, что из-за плохой погоды доставка боеприпасов и топлива с воздуха невозможна, а автоколонны с топливом и боеприпасами никак не могут пробиться к прижатым к берегу Шелони частям восьмой танковой дивизии.

Сомнения подполковника разрешились через час, когда он уже подготовил группу для разведки обстановки западнее занимаемых позиций. Разведку пришлось отставить — русская артиллерия открыла массированный огонь по позициям его боевой группы. Поначалу огонь был просто беспокоящий, но затем, пристрелявшись, русские стали засыпать его позиции снарядами. Ситуация была весьма неприятной — поддержка с воздуха отсутствовала, снаряды для контрбатарейной борьбы тоже. Команды на прорыв, кстати, тоже не было — была команда держаться, Манштейн лично заверил Кризолли, что колонны с боеприпасами уже в пути, а на помощь движется дивизия СС «Мертвая голова». Оставалось сомнительное удовольствие — окапываться под артиллерийским обстрелом, непрерывно теряя личный состав без соприкосновения с противником.

К сожалению, подполковник не знал, что эти три русские танкетки за два часа до того, как их сожгли «ягеры» из 43-го танко-истребительного батальона, атаковали и разгромили 1-ю дивизионную колонну подвоза боеприпасов под командованием обер-лейтенанта Вайдта. 2-ю и 3-ю колонну также уничтожили русские, но еще западнее. Трагизм ситуации заключался в том, что сейчас по нему вели огонь из 105-мм немецких же гаубиц, немецкими же снарядами из разгромленной колонны Вайдта. 3-я моторизованная дивизия не могла прийти на выручку, ибо находилась в схожей ситуации — с растянутыми коммуникациями и с атакующими большевиками со всех сторон. Оставалась надежда, что 41-й моторизованный корпус изменит направление своего наступления и повернет на юг, ударив большевикам во фланг, или что помощь придет с юга. Но пока его группа выполняла приказ — держала оборону на занятом рубеже....

К сожалению, зря держала. Ибо война зачастую состоит из множества случайностей. Русская 70-я дивизия, атаковавшая растянувшуюся в пространстве 8-ю танковую, имела боевой опыт — участвовала в Финской войне. По другой версии, ею руководил лично Ворошилов, организовавший данное контрнаступление под Сольцами. Однако большинство историков сходятся в том, что имела место банальная случайность, вызванная плохим качеством связи в РККА и отсутствием слаженности среди личного состава. Рота танков Т-26 из 70-й дивизии с пехотинцами на броне была направлена на запад от Сольцев для разведки боем. Именно эта рота выскочила на командный пункт 56-го моторизованного корпуса и разгромила его. Через час ситуацию удалось исправить — благодаря немецкой контратаке русские потеряли 8 танков из 9 и до 70 человек убитыми, но Манштейн потерял управление войсками, а войска потеряли самого Манштейна — он объявился только через

сутки, скрываясь в окрестном лесу и пытаясь выйти «из окружения». Да и потерю штабных офицеров, размазанных гусеницами Т-26 по раскисшей от дождей земле, было трудно компенсировать. Поэтому приказ на прорыв пришел только через двое суток.

Подполковник Кризолли лично возглавил прорывающуюся колонну. Поврежденные танки пришлось, увы, взорвать. Исправных танков набралось всего 15. Две «тройки», одна «четверка» и двенадцать чешских «тридцать восьмых». Вначале артиллерия 80-го артиллерийского полка выпустила остатки боеприпасов по позициям большевиков на западе, а затем его группа перешла в наступление. Большевицкий заслон удалось опрокинуть достаточно быстро, хотя позиции русских «ягеров» так и не удалось подавить во время артподготовки. Русские успели сжечь два «тридцать восьмых», но затем попали под ураганный огонь зенитчиков из 23-го зенитного полка. Дрались русские отчаянно. Но после того как «панцеры» выскочили на их позиции и стали утюжить окопы, ударились в бегство.

Радость Кризолли была не долгой, дорога, на которую прорвалась его группа, оказалась забита грузовиками разбитой транспортной колонны Вайдта. К тому же еще и заминированной. Выяснилось это слишком поздно — после того как головная «тройка» подорвалась на mine и колонна подверглась обстрелу тех самых 105-мм гаубиц, которые русские почему-то поставили на прямую наводку, облегчив тем самым их уничтожение. Но все это стоило времени, еще четырех «панцеров», драгоценного топлива и не менее драгоценных боеприпасов. А они потребовались, ибо еще через три километра русские успели организовать еще один заслон, на этот раз более серьезный — шесть противотанковых орудий и несколько танков с многочисленной пехотой и пулеметами. На их стороне была еще и грязь — два «панцера», попытавшихся съехать с дороги, безнадежно в этой грязи завязли. Может быть, и не безнадежно, но русские успели обнулить их раньше, чем они выбрались. Для нормальной атаки позиций русских не было ни сил, ни средств, и Кризолли приказал атаковать напролом...

* * *

Капитан Зимов зло сплюнул — три Т-26 вместе с двумя ротами погибли зазря — сунулись по грязи по открытому полю во фланг немецкой колонне. Не добежал никто! А говорил он этому майору Смирнову — из тех зарослей лучше не высовываться — стреляй себе и стреляй — пускай немцы сами по грязи в атаку бегают. А что теперь? Теперь дело хреново. Из его шести «сорокапятков» осталось уже три. Немцы прут как бешеные! У них еще пять танков, точнее, уже четыре — еще один только что подбил расчет Кавалерова. Почему они не останавливаются? А почему ты, Зимов, думаешь, а не ведешь бой? Стрелять! Стрелять! По танкам! По бронемашинам, пока они в куче!

Справа замолк бешено стрелявший до того «максим». Замолк после трех или четырех минометных разрывов. Сейчас и до нас доберутся! Добрались! Наводчик неестественно повалился на бок, а из горла фонтаном забила кровь.

— Санитара! Бронебойный! — крикнул Зимов, метнувшись к орудию. Ага. Вот он гад! «Четверка» или «тройка».

— Снаряд, вашу мать!

Тишина. Зимов обернулся. Черт! Никого живых! Придется самому! Успеть бы! Ага, бронебойный! Бороздки чувствуются на ощупь. Отлично! Где эта «четверка»? Прячется за чехом. Но попасть можно. За годы военпредства Зимов так наблатыкался, что мог стрелять с закрытыми глазами.

Выстрел! Есть контакт! «Четверка» замерла. Вперед за следующим снарядом!

— Ты кто, мля?

— Санитар!

— Давай снаряды из того ящика! Быстро!

Боец с белой сумкой через плечо метнулся к ящику, а Аркадий обратно к орудию. Ага, вот еще один, из-за дыма не было видно — прячется за горящим тягачом.

— Ну? — Зимов обернулся и увидел, что боец со снарядом стоит в нерешительности, не зная, что делать. Черт!

— Запоминай! — крикнул Аркадий, досылая снаряд в орудие.

Выстрел! Есть! Есть, сука!

— Снаряд!

Выстрел.

— Снаряд!

Выстрел....

Зимов еще помнил, как орал на бойца-санитара, требуя от него принести шрапнель, как вдвоем они волокли ящик со шрапнельными снарядами, как в бешеном темпе он стрелял, целясь бегущим немцам под ноги. Потом был взрыв, боль в боку и темнота. Спасительная темнота. Он устал. Он сделал все, что мог! Отстаньте от него! Кто его трясет? Он ведь убит! Погиб! Он выполнил свой долг!

— Товарищ капитан! Товарищ капитан! Товарищ капитан! Очнитесь!

Очнулся. Его тормозил какой-то другой боец-санинструктор, а рядом стояли незнакомые офицеры.

Танкисты, кажется. Успели наши? Фронтовые сто грамм быстро привели Зимова в норму. Из разговора с «новичками» из 21-й танковой дивизии он понял, что немцы все же прорвались. Прорвались, бросив всю технику из-за образовавшейся пробки на дороге, и пешими группами, обогнув их позиции справа и слева, ушли на запад, но с востока движутся еще две колонны из окруженной восьмой танковой и движутся по этой же дороге. Задача прежняя — задержать. Только состав заслона изменился. Шесть танков — два Т-34, 3 БТ, один Т-28, батальон пехоты, две батареи «сорокапятков», батарея 76-мм полковых, батарея минометов и два счетверенных «максима». Зимов рассказал, что помнил — дважды подчеркнув, что предыдущие танкисты сгорели зазя. Вняли ли его словам? Ему было все равно. Он устал. Ему хотелось спать. Где-нибудь в тепле. Свернуться калачиком и забыться. Но не дали. Фашисты! Опять прут! Опять танки, мотопехота, артиллерия. Еще больше, чем прежде.

И снова все, как в первый раз! Или не все? Не все. Танкисты эти оказались грамотнее — на поле не поперлись — стреляли из укрытия, меняли позиции. И снова болванки гвоздили немецкие «панцеры», а немецкие пушки и минометы гвоздили противотанкистов. Правда, Зимову показалось, что как-то вяло гвоздили. Или уже привык? Не задалась атака у фашистов — отползли они назад. Отползли, чтобы через два часа начать снова. Очередную попытку прорыва. Но уже ночную. И, кажется, прорвались, ибо бой сместился на фланги, а затем в тыл, а потом стал удаляться. Только утром выяснилось, что прорвались далеко не все. Ибо утро началось с еще одной атаки. И предательского ясного неба, под вой немецких «юнкерсов». «Штуки» раздолбали одну батарею подчистую в обмен на погибшего собрата, срезанного счетверенным «максимом». Но не прорвались. Ибо после такой жиденькой артподготовки, которую они организовали, практически никто не пострадал. Танкисты на радостях ринулись утюжить немецкие позиции и потеряли обе «тридцатьчетверки», которые немецкая пехота сумела подбить гранатами, и одну «бэтэшку», подбитую из противотанкового ружья. А потом в спину ударили эсэсовцы из «Мертвой головы». Атаку их самоходок Зимов прозевал, и из четырех орудий только одно успело развернуться и поджечь немецкую самоходку, все остальные были впрессованы в землю танковыми гусеницами. А потом... потом образовалась какая-то свалка, в которой участвовали и немцы, и наши, и авиация с двух сторон. Т-28 стал жертвой ошибочной атаки «сталинских соколов». В «отместку» за его гибель немецкие «юнкерсы» разбомбили разведбатальон «Мертвой головы», который почти соединился с прорывающимися немцами из восьмой танковой. Подоспевшие к месту боя огнеметные Т-26 жгли все подряд — и своих и немцев, за что получили от своей же батареи «сорокапятков». В «слоеном пироге» из своих и чужих работала гигантская мясорубка смерти, которая перемалывала живых в мертвый фарш. Определенный порядок организовался к вечеру, когда те части 70-й дивизии, которые

располагались на востоке, сумели догнать ушедшие в отрыв и на прорыв части немецкой восьмой танковой дивизии, и сумели подтянуть артиллерию.

Впрочем, «порезвиться» им не дали — Ворошилов, почувствовав, что восьмую танковую немцев можно списать со счетов, выставил заслон против «Мертвой головы», а все резервы бросил на рассечение третьей моторизованной. Остатками же восьмой стали заниматься части народного ополчения и истребительные отряды. Сейчас для них это была вполне выполнимая задача — немцы не имели ни снарядов, ни топлива, ни нормального запаса патронов. «По пути» ополченцы «обрастают» остатками перемолотых в мясорубке под Сольцами подразделений и боевых групп...

* * *

Подполковник Кризолли вывел своих людей за линию фронта. 267 живых и огромное количество раненых — почти 400 человек. И это все. Или почти все. В течение последующей недели пробились еще человек 600 — малыми группами и поодиночке. Большевики, конечно же, раструбили на весь мир о том, что они полностью уничтожили 56-й корпус Манштейна, но это было неправдой — 3-я моторизованная дивизия сумела, потеряв половину личного состава, оторваться от большевиков, а дивизия СС «Мертвая голова» в окружение и не попадала, но тоже потеряла половину личного состава. Хуже было то, что Ворошилов пошел «ва-банк» — в образовавшийся прорыв он швырнул ВСЕ свои резервы и сумел перерезать коммуникации снабжения 41-го моторизованного корпуса. И хорошо перерезать! «Ролики» Рейнгардта встали. И им грозила участь «роликов» разгромленной восьмой танковой дивизии. Фельдмаршал фон Лееб, командовавший группой армий «Север», наступавшей на Ленинград, в отчаянии запросил у Гитлера Роммеля, на что получил ответ: «Ворошиловых у меня на всех нет! Воюйте теми, кого имеете!»...

* * *

Аркадий Зимов привстал на костылях и подошел к окну, заклеенному крест-накрест бумажными полосами. Все-таки тогда он получил свою пулю! Из-за потери крови и попадания инфекции ногу чуть было не ампутировали, но затем пошел на поправку. Ну где же они? Идут! И всем наплевать на возможную воздушную тревогу! Весь Невский запружен людьми. Еще бы! Ворошилов и Жданов решили провести по улицам немецких пленных, захваченных под Сольцами. Пригласив на данное мероприятие иностранных корреспондентов. А вот и пленные. Мало их. Чертовски мало. Пока мало. Но скоро будет больше — от раненых, поступающих в госпиталь, и из сводок Совинформбюро Зимов знал, что Ворошилов окружил корпус Рейнгардта и вцепился в него мертвой хваткой, все больше и больше сжимая кольцо окружения. Все попытки Лееба прорваться к Рейнгардту безуспешны. И это только здесь, у Ленинграда. А еще у Смоленска, там, где сейчас Тимошенко, и под Киевом, где Буденный. Пленных будет значительно больше. Аркадий в этом не сомневался. «Парад» пленных закончился, и Зимов вернулся на свою койку. У него было важное дело — рассмотреть эскиз снаряда, предложенного мастером ОТК Шмурдюковым, и решить — выйдет из этого что-то стоящее или нет....

* * *

— Так просто? Две бороздки на снаряде, и план «Барбаросса» рассыпался в пыль? — изумлению Упыря не было границ.

— Ну, не все так просто. Тут есть технический аспект и есть психологический. Только и тот и другой до 22 июня 1941 года были скрыты, — ответил Упырю Кот, выбивая из пачки очередную «Беломорину».

— Ну, давай, не томи! — затеребил Кота Шмель.

— Ну, с техническим все просто, — продолжил Кот, — «сорокапятка» — основное орудие РККА в 1941 году и не только пехотное, но и танковое. Конечно же, танки с танками не воюют, но... война есть война. Однако есть разница, чем воюешь! В нашей реальности большинство снарядов для «сорокапятки» с трудом пробивали 30 миллиметров на дальности 500 метров при условии попадания в броню под прямым углом. Чуть броня толще или чуть угол в сторону от прямого — трындец — снаряд раскалывался. Что это означает в бою, понятно? Поясню на примере Курской битвы, когда нашим танкам для того, чтобы подбить немецкий «тигр», приходилось подкрадываться с боку. Успевали подкрасться далеко не все! Чаще — сгорали на подходе. Так и в сорок первом — наши начали войну со снарядами, которые не могли пробить броню «чехов», «троек», «четверок» и «штуг». Поймал наш танкист, артиллерист в прицел немецкий танк — выстрел! Снаряд попал в немца и раскололся. Немцу хоть бы что, а нашего он ответным выстрелом снимает. Конечно же, нашли способ — попасть в гусеницу, танк противника развернет бортом — и тогда ему в борт. Но это ДВА выстрела! А чтоб одним... Только «единички» и «двойки» можно было сразу. А так — как минимум два выстрела. То есть на один танк нужно два противотанковых орудия, ибо уже после первого выстрела сопровождающая танки пехота гвоздила артиллерийский расчет из пулеметов или минометов.

Здесь же, вместо 30 миллиметров пробивает 40 при угле встречи в 30 градусов, а под прямым углом — все 50 миллиметров! То есть можно с 500 метров бить в лоб почти все немецкие пантеры, за исключением самых последних, с сильной экранированной и разнесенной броней. Что это означает на практике? То, что «панцерваффиста» век не долуг. Нашего противотанкиста век тоже не долуг, но размен идет не так, как в «нашем» сорок первом. У нас получалось — пушка с расчетом за разбитую гусеницу, здесь получается — пушка за танк. Причем зачастую расчет пушки выживал, а вот танкистов крошили наши пехотинцы. Тут, кстати, плавно наступает психологический момент, ибо «ничто так не радует, как пожар в доме у соседа» — американцы при Перл-Харборе радовались как дети, видя падающие японские самолеты, и стреляли по ним даже из револьверов, а один так ваааще гонялся за торпедоносцами на башенном кране, пытаясь сбить низколетящие самолеты его стрелой. Так и тут — увеличение танкового падежа у противника повышает моральный дух у своей пехоты, которая держится дольше, стреляет увереннее и уменьшает число супостатов, напавших на нашу Родину, значительно в большем количестве.

Конечно же, чудес на свете не бывает, и нашу оборону немцы проломили, но... то тут, то там у них пошли накладки — и психологические и технические. Психологические — это когда «панцерваффисты» вдруг осознали, что слишком узок их круг становится, что жареных тушек геноссе за неделю боев на Восточном фронте гораздо больше, чем за неделю боев во Франции. И в атаки стали рваться уже не так рьяно, ибо каждая атака, точнее, каждая бесценная арийская жизнь, могла быть прервана болванкой какого-нибудь чокнутого расчета русских «ягеров», которые десять дней в окружении питались древесной корой и катили свое орудие с последним снарядом по болотам, и все из упрямства — найти дойчепанцер и жახнуть бронебойным. Что до технических проблем у немцев — им стало «не хватать» сил для завершения прорывов и замыкания котлов, ибо то там на три танка больше потеряли, то там еще пять танков у них сожгли — ну я про сравнение с нашей реальностью. Именно поэтому Минский котел у них получился больше похожим на дуршлаг, а потом и вовсе рассыпался. Тут ведь и обратный эффект: если попал первым и остался жив — стреляешь дальше по врагу. А врагу, понесшему потери, нужно предпринимать новую атаку, а и нечем и боязно. Тот там пара часов, то здесь сутки, то там еще один час — в итоге — немцы замедляются, а наши получают возможность подтянуть подкрепления, подвезти снаряды, сформировать лишние дивизии и перебросить их.

— А немецкая экономика?

— А немецкая экономика работает по старинке. Шпеер пока еще не у власти и тотальной мобилизации не было. И поэтому темпы «воспроизводства» «панцеров» отстают от темпов их «убыли» на Восточном фронте. У нас, конечно же, тоже снизились из-за

эвакуации части промышленности, но Сталинград и Ленинград танки штампуют, Харьков тоже штампует, хотя и Питер, и Харьков частично уже эвакуированы. Но самое главное — немцы забуксовали и потеряли темп, и прошли «точку невозврата». Теперь, даже если поставить во главе экономики Третьего Рейха Шпеера, ничего у немцев не получится — наши сумели отмотилизовать армию и использовать для мобилизации население тех областей, которые в нашем мире немцы к осени 1941 года сумели захватить. И урожай успели собрать. Немцы же... У них теперь на Восточном фронте мясорубка похлеще Вердена — причем на ВСЕМ фронте. В 1941 их, конечно же, не раздолбают, но в 1942 им придет пушной зверек — почти вся профессиональная армия, с которой они начали войну, уже сгорела. Новые зольдаты не имеют боевого опыта и нормальной подготовки — их не успевают обучить. Они скоро будут по качеству, как наше ополчение 1941 — энтузиазма много, а навыков практически никаких.

И если подвести итог — то автором здешней развилки является весь советский народ и Красная Армия. Народ дал армии «кувалду потяжелее», и процесс пошел....

— Так куда поведем свой народ «веселиться»? — заерзал Шмель.

— Тут нужно подумать, — хищно улыбнулся Кот, расстелив карту Восточной Европы. — А если, например, провести рейд с севера от берегов Балтики на юг до берегов Черного моря? Пройти по тылам и армейским складам вермахта?..

— Мысль хорошая, — засмеялся Упырь. — Только карта немножко не того масштаба...

Скалистый — Москва, 2009 г.

Валерий Белоусов ПОКАЯНИЕ ИМПЕРЦА...

«Но прихрамывая, шел
Друг мой безучастно,
Через Балх на Кандагар,
ПоПяндшеру шел...
И смутили слух ему
Песнею прекрасной —
Чтоб с улыбкой умирал,
Погибал с душой...
И вставала рядом,
С пулей, со снарядом,
Песенка о добрых кобрах,
О дневных нетопырях...
О казармах светозарных,
О шакалах благодарных,
И о радужных холерных лагерях...

Хрясь! Стекланный пузырек разлетелся на мелкие брызги. Грязное чернильное пятно медленно потекло вниз, заполняя высеченные на карельском граните буквы печально-строгой надписи...

Да, не знали ребята, медленной, мучительной смертью умиравшие в черноте неторопливо заполняемых ледяной балтийской водой отсеков «малютки» с гордым именем «Месть», что когда-нибудь их назовут оккупантами, палачами свободы и русскими свиньями...

«Эльцын! Эльцын!» — радостно скандировала небольшая толпа имя некоего политического перевертыша, который что-то комплиментарное схрюкнул со своего

обычного перепоя в адрес сторонников незааавииисссимой рееесспуублики...

Впрочем, малочисленность толпы объяснялась достаточно просто... откуда здесь, в старинном флотском городке, который всего на пятнадцать лет моложе Петербурга, и который, кстати говоря — основан тем же Царственным Саардамским Плотником, эстонцы?

Рогервик... Балтийский Порт... Балтийск! Вся жизнь этого уютного, расположенного на полуострове Пакри городка издавна проходила под гордой сенью славного Андреевского стяга...

И железную дорогу-то проложили в Ревель только потому, что лежал этот самый крупный город Эстляндской губернии — по дороге к Балтийску.

(Вопрос на передачу «Что? Где? Когда?» — сколько букв «н» в правильном написании слова Таллин? Верный ответ — ни одной... Ревель!)

Это только в период кукольной независимости уродливого детища Версаля жители лимитрофа, не умеющие в силу своей имманентной тупости правильно выговаривать слова на человеческом языке, исказили имя Балтийска до Палтиски...

А после возвращения Прибалтики в дружную семью, которую навеки сплотила Великая Русь, либеральный интеллигент Л.П. Берия не велел переименовывать городок — мол, надо уважать слабости туземцев... да, добр был этот замечательный человек! Доброта его и погубила...

Разумеется, в городке, в котором проживали 8100 человек тридцати одной национальности, эстонцы составляли около двух тысяч (точнее, 2156 тупых, или вернее — тормознутых, голов...)

Однако мал клоп — да вонюч...

Никогда не забуду, как я шел однажды мимо школы... а навстречу мне выходит со школьного двора девочка лет десяти и ведет за руку братишку-первоклассника...

Я машинально было прошел мимо... но что-то заставило меня обернуться... у девочки было абсолютно мертвое, окаменевшее лицо... слез в глазах не было, только губы чуть-чуть подрагивали...

Подбежал к ней, присел на корточки, схватил за побелевшие, ледяные руки: «Что с тобой случилось?!»

А она видит — я в форме... ухватила меня за шею, зарыдала: «Нам Ирма Амандусовна сегодня в классе объявила, что как только наши отцы уйдут в море — нас всех эстонцы прямо в школе убьют... мне братика жалко, он испугается!»

Понимаете, для ребенка учитель — это высший авторитет... и если уж учитель что сказал, то это чистая правда...

Понимаете, я женщин не бью... то есть совсем не бью.

Однако нет правил без исключения, как говаривал Лао-цзы.

Не хотела сначала Ирма Амандусовна дезавуировать свою шутку... к моему огромному удовольствию. Но быстро, опять же, к моему глубокому сожалению, передумала... даже ногами ее попинать не удалось... увы, все красивые дороги далеко не ведут, как учил Кун-Фуцзы.

Только и удалось, что сорвать со стены черно-бело-голубую тряпку и, свернув трубочкой, запихать ей в одно из отверстий лежавший на учительском столе текст национааальногооооо гиииимна...

Каюсь. Каюсь, что не пришиб тогда нахрен эту белобрысую собачку женского пола... простите меня...

Воздух был бы чище в городке... впрочем, у нас — за забором, в Пентагоне — этой националистической дряни не водилось... потому как там водился славный балтийский Подплав...

Там — в высоких, белоснежных корпусах, у гранитных пирсов — были размещены база подводных лодок, учебный атомный реактор («Дайте два!(с) — один реактор для

кораблей третьего, а второй, новенький — для подводных кораблей четвертого поколения), стоянка торпедных катеров и малых ракетных кораблей, флотские госпиталь и поликлиника.

А в городе непосредственно были полуэкипаж 157-й отдельной бригады подводных лодок, погранзастава, штаб погранотряда, рота военных строителей, ракетное подразделение ПВО и отдельный дисциплинарный батальон...

Ну и, разумеется, мое место службы — корпункт и типография ордена Красной Звезды газеты «Страж Балтики» Дважды Краснознаменного Балтийского Флота, чтоб ему...

Каким же образом преподаватель Жуковского авиационного техникума имени местночтимого святого (зачеркнуто) имени малоизвестного наркома М.М. Казакова оказался во флоте?

Вопрос не ко мне, а к родному ГлавПУРу... забыли о таком ведомстве? Напрасно... это вроде как управление по делам Армии и Флота Священного Синода... так что аз, многогрешный, на манер иеромонаха, должен был во время брани духовно окормлять Российское непобедимое Воинство...

А так как Пятнистый Иудушка проводил активнейшее сокращение сухопутных войск, очень многие офицеры переводились в береговые части флота, не-подпадающие под сокращение...

И вот меня, всю-ту службу прошедшего в местах, удаленных от моря так, что год скачи — не доскачешь... Каспий я морем не считаю... и был вдруг выдернут на сборы политсостава — во флот...

Хорошо, что летом... летом вообще служить хорошо.

Но только не этим дождливым летом...

Что-то мерзкое носилось в воздухе... впрочем, я человек любознательный...

Когда товарищи офицеры, устав после пятого стакана обсуждать статьи и достоинства своих боевых подруг, впадали в некоторую меланхолию, я начинал их расспрашивать...

Особенно меня интересовал полет некоего господина Руста — как это он безнаказанно перелетел государственную границу СССР?

Очень просто, отвечали мне, служебная собака след не взяла!

А если серьезно, то этого господинчика, летевшего на малой высоте, наряд пограничников вовсе не проспал, а даже обстрелял из автоматов, после чего сообщил по команде, и... что? Ничего.

Наряд — на заставу, застава — в отряд, отряд — в округ, округ... концов не сыскать.

Короче, вынырнул господинчик уже в советском тылу — там, где именно в этот день и час должны были пролететь два самолетика, на которых местное начальство отправлялось — кто на охоту, кто на рыбалку... разумеется, указанные самолеты не имели полетных планов и согласованных маршрутов с выделенными эшелонами...

И, как рассказывал начальник штаба ракетчиков, летел этот господинчик как Бог на душу положит, аккуратно обходя зоны ПВО...

Земля слухом полнится... говорят, что маршал Соколов, незадолго до этого случая, привез Мишке Меченому в Кремль несколько важнейших документов — в том числе и планы организации Северо-Западной зоны ПВО страны...

А спустя некоторое время прошла через ГРУ информация, что эти планы оказались за океаном... после чего Соколов категорически запретил оставлять секретную документацию в Кремле...

Нормально, да?

Вот зачем летел Руст, как не затем, чтобы дать мотивированный повод Горбатову избавиться от маршалов и генералов, которые ему МЕШАЛИ...

Интересно, кто больше всех обличал Соколова в...предательстве интересов государства? Шеварднадзе... этой твари еще и «Оку» припомним, в свое время, и вывод ГСВГ в чисто поле...

Так что спустя четыре года из стоящих генералов да адмиралов почитай мало кто и остался...

Ну, у меня в тот день забот было достаточно, чтобы думать еще и о проблемах строительства Вооруженных Сил...

С восемнадцатого на девятнадцатое августа я заступал ответственным дежурным по нашей газете...

...«Твари! — очень сердечно произнес старший мичман Харченко. — Понимаешь, товарищ старлей, зашел это я в магазин, сливок хотел взять — что-то у меня опять язва зашевелилась... да не жена, а своя, родная, двенадцатиперстная... так эти чухонцы враз русский язык понимать перестали! А я ведь слышал от порога — как они базлали меж собой, статью в «Огоньке» обсуждали: прокниииившая импееерия... а тут враз на чухонский перешли! Так ведь и не купил ничего...»

«Тю! — удивился наш водитель, старший матрос Небийбаба. — Товарищ старшой мичман, а кулак на що?! Хроши им еще платить... задрыхам...»

«Вот, Небейбаба, за это они нас и считают оккупантами», — чисто из педагогических побуждений, по-фарисейски произнес я, смазывая йодом прокушенную Ирмой Амандусовной ладонь... давненько меня коллеги-учительницы не кусали, аж с самой школы-интерната! Конечно, лучше бы на укус помочиться — старое, проверенное дедами средство... но это надо было делать сразу — а я как-то не привык делать это в святом месте... в классе, у доски...

Надеюсь, эта профурсетка хотя бы регулярно чистит зубы? Впрочем, теперь ей зубов чистить придется несколько меньшее количество... а потому что нехер.

«Ну, что у нас плохого?» — спросил я, дабы сменить грозящую бурным обсуждением, как говорят англичане — флеймом, тему свинцовых националистических мерзостей...

«По службе, или как? Ежели или как, то водки в военторге нет. Говорят, приказ начпо — в рот ему пароход, желательно «Георга Отса».

Если по службе — то вот вам, старлей, новость — вы сего числа заступаете в том числе и начкаром... посему прошу принять и расписаться...»

Мать, мать, мать... ежели дежурный по редакции — это мирный сон в кабинете на мягких стульях, предваренный просмотром весьма познавательных полуночных программ финского телевидения (да что там понимать-то? Ох, майн готт, дас ист фантастиш!), то караул — есть постоянное мотыляние по вверенным мне командованием точкам с проверкой, не занимается ли на посту часовой-матросик глупостями с местной пэтэушницей, аккуратно отставив АКМС (именуемый «весло») в стороночку... да хрен бы с ней, пэтэушницей!

Слава Богу, что я уже не в интернате служу, где директриса на педсовете ставила боевую задачу: «Самое главное, чтобы у нас в этом учебном году из учащихся никто не родил!»

Автомат могут украсть! Бывали прецеденты...

Эстонское телевидение прямо призывает членов «Кайтселийта» добывать оружие у оккупантов... а что это такое — видно по Сумгаиту и Тбилиси... Плавали, знаем...

Черт, как не хочется-то... но таки пришлось расписаться и после этого принять, вместе с Харченко. Закусив по-флотски, то есть занюхав рукавом, я уселся на продавленное кресло с порванной обивкой и стал добросовестно изучать Устав... О воин, в карауле сущий — читай Устав на сон грядущий. И после — ото сна восстав — читай опять же ты Устав...

Призванные из запаса воины сразу попадают в две категории — либо сапог, либо пиджак... вторая категория — это вроде одного моего знакомого, авиационного техника Логинова, раздолбаи, каких крайне мало... истинно штатский человек, хотя и прекрасный специалист своего дела — но только в силу жестокой ухмылки судьбы одевший военную форму... ну нет, нет в нем ЛЮБВИ к истинно армейским вещам... не понимают они суровой красоты плац-парадов, не вникают в особенности субординации, искренне удивляются, почему старший по званию обращается к ним на «ты»...

Первая же категория... это ужас профессиональных военных... та самая бодатая корова, которая случайно получила рога!

Совершенно не понимают юмора, в том числе специфического, армейского... живут по Уставу, надеясь на честь и славу...

Наивные.

«Товарищи, да я же не понимаю пуштунский! — Ничего, товарищ лейтенант, вы у нас все равно по легенде слепоглухонемой нищий... и сейчас вам отрежут язык и выколуют глаза...» Ха-ха-ха.

Итак, Устав Гарнизонной и Караульной служб... «Часовой есть лицо неприкосновенное...»

Вот я обязательно его сделаю прикосновенным, ежели какой-нито фитиль посмеет мне вздремнуть на посту... а равно будет сидеть, прислоняться к чему-либо, писать, читать, петь, разговаривать, есть, пить, курить, отправлять естественные надобности или иным образом отвлекаться от выполнения своих обязанностей... сгною!

...«Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам!»...

Это, конечно, все хорошо... «Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме»... замечательно...

«Но каким образом? — Да не образом, матушка, а самым настоящим хреном...»

«Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса. Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества».

И вы хотите сказать, что это — приказ? Вот эта манная каша, разбавленная розовыми соплями?

Приказ начинается со слов: Ориентирую. Север сегодня будет там, где солнце садится — для единообразия.

И заканчивается: приказываю. Четкой, конкретной боевой задачей — что, кому и когда делать, какими силами и средствами...

А это... «Ми думаем, что ты — ныкакой нэ командыр!»(с)

«Товарищ старший лейтенант, товарищ...» — ну вот, и дождались...

С пением (чухонцы, они хором попеть зело любят!) по улице продвигалась колонна под трехцветными флагами националистов...

«Это чего такое, а? Как сие понимать?» — поинтересовался я у местного аборигена Харченко, уже двадцатый год тянущего лямку в здешних водах...

«Да понять их не сложно... вот, тащат плакаты, что ихняя рада, то бишь Верховный совет, приняла декларацию о суверенитете...»

«Ну а мы при чем?»

«Да что ты! Ежели суверенитет, так без погромов никак нельзя, просто несолидно...»

«А. Кажется, я начинаю понимать — это они, жертвы аборта, нас громить идут?»

«Натюрлих!»

...Телефоны молчали... Причем все. Никто не снимал трубку — ни штаб, ни начальник гарнизона, ни политотдел... Мать иху. А ежели, не дай Бог, война? Прекрасно себе представляю.

Ну а зачем я звоню, собственно говоря? Общевоинские Уставы никто не отменял. Присягу я принимал... какие мне еще и от кого нужны приказы?

«Караул, тревога! В ружье!»

И с треском отлетела крышка зеленого «цинка»... да! Начиная с марта, матросы заступали в караул без патронов... во избежание. Мать, мать, мать...

Вы бы видели, с каким яростным ожесточением матросики набивали магазины, а потом

с какими решительными лицами выбегали они во двор...

Мог ли я предать их?

«Караул, к бою! По наступающей толпе, прицел постоянный, короткими очередями, целиться в середину фигуры, ТОВСЬ!

О-отставить...»

Свежий ветер с Балтики лениво шевелил на мостовой быстро намокающую в лужах ткань черно-бело-синих флагов...

«Вот что крест-то животворящий делает!»(с)

...С трудом уgomонив радостно галдящих, как пятиклассники после отмененной директорской контрольной, матросов, я крепко задумался. Что же делать дальше?

Карлсон улетел — но положительно обещал вернуться... разогнать этих идиотов — лечение чисто симптоматическое... вроде мягкий шанкр йодом помазать.

Нет, надо бить всегда по главному — остальные сами разбегутся...

«Товарищ командир, это к вам!» — после сегодняшнего маленького, но несомненно — успеха матросы обращались ко мне со всем возможным пиететом... вот так батька Махно и начинал.

Перед входом в караулку стояли трое мужиков исключительно краснопролетарского вида... с красногвардейскими повязками на рукавах, один даже в потертой кожанке...

«Тучи над городом встали — в воздухе пахнет грозой! За далекою Нарвской заставой парень живет молодой...»

Посоветовавшись с представителями Совета Трудового Коллектива судоремонтного завода, я понял, что получил предложение, от которого не могу отказаться... потому как буквально вчера был в здешнем еще совсем недавно Исполкоме Горсовета, а теперь — в мэрии-херии... слушайте, такого хамства, таких лощеных наглых рож, таких сытых, откормленных тварей я не видел даже на интендантском продскладе...

Значит, будем действовать по аналогии закона. Представим себе, что сейчас пожар во время наводнения...

...Через полчаса старший матрос Небийбаба уже волок куда-то вдаль радостно визжащую эстонскую секретутку в задравшейся короткой юбке... в воздухе носились обрывки бумаг и крепкие матросские матюги... местный мэр, дрожа толстыми щеками, зачем-то протягивал мне сувенирные ключи от города...

А в голове у меня крутилось бессмертное: «Ребята, в Нарве вино и бабы! Ура!»

А если дойти до маленькой, двухэтажной, деревянной станции и сесть на электричку — то в часе езды Таллин, наш славный флотский Ревель... а там, за синими волнами Финского залива — дымит трубами Кронштадт... а уж за ним встают громады Кировского и Ижорского заводов...

Не разбив яиц — яичницу не изжаришь... И — простите меня, люди... тяжело вздохнув, я с размаху пнул демократически выбранного эстонского мэра в промежность его фирменных шведских брюк...

Некогда мне было с ним вошкаться... впереди была масса увлекательных дел!

...«Ах! Ах! Ах!» — ритмически подпрыгивая, капитан первого ранга, начальник гарнизона Палтиски товарищ Кривохижин (фамилия изменена) пытался сорвать с меня погоны... Удавалось это ему плохо.

Во-первых, погоны были надежно принайтовлены к черной форменной шинели суровыми, вощеными нитками...

Во-вторых, товарищ Кривохижин, похожий со стороны на одетый в форму холодильник «Юрюзань», до них попросту не доставал — все-таки 185 сантиметров моего роста, это, знаете, преимущество...

Разуверившись в успехе своей затеи, красный, как синьор Помидор, старший воинский начальник визгливо потребовал: «Сволочь!! Сам снимай!!»

Ласково ему улыбнувшись, я расстегнул ремень и снял сбрую — передав кобуру вместе с портупеей Харченко... «А погоны — только после трибунала сниму...»

«Снимешь! Снимешь, скотина...» — начальственный вопль перешел уже совершенно в верхний регистр — так, что товарищ Кривохижин под конец запищал и закашлялся...

С особенным цинизмом отдав ему честь, я — сопровождаемый сочувственно вздыхавшим за спиной выводным — проследовал в офицерскую камеру гарнизонной гауптвахты...

Подумаешь, испугал ежа голым профилем...

Это разве гауптвахта? Вот у нас в Мазари-Шери-фе — действительно была гауптвахта! Зиндан!

То есть яма, вырытая в сухой, желтой земле... нет, летом оно и ничего! Осенью плохо — дождь заливает...

Попал я в этот зиндан за сущие пустяки — продажу неприятелю бронетранспортера БТР-60ПБ номер 2312...

Да... не знаю, устояли бы вы на моем месте?

Был я в те поры отцом дьяконом... то есть ежели замполит — это вроде как полковой батюшка, то секретарь комсомольской организации — понятно кто...

А значит — с точки зрения строевого офицера — существом суть абсолютно бесполезным, которое, однако, требует прокормления и вещевого довольствия...

Следовательно, на меня возлагали все и всяческие обязанности, от коих товарищи офицеры отпихивались руками и ногами... вот, например, доставка продовольствия в дружественный кишлак...

Казалось бы — что тут сложного? Доехал, мешки с рисом, мукой да сахаром сгрузил, витаминки деткам раздал... и в люлю, в свою родную диогеновскую бочку...

Ан нет... всю сложность этой операции я познал, когда командир отделения тяги хоззвода отказался выдать мне новенький «КамАЗ»: «Бо просрете!»

Так и получилось... пока я помогал революционным дехканам принимать с борта старого, изрядно побитого жизнью «ЗиЛа» мешки, а потом через переводчика с кузова пояснял, как Советский Таджики-стОн от всего сердца дарит зарубежным таджикам этот кубанский хлеб и кубинский сахар — какой-то бачонок прилепил к переднему мосту «бабочку» на хитрой липучке и нажал на пуговичку в середине чуда враждебной техники...

Знаете, забавно — взрывчатки всего ничего, а колеса вывернуты наружу...

Пока я ходил на трассу за тягачом — полчаса, не более — от «ЗиЛа» осталась только рама и кабина... в которой сидел переводчик, с собственным отрезанным членом в крепко сжатых посиневших губах...

А все остальное с несчастной машины добрые селяне ободрали... то есть то, что было не приклепано и не приварено, было за полчаса украдено...

...А вы говорите — бронетранспортер. Ну не говорите, а уж наверное, думаете...

Что бронетранспортер... поехали добры молодцы на блядки, да и подорвались на мине. Дело житейское!

Но ведь у нас не сорок первый год... мы же не воюем седьмой уж годочек, а все сажаем аллеи дружбы.

А посему сгоревшую боевую технику невозможно просто так списать... это надо:

Первое. До нее добраться. Потому как супостат очень хорошо использует все наши дурости — и остов машины уж точно заминировал да еще пару снайперов на горке посадил.

Второе. Обгоревшее железо надо как-то вытащить, а потом волочить на буксире, в пыли, лязге и грохоте, под вопли грязных и оборванных бачат (добрая половина из которых — светловолосые, ведь уже седьмой год воюем... впрочем, я об этом уже говорил), причем оные детишки кидаются в тебя из-за глухих дувалов. И хорошо, ежели только калом... могут и «эфку» подкинуть...

А уж потом, на третье — в рембате составить акт, который подпишут все заинтересованные стороны, после чего горелый БТР бульдозером скинут в ближайший овраг...

И все это во имя неискоренимой российской тупой трусости... Да не российской и не

тупой... просто стояли у власти в России в те поры дряхлые старцы, с трясущимися коленками... среди которых и русских-то не было...

И не нашлось кому сказать — да! Для России нужен Афганистан, и он будет русским, как стала русской Чечня! А не захочет он быть русским — раздробим горы в щебень, засыплем этим щебнем ущелья, зальем образовавшуюся площадь асфальтом и будем там играть в футбол.

Ну а пока что — пришлось мне садиться на «Силу» — гусеничный танковый тягач, да пробираться в этот чертов саяк, где уже давно остыл и покрылся почерневшей окалиной сгоревший БТР...

И вот при въезде в кишлак, лежащий у самого места, встретила меня делегация местных жителей, стоящих по местному обычаю на коленях... седобородые аксакалы просили меня не трогать эту шайтан-арбу, ибо воспретил им сие местный знатный басмач. А коли трону — они мне будут мешать, меня резать и убивать, иначе басмач придет и их самих порежет... дилемма, блин! А как же командира приказ, Родины наказ?

И потом, не могу же я приехать в часть с пустыми руками... на что самый длинноротый саксаул любезно протянул мне уже заполненный акт, с печатями 186 ОРБ, о принятии дефектной техники, не подлежащей восстановлению...

Решивши проверить, все ли обстоит так, как описывалось — в сопровождении саксаула прошел к месту действия... действительно, сгоревший! И номера двигателей, корпуса и шасси те же, что в акте... и сам знатный басмач вышел с саломом из-за камня...

Тут, понимаете, к ним собиралась приехать группа представителей спонсоров, то есть врачи без границ — и местной банде, то есть моджахедам, надо было, до соплей необходимо, продемонстрировать боевые успехи в борьбе с большевиками... весомо, грубо и зримо.

Пожав друг другу руки, мы переломили чурек и запили напитком (виноградным вином, в которое была капнута капля молока — про напиток Пророк ничего ведь не говорил, а значит, не запрещал, верно?) кебаб из молодого барашка...

Получив в бакшиш от знатного басмача коллекционный парабеллум, я убыл в расположение...

А спустя два дня в сиську пьяный генерал Громов, проезжая с обходом владений своих, увидел, как некий дехканин тащит на барбухайке для дома, для семьи корпус горелого бронетранспортера... и на вопрос: «Где ты, бусурманская твоя рожа, его украл?» — честно отвечает, что не украл, а купил...

...Так что пришлось мне познакомиться с шерифовской гауптвахтой вплотную... а впрочем, дело кончилось ничем. Кроме как щелчком сшибли мне с погона только что привешенную за хорошо подвешенный язык (в Красной Армии — важно ведь не то, кто и что сделал, а то, кто и как об этом начальству доложил...) маленькую звездочку и из дьяконов сперва перевели в сварочно-эвакуационный участок (не знаете? это когда доставляют с поля брани... ну, то, что осталось от бойцов после голодных собак и пары дней на белом жарком солнышке, от которого в глазах больно... учитывайте, что человек помирает очень не эстетично и сам по себе — даже в домашних условиях, а уж на войне, после многочисленных осколочных, к примеру, ранений — тем паче... да, я о чем? Так надо собрать по возможности две руки, две ноги, голову обязательно только одну... тельняшечку там положить, форму первого срока... и заварить в цинк... а за-а-а-апах...), а потом в роту, хорошо хоть не ванькой-взводным... а интеллигентнейшим командиром АПНП.

Так что гауптическая вахта нам — ерунда-с... Обидно только, что сидишь в такое горячее время, как...

«...последний дуррррак!»

Оперативный уполномоченный Особого Отдела КГБ СССР ДКБФ по гарнизону Палтиски старший лейтенант Пряхин (фамилия изменена) с сожалением покачал головой...

«Нет, ну что ты на мэра-то наехал, а? Да ты знаешь ли, щегол, кто это такой и что это такое?»

Ты в Пентагоне давно был? Недавно... значит, площадку у третьего пирса видел... а

машины на площадке? Тоже видел... молодец, слушай. Внимательный какой...

А откуда машины — тоже знаешь? Из ГДР, из Востока привезенные, правильно... а знаешь ли ты, о мой зоркий сокол, что никаких машин — экскаваторов, бульдозеров, скреперов — там нет. Оптический обман сие, марево... что есть, что есть... металлолом. Да и тот на балансе нигде не стоит...

А мэр наш демократический — этот металлолом взял да и купил... правильно, некоторые машины прямо в заводской смазке... да ты не волнуйся шибко, Кривохижин себя не обделил... как там артиллеристы докладывают: «Откат нормальный»?

Да что металлолом... ты недостроенный девятиэтажный учебный корпус видел? А почему он недо-строен? Так товарищ Кривохижин фактически сдал в рабство наших стройбатовцев вместе со стройматериалами... кому? Правильно, мэру...

А мэр, в качестве алаверды, поставил для гарнизонной кухни гнилую картошку и тухлую кильку — по хороооошей цене... и ты в этот гадюшник хотел безнаказанно влезть? Кормильца от власти взял и отстранил? Нехорошо...

Что значит, все знаю и молчу?

Регулярно докладываю, по команде... в последний раз — непосредственно Начальнику ОО Балтфлота контр-адмиралу Ветошкину Юрию Ивановичу (случай подлинный)...

И получил от него ответ, строгий приказ — заниматься своими прямыми обязанностями, а именно — выявлять, кто еще не перестроился...

А что мне еще делать? Взять Кривохижина за манишку и спросить, откуда у него взялись шведский автомобиль «Вольво» и двухэтажный каменный дом на взморье? Так нынче не тридцать седьмой год, к сожалению...

Да, ну что же мне с тобой делать-то, а? А знаешь что, голубь сизый, лети-ка ты отсель... да так, ножками... не хочешь? Дело твоё.

Только ты подумай, отчего тебе шнурки оставили и ремень поясной... ведь вы в мэрии много каких бумажек по ветру пустили, вдруг да что прочли? Так что зайдут к вечеру здешние инсургенты... составят после акт, что не выдержал ты душевных мук и наложил на себя... не прибегая к туалетной дефицитной бумаге...

Все понятно? Так что я тебя не видел, а ежели тебя повяжут — ты не видел меня... вопросы есть? Тогда стукни меня, пожалуйста, в глаз... сволочь, что ж ты так больно-то, а? Вот ведь явно ненавидите вы органы, интеллигенция гнилая...

Караул, караул, убегает... убег? Караул...

«...караул устал... давай, старшой, я тебе еще капель двести набулькаю... не хочешь? Напрасно.

В твоём положении, которое всяко хуже губернаторского, я бы напился, чес-слов... а что?

Кто ты есть? Беглец... бежал Гарун быстрее лани... и, по-хорошему, я должен был сдать тебя по принадлежности. Не буду. Лень мне...

Все суeta суeta, и всякая — всяческая суeta...

Какая нахрен Эстония?

У меня боевая задача — блюсти неприкосновенность воздушных рубежей Союза... ну и так далее... вот.

Стоим на страже, всегда, всегда — но если скажет страна труда—вот! Понял? Если скажет.

А нам никто боевой задачи, в части нас касающейся, не доводил.

Так что пулемета я тебе не дам...

«Товарищ полковник, вы Чаковского «Балтийское небо» читали?»

«Да, и очень люблю... а что?»

«Когда Жуков приезжает в Ленинград, который штурмуют фашисты, он первым делом приказал направить на передовую зенитные орудия, говоря — что толку охранять ленинградское небо, если немецкие танки ворвутся на улицы?»

«Уел. Но...не поверну же я на Таллин свои «С-300ПТ»?

«Я вот чего хотел — может, с личным составом переговорить?»

«Да без толку, дорогой мой... рядовой и младший комсостав у нас — все из студентов, настроены крайне оппозиционно... а товарищи офицеры... Эх.

Замполит их распропагандировал!

Не хотят товарищи офицеры быть товарищами — а хотят быть господами офицерами... хотят, чтобы им платили, как в Америке, чтобы у каждого был свой дом и своя машина... и денщик!

Так что никто за тобой не пойдет...»

«Да уж я пытался... в Пентагон меня даже не пустили, к погранцам я сам не пошел, полуэкипаж — первогодки, салажня... на что они мне...»

«Ну вот видишь... давай я тебе водки налью, и ложись спать... никому твое социалистическое Отечество и нахрен не нужно!»

«Никому? Правда, что ли?»

Ваше благородие, госпожа лопата, Стала ты сестрою мне, ну а лом стал братом. Два вагона щебня — попробуй разгрузи, Не везет мне в службе, повезет в любви!

Во всем подлунном мире есть воины... и есть строители.

И только в Советском Союзе есть чудовищная химера — обло, озорно и лайяй!

Военные строители...

Если вы увидите человека, наряженного в засаленную подсменку и растоптанные, отроду не чищенные сапоги, грязного, как шахтер, и злобного, как собака, поклонитесь ему в ноги, понеже это и есть он — военный строитель.

Как учит нас Академия имени Фрунзе: Военно-строительные войска — воинские подразделения, предназначенные для обустройства театров военных действий, строительства долговременных сооружений и обустройства войск, обычно в мирное время. В зависимости от назначения могут быть самостоятельными подразделениями Вооруженных сил государства или подчиняться родам войск. В мировой практике Военно-строительные войска имеются только у крупных государств, наиболее значительные по численности в США и СССР...

Но можно ли сравнить американских «стальных пчел» — с их перебрасываемыми по воздуху бульдозерами, карманными экскаваторами и прочей машинерией и наш героический стройбат? Да отнимите у пиндосов их технику — много они построят?

А нашему стройбатовцу техника даже и противопоказана... тем более что два солдата из стройбата успешно заменяют экскаватор.

И комплектуют эти королевские войска самыми сливками... теми, что вокзальные официантки из бутылок сливают и бичам продают... во всяком случае, оружие этим чудовищам не доверяют!

Во-первых, национальные кадры. Ежели призывник у окулиста на все вопросы «Это какая буква?» — отвечает «Э?!», если на вопрос, сколько ему лет — следует ответ — «Старий, уже мой малашка шесть дэти имеет!», если призывник таки знает, что у нас есть президент и его зовут Слава Капееэсэ... то светлый путь ему в операторы БСЛ открыт!

Во-вторых, судимые... оттянул человек по-малолет-ке срок, а тут — раз, пожалуйте браться... а что, фактически та же зона — только расконвоированная...

В-третьих, годные к нестроевой в мирное время... язвы-грыжи-порокимитральногоклапана... эти, как правило, как более грамотные — в микроначалстве...

Вот как раз такой мааленький начальник, похожий на богомола, стоял у КПП с красной повязкой дежурного на тощем локте и грустно наигрывал на старенькой гитаре... что-то весьма оптимистическое.

Руки, мои руки, как они болят —
Я махал кувалдой семь часов подряд.
Чурки тупорылые достали меня.
Может в воскресенье отдохну и я.

Два мешка цемента на твоё плечо.
Сколько до отвала нам пахать ещё?
Сколько нам работы, сколько суеты,
Сколько поёботы, сколько хуеты...

«А что, боец, невесты в этом богоугодном заведении есть?» — «Кому и кобыла невеста, товарищ старший лейтенант...»

Контакт был установлен...

Через полчаса, прихлебывая кофейный напиток «Балтика» из сувенирной кружки, старший сержант Левицкий (сердечно-сосудистая дистония, ревмокардит, хронический ревматоидный артрит) вводил меня в курс дела: «Честно говоря, мазу у нас держат боец Исфандияр-Оглы и Володя-Росписной... замполита мы ни в грош не ставим, а командира последний раз видели — если мне не изменяет память — в апреле... как нажрался после ленинского субботника, так в себя и не приходит, пьёт и пьёт... руководит, как Константин Устинович Черненко, не приходя в сознание... позвать ли? Мне не трудно...»

... Командир военно-строительного отряда, капитан Леха Шакирнев, был не то что невменяем, а и невтебям... поэтому и не транспортабелен...

В это время суток он обычно потреблял «Puskar» — эндемичный местный напиток, производимый туземцами частью из перебродивших картофельных очисток, которыми уже брезговали по-европейски культурные местные свиньи, а частью из высококачественного местного навоза...

Тем не менее, дело своё эта мутная жидкость неопределённого светло-какашкового цвета делала, помещному неторопливо, зато обстоятельно...

Когда я, уподобившись Мухаммеду, который устал ждать, пока к нему подойдет гора, приблизился к нему сам, то при входе в кабинет был просто сбит с ног лесковской «потной спиралью»...

Непередаваемый аромат! Свежее дерьмо, оттеняемое ароматным можжевельным дымком... четыре месяца не мытое командирское тело — особый шарм доставляли дырявые носки, стоящие (именно так) в углу... остывшая табачная многодневная вонь... тонко и пронзительно пробивалась кисловатая нота — это смердела прокисшая моча — да что там, моча, засохшие ссаки (или, может быть, местное пиво «Saku» — благо что на вкус не отличишь)...

Командир в данный момент изо всех своих последних сил пытался совещаться со своим главбухом — изрядно потасканной пышнотелой блондинкой, сразу напомнившей мне незабвенную Машку Шлеп-Ногу из-под Третьего Перрона московского Казанского вокзала... Да, и я жил в Аркадии... когда-то.

Совещание происходило следующим образом.

Мычащий (не от страсти, а от многодневного запоя) капитан Леха сидел на письменном столе, возведя пустые, налитые кровью, как у кролика-мутанта глаза к потолку, а стоящая перед ним на коленях служительница учета и контроля пыталась контролировать ситуацию, но, вероятно, безуспешно...

Во всяком случае, в перерыве между чмоканьем она сердито трясла своими кудряшками и приговаривала: «Саттана перкеле... ничего нне получааа-ется...»

Я деликатно постучал в распахнутую мною дверь: «Тут-тук, можно к вам?!»

«Ннннелзиа! Мошна!!» — хором вскричали молодые люди...

Выполняется, в случае получения противоречивых приказаний, приказание старшего по званию — тем более что блондинка, вероятно, вообще была вольнонаемной...

Яростно сверкнув на меня опухшими глазами («Деньги в мешках, а мешки под глазами!»), главбух, прихватив какую-то картонную папку, гордо процокала мимо меня — а капитан Леха, не застегивая ширинку, из которой торчал край уставного темно-синего цвета давно не стиранных трусов, принял крайне официальный вид и со словами: «Чем могу-с быть полезен?» попытался сесть за стол.

Но промахнулся своим тощим задом мимо стула и выпал в нерастворимый осадок, с костяным стуком гулко стукнувшись затылком о доски пола... буквально через миг с пола донесся могучий храп...

Заглянувший в дверь старший сержант Левицкий оценил ситуацию положительно: «Отбился, сердечный! Что-то сегодня рановато... да оно и к лучшему, под копытами мельтешить не будет!»

После чего как-то по-разбойничьи свистнул, и в кабинет, громко стуча кирзачами, ввалились два уроженца солнечного Туркестана... Они привычно переложили капитана Леху с пола на мигом содранную со стола зеленую бархатную скатерть и, поминутно стучая об углы мертво свисавшей капитанской головой, уволокли бесчувственное Лехино тело в таинственные глубины расположения...

...Вообще, принцип формирования воинских частей в Советском Союзе строго следовал старому имперскому креативу — никогда местный уроженец не должен служить у себя на малой родине...

Не был исключением и этот, отдельно взятый, военно-строительный отряд Балтийского Флота... служили в нем выходцы из загадочных глубин очень Средней Азии, уральцы и сибиряки, москвичи и крымчане...

Эстонец — по фамилии Гаас — да, был. Один. Веяние мудрых перестроечных времен...

Один-единственный европеец, к тому же сразу по прибытии напоривший уйму косяков (вроде поедания сала из чужой тумбочки — не мог его европейский желудок совладать с ячневой кашей), был мгновенно определен в черти... и всю службу гордо заведовал мусоросборником, вывозя на ручной тачке баки с помоями на местную свалку... Впрочем, вероятно, своей должностью он не тяготился — потому как чем работа грязней, тем она физически легче... сравните, лопата дерьма и лопата щебня! Есть разница? То-то.

Поэтому сейчас в уютнейшей беседке, облицованной истинно самаркандскими голубыми изразцами — умеют ведь, когда захотят, — мирно дымили пайковыми сигаретами третьего сорта «Охотничьи» (иначе — «Смерть на болоте») уроженец подмосковного поселка имени Дзержинского «дед» Володя — Росписной и потомственный житель Красных песков Исфандияр-Оглы, который дослуживал восьмой год срочной (!) службы...

...Как же получилось, что сын уважаемого саксаула так надолго прописался в славных рядах СА? Да все из сыновней почтительности...

В отличие от некоторых своих сверстников Исфандиярыч очень хотел служить в армии! И поэтому выучил русский не только за то, что им разговаривал Ленин — а потому, что без языка межнационального общения как без воды: и ни туды и ни сюды... Кроме того, юноша активно занимался таинственной кара-калпанской борьбой и много бегал по своим пескам за своими баранами.

Поэтому физически крепкий, развитой текинец был направлен в воздушно-десантные войска, откуда и вернулся через два года в родной кишлак в тельняшке, голубом берете и с массой «отличных» значков, включая орден Мать-Героиня Первой степени...

Посмотрев на его успехи, старики покачали седыми бородами и сказали — ты силен и горд, Иншалла! А твой брат — глуп и слаб... ты обязан защитить его! Твоему брату пришла повестка. Поэтому иди и отслужи за него...

Следующие два года Исфандиярыч служил в гвардейской мотострелковой дивизии... когда он вновь возвратился в родные пески — вечные, как Копетдагские горы, старцы сказали: ой-бой! Вах, якши аскер! Молодец.

Но ты холост — а у твоего среднего брата уже пятеро детей... (я знаю, что если детей — двое, в армию не возьмут. Но вот районный военный комиссар, похоже, этого не знал...). Пришлось Исфандиярычу надеть черные петлицы сапера...

Ну, а когда вернулся, уважаемые старики, которые даавно здесь, под карагачом, сидели, — снова пригласили его на джиргу...

И Исфандиярыч привычно отправился на сборный пункт. Нет, в принципе, в армии ему

нравилось. Но уж больно напрягало его то, что он четвертый раз стал «молодым»...

«И еще учти, Исфандияр-Оглы: раз Эстония получит независимость — будешь ты в армии этой страны служить не два года, а пять лет... а то, смотри, и пожизненно...»

«Э, слушай, шутишь, да?»

«Почему шучу? При Петре так и служили. Попал в армию — все, навечно... а эстонцев служить не заставишь, на Гааса посмотри... вот и будешь за них отдуваться!»

В это время Володя-Росписной аккуратно свернул газету «Молодежь Эстонии», которую я ему подsunул, и задал насущный вопрос: «А геи, это кто? Педерасы?»

«Разумеется...»

«То-то я смотрю, они в кожаных штанах... и что, вот это к власти пришло?»

«Еще нет, но обязательно придет... если не бить!»

«Нет, вы что... пидаров бить нельзя. Еще опарашисся... только палкой, только палкой!»

Разговор переходил в конструктивное русло.

...Не удивляйтесь, что детские садики и машинные залы для ядерных реакторов возводили в Палтиски зека (заклученные каналармейцы, как со времен славного Беломорканала их называли), хоть, правда, и бывшие...

Это же старинный обычай... Рогервик изначально строили каторжане. И какие каторжане...

Здесь тянул свой долгий срок знаменитый и славный (куда там старшему оперуполномоченному Гоблину) Ванька Каин, руководитель первого московского уголовного розыска... не смог он преодолеть секту скопцов, что крепко обсела Рогожскую слободу, за что был бит кнутом и сослан в Рогервик навечно...

Гремели здесь кандалами башкирский народный герой Салават Юлаев (тот, что сейчас вздыбливает лихого бронзового коня над древней Уфой) и пугачевский министр Иван Почиталин, катали тачку авантюрист граф Долгополов и прохиндей корнет Савич...

Так что традиции тюремного быта дошли до нас из глубины веков — в том числе то, что некукарекающих петухов надо гонять непременно обаполлом, а иначе и оформшмачиться недолго!

...Да, личный состав начал явно образовываться — после визита в казармы вождей («Ашхаду Аль-ляя Илааха Иль-ла Ллаах, уа Ашхаду анна Мухаммадар расуулю Ллаах!!! — Зуб даю, братва — все сплошь пидоры, все как один, в кожаных штанах!! — Сволочи, гады, они электрика Никонова заживо сожгли! — Аллах Акбар! — Воистину акбар!»)... но что мы можем сделать, безоружные?

Пока я метался по городу — то к Центральному КПП Базы, то к ракетчикам, то к стройбатовцам, — уже насмотрелся на по-европейски аккуратные баррикадки, покрашенные белой красочкой, и на сидевших за ними, на брезентовых стульчиках, аккуратно одетых кайтселийтовцев, с охотничьими карабинами в руках... вот ведь гадство! Чтобы русскому офицеру купить гладкоствольное ружье, надо быть обязательно членом Военохота, а по местным законам любой туземец может приобрести СКС для самообороны!

Доигрались в *glasnost*! Скоро, наверное, экзамены по своему чухонскому языку введут, ха-ха... глупость какая может в голову прийти... это у меня от переутомления.

Так. Принимаю командирское решение. На дежурном ГАЗ-66 выдвигаюсь в город Палтиски, со мной водитель, Левицкий, Исфандиярыч и Володя-Росписной, с целью установления локтевой связи с красногвардейским отрядом и Горкомом партии. В мое отсутствие командование над Революционным Беспощадным Отрядом Пролетарского Гнева возлагаю (шепот из-за левого плеча «Хайлис», из-за правого плеча «Бля буду, Хайлис, сержант!») на сержанта Хай-лиса (190 см роста, 120 кг веса, супертяжа, шесть с половиной диоптрий на оба глаза)!

Сопровождаемый криками: «Любо! Якши! Ниш-тяк!», я воздвигся в кузове шешарика и отбыл по назначению...

...Чтобы выехать с улицы Ямаа на широкий Петровский проспект (Peetri po-

туземному), просторно, чисто по-питерски проложенный вдоль залива к площади Ленина, нам нужно было преодолеть железнодорожный переезд у уютного, деревянного, еще дореволюционных времен, вокзальчика...

Немного это меня напрягало... не люблю, знаете, ездить по местам, которые трудно объехать — это у меня такая идиосинкразия после подрыва на mine у речного брода... вот опустят шлагбаум — и все. Иди пешком.

Либо сноси его — но тогда без шума не обойтись, а у нас оружия — два черных учебных АКМ, на которых стройбатовцы присягу принимают, два тупых штык-ножа, отобранных у дневальных, и любимая киркомотыга Володи-Росписного, которую он в части не оставил — потому как привык он к ней... много не навоюем...

Но, против ожидания — переезд миновали чинно-благородно, даже дежурная помахала нам приветливо желтым флажком... наверное, она была тоже проклятая русская оккупантка.

Повернув после переезда налево, водитель уже собирался прибавить ходу, как я заметил, что от вокзала бежит в нашу сторону простоволосая женщина, что-то неразборчиво кричащая... Поэтому я гулко стукнул кулаком по крыше, а потом свесился через дощатый борт: «Вам чего, гражданка?!»

Заплаканная женщина, с чисто славянским лицом, ухватила за поручень кабины и вскочила на подножку: «Ой, сынки, помогите, убивают! Ведь убивают деда!»

«Вашего деда?»

«Да нет, просто... ветеран, ехал, видно, с дачи — а в электричке к нему пристали, эти... демократы... стали значки ветеранские с пиджака срывать... он не отдавал... а они его ногами, ногами!»

«Ясно... где?»

«Да вот тут, на платформе...»

Посадив женщину в кабину, с визгом покрывшей развернулись в обратную сторону...

...По перрону два весело переговаривающихся эстонца в железнодорожной форме волокли за худые ноги прочь с вокзала тело мужчины... за седоволосой головой оставался ровный кровавый след...

Увидев нас, эстонцы дружно, как по команде, осторожно опустили синеющие лодыжки на серый асфальт и пробормотали: «Русски... пьяный, как свинья...»

Женщина, выскочившая из машины, гневно возразила: «Что ты врешь, гад! Какой он пьяный? Его вот эти избили» — и ее палец устался на группу жирных, налитых пивом, гогочущих эстонских парней... Один из них, в каске с рунами из двух молний, был вдобавок в черных кожаных штанах...

Володя-Росписной смотрел на него замороженным взглядом: «Оба-на... в кожаных штанах... а? Вот уж свезло, так свезло...»

Интересно, что когда они нас увидели — у эстонцев не возникло никаких опасений... напротив, они были рады, что появился новый повод для развлечений...

Где-то в мае из Москвы пришел строгий приказ: «Не поддаваться на провокации!» (Ничего не напоминает, а?)

С этого времени любимым развлечением горячих эстонских парней стало плевать в лицо советским военным... но тут они крупно промахнулись. Перед ними были уже не солдаты Советской Армии — а бойцы Революционного Беспощадного Отряда Пролетарского Гнева...

Исфандиярыч, ласково улыбаясь, неторопливо вытаскивал из-за голенища бритвенной остроты дедовский пичак...

...Вот интересно, это какой же глубокий разум надо иметь, чтобы, брызгая слюнями, выкрикнуть в лицо весьма огорченному видом зверски убитого ветерана интеллигентному половозрелому еврею, понимающему бабушкин идиш и вот уже почти два года проходящему суровую стройбатовскую школу сакраментальное: «Estland von den Juden ist frei!»

Впрочем, о разуме эстонцев говорить не приходится... это же надо: мечтать

превратиться из наиболее богатой, процветающей провинции великой Империи, раскинувшейся от Балтики до Японского моря, в не то что бедную, а просто нищую и глухую окраину Европы? Ведь был же, был недавний, в историческом масштабе, опыт существования в виде псевдонезависимого лимитрофа, которого кто только не нагибал...

Что было бы с прибалтами, если бы полвека они не были в составе СССР? Ответ простой: ничего.

В смысле, ничего у них не было бы: ни промышленности, ни экономики и наверняка и государственности-то тоже бы уже не было.

Интересный факт — у них в тридцатые годы была кампания «Каждому хутору — отхожее место». А то ведь гадили, сердешные, где попало... Да, было такое — президент их цивилизованного государства даже специальную грамоту вручал — за лучший дощатый нужник...

И вот теперь достойный потомок этих независимых сортиростроителей, булькая, уже зажимал горло, куда под волосатый кадык с хлюпаньем вонзился компенсатор... а не нужно оскорблять человека с ружьем, даже если это ружье — учебный АКМ без единого патрона.

Мне не удалось и слова сказать — как Исфандиярыч, поудобнее перехватив под свой могучий локоть шею визжащего европейца, уже наглядно продемонстрировал, как у них в Каракумах празднуют Курбан-байрам... европейец визжал недолго.

Остальные двое унтерменшей бросились бежать... первый убежал совсем недалеко. Свистнула в воздухе киркомотыга, и голова счастливца пораскинула мозгами на весь по-европейски чистый перрон...

Почему счастливца: так второму беглецу, которого удалось взять живым, Росписной могучим пинком загнал в анус заботливо подобранную мною пивную бутылку — до самого доньшка!

При этом старший сержант Левицкий самым противным голосом, но очень искренне — распевал «Хавва Нагилу», наглядно демонстрируя, что истребление евреев в Эстонии — это пока еще только благое пожелание... и на этот раз — еще далеко не решено, кто кого конкретно истребит.

Дались же Володе кожаные штаны! Да вовсе не за то, что он носил такую нетрадиционную одежду, получил незапланированную инсертацию в свою пышную задницу вышеуказанный курат...

«Не за то волка бьют, что сер. А за то, что овцу съел!»

Не за то, что в кожаных штанах. А потому, что пидор. Это, надеюсь, понятно?

...Завезя в морг тело старого солдата, прошедшего войну и павшего в неравной схватке с фашистскими выползками у самого дома, мы, петляя по ухоженным дворам, снося хлипкие заборчики, срывая вешала с мокрым бельем, проспект оказался перегорожен кайтселитовцами, — прорвались в центр...

Перед зданием Горкома вяло шел долгий, как «Просто Мария», митинг...

На этот раз, сопровождаемый жидкими аплодисментами выступал русскоязычный житель россиянии: «...но агрессивного быдла в Рашке от этого почему-то меньше не становится. Некоторые из этой совковой мрази, к сожалению, умеют пользоваться пишущей машинкой и писать тупые тексты в свои грязные, никому не известные, малотиражные газетенки — «Правду», «Известия» и «Красную Звезду»...

Мы, честные, прогрессивные, демократические авторы, сплотившиеся вокруг «Новой еврейской...», то есть просто «Новой газеты», обращаемся к тем, кто поганит свой рот звуками презренного во всем цивилизованном мире так называемого русского языка: *Эстония* — это не *русская* земля. И если хочешь здесь жить, в первую очередь задумайся о той боли, которую *советско-русская оккупация* принесла на эту землю.

Ты, который являешься оккупантом или потомком оккупантов, — обязан каяться. Рыдать, каяться и бить себя в грудь! Всего твоего несправедливо нажитого добра не хватит, чтобы оплатить и минуты страданий свободолюбивого Эстонского Народа под пятой грязной азиатской диктатуры... ты обязан целовать ноги, которые в праведном гнев будут

пинать тебя в хамскую русопятскую морду! Поделом тебе, гордый внук славян... вспомни, что и само имя славянина происходит от латинского Slave, что значит раб...»

В эту патетическую минуту Исфандиярыч отпустил один конец сложенного вдвое поясного кожаного неуставного ремня, который он уже несколько секунд со свистом раскручивал над головой. Вырвавшийся из импровизированной пращи камень, просвистав над головами эстонцев, со смачным хрустом врезался в личико русскоговорящего россиянца...

А над толпой прогремел могучий голос Росписно-го: «Врешь, собака!! Славянин — это от слова Слава!»

...Пройдя, как горячий азиатский нож сквозь высококалорийное прибалтийское масло, через испуганно раздавшуюся толпу, мы прорвались в здание... за стеклянной разбитой дверью испуганно жался милиционер...

«Где тут горком партии?»

«Как-кой пааартии?»

«Коммунистической, вестимо...»

«Как-кой коммунистииической? Их у нас сейчас двеее...»

Черт, я и забыл совсем!

Действительно, еще в 1988 году чухной был создан *Rahvarinne*, в который вошли и местные предатели — коммунисты... а в марте прошлого года большинство КПЭ заявило о выходе из КПСС!

Озабоченные самовыражением туземцы образовали Коммунистическую самостоятельную партию Эстонии, во главе которой воздвигся бывший Первый секретарь КПЭ, ренегат Вяляс, которого протащил в 1988 году на этот высший в республике пост самолично Меченый...

И что интересно? Исключение из партии во всем Советском Союзе означало автоматическое освобождение со всех занимаемых постов... а в некоторых случаях и скорый арест, так как коммунистов не судили никогда... то есть сначала исключают из партии взяточника, а потом судят беспартийного.

Но только не здесь! Добровольно поставившие себя вне партийных рядов — продолжали радоваться жизни... не была ли Эстония полигоном, на котором Меченый обкатывал предложенные ему идеи? Мол, прокатит — и я так смогу...

«Ну той компартии, что за красных...»

«А-ааа, за коммунистов, ЕКР? Тогда вам в под-вааал...»

Действительно, сторонники единства державы были загнаны в подполье еще при ее жизни...

...Первый секретарь горкома товарищ Сярэ (фамилия изменена) рванул душащий его галстук: «Эти идиооты в Москве совсем сошли с умаа... ну я понимаю, что Горбачев всем надоеел... но зачем же так? Эттто провокааация...»

«Нет, ну а нам-то что делать?»

«Попробуйте охранять общественный поряая-док... наша милииция мне уже не подчиняется... она никому не подчиняется... надо попробовать защитить людей, а то боюсь, к вечеру начнутся погроо-омы... как в сорок пееервом... желаю вам творческих успеехов!»

«Спасибо, родимый.»

«Да, и зайдите в отдел КГБ — он рядом, за стеноо-ой, может, он вам что и посовеетует...»

...За стеной было весело... жужжал неведомый агрегат, превращавший забрасываемые в его отверстую пасть последние скоросшиватели в мелкую бумажную лапшу, бубнила что-то рация, четыре телевизора одновременно транслировали CNN, московский Первый канал, ленинградский Пятый канал и финское ТВ...

Начальник городского отдела, лейтенант Коля Каротамм (фамилия изменена), весело болтая ногами, сидел на столе: «А что, плакать, что ли?»

У меня на сей случай был подробнейший план — с адресами, фамилиями, явками и паролями — когда, откуда, кого брать... достаточно было послать шифрограмму с одним-единственным словом...

«А что они прислали?» — и он потряс в воздухе парой страниц машинописного текста.

«Это же манная каша...»

«Нет. Это директива...»

«Какая еще директива?!»

«А та, что Жуков послал 21 июня 1941 года, вместо единственного слова «Гроза».

«Да?... а что, очень, очень похоже... ты смотри, ни даром говорят, что со стороны виднее... может, и тогда было тоже...»

«Что — тоже?»

«Это я своим мыслям... ну, ладно, бойцы. Я вас сейчас выведу на кукушку, чтобы вам через площадь не идти... а там уж не обессудьте... вот вам Бог, а вот порог...»

...Когда мы шли по загадочным подземным переходам, Исфандиярыч шепотом спросил у Володи: «Слушай, я не понял. Кукушка, это маленькая птичка?»

«Нет, — ответил информированный Росписной, — это конспиративная квартира».

...Поднимаясь из подвала по узкой лестнице, до рези в глазах пропахшей кошками, Каротамм наставительно говорил: «А пулемета я вам, ребята, не дам... даже если бы он у меня был, не дал бы! Потому что... что? Потому, что мы правоохранительные органы, охраняем прежде всего право на жизнь. А дай вам пулемет, начнете пулять во все стороны... а пока в городе относительный порядок...»

Шмяк.

На булыжную мостовую переуллка, прямо у выхода из подъезда — откуда-то сверху упало мертвое тело опрятной такой, аккуратной старушки... почему мертвое? Потому что у живого человека голова не может быть свернута под таким углом...

Со второго этажа донесся жуткий женский крик...

...Обычная до банальности история. Наслушавшись призывов — потребовать компенсации за ущерб от оккупации, некто Аллик (и нечего смеяться! По-эстонски *allikas* — «родник», очень поэтично) решил, пока суд да дело, под шумок слегка европеизировать имущество своих соседей-рюски...

Однако глупая бабка ни за что не хотела отдавать старинную икону — а эти иконы так хорошо покупают в Таллинне цивилизованные финские туристы, пока еще они относительно трезвые... пришлось выкинуть ее из окна.

Логикой событий Аллику пришлось зарубить топором и ее дочку... а двухлетнюю внучку он собирался утопить из жалости. Ну кому в Эстонии нужен этот рюски щенок... но поскольку Аллик был европейцем, то ребенка он решил утопить гуманно, в теплой водичке... когда мы ворвались в залитую кровью квартиру, он как раз наливал ванну.

У лейтенанта Коли было совершенно спокойное лицо.

Только левое веко чуть-чуть подергивалось...

«Н-ну ладно... вы ведь на машине? Нет, здесь недалеко. У нас, в Палтиски, все рядышком...»

...Клацнул рубильник, и под высоким потолком зажглась запыленная лампочка в проволочном колпаке... справа и слева от прохода уходили вдаль металлические полки, на которых громоздились прикрытые ломким от времени брезентом темно-зеленые ящики.

«Что это?»

«Закрома Родины. На случай... на всякий случай. И сдается мне — что сегодня как раз это тот самый случай!»

...Разумеется, Главным Организационно-Мобилизационным Управлением Министерства Обороны здесь и не пахло...

И кто, скажите, будет устраивать мобилизационный склад на действующем водозаборе, в густом сосновом лесу, за высоким колючим забором? Который и легендируется очень просто — вода же! Весь город пьет... потому и проволока.

И потому там — сидят на вахте очень тихие, скромные, седые старички в форме ВОХР, со спокойными, ледяными, волчьими глазами...

И как вспыхнули их глаза далеким отблеском нездешних, из запредельной, нечеловеческой дали, ледяющих душу, черных фар у соседних, замерших в смертельном испуге ворот... когда шестидесятилетние «старички» поняли — их время пришло.

Пришло время пить чай.

Внимательно, несколько раз прочитав удостоверение лейтенанта Коли, посмотрев удостоверение под лупой и чуть ли его не понюхав — старички провели нас в глубь двора, где у сходящихся углом бетонных плит уходил в землю массивный портал, закрытый стальными, тяжеленными даже на вид воротами... ворота распахнулись на удивление легко, с легким скрипом...

А потом с самым индифферентным видом вохровцы действительно пошли пить чай — потому что дел у нас было даже и не на один час...

...«Извольте видеть... здесь база отряда. Какого, какого... откуда я знаю? Партизанского. Наверное.

Мне об этом никто ничего, просто про склад рассказали, при вступлении в должность. Он ведь даже по документам нигде не проходит, есть у нас свои секреты от Таллина... знаю только, что заложен склад еще при Лаврентии Павловиче, царство ему... или куда он там попал, добрый был человек...

Так, родимый, полезай-ка наверх... это где же тебя так разукрасили-то, а? На зоне? Ты смотри, не человек, а ходячая Третьяковка...»

Чуть смутившись, Володя ухватился за край верхнего штабеля, одним движением забросив свое мускулистое тело вверх: «Ну почему сразу в тюрьме... это я как из детдома вышел, так устроился матросом на килькин флот, в рыбколхоз имени Лепсе... там меня после первой полочки боцман и наколол, ради шутки...»

«А сидел за что?»

«Да... кошечку утопил, нечаянно... дали пять лет, звонком вышел».

«Пять лет за кошку? Что ты свистишь?»

«Да кошечка-то была районного прокурора... у него дочка со мной гуляла, а потом замуж вышла... за эстонца... ну, мы с приятелем машину пожарную на пирс подогнали, стланевые воды из трюма откачали — гальюн-то в гавани за борт не опорожняют, в трюм, под паелы, это добро стекает — потом к прокурорскому дому подъехали, рукав в окно подали — и свадьбу оросили... а кошечка в подпол упала и не выплыла... жалко кошечку».

«Ну ладно, гринписовец ты наш... не подумай, к письке никакого отношения! Это общество такое, вроде нашего ВООП... шлялись здесь, тюленей спасали, изверги... у людей план квартальный горит, премия накрывается, а они... эх, эх... команды не было...

На тебе монтровку... что там?»

«Сапоги».

«Что на них написано?»

«4270=Ш, ГОСТ 19137-47»

«О, отлично, яловые...»

«А что у них носки-то зеленые?»

«Гвозди латунные окислились, это ничего... а там что?»

«А тут... сейчас, бумажка какая-то... размер 46–48, рост 180, Комплект — фуражка ПШ на СП, шапка-ушанка из цигейки с суконным верхом, пилотка ПШ, шинель грубошерстного сукна, ватник крытый ХБ, гимнастерка ПШ, гимнастерка ХБ, брюки ПШ, брюки ХБ, носки ХБ, портянки ХБ, портянки байка, ремень поясной кожа, ремень брючный брезент, бязь (для подшивки, что ли?), набор игл... богато».

«И много там того добра?»

«Много... сотни две комплектов!»

«Давай лезь дальше... там что?»

«Так, посмотрим... картонные коробки... внутри банки какие-то, в солидоле».

«Что написано?»

«Норма номер девять...»

«Ого, это кстати, это для души! Каждая коробка — суткодача сухого пайка. Тушенка, сгущенка, фарш колбасный, галеты «Арктика».

«А не стухло, за столько-то лет?»

«У нас — не стухнет... дальше лезь».

«Во... тут ящики, длинные, как гробики...»

«Давай, осторожненько...»

...Скрипнули чуть заржавевшие петли, и под лампочкой, прикрытые ингибиторной промасленной бумагой, сыто блеснули маслом новенькие АК-47... кровавый сатрап заботливо припас для тех, кто придет после него, самое лучшее, что тогда было.

Впрочем, в нескольких ящиках нашлись изящные ППС, судя по маркировке, польского изготовления. Рядышком с ними в коробках из толстого желтоватого картона ждали своего часа длинноствольные ТТ.

Из более серьезного оружия нашлось пяток СВТ со снайперскими оптическими прицелами, аккуратно уложенными в кожаные чехольчики от Карл-Цейсс Карлмаркштадт, два десятка ДПМ, четыре станковых СГМ на колесном станке...

В уютных металлических пеналах ждали своего часа достойные наследники «панцерфауста» — РПГ-2, почти полсотни штук, и по две запасные гранаты ПГ-2 к каждому...

Из инженерного имущества были ПОМЗ, ТМ, аккуратные, похожие в своей восковой бумаге на мыло, бруски ТНТ. Обращали на себя внимание парочка ранцевых огнеметов ЛПО-50.

На коробках с боеприпасами, кроме штатной маркировки, было заботливо подписано — «Для пистнул и ТТ», «Это для винт», видимо, те, кто закладывал склад, полагали, что в нужный момент времени разгадывать маркировку ГАУ может и не быть.

Впрочем, что такое «Ф-1», мог бы догадаться даже стройбатовец... Исфандиярыч под шумок тут же запихал парочку штук себе за пазуху.

Завершала парад имперской боевой мощи шестерка 82-мм минометов.

«Господи, не было гроша — да вдруг алтын... как же мы это до дому поташим?»

«А зачем таскать? — задал своевременный вопрос возникший совершенно ниоткуда седовласый, худощавый дедушка. — У нас здесь и колеса есть...»

«Колесами» оказалась не тачка, как можно было предположить, а парочка заботливо ухоженных БТР-152А, вооруженных спаркой 14,5-мм пулеметов Владимира...»

«И бензин есть, сыночки, и аккумуляторы заряжены, а как же. Мы службу знаем! Как началась смута — каждый день в полной боевой готовности... да вы чуть погодите, сейчас я вот звякну — и наши старички-пенсионеры собираться будут... нет, минометчиков, сынки у нас нету. Чего нету, того нету. А вот если допрос провести, скоренько так, поколоть кого, шильцем под ноготочки... или исполнить кого? Так это мы мигом...»

Спустя час маленькая колонна, ревя древними моторами, выдвинулась на Ямаа... на передней машине, которую вел седоусый ветеран, сидел Володя-Рос-писной и с детским восторгом крутил стволами ЗПУ

ЗАПП-2А туда-сюда, тайно мечтая, чтобы кто-нибудь в его сторону косо посмотрел... однако встреченные эстонцы стыдливо опускали глаза долу...

...Открыв глаза, что далось ему с огромным, невероятным трудом, капитан Леха застонал: «О-о-о, в рот меня...»

Живот знакомо скрутил рвотный позыв. Перегнувшись через бок кушетки, он машинально нагнулся над привычно притулившимся под ней синеньким, с оббитой кое-где эмалью, тазиком...

Вырвало одной зеленой желчью... Не полегчало.

Перевалившись на спину, капитан Леха попытался сфокусировать взгляд... сегодня это получалось как-то неловко...

Вечно горящую под потолком лампочку, которую Леха, боящийся темноты (в которой к нему приходил злой и таинственный Бабай с жутким вопросом: «Где подотчетные денежные средстваааа?»), строго-настрого запретил выключать, загоразивало что-то темное...

Леха поморгал, пытаясь прогнать из глаза непрошеную соринку... Соринка не пропадала.

Напротив, она увеличилась в размерах — пока все поле зрения капитана не заняло смутно знакомое лицо в лиловой фуражке...

«Левицкий? — мелькнуло в гудящей Лехиной голове. — Но отчего он одет, как партизан?»

Действительно, на сияющем от удовольствия старшем сержанте была одета новенькая, с иголки, гимнастерка с воротником-стойкой, подпоясанная кожаным комсоставовским ремнем давно отмененного образца, и именно так могли бы одеть призванного на военные сборы офицера запаса... Вот только вряд ли «партизану» досталась бы такая козырная фуражечка давно (и кстати сказать, совершенно напрасно) упраздненного МГБ...

«Вставайте, товарищ капитан, вас ждут великие дела!» — промолвил опять-таки смутно знакомый голос, который был налит уверенностью и какой-то внутренней силой...

«Дела?» — холодный ужас пробрал Леху до самых пят, — за мной что, уже... пришли?»

«Пришли, пришли, — утешил его незнакомец со знакомым лицом, — а ну, подъем, сорок пять секунд!»

Вскочившего Леху качнуло, бросило из стороны в сторону... но железная рука, ухватившая его за локоть, не дала упасть. Чуть позже та же рука отволокла его к умывальнику, и на бедную больную голову обрушилась струя ледяной воды...

Когда Леха, мокрый по пояс, по-прежнему поддерживаемый незнакомцем, выбрался из канцелярии на свежий воздух, то окончательно понял, что все в полном порядке.

Просто у него приступ белой горячки.

Перед ним более или менее стройными шеренгами выстроился весь его ВСО... причем его «ВыСеры» были одеты, словно воины-победители в славном сорок пятом... только орденов и медалей на груди не доставало.

Гордо и свободно стояли они, сжимая в мозолистых, натруженных руках оружие, которое вручила им сама Родина-мать. И было понятно, что никакому Гитлеру, никаким империалистам невозможно было их одолеть.

Убить — да. Победить — нет.

У вечно пьяного, зачуханного, трусливо ожидающего неизбежной ревизии Лехи защемило в груди... и на глаза невольно навернулись слезы.

Это была его воплощенная мечта об Армии... сильные, отважные, закаленные люди, готовые идти на смертный бой. И он, маленький, рыжий, лопоухий мальчишка — их командир...

Пусть это пьяный бред, сон, мечта — но как она прекрасна...

Стоящий рядом с ним незнакомый старший лейтенант шепнул: «Что же вы? Командуйте!»

И капитан Леха, мгновенно оправившись, подобравшись и собрав себя в кулак, скомандовал: «ОТРЯД! Слушай мою команду... Равняйся! СМИРНА! Нале-у... Шагом... Марш!»

Музыкальный взвод — два трубача, туба, кларнет-а-пистон, флейта, барабан и литавры — грянул «Прощание славянки».

Революционный Беспощадный Отряд Пролетарского Гнева уходил в бессмертие...

...Приближающаяся к баррикаде машина была похожа... да ни на что не похожа. Культурный прибалт Артур Вилкас регулярно читал в городской библиотеке журналы «Военные знания», «Техника — молодежи», «Моделист-конструктор»... но даже в «Мурзилке» он никогда не видел подобной картинки...

Больше всего это походило на «краулер» с планеты Tatooinn (Вилкас одним из первых достал себе видеоманитофон ВМ-12, производства Раменского приборостроительного завода загнивающей импееерии, и поэтому сам, своими глазами смотрел «Звездные войны»... жаль только, что первых трех серий нигде достать не мог, даже в Таллине, на Пикк-Ялг).

Однако он хорошо знал, что ему делать...

Недаром Вилкас, разумный, смотрел Вильнюсское телевидение... там литовец лег под танк, и танк проехал ему по ноге, оставив на коже следы — аккуратные, через равные промежутки, красные полосочки — следы траков, а отважного литовца потом показали по телевизору (автор текста — психически здоров. Он сам, своими глазами, видел этот сюжет, и даже, будучи приглашен в 2001 году в программу Сорокиной в качестве эксперта, пытался, подавляя гомерический хохот, в прямом эфире это зрелище комментировать... Танк. Проехал. По ноге. Литовца. Лежащего. На асфальте. Оставив. На коже. Красные. Полосочки. Следы траков. Впрочем, о разуме прибалтов мы уже говорили...)

Вилкасу тоже очень хотелось прославиться. Тем более что странная машина должна была обязательно остановиться... ну даже пусть и не остановиться — чуть-чуть потерпеть ради славы Вилкас был готов... всегда готов.

Терпел же он странные прихоти финского туриста... и даже вывел для себя закон: боль в заднем проходе+горячее дыхание в затылок= вареные джинсы.

Аккуратно улегшись на по-европейски чистой мостовой, чтобы не помять новенькие варенки, Вилкас стал ждать...

Странной машиной был бульдозер Т-2, только несколько доработанный... Старший сержант Хайлис (на своем истфаке именовавшийся не иначе как Мехлисом — шутка такая, для тех, кто исторический юмор понимает) не зря провел время, пока мы грабили найденный склад-клад...

Листы стали толщиной 15-мм, сварочный аппарат — и посмотрите, что можно сделать из домашнего пылесоса...

Просто тема курсовой Фимы Хайлиса (из-за которой он и загремел в армию) была: «Особенности штурма атолла Тарава по сравнению с Эльтигенской десантной операцией». Можно уже смеяться.)

Так что словосочетание «бронированный бульдозер» Фиме как-то крепко запало в его дремучую семитскую душу...

...Подползший к красиво лежащему на мостовой Вилкасу бульдозер неторопливо и основательно наехал ему на ноги... У умного Вилкаса выкатились из орбит пустые голубые глаза и из раззявленного рта пролилась тоненькая струйка слюны... потом изо рта донесся тоненький, тоненький писк...

Травматическая ампутация, вот как это называется. И вареные, добытые с таким трудом джинсы были тоже безнадежно испорчены...

...«Цвеньк! Цвеньк!» — высекая искры, тупоконечные пули безопасно разбрызгивали свинец на обшивке гусеничного монстра, который, наконец, дополз до баррикады, и... пополз с той же скоростью дальше, проехав сквозь аккуратный европейский хлам как сквозь паутинку...

«Бенц!» — на крыше кабины, разбрызгивая огненные брызги, запыхала бутылка... Выскочивший под пули тракторист стал сбивать пламя новеньким ватником.

«Нет, MolotOv, нет, MolotOv...» — донеслась с верхнего этажа залихватская песенка времен Финской войны...

«Да! Тетенька, у вас батарейки четырехвольтовые, плоские, есть? Дайте четыре!» — вежливый старший сержант Левицкий опустил на металлическую тарелочку газетного киоска смятый бумажный рубль — «сдачи не надо!»

Опустившись на колени, он осторожно, сняв бумажную перегородку между контактами, установил купленные квадратные батарейки «3336Л» под пистолетную рукоятку стоящего на сошках устройства, похожего на ручной пулемет... только у этого

пулемета не было магазина, а вместо приклада — тянулся за спину сержанта гибкий шланг...

Встав на ноги, Левицкий аккуратно совместил мушку и целик на окне, откуда вылетела бутылка с зажигательной смесью... потом еще раз посмотрел на наклеенную на картон инструкцию, щелкнул, нажав левым указательным пальцем, переключателем, установив его в положение «Огонь», усмехнулся и нажал на спусковой крючок.

За его спиной послышалось негромкое шипение — это сработал от электроспуска пиропатрон в баллоне за его плечами... через четверть секунды сработал пиропатрон в основании 14-мм ствола, и с могучим ревом огненная струя умчалась прочь...

Пение сразу прекратилось... а потом с криком «Вай, вай, вай» охваченный пламенем силуэт выпал из ставшего похожим на доменную печь окна...

«Не плюй в колодец. Как аукнется — так и откликнется», — подумалось Левицкому... и по-прежнему насвистывая, он пошел дальше. У него еще оставалось два выстрела. А потом надо опять батарейки покупать...

...Драка дилетантов — вот как это можно было бы назвать... только вот дрались они вовсе не подушками.

Обе стороны расходовали невероятное количество патронов, стреляя во все возможные стороны — так что первые раненые в отряде появились как раз в результате «дружественного огня»...

Но «королевские войска» прошли жесточайшую школу казарменных драк — когда проигравшие играли в Гагарина... поэтому они дрались ожесточенно, зло и безжалостно.

Чухонцы такой школой не обладали... кроме того, они желали колбасы, мечтали о колбасе... но умирать за колбасу были абсолютно не готовы...

Ведь свобода у чухны строго ассоциировалась с колбасой... большой и толстой, финской, сервелатной...

А бойцы Отряда со всей пролетарской ненавистью гасили зажавшуюся чистенькую беломазую сволочь. С классовых, так сказать, позиций... понятно, на чьей стороне была победа!

...На площади к капитану Лехе, который, отбив горлышко, заливал себе в луженую глотку «Вана Таллин», осторожненько покашливая, приблизился невысокий мужчинка в черной кепеле...

«Ой, я таки извиняюсь... это ви будете командир? Да? И я вам должен верить? Ну ладно, ладно... но скажите, я не знаю, о чем вы думаете — но. Погромы таки будут?!»

Капитан Леха задумался, а потом, рыгнув, авторитетно предположил: «Будут!»

...Человек с пейсами печально посмотрел на Леху взглядом спаниеля, забытого хозяевами на опустевшей осенней даче...

«Ви таки знаете, я почему-то сразу решил, что погромы будут... ведь это же фашисты! Вы посмотрите, что они в своих газетках пишут — что во всех их бедах виноваты опять же исключительно мы. Советскую власть провозгласили мы, советские войска пригласили мы, колхозы организовывали снова мы. Даже воду в унитазе — им известно, кто ее выпил... и я таки говорю: надо. Надо ехать...»

В этот патетический разговор вмешался Исфандиярыч, который немилосердно, пинками гнал из мэрии уже привычно желейно дрожащего щеками главу и отца города...

Дорогие шведские брюки главы и отца были разорваны сзади и мокры спереди.

Глава и отец идти не хотел, и Исфандиярычу приходилось поддавать ему ускорение через каждые пару шагов. Причем делал это сын степей с видимым огромным удовольствием.

Увидев главу и отца, капитан Леха очень оживился, а ребе деликатно отошел в стороночку — мало ли что.

«А-а-а, привет, ворюга! — радостно осклабился капитан. — Как там бассейн на твоей даче поживает?»

«Какккой бассееейн?» — осведомился глава города.

«А у тебя их что — два? Тогда тот, который под крышей, с подогревом — который мы

из материалов для реакторного барботера тебе построили... и как там твой поделщик, Кривохижин? Все пьет? И пьет, и пьет... всю Россию пропил, гад толстопузый... ничего, и до него доберемся...

А знаешь что? Раз ты, свинота, так купаться любишь... мы ведь тебе рядом с твоим кабинетом в твоей мэрии-херии сауну оборудовали, чтобы ты со своей секретуткой там парился... так? Вот и попарься... А ну, ребята, тащи его назад в мэрию! Сейчас на нем мы будем ставить научный экскремент!»

...Щелкнул выключатель — и уютную сауну, вход в которую находился буквально за спинкой роскошного, по тогдашним понятиям, производства скандинавской компании «ИКЕА» кресла и был задрапирован эстонским флагом, озарил теплый свет шведской лампы...

На оббитом вагонкой полке лежало могучее тело, заботливо прикрытое байковым халатом... тело принадлежало старшему матросу Небийбабе!

«Ты как сюда попал?!» — с изумлением спросил я его...

«Да, когда мы мэрию взяли — я вот с Эллой познакомился...» — застенчиво произнес Небийбаба. Результаты знакомства были налицо — вся шея, грудь и живот старшего матроса были покрыты чернеющими следами укусов и пылких лобзаний, и спину и ее нижнее выпуклое продолжение покрывали уже чуть подсохшие следы от когтей. Картину довершало имя ELLA, выкусанное у Небийбабы на волосатой груди.

«А потом она меня спасла...»

Сама спасительница стояла в дверях, и ее глаза светились голодным маниакальным блеском...

«Пойдем отсюда, сынок... да на что она тебе нужна, блядь старая!»

«Каккая же я стаааррая?» — возмутилась секретарша.

«Аааа, возмутился мэр, — так вот ты кудааа все время пропадаааалллааа? Прямо у меняя за спинноооой... измееена!»

«Не измена, а советский патриотизм! А ты, гражданин начальник, о себе подумай!»

Мэра усадили на полку, крепче привязали и включили регулятор температуры на 100 градусов. Пушай пропотеет!

...Когда мы вышли на улицу, то мелкий дождик, моросивший с утра, сменился нежарким уже солнышком, пробивавшимся сквозь свинцовые тучи. Свежий ветер с Балтики полоскал вывешенные на балконах белые простыни — отчего Балтийск стал напоминать Берлин сорок пятого...

Гордые эстонцы дисциплинированно складывали у ног бронзового Ильича оружие... а самые дисциплинированные собственными языками отмывали с памятника красную краску, которой его вымазали...

От мэрии донесся протяжный вой. На этот раз Исфандиярыч тащил уродливую, похожую на карамору барышню, с черной анархистской повязкой на грязных, давно не мытых, жиденьких волосишках...

«Вот, паньмаешь, в падвал сыдел, в меня сытыры-лять хотел — но по бабьей своей дурости нэ знала как!»

«Ты кто будешь, красавица? Местная?»

«Я из Киеву... хай живэ вильна Украина!»

«Та нихай соби жеве... ты как здесь-то оказалась?»

«Я сторонница учения батьки Махно, специально приехала на помощь эстонским борцам с русопятской тиранией! Я буду убивать, убивать, уби...»

Бац.

Барышню быстро расклинило, и она жалобно заныла... я ведь женщин не бью, вы же знаете. Только вот разве это существо — женщина? Урод какой-то.

«Да, суду все ясно... наказать бы ее, а, Исфандиярыч?»

«Хоп майли, начальника! Сейчас мал-мало накажем...»

«И тебе... не противно?»

«Вах, зачѐм так говоришь? Я маладой бил, в пѣсках барашка мал-мал лубил... канѣшна, маладой барашка куда как приятней, чем этот вонючий каза... но патер-плю! Пашли, сладкий мой... Цоб-цобе!»

...А на площади уже дисциплинированно выстроилась очередь из евреев, желающих покинуть гостеприимную эстонскую землю... как в старые проклятые времена.

Надо было что-то решать...

— ... «Так, девушка, дайте-ка мне Тель-Авив... Алло, это Тель-Авив?

— Вай, Телави, да... гамарджобар, генацвали, тибѣ кито нужѣн?

— Ты, овца бландинистая, дай мне Израиль, срочно... как нет связи? А с кем есть? С Хельсинки? Давай Хельсинки...

— Hallo, it is help? Connect me to state Israel embassy, urgently... Hallo, this embassy? With whom I speak?

— Im the military attache Roman Pole... а по-русски Вы говорить не можете, а?

— Слушайте сюда, Рома... тут у меня на руках полторы сотни аидов, которых нужно быстро-быстро...

— Шо ви мне голову морочите... Ви где?

— В Палтиски....

— Ой, ну я вже понял, шо не в Эйлате... где именно в Палтиски?

— На переговорном пункте, это...

— Спокойно, ми знаем, где это. Как вы выглядите?

— В форме, старший лейтенант...

— Ждите, товарищ старший лейтенант. Сейчас к вам подойдут... И, это? Какая, к примеру, у вас там погода?»

...«Шолом, это вы звонили в известное вам место, в Хельсинки?» — и лейтенант Коля сделал хищное лицо...

«Ой, вот только не надо! Не надо. Что вы на меня так смотрите, словно, извините, антисемит какой?»

Лейтенант Коля внимательно прищурил глаз...

«Ну хорошо — уже ухожу, ухожу. И вообще, я дипломат. Почетный консул. По нечетным — цивилизованный кооператор... человек тихий! Мы только своих заберем, и все...»

«Интересно, как это вы их заберете, в карман, что ли?»

«Зачем в карман? Для этого Хейл Авир есть...»

«Хх-ехх, это же Палтиски! Прикрыт с воздуха непробиваемым стальным щитом!»

«Ой, та на что нам его пробивать? Мы тихонечко, по стеночке... так, будьте любезны, помогите доставить беженцев вот в этот квадратик...»

...Когда последний еврей — им оказался пейсатый ребе — поднимался по рампе С-5А и уже приветственно помахал нам рукой, агент мирового сионизма ласково взял меня за рукав и проговорил интимным голосом: «Вы знаете, есть такая сказка... приходит к одесситу одна такая маланская мамаша и говорит — это вы спасли моего сына Моню, когда он тонул на Ланжеронском пляже? Большое вам спасибо, конечно... но где его панамка?

В Москве эпопея с ГКЧП благополучно гавкнулась. Что вас ждет? Трибунал? Если вы так думаете, то глубоко заблуждаетесь... и вас, и ваших людей продадут эстонским фашистам. И умирать вы будете дольше, чем мэр...

Слушайте, вы спасли наших — и зачем вам помирать? Грузите ваших людей...»

«Про ГКЧП... это верно?»

«Держите Общую Газету, передана по фототелеграфу из Москвы...»

«Да... доигрались, сволочи. А куда же я людей погружу?»

«Так на этот случай еще два борта уже летят... собирайте людей к посадочному пункту».

Да. Все прекрасное — недолговечно. Мы победили.

Но эти тупые ублюдки украли у нас нашу победу. И впереди нас ждала позорная

смерть...

В последний раз гордо проехав по улицам освобожденного города, провожаемые восхищенными взглядами из-за проволочного забора Пентагона, мы сосредоточились на поле возле Киилга-Яхт.

И самолеты прилетели.

И — непобежденные — мои дорогие бойцы взошли на борт, и закрылись ramпы — и самолеты поднялись в воздух.

А мы — остались... остался я, остался лейтенант Коля... Остался Левицкий и Володя-Росписной, Исфандиярыч и Небийбаба, остался русский патриот Фима Хайлис...

Это наша земля. И нам некуда с нее уходить...

Москва, 2009 г.

Артем Рыбаков КАТУШКА

Вот ты, внучек, спрашиваешь, как мы в детстве без домашних ЭВМ обходились? Да так и обходились... без терзаний. Они ведь в ту пору и в Америке редкостью были дорожкой. А мы все больше на улице. И-эх, и в мушкетеров играли, и в Робин Гуда... Это когда многосерийка английская по ЦТ была. Знаешь, какой я себе лук из дуба вырезал? Рейку я в судомодельном кружке взял, да обточил, да перья вороньи приклеил... С двадцати шагов на палец стрела в доску сосновую втыкалась! Без наконечника! Я, правда, чуть без глаза не остался, когда Федька Молотков меня в сквере подстерег. Спрашиваешь, зачем подстерег? Так он же лесничим шерифа ноттингемского был, а я — вольным стрелком...

А в «мушкетеров» вся страна играла... Как там — «Пара-пара-парадуемся...» Мы шпаги из проволоки толстой делали. Петельку на конце пассатижами выгнешь, чтобы не заколоть кого, — и вперед. А у меня одноклассники были, брат с сестрой, близнецы, так им мать плащи мушкетерские пошила — голубые, с белым крестом. А отец их шляпы из картона замастывал. Весь двор, знаешь, им завидовал... И всем грустно было, когда ребята под дождь попали и шляпы развалились.

Джинсы? Да были у меня джинсы, что ты... И индийские были, и наши. Нет, американские, конечно, последним писком считались, но нам-то какая разница, чего об заборы трепать?

Но самое завлекательное — это, конечно, в «войнушку». В какую, спрашиваешь? Да в ту самую, 90 лет Победы в которой мы сегодня отмечать будем. А тогда как раз сорокалетие отмечали. Ну, я и говорю, детство мое.

В ту пору в центре как раз дома расселяли... Нет, это сейчас там квартиры хорошие, и у некоторых очень модные... А тогда... Тогда коммуналки все больше были... Ну, да вам на уроках истории должны были рассказывать.

Значит, расселяли эти коммуналки, а дома подолгу пустыми стояли... Пока, понимаешь, у горсовета руки дойдут... Иные и по десять лет пустые стояли, нам, ребятне, на радость. Мы как раз в них-то в войну и играли. В разведчиков да подпольщиков. После школы на группы поделимся и вперед, в развалины. А ребята, что на окраинах жили, в парках да скверах играли. Рассказывали, даже окопы с блиндажами выкапывали. И мы им очень завидовали, а они — нам. Откуда я знаю? Так в пионерском лагере опытом делились. Ты что! Первое дело было, соседям по палате рассказать. А сколько я рецептов «бомбочек» оттуда привез...

Так, отвлекся я что-то. Про что мы говорили? Про «войнушку»? Ага! Ты гостиницу, что на Тверской сейчас... как ее... «Мариотт-Победная» знаешь? Вот-вот... Так мы до того заигрывались, что она раз десять горела... Да не гостиница, а дом! Венька, одноклассник мой, тогда бомбочки все испытывал... И не посмотрел, баран малолетний, куда кидал! А там магазин раньше был... Бумаги оберточной понабросано было... Вот и загорелось... А во дворе — отделение милиции. Еле ноги тогда унесли... А что ты смеешься? Тогда в комнату

милиции попасть тоже дело такое было... Это тебе не «буза перестроечная»... Всего-то три годика, а память до сих пор в народе живет. Да нет, мы не хулиганы были, так — обычные дворовые ребята. У Веньки батя — в Академии наук шишкой был, да и он сам сейчас — профессор химии. У меня — сам знаешь... Не, не хулиганы...

Чего интересного в играх таких, спрашиваешь? Так ты, вон, в «КГБ-наркоконтроль» по скольку в день гоняешь? А у нас вживую все да на воздухе... А у тебя геморрой к совершеннолетию того и гляди, вылезет... И не надо мне про свою «электронную реальность» рассказывать! Когда я по дури собственной со второго этажа загремел — это, брат, никаким креслом хитрым не передашь. А то, засаду обходя, не тем проулком побежал... Там стена. Я через нее перемахнул, да забыл, что сарай, там стоявший, три дня как снесли... Прыгать струхнул... там метра четыре было, да и жёковские железок всяких под стеной навалили... Назад влезть — силенок не хватило. Там у стены гребень еще закругленный был. Вишу я, а руки потихоньку немеют... Смотрю я на кучу металлолома и мысленно с мамой прощаюсь... С четверть часа провисел, потом, как просветление пришло — напрягся я, от стены ногами оттолкнулся посильнее, да и прыгнул... В аккурат хватило, чтобы кучу тех железок перелететь... А ты говоришь «электронная реальность». Это какую же «вычислялку» «Кванту» сделать надо, чтобы все это передать?

Ты вот на каникулы в Вильно ездил... Наверняка у вас была экскурсия в музей «Союзников»? Была... Конспиративная квартира это была, вам рассказывали на экскурсии... Вот и мы такие «конспиративки» себе делали. А что, прикинь, как интересно было... После школы не домой идешь, а на чердак какой или в подвал лезешь. А там — комнатка тобою самим обставленная и отделанная. Форму переоденешь и гулять-играть с друзьями. Часто играли в поиски «конспиративок» таких. Делом чести считалось знать, где у кого «ныч-ка», а свою сохранить в тайне. Как раз фильмы тогда шли про разведчиков наших и подполье: про Штирлица (мне, кстати, цветная новая переделка понравилась), да с Далем «Вариант «Омега». А уж когда «Место встречи» с Высоцким вышло, так в каждой третьей подворотне кошка черная была нарисована... Хотя я всегда за «муровцев» играл... До МУРа настоящего-то от школы всего пять кварталов было!

Что, удивительно тебе, что и у нас форма в школе была? Говоришь, надоела она хуже горькой редьки? А ты сам подумай! Непонятно? Так объясню я тебе... У нас, когда я школу заканчивал, тоже форму отменили. Дескать «Долой обезличенность!» И что вышло? Нехорошо! У тебя отец хорошо зарабатывает, и у меня пенсия — о-го-го! Так мы с бабушкой тебе куртку дорожную подарим, не жалко нам, да и средства имеются, а у Максима, друга твоего, куртка попроще, поскольку мать его одна растит... И что, надо Максиму глаза мозолить? Чтобы он родительницу свою просьбами пустыми донимал?

Нет, конечно, у вас сейчас форма не чета нашей — яркая и удобная. Эх, где мои двенадцать лет... А мы про свою шутили: «летом жарко, зимой холодно», и рвалась она часто, но то мы сами виноваты были.

Ты спрашиваешь, могли ли мы себе игрушки покупать? Могли, конечно. Отчего же не могли... Мы и деньги себе зарабатывали. Как? Да по-разному. Кто газеты до школы разносил, но это, правда, после четырнадцати лет. А мы на развалинах наших и зарабатывать ухитрились. Дом-то под снос или капремонт стоит... Никому не нужный. А мы и шустрили. Колонку медную, водогрейную свинтишь да во «Вторцветмет» отволочешь — вот тебе и трешка. А на треху-то неделю гулять можно было. А что — эскимо двадцать копеек стоило, но я, признаюсь, больше «Бородино» за двадцать три копейки любил, у него глазурь шоколадная мне больше нравилась. «Буратино» — пятнадцать копеек за бутылочку, а уж квасом залиться можно было.

Солдатики я еще буржуйских покупал. Их барыги в центральном Детском мире нам по пятьдесят копеечек за штуку продавали. Но мы скоро бросили их покупать... Из проволоки своих крутили... Мы их «микки-маусами» называли... Почему? Из-за «хвоста» сзади. Они стояли из-за него сами, стояли и не падали... И гнулись они так, что их в технику разную засовывать можно было. И размер как раз под «сорок третий» масштаб подходил. Так что

деньги на «склейки» копить стали... Ну, на модели танков там или самоходок всяких... У тех же барыг за «четвертной» купить можно было... А уж когда наши их выпускать стали, тогда нам радость, ну и экономия, конечно... Т-34-85, СУ-122 — куда же без них. У меня, ты не поверишь, армия в пять сотен «микки-маусов» была да танков пятнадцать. Километрами кабель на местной телефонной станции тырили! Видел бы ты, какие баталии во дворе устраивали! На «задах» у «Ленкома».

Говоришь, театр знаменитый? А как же! Только я в него первый раз «правильно» лет в двадцать пять попал, если не позже, когда в отпуск домой приехал... А так — актеров всех в детстве перевидал... И Абдулова, и Караченцева... Да ты кино старое с ними по «ящику» видеть должен был... «Обыкновенное чудо» знаешь? А как-то мы им учения по пожарной безопасности сорвали. Как, как? Обыкновенно, по дурости. Они на дворе на заднем собрались и пожарный их тренировал... Ну, кучу стружки навалили, чтобы поджечь, а актеры с гримерами всякими потом огнетушителем должны были тушить... А мы как раз на «тарзанке» там катались. Катаемся мы, значит, а у них со стружкой не выходит чего-то, не загораются... Может, как в анекдоте: «Махмуд! Поджигай! Не могу, Гюльчатай...» А нет, рано тебе еще... Что знаешь? А ну точно, в пионерлагере рассказывали... Как раз в твоём возрасте. Ну, Костян — это корешок мой был со второго класса — к ним вразвалочку подходит и спрашивает: «Не горит? Хотите, помогу?» Ну, они смеются... Сам посуди, пацаненку лет десять, а он им помощь предлагает... Смех, да и только... А Костик над стружкой наклонился и химичит там чего-то... А он ушлый был и рукастый... Поворошил он стружку и говорит: «Теперь поджигайте!» А сам бочком-бочком к нам отходит и знаки делает, мол, тикайте! Пожарный из театра спичкой чиркнул и к стружке поднес. И, представляешь, загорелось так бодро... А потом кэ-э-эк рванет!!! Мы, естественно, по ящикам для декораций к забору и только нас и видели... Костя, как выяснилось, в стружку бомбочку магниевую сунул... Грамм на пятьдесят... А стружку керосином полил — он его всегда в шприце с собой носил. Как он говорил: «На всякий пожарный...» Мы потом недели две на этот двор заходить боялись.

А еще мы там с «немыми» дрались. Рядом интернат для детей с дефектами речи и слуха располагался, на Чехова. Ну и они на двор театральный тоже захаживали. А они все ребята крепкие были и очень обидчивые... Как-то раз они нас с «тарзанки» согнали, так Костян их дразнить начал... Ну, догнали они нас и отметили хорошо...

Так, не про форму-то я речь веду, а про игры наши. В четвертом классе, как сейчас помню, мы решили крышу одну с друзьями обследовать. Там будка ВНОС стояла. Что такое ВНОС? «Воздушного Наблюдения и Оповещения Служба». Многие дома, что при Сталине после войны строили, на крыше специальные будки имели, для воздушных наблюдателей. На одном доме мы такую обжили, а рядом, на соседней крыше, еще одна стояла. А будки эти интересно строили — сама будка кирпичная на крыше стоит, а под ней, если через люк спуститься — комната или две. Один раз с пятью комнатами нашли, но нас дворник местный засек и двери заколотил... Так что «супернычка» получиться могла! Ну, мы с дружка-однокурсниками и решили экспедицию предпринять — по карнизу туда залезть. А карниз-то на высоте девятого этажа... Шило у нас в жо... боку свербило... Брат мой, твой дед Семен, выпендриться решил — катушку с проводом с собой тащить. Путь отмечать. А она, зараза, килограммов пять весила... Идем мы, значит, по карнизу этому... Ну, «идем», это я, конечно, прихвастнул. На карачках ползем, если по-честному... А там ветрина задует! Весна ведь ранняя, март только начался. Мы в колоннах барельефных спрятаться пытаемся... Под ногами Садовое шумит... Чуть не обделались мы там... Тут Сема мне и говорит: «Не могу я эту хреновину больше тащить!» Я ему: «Кидай ты ее!» Ну и кинул он. Проволоки метров десять с нее смоталось, и катушка эта за карниз зацепилась и как маятник огромный начала раскачиваться. Тут понимаю я, что она вниз сейчас грохнется, и ору ребятам: «Назад давайте!». Честно скажу, внучек, многое я в жизни своей повидал, но страх тогда такой, животный, первый раз испытал! Мы на карачках, чуть зубами не цепляясь, назад поползли... И только мы на крышу выбрались, через балюстраду перевалив, как проволока

та, тренькнув, оборвалась, и катушка в туннель полетела. Какой туннель? Да где Садовое под Тверскую ныряет... Я последним в окно чердачное залезал и услышал, как внизу тормоза завизжали, и грохот такой... Авария случилась. Мы перепугались, конечно, не без этого... Чердаками проскочили до подъезда, где Филя, одноклассник наш, жил, и по черной лестнице спустились в квартиру. Только часа через три мы на улицу решились выйти... Машины, побившиеся, из туннеля уже вытащили и на обочину отволокли. Представляешь, «Волга» номенклатурная под «КрАЗ» с полуприцепом поднырнула. Вся правая сторона в лепешку смята, видать, этот полуприцеп с плитами бетонными по ней прокатился... Из-за нас, дураков малолетних, беда такая приключилась.

Знаешь, Алеша, может это безобразие и наставило меня на путь истинный... Я спортом стал серьезно заниматься, сам не знаю отчего. Учиться стал лучше — не медалист, конечно, но без троек. Ну а после школы и армии уже в училище пошел... Сам знаешь, помотало меня по необъятной нашей, ну и повоевать тоже пришлось: и в Закавказье, и в Молдавии... А уж когда недобитки всякие в Прибалтике людей советских резать начали... Хотя мал ты еще про те деньки лихие слушать...

Ладно, заболтались мы, а нам еще за Валерием Ивановичем заехать нужно...

Так они и вышли из подъезда: тринадцатилетний Алеша и его дед — полковник Пограничных войск КГБ СССР в отставке. Их ждали места на «ветеранской» трибуне у Кремлевской стены. Сегодня Алеша первый раз увидит Парад Победы воочию, своими глазами. Девяносто лет прошло... Девяносто...

«...трагическая случайность вырвала из наших рядов пламенного борца за дело социализма... Долгие годы руководил он Свердловским обкомом партии... Видный руководитель стройиндустрии Союза ССР... Депутат Верховного Совета с 1978 года, член президиума Верховного Совета с 1984 года... Гражданская панихида состоится в Колонном зале Дома союзов...»

«Правда» 4 марта 1985 года Москва, 2009 г.

Алексей Ивакин, Андрей Русов И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН!

Митька шел провести своих.

В тряпичной сумке лежали бутылка водки, шматок сала, буханка серого хлеба, две луковицы и пачка «Беломора».

Интересно, Союза нет, а «Беломорканал» остался...

Свои были недалеко. Лежали, как говорится, в сырой земле, поросшей густой травой и редким кустарником.

Митьке было почти восемьдесят. Он плохо видел. Еле ходил. Поднимался на четвертый этаж с тремя перекурами. Старость... Не то что тогда... В этих местах четырнадцатилетний сын полка получил свое первое ранение.

Но каждую весну, прилагая невероятные усилия, Митька ехал на пригородном в сторону аэропорта, а потом десять, невероятно длинных в его возрасте километров шел на позиции роты. Километры, словно фрицы тогда, отделяли его от тех, кто заменил ему тогда семью.

Он шел на поле боя, ставшее братской могилой.

Братской могилой тех, кто шел в атаку, поднимаясь по изувеченным склонам Крымских гор.

Митька — а он так и остался в душе Митькой — не мог сюда не ездить. Каждую весну сюда приезжали поисковики. И каждую весну они находили кого-то из наших.

Раньше, когда он был поздоровее, Митька приезжал сюда чаще. А последние года три только на захоронение. Он любил наблюдать за работой поисковиков, выглядывая в каждой железячке что-то знакомое.

А как он радовался, когда молодые пацаны, чуть старше его тогдашнего, находили

медальон!

Радовался и плакал...

В позапрошлом году пацаны из девятой школы поднимали красные косточки одного бойца. Дед Митя — как они его звали — сидел на краю раскопа, когда они протянули ему ложку, на которой было выцарапано: «Коля Ваганов».

— Дядя Коля... — сказал сам себе Митька, поглаживая ложку и стараясь не глядеть на раздробленный осколком череп.

— Что? — спросил его кто-то из пацанов-поисковиков.

— Сержант Ваганов. Николай. Я его дядя Коля звал. Рябой был, весь в оспинках. Сахаром меня подкармливал. Большие такие кубики, сладкие...

Он тогда быстро — насколько мог — поднялся и ушел по лесной дороге к оживленной трассе, сглатывая душащие слезы. А наутро привез для дяди Коли гроб. Индивидуальный.

В тот день его ранило в живот, он потерял сознание, а очнулся уже через несколько дней. В госпитале его никто не искал, а сам — по причине малолетства и тяжелого ранения — до конца войны так в армию и не попал.

И однорукий военком, не глядя на медаль «За отвагу», гонял его по всему Севастополю, если Митька появлялся на пороге военкомата.

«Отвагу» пацан получил, когда Сиваш форсировали. Умудрился из оброченной кем-то «снайперки» свалить пулеметный расчет фрицев. Сначала получил три дня нарядов на кухне, а потом и медаль... Правда, уже в госпитале.

Так он и остался здесь, в городе русской славы. Искал своих долго, очень долго. И лишь к концу восьмидесятых выяснил, что его рота попала на Мекензиевых высотах под артобстрел, и он был один из немногих, кто выжил в том аду. Ровно за год до Победы.

И каждый год он приезжал к мемориалу на Сапун-горе, выпивал стопку пьянящей и дурно пахнущей водки и шел домой, усталый и подавленный.

И так почти полвека. Полвека. Полвека прошло. Пятьдесят лет. Иногда Митька думал: а зачем он столько живет?

А потом внезапно страна кончилась, и он стал жить за границей. Паспорт он не хотел менять до последнего, пока не пригрозили, что пенсию давать не будут. Пришлось менять серп и молот на трезубец. Нового паспорта Митька почему-то стыдился.

А потом оказалось, что рота вовсе не была похоронена, а так и осталась там, в воронках у четвертого кордона. И вот уже десять лет, каждую весну, он приезжал не на Сапун-гору, где для ветеранов показывали костюмированный цирк, а сюда. В странную, неправильную тишину Мекензиевых гор.

И в этот майский теплый день все было как прежде.

Все да не все.

На опушке, притаившись, словно хищные и юркие танкетки, стояли трактора, заведенные и нещадно коптящие воздух выбросами солярки.

Мысли лихорадочно забегали — что это, что это? Сердце почуяло неладное, а ноги вдруг ощутили слабость...

— ...В общем так, мужики, к субботе должны успеть, ровняем площадку и пригоним сваебой, — дерганный, какой-то прилизанный, но в то же время кажущийся каким-то неопрятным, инженер Стройпроекта раскрыл карту и отошел в сторонку.

— Семен Константинович, тут же бои были в войну! Со всей России приезжают, каждый год выкапывают бойцов, целые дивизии лежат, можно ли? — Крепко сбитый тракторист с черным, как у негра, лицом сдвинул кепку на макушку.

— Тебе за что деньги платят, Коля? За рассуждательство или работу? — инженер, оторвавшийся от карты, строго взглянул на тракториста. — Самого мэра распоряжение! Нам подряд сдать надо.

— По своим поедом, как фашисты, — еле слышно произнес Николай и, сквозь зубы сплюнув, полез под трактор, регулировать сцепление. Его негромкий протест, по всей видимости, разделяли и остальные восемь рабочих, столпившихся кучкой и насупивших

— А ну как подорвемся, Семен Константинович? Тут же железа военного выше крыши! — крикнул кто-то из трактористов.

— Добро из группы разминирования получено, — отмахнулся инженер. — Нет тут ни хрена. Повытаскали все на чермет. Давай по тракторам!

Работяги почему-то не двинулись с места.

— Да вы что? Охренели, я смотрю? Да тут все перекопано за десять лет! Сейчас из администрации приедут, журналисты, начало строительства мусорного полигона смотреть! — инженер брызнул слюной, и лицо его исказила злость. — Знали, куда ехали... Не нравится? Валите отсюда к едрене фене, другую бригаду найду. На сотню баксов таких еще пучок найду!

Помявшись, трактористы полезли по своим машинам...

...Инфарктное сердце выскакивало из груди, а плохо видящие глаза застилала пелена отчаянья.

— Подооооооооождитеееееееееее...

Митька, задыхаясь и тяжело кашля, встал перед шеренгой желтомордых, оскалившихся словно хищники, тракторов.

— Эй, полоумный, тебе жить надоело? — инженер, сунув в папку карту, ринулся навстречу. — Ты еще кто тут такой?

— Воевал я тут... — прерывисто дыша, почти шепнул Митька. А потом не выдержал и сел на сухую землю, стараясь унять дрожь в теле.

— И что? — пожал плечами инженер.

— Так это...

— Что это? Говори! — нетерпеливо крикнул инженер. И поморщился. От старика плохо пахло кислым потом.

— Тут же кладбище! Тут же мы, то есть они лежат! А вы их тракторами...

— Да их уже давно всех выкопали и перезахоронили, отец, — Семен Константинович оглянулся на высунувшихся из кабин трактористов и махнул рукой — мол, нормально все. — Иди-ка домой! А нам работать надо, отец! А кого найдем если — похороним!

— А что вы тут делать-то будете? — как-то неуверенно, но с надеждой посмотрел Митька на начальника.

— Полигон мусорный...

Вдали показалась кавалькада черных машин, несущихся к опушке.

— Мать твою... Начальство! — Инженер шарахнулся в сторону. — Вали отсюда, старик! Не до тебя! Мужики, ждите там! Сейчас мэр речь давать будет! Потом он рукой махнет, и начинайте!

Дед зашелся сухим кашлем и присел на лежащий неподалеку валун:

— Сволочи же... Сволочи... Свалка... Фашисты!

Как чертики из табакерки, из машин высыпали охранники мэра и его свиты, все как один в хороших костюмах и темных очках. Мэр не спеша, степенно и чинно, вылез из машины и в сопровождении начальника УВД, директора строительной компании и своры более мелких чиновников двинулся к тракторам.

— Ну что, Александр Петрович, по срокам, как обещано, не затянете? — голос мэра отличался покровительственно-снисходительными нотками, которые характерны для человека, привыкшего повелевать и командовать.

— Да ну что вы, Владилен Степанович, к осени построим! Образчик лучших европейских стандартов! — вышагивал рядом валяжный директор строй-компании.

Сейчас они под камерами скажут речь, а потом поедут на дачу к директору. Отмечать удачный откат и распил... Шашлык и коньяк готовы, да и девочки тоже...

Защелкали фотоаппараты и потянулись микрофоны.

Мэр открыл папку.

— Шановнэ громадяне! — по-украински он говорил с трудом, что, впрочем, было

неудивительно. Мало кто в Крыму умел говорить на внезапно ставшем государственным суржике. Но для телевидения надо было говорить на официальном языке. Голос мэра или пропадал в порыве летнего ветра, или разносился по полю. — Шановни товарищи. Сьогодні ми починаємо будівництво смитно полігону, так необхідного для нашого міста...

— Плохо, — кивнул Митька. — Вот здесь болит. Дышать невозможно. Жмет и давит.

— Дед, это сердце, подожди, я аптечку из машины притащу.

— От какого стыда? — удивился тракторист. — Ты чего, дед?

— Ну, ты это... Отец... Дед... Батя... Не расстраивайся, — грязная рука в мазуте потрепала старика по плечу. — Иди-ка и впрямь домой, а?

— Будьмо ж совмистно боротися за звання самого чистийшого городу України!

И тракторист побежал к своему бульдозеру.

У Митьки помутнело в глазах, он покачнулся и едва не свалился в малозаметную ямку около валуна. Заплывший окопчик со времен войны.

— Стооооооооооите, стоооооооооооите! — старик встал перед тракторами, растопылив руки и сжав кулаки.

— Что за дед? — как попугаи, по цепочке передавали чиновники вопрос своим подчиненным.

Камеры и фотоаппараты, как по команде, предвкушая сенсацию, повернулись в сторону старика.

— Дорогой Дмитрий Сергеевич, пойдемте в сторонку, и вы расскажете, в чем суть проблемы.

— Суть, а суть в том, что вы зажравшиеся и жадные — и не махай! Не махай на меня руками! — захватили все у нас в стране и страну тоже! Но вам, гадам, и этого мало! — По лицу старика снова потекли слезы. — Вы же сволочи! Вы же на самое святое! На могилы! Отцы тут ваши! Деды! А вы!

Мэр поморщился и заерзал, наливая красной краской толстые щеки.

— Уведите его в сторону.

Охрана мэра побежала к старику.

Сочувствующие взгляды работяг и прессы.

Лишь заместитель мэра, пытаясь сгладить ситуацию, лично раздавал приказы и указания, какие-то смешные и нелепые.

Старик почему-то успокоился, даже перестал плакать, словно покоряясь силе, и сник...

На секунду. На мгновение.

А потом чуть-чуть разжал дрожащий кулак и сам пошел навстречу охранникам.

Те словно споткнулись о невидимую стену, увидев в руке старика гранату.

— Стоять! Стоять, я сказал! — начальник милиции задержал кобуру.

Но старик — нет, не старик, солдат — только хищно ощерился на окрик и зашагал чуть быстрее. Двести метров разлета! Хватит на всю свору!

Толпа многоголосно завизжала.

— Стоять! — зычный окрик перекрыл и скороговорную речь заместителя, и истеричные вопли журналисток, и даже забухтевших в рации милиционеров.

Все замерли лишь на секунду, чтобы потом впасть в шоковое состояние.

— Митька! Гранату выбрось! Все равно взрыватель сгнил...

Стоящую группу плотным кольцом окружили люди в военной форме. В форме времен Великой Отечественной войны. Как они появились и откуда, никто из присутствующих не заметил. Вскинувшие было руки с пистолетами охранники, привыкшие, как собаки, реагировать на любое изменение ситуации, так же быстро изменили решение под еще один командный приказ:

— Руки в гору! Быстро! И без шуточек!

Бойцы с «ППШ» наперевес быстро обезоружили и охрану, и милицию. Кто-то из солдат восхищенно причмокнул, разглядывая советский еще «АКСУ»...

— Батя! Батяяяяяяяяя! — дед, полуослепший и глуховатый, даже через столько лет узнал знакомый голос командира роты.

— Ждал нас, Митька? Дождался! — И высокий статный офицер заключил в сухие мужские объятия тщедушного старика.

Вокруг, оперев винтовки и автоматы в толпу, стояли его однополчане. Великан Опанас Кравчук, пулеметчик и забияка, балагур Саша Фадеев, с далекого сибирского городка, гармонист Петька Сафронов, всегда спокойный Ильхам Тубайдуллин... Все, он плохо видел, но он чувствовал, чувствовал, что они здесь, все живые и родные. Все живые.

— Дядя Коля! Дядя Коля! — Митька ткнулся в плечо сержанту Ваганову и зарыдал. — Я ж тебя... Ложка... Ты ж...

— Нормально все, пацан! — Сержант осторожно приобнял старика.

Серьезные солдаты в неуспешной еще выплести форме улыбались и махали ему руками, но сразу же снова поднимая оружие, устремляли его в толпу.

Из толпы кто-то старательно выпихнул мэра. Тот ошарашенно оглядывал ухмыляющуюся пехоту.

— Эээ... А по какому такому праву вы тут распоряжаетесь?

Вместо ответа мэр получил короткую очередь под ноги. После чего немедленно обмочился, взвизгнул и бросился обратно в толпу.

— Не по праву! — ответил мэру старший лейтенант. — По закону!

— По какому такому закону??

— Военного времени, — старлей пожал плечами.

Кто-то из толпы чиновников выкрикнул:

— Какая война? Нет никакой войны!

— Для вас нет. Для нас есть, — отрезал офицер, сверкая на солнце погонами.

— Она уже закончилась! — в голосе послышалась истерика.

Вместо ответа старлей прищурился, выглядывая крикуна. Но не высмотрел.

— Для вас она еще и не начиналась. Потерпите. А для нас не закончится никогда. Вот

для Митьки закончилась. Правда, Митька?

Тот отчаянно кивнул, зажмурил слезящиеся глаза. «Только бы не сон! Только бы не сон!»

— Лейтенант, — голос комбата не дал сну закончиться. Майор Щеглов, всегда неодобрительно смотревший на Митьку, вышел из леса в сопровождении группы автоматчиков. — Почему задержка?

— Да вот, товарищ майор... — показал лейтенант стволом на толпу, а потом на деда.

Комбат мельком глянул на толпу испуганных чинуш и журналистов.

— Мины где? Помнишь?

— Конечно, товарищ майор! — лейтенант даже чуть обиделся.

— Кто зачинщик?

Толпа раздвинулась в стороны, оставив в центре мэра и его ближайших замов, начальника милиции, директора стройфирмы и инженера, норовившего свалиться в обморок.

— Товарищ старший лейтенант... По закону военного времени, за преступление против Родины... Гони бандеровцев на разминирование, больше эта мразь ни на что не годна. Остальные свободны. Немедленно покиньте территорию.

— А рядового Соколовского?

— А этого... — Майор подошел к Митьке. Прищурился. — С собой. Подрос уже пацан...

Митька вытянулся что было сил перед строгим взглядом комбата.

— Батальон! Становоооовись! В колонну по два, шагом...

И они ушли. Ушли в закат. Уш...

Пальцы разжались. Граната покатилась по ржавой земле, тонко звякнув о стекло в сумке...

Вятка, 2009 г.

Алексей Ивакин МОГЛО БЫ БЫТЬ

— Лех, уснул, что ли? На пары идешь?

Не открывая глаз, греясь на жарком, не по-осеннему, солнце, я ответил:

— У меня с третьей семинар...

— Перепил, что ли, вчера? Семинар через десять минут.

Я все-таки открыл глаза и посмотрел на...

Батюшки!

Юрка Васькин! Ущипните меня за задницу... Он же... Он же погиб в девяносто девятом! После универа поработав учителем в сельской школе, став «Учителем года», не выдержал бескормизы и завербовался в армию.

И тут, из глубины бессознательного, прокатилось по душе мягкое цунами.

Мать твою... Дочитался...

Самое смешное, что я не испытал никакого хроношока, как описывают фантасты. Шок был у меня от другого. От даты.

Шестнадцатое сентября девяносто первого года.

Ну, почему все люди как люди, попадают в ключевые моменты истории, а я вот в шестнадцатое сентября? На год бы пораньше, до ГКЧП, а сейчас-то что? Поздненько метаться...

— Ты идешь, нет? — нетерпеливо переспросил Васькин.

— А? Да, конечно!

Блин! А здорово же, так-то! Тело молодое, зубы целые, гормоны плещут! Ууууух! Студенточки пошли на учебу... Вот эту я оприходуя через месяц, вот ту через два дня после первой... ЫЫЫЫых!! Ну, здравствуй, молодость!

— Юрка! — от переизбытка чувств хлопнул я Васькина по плечу. — Хорошо-то как! Только пообещай мне в армию не ходить!

Тот постучал мне по лбу указательным пальцем:

— Хватит мне, я свои два года оттоптал. Пойдем уже! Останин опоздавших не пускает, знаешь же.

И я, почти вприпрыжку, помчался на семинар по «Основам современной цивилизации».

Это у нас, на первом курсе исторического факультета, так переименовали в сентябре девяносто первого «Историю КПСС».

Память стала проявляться, словно фотографии в кювете. Я уже и забыл, что такое пленочная фотография... А вот же какие ассоциации пошли...

Останин — зверь-мужик. Вел он у нас тогда философию и те самые «Основцы» — это у нас так предметы любили сокращать. По примеру «Республики ШКИД». Любимые фразы Аалоста — Сан Саныча Останина — были «Место женщины в постели, а не на истфаке» и «В Кирове только два интеллигентных человека. Я и мой друг. Друг уже умер». Получить «отлично» у него было невозможно. Легче на Луну слетать или в прошлое вернуться. Философию я ему буду сдавать шесть раз. До потери сознания буду учить ненавистного Платона. И сам буду преподавать его в курсе «История психологии» спустя пятнадцать лет... Смешно!

Блин! Знакомые все лица! Серега Ерохин, он же Курт — станет менеджером по продажам в «Строй-маркете», Леха Колодкин, он же Ганс — в будущем директор маленькой, но стабильной фирмы по лесозаготовкам, Колька Ямшитов — церковный сторож, Мишка Курашин — управделами «Молодой гвардии»... Никто, кроме Васькина и Димки Васильева — по прозвищу «Большевик», так и не станет учителем истории. Кроме девок, конечно. Половина из них замуж на третьем курсе повыскакивают. Большая часть по залету, да. Потом разведутся, снова замуж, уже осмысленнее...

И тут меня словно обухом.

Иришка!

Она же тут, в этом корпусе, пока еще Кировского педагогического института! Прошлое накатило с такой силой, что у меня, кажется, запылало лицо.

— После пар стипендию дают! — шепнул мне усевшийся рядом Курт. — Потом идем в общагу, места получать!

Да, точно... Сегодня же день заселения... Я получу место в двухместной комнате, вместе с Колькой Ямшитовым. Там он, кстати, и начнет спиваться. А я через год приведу в эту комнату с обшарпанными стенами, заклеенными вырезками из журнала «Советское фото», Иринку. Под утро отведу ее в общий — два на этаж — туалет. И пока она там моется из обычного крана холодной водой, выброшу из окна — прямо в мусорный бак — простынь с кровавым пятном в виде бабочки. Не отстирать уже. Привезу комендантше другую.

А Иришка выйдет замуж все равно за другого. За пейджер, за новенькую «девятку» и за однокомнатную квартиру. Предпочтя нищему студенту биржевого игрока. Меня будет потом мотать из запоя в запой, с работы на работу. С четвертого курса я вылечу, поступлю заново на психолога. Отлежу в реанимации три месяца... Женюсь, разведусь. И только через семнадцать лет забуду ее, найдя, наконец, новую настоящую любовь...

Не будет этого!

Здесь этого не будет!

Так... Сегодня стипендию дают. Первую. И офигенно большую. За два с половиной месяца — триста семьдесят пять рублей. Правда, на них и купить-то нечего. Бутылка водки — в магазине пять, но по талонам. Поэтому мы литруху бельгийского спирта «Рояль» сегодня возьмем. В киоске. За пятнадцать. А водка там двадцать пять, кстати... Коммерческие цены. От этого еще долго киоски комками будут называть...

Думай, Леха, думай!

Значит, получаю стипендию, еду на вокзал. Беру билет до Москвы. Он тут пятнадцать стоит по студенческому. Туда-сюда — три червонца, плюс червонец на пожрать. Закупаю там книги, везу сюда и продаю. Через пару месяцев я куплю тут Толкиена по пять рублей за том. Сейчас тут все нарасхват. Возьмут и Чейза, и Фрейда, и Донцову...

Блин, нет тут еще Донцовой, слава Богу...

Поездочка мне процентов триста прибыли принесет!

Через годик прибахлюсь и квартиркой, и машинкой — в задницу «девятку» — сразу иномарочку! И пейджер брать не буду. Возьму сотик. В Кирове со-тиков еще ни у кого нет!

Блин! А что же я торможу-то так? Может, мне писать начать, параллельно? «Ночной дозор», там... Что я, не осилю? Жаль, компьютеров еще нормальных нет. Придется на машинке шлепать. Могу песни писать — хиты будущего... «Лучшие друзья девушек — это бриллианты!»

Копейки, это... Копейки...

Блин! У бати же десять тысяч советских рублей на книжке! Через полгода он их снять не сможет — НИКОГДА! А там как раз приватизация, ваучеры дадут... Акции «Газпрома» надо прикупить будет... Главное, бату уговорить деньги снять. Копит он, блин. На «Волгу». Не знает, что так на «копейке» и проедет до десятых годов двадцать первого века.

Брат тоже еще жив, кстати. Еще служит капитаном в ракетных войсках. Уволят в запас. Через год бизнесом займется тоже. Пропадет без вести в Ярославле, спившись от шальных денег...

Не позволю!!

— Ивакин! — выдернул меня голос из размышлений.

— А?

— Не а! Доклад иди читай.

Алалост покачал смешной головой — розовая лысина обрамлялась венчиком белого пуха.

Курт меня пихнул в бок — что, мол, сидишь, иди!

Я растерянно встал.

— Не готов, что ли? — раздраженно, заметив мое замешательство, сказал препод.

— Г-готов, — заикаясь, ответил я.

— Тогда не томите! Ждем ваших откровений!

Я пошел к кафедре, пробравшись сквозь ряд стульев.

— Тема доклада... — горло пересохло. Блин! Оказывается, я Останина до сих пор боюсь!

— Какая же тема доклада? — препод презрительно усмехнулся.

— Ммм... — промычал я. — Недостатки однопартийной идеологии...

— Слушаем, — отвернулся Алалост.

Слушаем? Блин, ты, зараза, мне за этот доклад тогда пару влепил! Я тогда так и не понял — за что? Ведь все правильно говорил — плюрализм, демократия с человеческим лицом... Каким же я романтиком был... Комсомолец, ух ты, образца конца восьмидесятых... Ну, держитесь! И отложил в сторону исписанную тетрадку с тезисами.

— А у нее нет недостатков!

Останин недоуменно повернулся ко мне:

— Простите?

— Нет, говорю, у нее недостатков. Вот смотрите... Если у нас сейчас появятся партии — всяко-разные либерал-демократы, просто демократы, просто либералы, нацисты, анархисты — а они уже есть, кажется? Запоматывал... Так вот. Каждая из этих партий будет пытаться внести в социум именно свои идеи. И бороться с другими. И не всегда законными методами. И к чему же это приведет? Раскол народа. Раскол общества. И пока вся эта мелочь будет отвлекать нас, те, кто реально находится у власти — будут просто уничтожать Союз и нас с вами.

— Вы что же, против плюрализма мнений? — прищурившись, спросил Останин.

— Как ни печально, против. Потому как из-за этого плюрализма нам, извините, нечего жрать будет. Страна рассыплется, как карточный домик. Мы, будущие учителя, будем вынуждены бутылки на помойках собирать, чтобы выжить.

Аудитория замерла. А меня понесло:

— Нет, я не против плюрализма на уровне частном, житейском. Диссиденты были, есть и будут. Но плюрализм в отдельно взятой голове — это шизофрения. А плюрализм в отдельно взятой стране — это смерть. Вот посмотрите, те же пиндосы...

— Кто?? — удивился новому, для начала девяностых, словечку Останин.

— Ой... Американцы. Они утро начинают с поднятия флага. А уроки начинаются с пения национального гимна. А мы? Месяца не прошло, как флаг выбросили и от гимна отказались. И радуемся, как обезьяны гнилому банану. А гимн еще вернется. И флаг вернется. Только как бы поздно не оказалось. Представьте себе, что Украина вдруг захотела отдельно жить.

Кто-то из однокурсников засмеялся.

— А что смешного я говорю?

— Вообще-то референдум показал, что более семидесяти процентов населения СССР за сохранение Союза... — мягко перебил меня Останин.

— Ну и что? Спросят, что ли, нас, когда президенты республик будут в Беловежской Пуще страну убивать?

— Почему в Беловежской-то? — выкрикнул кто-то из студентов. Ганс, кажется.

— А черт его знает. Охота там хорошая, наверно. И что мы с вами сделать сможем? Плюрализм, говорите? Ну, ну...

— Значит, Леша, вы не согласны с академиком Сахаровым?

Останин назвал меня по имени? Вот тебе раз... Он по фамилиям-то не называл никогда и никого...

— А что академик? Враль и прохвост он. Академическое звание не гарантирует моральную чистоплотность.

Внезапно зазвенел звонок. А Останин сказал:

— Идите. Отлично. И зайдите в лаборантскую. Разговор есть.

— Не могу, Сан Саныч. — И что-то мелькнуло у меня в глазах такое, что он только кивнул плешивой головой, выводя пятерку в журнале.

А я, закусив губу, пошел за своей сумкой.

Удивленные однокурсники шептали что-то мне в спину, кто-то поздравлял с пятеркой. А я ничего не видел перед собой.

Бизнес, акции?

Идите в задницу со своими акциями. Я помню. Я видел.

Значит, все просто. Получаю сейчас стипендию. Еду в Москву. Ствол сейчас немеряно продается. Лишь бы лавэ хватило...

А на фиг мне покупать?

Я же помню! Едем до Волховстроя, там на электричке в сторону Чудово. Станция Лезно. Из одного блиндажа мы тогда — в девяносто седьмом, кажется — подняли ящик немецких карабинов. В масле. В тряпочках. И патронов там кучи были! Приклад опилу. Ствол тоже. Я же смотрел «Брата»... А тут еще толком и охраны у Борьки нет. Герой суверенной, ух ты, демократии... По поликлиникам, самка собаки, ходил. Пиарщик гребаный... А мы этому всему верили... По митингам он еще скачет... Если меня сразу не шлепнут — дадут пятнадцать лет. Это максимум сейчас. Выйду в две тысячи шестом, соответственно. Вот там и посмотрим на роль личности в истории.

А может быть, и вышку дадут. Или в СИЗО прирежут. Да все может быть. Ну и хрен с ним. Зато брат жив останется. И Юрка Васькин. И много еще кого. Может быть...

И муж у Иринки не сопьется в конце девяностых, когда его акционерский бизнес по ветру пойдет пустыми бумажками ГКО. Может быть, она еще счастлива станет. Может быть.

— Извините! — я налетел на невысокую рыженькую девчонку, завернув за угол.

— Да ничего! — пожала она плечами и исчезла в толпе студентов.

Сделав несколько шагов, я вдруг оцепенел.

Мать твою же так!

А вот и...

Блин...
Как трудно думать...
Аж затрясло, блин...
Блин, блин, блин...
Словно через вату — нет, через стекловату, знаете, которая колется потом? — сделал шаг вперед.
Не, но глупо же!
Ну, шлепну я этого борова. И Кравчука шлепну, и Шухевича! Ой, нет... Шушкевича...
И будут в Беловежье договор подписывать Хасбу-лат-удалой, Назар-бай и Гейдар-оглы.
Или Кучма, Собчак и...
Да ведь все — все!!! — хотят по углам разбежаться! Хап тут, хап там, хап тут, хап там...
Я вернулся чуть назад, заглянув за угол.
Рыженькая моя уже скрылась в толпе...
Ну и хрен с ним!
Сделаю, что смогу, а там пусть ангелы с чертями разбираются — правильно или нет.
И ведь ни одна сволочь спасибо не скажет!

РУССКИЕ ВЕРНУЛИСЬ!

Сентябрьское солнышко во Львове совсем не то, что солнце в Питере.
Оно здесь ласковое, нежное, словно котенок, коснувшийся мягкой лапкой лица...
Павел жмурился на скамеечке возле ратуши.
Под правой рукой медленно нагревалось под этим же солнышком черниговское нефiltroванное «Бша шч». Хорошее пиво, доброе... Черное, на кориандре настоящее...
Паша любил темное пиво.
Но он не спешил его пить, наслаждаясь гомоном Рынка. «Пусть нагревается... Успею...»
Все же Львов — южный город. После мокрого Питера он казался раем.
Удивительная же штука — жизнь. Еще двенадцать часов назад Паша шел по Гражданке домой, ежась под мелким, словно его кто-то там наверху мелким ситом просеял, дождем. А вот и не дошел. Мини-бук нервно заиграл «Рассветом Славян» Кинчева-младшего. Глав-вред, мать его...
И ровно через пять минут Павел развернулся и зашагал обратно к метро. А еще через два часа он уже проходил регистрацию на авиарейс «Санкт-Петербург — Киев».
И в итоге Паша сидел у львовской ратуши, что на площади Рынок, и грелся на солнце, ожидая пресс-конференции в мэрии, оставив старенький прокатный аэрокар за углом.
Западенские свидомиты, наконец-то, сообразили отделиться от Киева. Правда, Киев сначала ерепенился, обещая ввести войска в Галицийскую республику, но Евросоюз, подначиваемый поляками, цыкнул на Раду. Европу, неожиданно, поддержала и Россия. Еще бы... Пребывание русских миротворческих сил ООН сверх оговоренного срока в Харькове и Донецке тоже требовало легитимизации. Да и турки со своим новым Крымским вилайетом тоже были тут как тут.
Сегодня должна была состояться совместная пресс-конференция президента Новой Галиции и президента Речи Посполитой.
Польские войска ожидали окончания трансляции, чтобы перейти границу.
И вообще — в Европе было опять неспокойно. Канцлер Германии Мориц Ататюрк все настойчивее призывал к пересмотру границ: Бреслау, Данциг, Мемель, Эльзас — старые, пахнущие порохом слова вновь замелькали в новостных лентах.
И Россия опять лавировала в мировой политике, как и сто лет назад.
Хотите Кенигсберг обратно? Ладушки... Что там насчет Ревеля, Риги и Югороссии? Да черт с ним с Гельсингфорсом... Это потом решим... Это кто там Россию за курильский хвост

кусают? Мен на мен — мы вам четыре острова — вы нам Маньчжурию. А при чем тут Китай? Китаю мы Корею предложим. А этих-то кто спросит?

Батько! Да вернем мы вам Вильно, вернем! Вот только терочки с камрадом Морицем по Польше закончим...

Тихо! Польша, тихо! Ой, вы не Польша, вы Речь Посполита... Запомнили... Давай-ка белорусам Литву бывшую, а вам за это Галицию. М? Как раскладец?

Да на кой шляхетству нищее Вильно, когда во Львове, виноваты — в Лемберге, конечно — нефть есть?

Хитросплетения политики привели к тому, что сегодня должно было состояться подписание союзнического договора между Речью и Галицийской республикой. А по факту — хитроумное присоединение Львова к Польше.

Собкор питерского интернет-журнала «Ты и политика» Павел Слободчиков высиживал время на лавочке, совершенно не торопясь в Ратушу. Успеется...

Он достал пачку «Честерфилда». Ухмыльнувшись, прочитал смешную для русского глаза надпись:

«Куршня призводить до серцево-судинних захворювань та раку легешв».

Рак легенив... Писали бы уже по-польски, что ли... Перевернул пачку. «ЗАТ Джей Т Интернешнл Украша». Тьфу! Впрочем, у нас не лучше...

Достал сигарету.

Закурил, пуская голубоватую струю дыма в украинское солнце. Нет... Уже в польское. По факту, не по документу...

Потом посмотрел на часы. Через тридцать минут начало. Пора идти. И только он привстал со скамейки...

На площадь ворвался старый грузовик. Настолько старый, что Павел его видел только по телевизору девятого мая. Когда крутили старые советские фильмы. А нет... Еще раз видел в Ростове-на-Дону, на какой-то реконструкции, посвященной не то первому, не то второму освобождению города от фашистских захватчиков.

Полуторка — всплыло в памяти Павла.

Он схватил фотоаппарат. Конференция конференцией, а лишний репортаж о жизни львовян — тьфу! лембержцев! — не помешает.

Вот до чего же техника дошла! Щелкаешь, а фотоаппарат через спутник, почти моментально, отправляет снимки на твой персональный сервер, где они и хранятся. Потом — в тишине и спокойствии — он уже и обработает их для журнала...

Зумм автоматически наехал на медленный грузовик...

Паша едва не уронил умную машинку.

В кузове сидели красноармейцы с трехлинейками.

Машина резко тормознула. Солдаты попрыгали на брусчатку.

Точно красноармейцы! Даже с трехлинейками!

Паша историей не увлекался, но эти образы запечатлелись еще с самого детства. С тех самых древних, еще не объемных, но таких клевых фильмов — «Мы из будущего», «На безымянной высоте», «Штрафбат»...

Точно! Рядовые в петлицах, а офицер с погонями!

«Наши в городе?» — мелькнула судорожная мысль и тут же погасла, а сердце успокоилось.

Паша вдруг вспомнил, что именно в этот день — семнадцатого сентября — во Львове каждый год проходила флэшмоб-акция. «Защити свой город от русских большевиков». Кажется, так называется... точно! Юбилей же сегодня! Сто лет!

Флэшмоберы весело наставляли винтовки на прохожих и что-то орали, размахивая красными тряпками.

Орали по-русски, украински, польски и вообще неизвестно на каком.

— Хай живэ вильна Галичина!

— Юср — ЮдеССР!

— Рятуйте, громадяне! Радянська влада вернулася!

— Що ти бачив, потвора хохольська?

— Панове! Геть до хати, прийшли солдати!

Шустро подкатил еще один грузовичок. Издал неприличный звук карбюратором и выпернул густое облако синего дыма.

В кузове взвизгнули три девицы, едва удержавшись за борта. Девицы были в ночнушках на голое тело.

Флэшмоберы с радостным гоготанием, облапливая тела девок, сняли их из кузова, а потом стали вытаскивать ящики с водкой.

Бойко скручивая пробки с бутылок, флэшмоберы отпивали по глотку из каждой и всучивали початые бутылки прохожим.

Те, как правило, отказывались, но «красноармейцы» — в случае отказа — направляли штыки в сторону прохожего и заставляли того отпивать.

Пашу аж передернуло. На такой жаре — а плюс двадцать пять в сентябре для питерского жителя невероятная жара — пить теплую водку...

Зато каждого отпившего целовали девки в ночнушках.

В это же самое время двое флэшмоберов растягивали белый транспарант с красными, стилизованными под кровь, буквами.

«НКВС повернулось!! Рятуйтесь!»

Паша прикинул. Транспарант как раз должен был быть виден из окон, где через пятнадцать уже минут должно было состояться подписание протоколов.

Грамотно работают, молодцы!

Паша оценил работу коллег по пиар-цеху. Хотя и по другую сторону, а работают профессионально, не отнять...

Один из «красноармейцев» заметил прищур Паши и направился к нему — одной рукой протягивая водку, второй — макет нагана. Голова его была ненатурально забинтована.

— Пш, хохол!! — Глаза были веселы и бешены.

Паша вежливо отказался на ломаном немецком:

— Данке шен. Их ферштее нихт!

«Красноармеец» на мгновение остановился, словно напоровшись на стену. А потом заорал своим:

— Ой, бачьте! Шмец! Свш! Слухай, шмец, я свш. Це все — маскарад! Андестенд ю? Маскарад! А ти випей з нами, випей!

Паша взял бутылку и приложился к горлышку губами, сделав вид, что глотнул:

— От ты бач, шмец! От як нас москали и спаивули! Поняв?

Паша кивнул, делано поморщившись. Вдруг глаза флэшмобера широко открылись, а на плечо журналиста легла твердая рука.

Он оглянулся.

Перед ним стоял почти такой же «красноармеец», но...

Но форма на нем сидела не мешком, на груди его сверкал какой-то орден, да и глаза были какие-то другие. Не такие сумасшедшие. Сери-голубые. Спокойные...

— Schprechen Sie russisch?

— Конечно... — неожиданно для самого себя ответил Павел. — Я вообще-то и есть русский...

— Gut... Тьфу! Хорошо. Отойдите в сторону...

— Товарищ лейтенант, — подбежал к орденосцу какой-то усатый солдат. Тоже... Не такой, как те клоуны... Вон... И с приклада лак вытерт... — Перекрыли мы подходы...

«Лейтенант» что-то ответил, но Павел услышать не успел. С невероятным грохотом и лязганием на площадь вползали танки.

Древние танки.

Таких не то что не делают, такие уже и не ездят... Только в кино... Да, да... Именно такие входили в Берлин в оскароносном «Утомленные солнцем-четыре». Там еще от

«дружественного огня» американских «Шерманов» целый полк таких сгорел... Или дивизия? Только красных парусов не хватает...

Да что же это...

На площади завизжали, заорали, раздалась очередь из пулемета.

Но вновь прибывшие красноармейцы — флэшмо-берами их у Паши не то что язык, мозг отказывался почему-то называть. И только пальцы профессионально-бессознательно щелкали затвором фотоаппарата, снимая происходящее.

А снимать было что.

С вновь прибывших грузовиков прыгивали солдаты с длинными винтовками, только настоящими, не как у тех... Паша чувствовал — не понимал, а именно чувствовал — они настоящие! Танки, повинуясь флажкам одетого в черный комбинезон какого-то солдата, перекрыли улицы, пропустив лишь человек двадцать на конях и в буденовках.

Конники грамотно отеснили толпу гражданских от флэшмоберов. Выстрелы неожиданно прекратились.

Лейтенант ловко забрался на грузовик.

Толпа затихла.

А где-то вдали бахнул взрыв.

И люди, почти одновременно выдохнув, сели на корточки.

Лейтенант усмехнулся.

— Товарищи львовяне! — крикнул он и поперхнулся. Кашлянул несколько раз. Потом глотнул из запыленной фляги.

«Это не пиар...» — мелькнула мысль в голове журналиста. «До такого даже пиарщики не додумаются...»

— Товарищи львовяне! Советская власть вернулась!

Он замолчал, ожидая реакции от толпы. Но толпа почему-то молчала.

— Вернулась она раз и навсегда. Львов никогда не будет немецким, польским или еще каким! С этого момента власть переходит в руки Совета рабочих и крестьянских депутатов!

— Яких-яких? — переспросил кто-то из пьяных флэшмоберов, плотно прижатых бойцами к стене дома. Прямо под их транспарантом.

— Рабочих и крестьянских, — повторил лейтенант. — Прошу вас сейчас разойтись по домам и не выходить до наведения порядка в городе. Красной армией ведутся бои с польскими частями. Мы не хотим причинить вред мирному населению и надеемся прекратить огонь в течение двадцати четырех часов.

Потом он что-то неразборчиво сказал тому усатому солдату, и тот, придерживая винтовку, побежал, расталкивая мощными плечами людей.

— Выход будет идти через контрольно-пропускной пункт на улице Русской. Все понятно? Идти по улице Русской!

— А нам в другую сторону! — крикнул кто-то из толпы.

— Ничего... Потерпите... — ухмыльнулся лейтенант. — И хотелось бы предупредить: в городе действуют банды провокаторов, типа этих.

Он небрежно кивнул на флэшмоберов.

— Граждане! Будьте бдительны!

Потом он прыгнул с грузовика и жестом подозвал к себе совершенно ошалевшего Павла.

— Со мной пойдешь, — тоном, с которым соглашаются, сказал лейтенант.

Они подошли к маленькой кучке задержанных клоунов.

— Значит, так... За контрреволюционную агитацию, по статье пятьдесят восемь дробь десять и пятьдесят восемь дробь семь, вы передаетесь под юрисдикцию органов НКВД.

Лейтенант покосился на транспарант.

— Какая контрреволюционная агитация? Вы что? — выкрикнул кто-то из группы «лжекрасноармейцев». Павел отметил, что крикнули на совершенно чистом русском языке.

— Дискредитация образа красноармейца, нарушение общественного порядка, распитие

спиртных напитков, ношение огнестрельного оружия... — парировал лейтенант.

— Это макеты... — всхлипнул тот же голос.

— А с этим органы разберутся. Сержант! По грузовикам их! А вы, девицы, стоять!

Бойцы оттеснили штыками трех девиц в ночнушках.

— Проститутки?

— Студентки мы... — пискнула самая смелая из девок, судорожно прикрывая полураспахнутое декольте.

— Проститутки вы. Кто ж еще в ночном белье будет на людях днем расхаживать. Сколько заплатили? — в ледяном взгляде лейтенанта не было ничего мужского, похотливого.

— Сто гривен... За акцию...

— Дешевки... — Лейтенант дернул щекой и сплюнул под босые ноги девок. — Сержант. Этих в отдельную машину. И смотри там!

— Да на кой они нам, лядящие! — скривился сержант. — Через них поди полгорода прошло... Тьфу!

И, вполне искренне, сплюнул тоже.

— Стой! Этого... В погонах сюда давай!

Два рядовых подтащили под руки единственного из ряженных, который был в погонах.

— Поляк? — сердито спросил лейтенант.

— Да что вы! Укр... Русский я!

— Белогвардеец, что ли?

— Эээ... Я...

— В золотых погонах-то почему?

— Какую уж форму выдали в театре... — виновато пожал «золотопогонными» плечами пацан.

— В театре... — хмыкнул лейтенант. — Лицедей... Ладно, тащите его.

— Подождите... господин... товарищ... А что мне будет? — отчаянно закричал зайцем пацан, которого потащили солдаты.

— Социальная справедливость тебе будет, — буркнул себе под нос лейтенант и тут же забыл про ряженого.

А потом лейтенант повернулся к Павлу:

— Откуда?

— Из Питера. Эээ... Санкт-Петербурга. Журналист я.

— Из Ленинграда, что ли?

— Да. То есть, так точно!

— Лети домой, репортер! — отвернулся лейтенант.

— Подождите, — схватил его за руку Павел. — А с этими что будет?

Он показал на зареванных флэшмобовцев, которых, подталкивая штыками и прикладами, красноармейцы сажали в полуторки.

— Там разберутся, — посмотрел на него лейтенант и неожиданно улыбнулся. Хорошо так, открыто улыбнулся. — Отработают где-нибудь на лесоповалах лет по пять и заново жить начнут. Подумаешь... Еще спасибо скажут. Знали бы они, что тут через пару лет начнется...

— А что?

— Не твоего ума дело! — отрезал внезапно посуровевший лейтенант.

— А мне-то что делать? — внезапно испугался журналист.

— Домой летите и пишите, — пожал плечами командир.

— Что писать-то?

— Пишите... — тут лейтенант призадумался. — Пишите, что русские вернулись.

Павел зашагал мимо грузовиков с проститутками и пьяными студентами, а потом спохватился и побежал обратно. К лейтенанту:

— Товарищ лейтенант, а товарищ лейтенант!

— Что? — сердито обернулся тот. — Летите, товарищ журналист. Не задерживайте!
— Фамилия у вас какая, мне ж про вас писать!
Лейтенант вдруг покраснел, как могут краснеть только блондины с тонкой кожей:
— Да обычная у меня фамилия. Советская. Турсунбаев я. Запомните?
Потом резко отвернулся и закричал:
— Иванов, Гонгуладзе, Барабаш! Я же сказал: девок отдельно сажать!
Павел улыбнулся и зашагал к взятому напрокат аэрокару.
Действительно... Русские вернулись!
Вятка, 2009 г.

Я ЖИВУ В ТУ ВОЙНУ

Не убит подо Ржевом.
Под Москвой не сгорел.
Не тонул под Одессой.
В Сталинград не успел.
Не дошел до Белграда.
В Туле я не стонал.
И под Старою Руссой
Без вести не пропал.
Не исчез в Бухенвальде.
Под Демянском не лег.
Не растоптан под Курском.
И под Брест я не смог.
В Ленинграде не умер.
И в Керчи не кричал.
Не замерз под Рыбачьим.
И в Берлин не попал.
Не целован я пулей.
Но от пули болит.
Я к войне прикоснулся.
И я тоже убит.

Однажды я поехал в «Поиск»... Впрочем, об этом позже.
Хочу предупредить, что рассказы будут жесткие,
нелицеприятные и многие на меня обидятся. Что ж, это мое мнение. Если вы не
согласны — пишите свое.
И начну я с того, чем Вахта заканчивается...

1. ЗАХОРОНЕНИЕ

Странное дело. Когда работаешь — кости воспринимаются абсолютно нормально. Ну
кости и кости. Иногда белые, иногда черные. Чаще почему-то рыжие. Кости и кости, да...
Никаких эмоций особых нет. Пустота в душе... И эта пустота взрывается на кладбище.

Синявино, 2009.

Огромная могила. Вырыта экскаватором. Около сотни гробов. В них наши деды —
мальчишки и мужики. Пятьсот сорок девять человек.

Только там начинаешь понимать, что это не кости, не останки — люди.

И странное, мистическое ощущение, что они вот тут.

Несешь гроб к могиле. И чувствуешь руки тех, кто там в гробу. Они помогают нести...

Опускаешься в эту огромную яму, устланную лапником. Ставишь гробы — один на
другой. Потом идешь обратно.

Они тебя ведут. Словно подталкивают в спину: «Мы — мертвые. Не место тебе тут,

живому».

Я ощущал их прикосновения на своих плечах.

Они словно извиняются.

Они себя виноватыми считают — за то, что не смогли вернуться к своим мамам, к своим женам, к своим девочкам.

И я себя виноватым считаю.

Пятьсот сорок девять парней. Оpoznанных — человек пятнадцать.

Я ни одного не опознал...

Лезно. 1996.

Котелок, вывернутый взрывом наизнанку. Весь в дырах от осколков.

Восемнадцать фамилий на нем... «Иванов, Кузнецов, Переходько, Хуипбергенов, Штильман...» Не помню сейчас всех. Не помню и где этот котелок. Знаю: эти фамилии сейчас на памятнике в умирающей — или уже умершей? — деревеньке Лезно. Это под Чудово. Новгородская область.

Восемнадцать фамилий...

Один из вас, один из восемнадцати — лежит в гробу. Кто ты, брат?

Представить только... Один котелок, переходивший из рук в руки восемнадцать раз... Как это? Брать в руки котелок из руки убитого друга? Как его отмыть от крови?

Не узнать никогда. Пока сам не лягу в землю — не узнаю.

Я верю, что мы встретимся там. Я верю. Мы еще выпьем, мужики!

Демянск. 1999.

Дождь такой, что мы соскальзываем в могилу. Падаем туда. Вместе с простыми сосновыми гробами. Весь вечер перед этим опаляли их паяльными лампами. Чтобы было красиво.

Они смеются нам черепами из гробов. Смеются над нами. Им все равно так-то — в каком гробу лежать! Но приятно, почему-то знаю. Домовина все-таки...

Извините, мужики. Почему я чувствую свою вину перед вами?

Почему я не с вами?

Шатаюсь, как пьяный. В глазах темно. Ничего не вижу. Только могилу и гробы, гробы, гробы...

Севастополь. 2008.

Мы прощаемся с ними, когда складываем мешки с людьми в багажники двух легковушек. Гробов не будет. Могил не будет. Ждите, мужики, до весны. Тут, в Украине, бестолковые законы. Надо вызывать ментов к месту находки костей, заводить уголовное дело по факту убийства. Проводить экспертизы. Потом уже хоронить, когда будет доказано, что ЭТО останки времен войны. Этим займутся уже местные поисковики. Мы же граждане другого государства. Впрочем, пацаны, которых мы складываем в багажники — воевали за всех. В том числе и мужик с Первой Крымской войны. Из двадцать пятого Смоленского пехотного полка.

Жаль — не смогу бросить землю вам на гроб. Поэтому — украдкой, так чтобы никто не видел — кладу две сигареты в украинский багажник немецкого авто, пахнущий русским бензином.

Синявино. 2009.

Экскаватор накидал земли. Оформили квадрат могилы лопатами. Через год поставят памятник. Наверное. Если денег хватит...

Встаем на колени. Двести человек.

Запеваем...

Выпьем за тех, кто командовал ротами, Кто умирал на снегу, Кто в Ленинград пробивался болотами, Горло ломая врагу.

Тихо поем...

Слеза сбегает по щеке. Кто-то рядом тоже всхлипывает. Не могу больше. Отхожу в сторону. Сажусь на краю немецкой траншеи, куда они так стремились. Закуриваю.

Потрясывает.

Будут навеки в преданьях прославлены Под пулеметной пургой Наши штыки на высотах Синявина, Наши полки подо Мгой.

Меня уже трясет. Начинаю реветь, как мальчишка. Слезы душат. За спиной тихий разговор:

— Заколебали эти поисковики. Всю церемонию поломали. Давай уже венки положим и бухать пойдем, а?

— Подожди, допоют. Нехорошо как-то...

— Да хрен с ними! Варвара Тимофеевна — дай команду на фейерверк!

Оглянулся. Прищурился. Стер влагу со щек. Стоят чиновники и депутаты, нетерпеливо топчутся с цветами в руках. Им коньяка хочется. У них палатка стоит — сервелатик, водочка «Финляндия», коньячок «Реми Мартен»...

Зацепились взглядом с каким-то замом. Он быстренько отвернул свою красную рожу. Бляха муха, это ведь штамп — толстый полупьяный потеющий чиновник. Хорошо, что я лопатку в рюкзаке оставил...

Выпьем за тех, кто командовал ротами, Кто умирал на снегу, Кто в Ленинград пробивался болотами, Горло ломая врагу.

Песню прервал залп салюта. Красиво. Празднично. Музыка красивая. Млять...

Идем к столикам. Власти расщедрились на 100 грамм наркомовских. Подхожу три раза. Водка не цепляет. Правда, тряска проходит.

Чиновники пьют в торговой синей палатке. Рядом биотуалет. Рядом с могилой. Мужики лежат, а души их уходят на восток. Я не вижу, но чувствую. Меня отпускает. Меня отпускают.

До свидания, мужики!

Мы идем с кладбища в Синявино в Кировск. Девятнадцать километров. Пешком. У властей нет денег на автобусы...

2. ПОИСКОВЫЙ СИНДРОМ

Давно известный психологам и психиатрам послевоенный синдром. Возвращается боец с войны.

И начинает пить.

Потому что никому не может объяснить — что это, когда собираешь куски друга в ведро.

Потому что ты жив — а он нет.

И ты не можешь смотреть в глаза людям, ты изо всех сил хочешь вернуться туда — в смерть, в ненависть, в страх.

В жизнь.

Потому что тут — слабое подобие жизни. Тени вокруг. Ненстоящие тени. Полупрозрачные персонажи...

И та ночная девочка под рукой, отчаянно пытающаяся вернуть тебя в «реальный» мир, — тоже тень.

Ты навсегда остался там.

Странно, но у поисковиков бывает такой же синдром.

Я не могу без слез смотреть фильмы о войне. Я не могу слышать военные песни. Я не могу читать о войне. Я не могу о ней рассказывать — свожу все к шуткам и хохмам. Начинает болеть сердце. Я не хочу больше на войну.

Но я смотрю эти фильмы, пою эти песни, читаю эти книги.

И пишу сейчас эти рассказы.

Потому что я возвращаюсь туда снова и снова.

Каждый день. Каждую ночь.

Сегодня снилось — как я ложусь под танк с гранатой. Это не мой сон.

Я — книжный мальчик. Я вырос в семидесятые-восемидесятые.

Мы не знали войну. Мы не знали слова «Афган».
Война была киношной и книжной.
Мы выросли и попали в Чечню. Мой друг вернулся оттуда седым. Это от него я узнал, что самое страшное на войне — минометный обстрел.
Но я-то же не был на войне!
«Поиск» — это не война! Это память о войне!
Мы поем песни, пьем водку, ржем друг над другом и кидаем в костер патрончики.
Почему мне снятся чужие сны?
Я танки видел только в музеях и в кино.
Был сон — я прощаюсь с какой-то девочкой в черной комнате, а за ночным стеклом — полоски прожекторов. И я знаю, что мы больше никогда не встретимся. Ее убьют на фронте. И меня тоже убьют.
Просьпаюсь от того, что пытаюсь крикнуть, но не могу. Только мычу. Встаю, шлепаю босыми ногами на кухню. Ставлю чайник. И пью водку. Потом жадно курю в туалете. И так же жадно читаю мемуары наших ветеранов. «Я дрался с панцерваффе», «Я дрался на Ил-2...», «Я дрался...». Они дрались.
Но я-то не дрался! Откуда такие сны?
Поисковый синдром...
После первой своей Вахты я приехал на студенческий турслет. И — честное слово! — я не понимал, разве можно вот так просто сидеть у костра и петь веселые песни? Они же там лежат и ждут! Нажрался так, что кинул гранату в костер.
Не пугайтесь. Она была без взрывателя. Лимонка. С толом, правда. Абсолютно безопасное развлечение. Тол прогревается, плавится, закипает, начинает гореть. Из дырочки начинает вырываться пламя, как из сопла ракеты. Гудит! Страшно гудит! Студенты разбегаются по кустам. Я пьяно ржу.
Две лимоночки — восьмилитровый котел вскипает за пять минут. Если РГ — штук пять надо. Правда, вода покрывается темной пленочкой сгоревшего тола...
А потом я выпил еще и упал без сознания.
Выгоревшую лимонку кто-то стырил.
А один придурок из наших, из поисковиков, как-то кинул такую пустую — выжженную — гранату в окно машины. Только за то, что водила деньги с него стал требовать за проезд.
Менты потом в общагу приехали, обыски устраивали. Ничего не нашли. К тому времени мы уже все что можно бахнули. А его утащили в другую комнату, закрывая рот потными ладонями, чтобы не было слышно:
— самки собаки! самки собаки! Сукиииии!!!!!!!!!!!!!!
Поисковый синдром...
Я не знаю — что это такое.
Я его только описать могу.
Это когда ты после посещения Поклонной горы уходишь в кусты, садишься на корточки и начинаешь выть сквозь зубы, как собака, сквозь слезы.
Это когда после услышанной случайно немецкой речи идешь к ближайшему ларьку и покупаешь любую спиртосодержащую жидкость, лишь бы покрепче.
Это когда ты не можешь играть за немцев в компьютерные игрушки, потому что не можешь убивать своих.
Это когда двадцать второго июня в четыре утра ты идешь с двумя сигаретами к Вечному огню.
Я знаю, как избавиться от него.
Не ездить на Вахту. Забыть.
Не хочу избавляться... Не хочу забывать. Знаю, что болен.
Ну и что?

3. ПЕРВЫЙ МЕДАЛЬОН

Случайно я туда попал, случайно. Случайно и не случайно. Как, впрочем, все в нашей жизни.

Старый друг позвонил. Юра Семененко. Мы с ним на лыжах по Северному Уралу ползали. Туристы!

— Леха, хочешь на «Вахту Памяти» скататься?

— А что это?

— Как поход, только интереснее.

— Если с работой договорюсь...

— Тебе командировку сделают!

А я тогда работал на станции юных туристов. Педагогом.

— Ну, если в командировку...

А чего бы не поехать?

Дорогу оплачивают, там кормят за счет принимающей стороны, еще и командировочные дают!

Из-за командировочных и поехал, честно говоря. Зарплату в том году давали плохо. Вернее, вообще не давали. В сентябре девяносто пятого года дали. Следующая — июнь девяносто шестого.

— Это куда ехать-то?

— Новгородская область.

— Отлично!

Отряд собрал за пару дней. Все в первый раз едем! Туристы, впрочем, опытные. Ходить с мешками на горбах умеем! Мастера, чо, спорта...

Первый шок был в электричке Волховстрой — Чу-дово.

Каски на деревьях.

Ржавые каски на зеленеющих деревьях. На ветвях висят...

Выходим. Деревенька Лезно.

Ее никто не знает. Просто деревенька. Три с половиной дома. Двухэтажная пустая школа. Бабка на завалинке. Дедок — колет дрова. Смотрит нам вслед из-под руки.

Мы идем мимо гурьбой с рюкзаками, сумками и коробками армейских миноискателей. Хихикаем друг над другом.

Оглядываюсь.

Бабушка тоже смотрит нам вслед. Молча. А на столбах, держащих забор, снова каски. У нас — на Вятке — старые ведра вешают. Чтобы столбы не гнили. Тут каски.

До леса, в котором будем жить и работать три недели, километр по полю. Ровное такое поле. Давно непаханое. Некому. Почти все, кто тут жил, — умерли. Или уехали.

Заходим в лес.

Какие-то ямы кругом.

Воронки, траншеи, ячейки, окопы, блиндажи...

Живого места практически нет.

Местные поисковики встречают. Матерые такие. Все в камуфляжах. Мы-то в обносках туристических. Прожженные штормовки, старые штаны... Показывают место — где встать.

Даю команду распаковаться. Сам иду к командиру экспедиции. Лена Марцинюк руководит чудовским отрядом.

Многие терпеть ее не могут. Жесткая, грубая порой, сильная женщина. А руководить бандой в тридцать вечно бухих рыл по-другому не получается... Но это я вперед забежал.

Оказывается, мы стоим на так называемом Лезнинском плацдарме.

Зимой сорок второго эта история началась...

Из воспоминаний А. Белова, участника тех событий:

«...В день нового года, 1 января 1942 г., был получен приказ 59-й армии, где нашей дивизии была поставлена задача: сосредоточить силы к исходу 2 января 1942 г. в районе Гачево, Погрелец, в готовности с утра 3 января 1942 г. наступать в направлении Водосье и овладеть к исходу дня высотой западнее Лезно, Водосье. В ночь со 2 на 3 января поступило

распоряжение штаба о переносе наступления на 6 января, что дивизия усиливается 163-м отдельным танковым батальоном, отдельным лыжным батальоном и 105-м гвардейским минометным дивизионом.

Эти три дня, отведенные дополнительно для подготовки наступления, были использованы для вскрытия системы обороны противника и организации взаимодействия между пехотой, артиллерией и танками.

Противник оборонял западный берег р. Волхов, но наши войска имели небольшие плацдармы. Первая позиция обороны противника состояла из опорных пунктов, основу которых представляли дерево-земляные огневые точки для пулеметного расчета или противотанковых орудий, соединенных между собой траншеями.

Из-за плохого состояния путей подвоза артиллерия и минометы к началу артиллерийской подготовки имели менее половины снарядов и мин.

Утром 6 января началась артиллерийская подготовка, длилась она около 30 мин., но система огня обороны противника была подавлена только частично.

По сигналу с КП командиров полков пехота и танки дружно пошли в атаку. Первые минуты со стороны противника огня не было. Правда, дивизион гвардейских минометов в это время делал залп по глубине обороны противника. Немцы очень не любили залпы «катюш», после их залпов они первое время боялись себя показывать, огня не вели.

Примерно через 10—15 мин., когда наши передовые цепи ворвались в первую траншею противника, застрочили пулеметы. Наша пехота стала нести потери и залегла. Им на выручку под губительным огнем шли сибиряки, но момент был упущен, части несли большие потери. К общему несчастью в этот день мороз доходил до 37 градусов. Многие раненые замерзали, а санитары не справлялись с выносом раненых, да и они сами несли большие потери.

Когда к вечеру начался снегопад, да и начало темнеть, командир дивизии полковник Дорофеев приказал отвести пехоту в исходное положение. Танки прикрывали огнем отход пехоты.

Утром 7 января после короткой артиллерийской подготовки части и дивизии снова перешли в атаку. На этот раз батальону 1256-го стрелкового полка под командованием ст. лейтенанта Соколова с ротой танков 163 ОТБ удалось захватить опорный пункт противника восточнее деревни Лезно.

Ночью с 7 на 8 января наступление наших частей продолжилось. 1256-й стрелковый полк овладел д. Лезно, а батальон 1258-го стрелкового полка достиг восточной окраины д. Водосье. Бои продолжались день и ночь непрерывно, но успехи были незначительными. Дивизия выполнила задачу, поставленную командующим армией, но ценой больших потерь личного состава...»

Весной же на плацдарме остался батальон капитана Александра Ерастова.

Представьте себе.

Лес. Километра три в глубину и шириной километра четыре. Сзади Волхов в разлив — метров триста. Впереди — железная дорога. На насыпи сидят немцы.

Подвезти пополнение и боеприпасы практически невозможно. Обстрел такой, что только ночью умудрялись доставить продовольствие и забрать часть раненых.

Немцы шли в наступление с трех сторон.

За неделю батальон там лег весь.

Весь — это совсем весь. Без раненых и пленных. Не было пленных...

Вышло два человека.

Один — младший лейтенант, раненный в челюсть, переплыл трехсотметровый ледяной Волхов ночью.

Второго через пару дней подобрали разведчики на косе, что по немецкому берегу.

Остальные погибли мужицкой смертью.

Бои местного значения...

Ты, читатель, скажешь, что эти бои были бессмысленны?

Немцы там потеряли до полка — ПОЛКА! — эсэсовской пехоты.
Знаете, в чем разница между немецким полком и нашим батальоном?
Еще больше, чем вы думаете.

Сравним стрелковую дивизию РККА и пехотную вермахта:

	сд РККА	пд вермахт	
Личный состав (чел.)	10 858	16 859	
Винтовки, карабины	8341	10 691	
Пулеметы, автоматы	468	1380	
Минометы	78	138	
Орудия полевой артиллерии	36	74	
Орудия противотанковой артиллерии	18	75	
Зенитные орудия	10	12	
Автомобили	203	902	
Вес одного залпа (кг)	547.8	1660.6	
Суммарное соотношение			

Думайте дальше сами.

В ярости от потерь вешали убитых уже красноармейцев на соснах, росших на берегу Волхова. Днем стреляли по ним. Чтобы те из наших, кто был на восточном берегу реки — боялись.

Я видел эти гигантские сосны...

В одной из них малая саперная лопатка, вросшая на высоте трех метров от земли.

Иду обратно. Рита Малых сидит бледная, как смерть. Ставили палатку — воткнула колышек в землю. Попала в мину-восемьдесятку.

Все сделали по инструкции, огородили место ВОПа — взрывоопасного предмета — бинтами. Вызвали саперов из Пушкинского военно-инженерного училища — они рядом стояли.

Саперы поржали и объяснили — мина не прошла через ствол, поэтому ею можно гвозди заколачивать. Мы еще не знали этих хитростей... Научимся.

Пока отряд работает по обустройству лагеря, мы с Лехой Винокуровым идем копать. Интересно, черт побери, аж руки дрожат!

Чудовские поисковики нам показали, с чего начинать.

«Вон две ямы, видишь? Там, скорее всего, санитарное захоронение. Идите, копайтесь!»

Ага... Я потом так же прикалывался. Эти ямы — разводка. Там до нас копались уже не один раз.

Но мы взяли саперные лопатки и стали учиться работать.

Копали до темноты.

Нашли три осколка.

И кости!!

Лошадиные, бляха муха...

Ребята из Чудово сидели рядом, курили, пили и комментировали:

— Ниже копайте. В полный рост.

— Вот там копни, видишь, земля ржавая!

— Осколок! Ну, молодцы, поздравляю!

— Гы... Это лошадиная кость. Причем обглоданная.

— Ну ни куя себе!!!!

— МЕДАЛЬОН!!!!

Вот так вот! Мы нашли в пустом, перерытом десятки раз окопе — медальон!

С бумажкой!

Леха отворачивает лопатой очередной пласт земли, шарит руками в мокрой глине...

— Это что? — недоуменно вертит он в руках черную эбонитовую палочку.

Чудовские аж подпрыгнули.

И бумажка внутри...

Вечером открыли. Пустая, твою мать!

Нет ничего обиднее, чем пустые медальоны...

На самом деле — главная цель Вахты — это поиск вот этих черных смертных пенальчиков.

Не знаю — сколько я нашел. Сбился со счета.

Перестал считать после второго медальона.

Там же. В Лезно.

Лешка Калимов. Из Архангельска. Бумгородок. Жена еще в записке была, Ксения, кажется. Впрочем, могу ошибаться. Не помню уже. А документов рядом нет.

И было ему в сорок втором — тридцать восемь лет.

Не знаю, какой он был.

Фотографий нет. Родственников не нашли.

Черные кости в руках — и все. Почти ровесник... Мне тридцать шесть, пока...

Ну, там еще личные вещи. Ложка, бритва, котелок...

Вы спросите — куда мы их деваем?

А куда их деть?

Если родственники есть — им передаем. Если нет...

Дома храним.

Да. С могилы. Чужие это вещи.

Но выбросить... Рука не поднимается.

Если оставить на могиле, скажете вы? А знаете, кто их потом продаст?

Впрочем, я о медальонах...

Повторюсь. Самое обидное — пустой медальон.

Водос. 1998 год.

Подымаю бойца. Осколки медальона, разбитого пулей... Сгнила записочка...

Это ерунда, что их не заполняли и выбрасывали.

Вот ты, читатель, ты бы выбросил весточку домой?

Последнюю весточку?

Я бы нет.

Заполняли. Мы нашли как-то патрон странный. Пулю боец достал, порох высыпал и,

перевернув ее, вставил обратно.

А внутри самодельная записка.

Просто многие заполнялись химическим карандашом. Или чернилами. А они имеют свойство растворяться в болотах.

Обычный карандаш не растворяется.

Перед тобой миска с водой. Суешь туда чистый листок бумаги. Туда осторожно вытряхиваешь записку. Потом двумя иголочками осторожно — миллиметр за миллиметром — разворачиваешь ее в воде, расправляя на бумажном листе. И пытаешься разобрать почерк.

А вот еще...

Если записка пуста — ни в коем случае не выбрасываешь. Когда приедешь домой — она высохнет к тому времени, — сканируешь и в «Фотошопе» делаешь перевод в негатив. И на черном видны элементы продавливания ручкой...

Жаль, что у нас в девяносто шестом не то что «Фотошопа», компьютеров-то не было...

Севастополь. 2009.

Поднимаем бойца. Верховой. То есть лежит на камушках. Сверху тонкий слой мха.

Сережка Ширшиблев его поднимает. Я мимо иду к своему бойцу. Отлить ходил, ага... И чего-то нога в ботинке зачесалась. Нагибаюсь — медальон перед глазами.

Пустой. Крышка снята. Рядом валяется.

Послали домой похоронку в сорок четвертом. Но не похоронили. Мекензиевы горы. Второй кордон.

Порой вместо медальона бывает — ложка, кружка, фляжка, бритва, котелок...

Про один котелок я уже рассказывал.

Вот про второй.

Демянск. 1999.

Поднимаем бойца. Немецкая ложка. Немецкий котелок. Немецкий ремень. Немецкая фляжка. Трехлинейка. Наши ботинки. Граната — колотушка (Немецкая). И все.

Из косточек — бедренные, лучевые, немного ребрышек, две ключицы, кусочки черепа.

На котелке выцарапано — «Ваня». Крупно так выцарапано... А на фляжке — «Ханс». Тоже крупно...

Кто ты, боец?

Ты русский Ваня? Ты немецкий Ганс?

Мне уже без особой разницы.

Подняли. Положили в полиэтиленовый мешок. Унесли. Похоронили потом.

Вместе со всеми. С нашими.

Медальоны...

Вот вы над фильмом «Мы из будущего» ржете...

Правильно и делаете. Сказка.

А вот Толик Бессонов тезку поднял как-то.

Медальон читаем — «Красноармеец Бессонов...»

Толик тогда в лес ушел один. Часа два его не было.

Все-таки — одно дело косточки в руках безымянные держать, другое — видеть потом фотографию того парня, который тебя спас.

Он меня спас, чтобы я пил немецкое пиво и ходил на айренбля-пати...

И правильно сделал, потому что жизнь продолжается, потому что нам надо жить и ходить на эти пати, и пить пиво, и делать детей...

Он делал то же самое.

Работал, пил, веселился, делал детей...

Только он еще смог спасти меня. А я так никого и не спас. Я просто ищу эти маленькие черные пенальчики, чтобы вернуть двоюродному внуку личные вещи никогда не знакомого им деда...

Вообще-то их на самом деле мало.

Один к СТА.

То есть на сотню найденных бойцов — один медальон. ОДИН!!!

Из десяти медальонов — читаемы в лучшем случае пять.

Вот и считайте.

Только не надо делать вывод, что у нас потерь было «стопицот миллионов».

Потери были примерно одинаковые что у нас, что у немцев.

В 41–42 — мы больше теряли.

В 44–45 — они.

Это война.

Да. Наших больше лежит на полях в России. А в Германии немцы так же лежат. Немцы сорок пятого года.

А некому было хоронить. Просто некому. Не до этого было. Надо было дома заново строить.

Это наш русский характер такой.

Биться до смерти, а там будь что будет.

Вы представляете, что творилось там, от Москвы до Берлина после войны? И творится...

Впрочем, это уже другой рассказ...

4. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

А после войны некому было хоронить.

Представьте себе — городок Чудово. Маленький такой. На таких городках стоит Россия. Нет, не правильно...

Россия — это такие городки.

Вот так правильно.

Там пьют самогон, курят «Приму», бьют по пьяни жен, делают для нас с вами «сникерсы» и «марсы».

Там фабрика «Кэдбери».

И еще пара школ, дом-музей Некрасова и вокзал.

И еще филиал Сбербанка.

Осенью 1998 года мы почему-то ночью туда приехали. Сашка Сороко — это у него фамилия такая — тогда работал охранником в этом самом банке.

Вот мы ночью к нему и приперлись. Ну, конечно, затарились по самое не могу.

Я и Ритка. Парни у нас уже в Демянске были... Мы чего-то припозднились, не помню уже почему.

Ну вот и сидим-пьем ночью в Сбербанке. Радует встреча.

Сашка рассказывает:

— Тут после войны выжженное поле было. Ни одного целого дома. Школа только. И дом-музей Некрасова. Дед рассказывал — он тогда пацаном был — скидывали из окон наших и немцев. Оружие собирали, увозили куда-то. Трупы закатывали под асфальт. Там сейчас спортплощадка. Дети физкультурой занимаются. В футбол играют... Закатали, значит, их под асфальт, на следующей неделе уроки начались. В школе. Парт нет, на дрова пошли. На полу сидели. А на стенах еще пятна крови. Первый урок был — немецкий...

А я вспомнил, как в 1996 году нам экскурсовод про этот самый дом Некрасова рассказывал, как его немцы пощадили. Дом в смысле, не поэта.

Цитата из «Мы погибнем вчера»:

«...Тетка-экскурсовод с такой гордостью это сказала, как будто лично гансов на порог не пускала. Дура. Потом повела нас, после осмотра его спальни, во двор. К могилке его любимой собачки. Жену он на охоту взял в первый раз, она слепа ли, с хитрости ли ее и пристрелила. Чтобы не шатался там по лесам, пока она дома сидит. Впрочем, это его не остановило. Ушел в депрессию, написал пару стихов трогательных, собачку похоронил и

камушек ей поставил. Гранитный. Пока горевал, жена ему рога ставила с его же другом. Но не суть, в общем, привели нас к этой могилке, и тетка напыщенно так, глаза в небо вперла и говорит с придыханием: «Постоим же молча у могилы лучшего друга великого поэта Николая... Алексеевича... Некрасова...» А у нас это уже третья минута молчания за день. Но от неожиданности все заткнулись...

— И чем дело кончилось?

— А ничем особенным. Виталик воздух испортил громко, и у всех просто истерика ржачная случилась. У бабы тоже. Только не смеялась она. Пятнами пошла. И как давай орать! Что именно орала, не помню, но, типа, впервые видит таких бескультурных ублюдков, которым недорого память о России.

— Так и сказала? — засмеялся Захар.

— Насчет ублюдков не уверен. Возможно, уродами, — улыбнулся Леонидыч.

Жрать было нечего, а говорите — хоронить!

Лезно. 1996.

— А я с войны там и не была, сынки, в лесу-то! Как немцы наших побили... Ветер оттуда — дышать нечем. В подвалы залазили и тряпками прикрывались. Гнильем пахло. А ежели корова туда уйдет, так все — почитай, пропала. Взорвется. Пацанята ночами бегали, мясо с коров собирали. Есть-то охота! Сколько их безруких оттуда вернулось... А сколько похоронили... Ой, Боженька...

Зато деревья хорошо растут на удобрениях...

Мясной Бор. 1997.

Поле. Березки. Каждая растет почему-то из черепа.

Парни в березки проросли. Сотни березок...

Синявино. 2007.

Вырезали парня из дерева. Руки в земле. Ребра. Таз...

Ноги вросли в дерево. Их приподняло над землей. Прямо из ствола торчат. Выпиливали.

Синявино. 2009.

Боец. Безымянный. Четыре березки, какой-то куст. Сам он под корнями. Ищем медальон в косточках. Нет медальона.

Если лесник придет — за каждое дерево штраф — пятьсот рублей.

Не пришел. Сэкономили. А ведь ходят и штрафуют...

Севастополь. 2008.

День работы на «Вахте» стоит пятьдесят рублей. Мы по пятьдесят рублей с носа платим местному леснику, чтобы искать и хоронить ребят. Мы живем после войны.

И большинству — абсолютному! — просто наплевать. Вы спросите — почему парней тогда не хоронили?

Отвечу вопросом — а почему ты их сейчас не хоронишь?

Какая разница, сколько времени прошло? М? — Это ваше хобби! Я это слышу часто.

Да. Это мое хобби. Увлечение мое такое. Мертвых своих хоронить.

У вас какие-то претензии есть?

Я так развлекаюсь.

Почему после войны не хоронили, говорите?

А мы сейчас чем занимаемся? Как раз после войны, спустя шестьдесят лет...

5. ПОИСКОВЫЙ БЫТ

Вы правы. Это наше хобби. И больше ничего. Не надо думать, что мы все из себя такие — с огнем прошлой войны в глазах.

Обычные мы. Такие же, как вы.

Ничем особым не отличаемся.

Первый день.

Ставим палатки. Делаем костровище. Землю под костром обязательно надо перекопать. Даже если ты не первый раз на этом месте стоишь. Придурков хватает — ты весной тут стоял — осенью кто-то обязательно кинет в угли пару патрончиков.

Был случай — стояли на одном месте года три, кажется. На четвертый — после Вахты — выкопали минометку — 82 мм.

Не спрашивайте меня, почему она не бахнула. Не знаю. Ангелы помогали...

Обязательно копаем яму под туалет. Мужской, женский. Бывает, поднимаем бойца. Туалет переносим с этого места.

Делаем душ. Большой полиэтиленовый мешок. Внизу шланг с «пулеметом» — душевая воронка. Иногда делаем баню — деревянный каркас, обтягиваем плащами от ОЗК. Рядом костер — нагреваем камни, кидаем в «чум», там обливаем водой. Можно париться!

Хочешь помыться?

Иди, грей себе воду и устраивай «помоечный» вечер.

1998 год. Водосье.

На Первое мая выпал снег. Стоишь под душем. Почти кипяток. С серо-стального неба над тобой порхают снежинки...

Романтика!

Кажется, там, после того как мы сняли палатки, подняли двух бойцов под ними. Спали на них три недели...

1997. Лезно.

До Волхова идти лень. Берем воду из воронки. Она рядом совсем. В двух шагах от костра. Лягуши в ней плавают, по ночам орут — спать не дают. Икру отчерпнешь, лягушачью — можно делать еду. Или умываться. Или зубы чистить.

Когда лагерь собирали — выкачали ее. Два бойца на дне.

2009. Синявино.

Тропа, по которой ходим работать. На одном и том же месте бойцы. Каждый год. По одному. Как будто приходят и ложатся тут. Первого подняли — обыскали все рядом. Чисто. На следующий год — проходили мимо. Кто-то ткнул случайно шупом — есть косточка... На третий год... На четвертый... Четыре бойца, друг за другом...

Я о быте рассказывал?

Утро. Первым встает дежурный. Делает завтрак. Желательно каша с мясом. Через полчаса после него — отряд.

Едим, курим, умываемся, уходим. Чего тут еще рассказывать? Обычно без обеда. С собой берем перекус — банка тушенки или рыбы на двоих. Хлеб. Конфетка. Печенюшка. Чай во фляжке или термосе. Обедаем часа в два. Вот вышеперечисленным и обедаем. Возвращаемся часов в семь вечера. Если есть боец — можем и до десяти-одиннадцати копать. Азарт хватает, на время не обращаешь внимания.

Возвращаемся.

Жрем ужин, который приготовил дежурный. Он, кстати, не отдыхал — работал в районе лагеря. Если приходим — ужина нет, потому как дежурный бойца поднимает — сами готовим.

Потом разбор полетов. Сто грамм наркомовских. И спать.

Собственно говоря, вот и весь быт.

Впрочем, все, что я написал, — это не вся правда.

Так живут «взрослые» отряды на одиночных Вахтах.

То есть там, где мы стоим одни. Человек десять-пятнадцать.

Там, где Вахта большая — несколько десятков отрядов с разных областей и стран, — она превращается в карнавал.

Сегодня у нас посвящение, завтра концерт, послезавтра экскурсия, а потом в баню...

А работать когда?
Некогда. Мы, видишь ли, детей привезли. Их воспитывать надо. Военно-патриотическое воспитание. И как-то забывается, что основная цель — искать и хоронить.
Не, не!
Детей возить на Вахту! Вот главная цель сегодня поисковых организаций.
Воспитание, ага...

Синявино. 2009.

Костер. Детский отряд у костра. У них «огонек» идет. Это, типа, каждый ребенок рассказывает — что он думает и что он чувствует о прожитом дне. «Как Ваня с Машей поругался, и как у Пети животик болит».

Потом песни поют. Под гитару — «Ничего на свете лучше неееетууу!»

Это не Вахта. Это пионерский лагерь пополам с домом отдыха.

Ребята, мы на кладбище живем.

Здесь нельзя песни петь. Здесь можно молиться и материться. Потому что те парни, по которым мы ходим, они успевали молиться про себя и материться вслух.

Есть грех на душе. Тоже порой беру гитару и пою песни. Когда окончательно крышу сносит. Когда уже по-другому нельзя. Выораться хочется. Мой грех, моя вина. Простите, мужики.

Но я там не пою веселых песен.

«Землянку», «Волховскую застольную», «Огарочек», «Меня нашли в воронке»...

А все орательное-веселые — на потом. На поезд. На дом. Здесь нельзя.

Понимаю, детишкам надо отдыхать. Песни петь, влюбляться, отдыхать...

Кто ж против-то?

Но не здесь.

Это КЛАДБИЩЕ!

Нельзя сюда детей возить. На экскурсии.

Понимаю — одного-двух взять. На отряд из десяти взрослых.

А вы видели отряд из СТА (!) детей? И двое баб ими руководят...

Они, мол, детдомовцы, для них в радость Питер посмотреть!

Ребята, не делайте деньги на костях!

Так нельзя. Не подменяйте цель и средства.

Иначе поиск может превратиться в то, что я видел своими глазами 9 мая.

Невский Пятачок.

Около 250 тысяч погибших на квадратике 3 на 5 километров.

Место отдыха под шашлычки.

Сидят ребятки, водочку пьют.

— За Победу!

— Ура! За Победу!

Рядом валяются человеческие кости.

Белые. Высушенные ветром.

Ключица. Бедро. Ребра. Зубы.

Мы прошли по этому полю. Уже не работали. Отдыхали. Три бойца. Сложили косточки у памятника. 10 мая их заберут местные поисковики.

Вы хотите, чтобы ваши дети приезжали на такие экскурсии?

— Деточки — а это череп!

— Деточки — а это снаряд!

Я утрирую, конечно.

Но это мое мнение — детям и бабам на Вахте делать нечего.

По многим причинам...

6. ПОИСКОВЫЕ ДЕНЬГИ

На нас делают деньги. Причем это особо не скрывается.

Выдержка из проекта Федерального закона. Схема проведения всех таких конкурсов для получения откатов неизвестна разве что грудным детям.

«Поисковая работа обеспечивается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и проводится образованными этим органом поисковыми подразделениями, а также общественными объединениями, допущенными к поисковым работам на основании результатов конкурсов, проведенных в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

Тут, кстати, вот такая пакость. Поскольку проведение конкурсов подпадает под действие закона № 94, то любой чиновник местной администрации может попросту отказаться даже проводить подобного рода конкурс, ибо нет муниципальной нужды. А нет конкурса — нет и поиска, поскольку все остальное будет причисляться к нелегальщине и интенсивно преследоваться.

Особо это касается небоевых регионов. Боевые — это те, где война была. Небоевой — например, Киров (Вятка). Ну нет у нас муниципальной нужды в поисковой работе. Нету.

Не знают чиновники, что, например, узкоколейка Киров — Слободской стоит на костях.

Сорок километров по канавам вдоль железки — немцы, венгры, итальянцы, австрийцы, румыны.

Их везли из Сталинграда. Умерших выбрасывали из поезда в эти канавы. Сколько тысяч там лежит — неизвестно. Да Бог с ними, с фрицами. Пусть лежат.

Слободской — моя родина. Вятский Суздаль.

Кладбище с мемориальными плитами. Сколько себя помню — каждое 9 мая — торжественный митинг на могилах умерших от ран солдат.

Рита Малых, командир слободского поискового отряда «Возвращение», выяснила, что это кладбище — немецкое! А наши мертвые лежат совсем в другом месте. Под кладбищенской свалкой.

Свалку поисковики расчистили. Сделали могилы. Провели панихиду. Пару лет назад митинги стали проводиться на новом месте. Власти эту историю вспоминать не любят.

Нет у нас нужды в поисковой работе, нету...

Вообще, проект производит гнетущее впечатление. Для чиновников — лазейка на лазейке. Почти везде формулировки типа «имеют полномочия», «имеют право», «могут» и т. п. Понятие обязанностей и ответственности в тексте не присутствует по определению.

А поскольку по проекту планируется создание некоего федерального органа исполнительной власти, то это полный завал — позиция чиновников опять же хорошо известна: «Прав, возможностей и полномочий я могу иметь сколько угодно, но делать-то я ничего не обязан». Соответственно, имеем очередное законодательное фуфло, предназначенное только для того, чтобы максимально осложнить жизнь людям, которые хоть что-то хотят сделать.

Закон пока — пока! — не принят. Думаю, что примут к шестидесятипятилетию Победы. Деньги вложат, как обычно, на круглые даты. Надо же как-то их отмыть...

Нам и так выделяет государство копейки.

На 220 человек — 160 тысяч.

На одного человека — 700 рублей.

Проезд до Питера — 1200. В одну сторону. В этом году.

Эта сумма — 160 000 — не меняется с 1996 года.

На ежегодный салют выкидывается от 300 000.

Говорят — слухи! только слухи! — что выделяется в три раза больше. Но из 500 000 до нас доходят 160 000.

Причем выделяют деньги только на школьников и студентов. Военно-патриотическое воспитание...

Остальные — за свой счет.

Командиры отрядов, как правило, начинают искать денег у спонсоров за год до Вахты. На пожрать. На попить. На сапоги.

Впрочем, это у нас нищий регион. Завидую отряду из Ямала. На десять человек полтора миллиона.

Недаром в прошлом году, когда в первую же ночь под Гайтолово пошел снег с дождем, вызвали из Кировска такси и уехали в гостиницу. Отогрелись в сауне, дождались хорошей погоды — приехали работать.

Молодцы! Искренне завидую.

У нас так никогда не будет.

Просто здесь, в тылу, мало кто понимает — что это такое. Комментарии, которые я получаю иногда:

Орфография соблюдена:

«А чо с Куликова Поля никого не выкапывают или там со дна Чудского Озера не поднимают, к примеру? Есть чем людям заняться? А то в Беларусь пожалте, там болот тоже много, и партизаны не все еще подняты... Я не стебаюсь, просто если всех поднимать, так давай до 100 колена. Последняя война — ВОВ? А чо в Афган тогда не едем или в Чечню? Медальон нашел и кости похоронил — молодец, только не продуктивно это — 100 000 человек, погибших в 1943 — окститесь, 2009 сегодня. Воинская память и Слава павшим за Родину — Вечная. Копать не надо, как и писать про это».

«Проще надо к костям относиться, проще. Опять же без медальонов — не немцы это случаем? Как с экспертизой у Вас, все хорошо? А я и не сомневался — бедренную кость нашли — солдата «подняли». Ушел на войну и не вернулся — дело житейское, мужское. Вычеркиваем просто из списков, и все. Ширее смотреть надо, ширее и проще. Денег, еды, вещей не дам. Не жалко, просто не хочу на такое».

«Деревенских можно понять с их восприятием всего этого шоу. Ну убили вас. Легли вы под родные березы. Занесло вас землей. Очень надо потом кому-то рыть ваши кости, чтобы потом устроить себе слезливую эмпатию?»

Когда весь этот пиар начинался, моя бабушка, прошедшая с госпиталями всю войну воспринимала это как ДИКОСТЬ.

Я выросла рядом с полем боя. И у нас было негласное: НЕ ТРОГАТЬ останки. Мы ковыряли осколки, патроны, каски. Но останки было трогать НЕЛЬЗЯ.

НЕУЖЕЛИ НЕПОНЯТНО ПОЧЕМУ??

Те, кто выкапывал себе черепа и ставил как предмет интерьера на сервант (БЫЛИ ТАКИЕ), вызывали какое-то нехорошее недоумение... а они оправдывались: «да я это нашел под немецкой каской, это немец!» — все равно это не понималось.

Не вижу, чем вы отличаетесь от них.

Уж простите.

Но этот ваш весь пафос и вся эта ваша публичная ЭМО-выставка себя как-то непонятны».

Вот как-то так...

Ну пусть пафос. Тогда что вам эти числа скажут?

160 тыс. в этом году.

Поднято и захоронено 569 бойцов и командиров РККА экспедицией Кировской области.

Государство затратило 281 рубль 19 копеек на бойца на эксгумационные работы.

Теперь эти 281 рубль 19 копеек делим на 65 лет...

4 (четыре) рубля 32 (тридцать две) копейки в год.

Цена нашей памяти...

7. РАБОТА. ТАКТИКА

Да все просто, собственно говоря...

У тебя в руках щуп. Это такая железная штука — штырь, вколоченный в палку. (Мне, кстати, штыком русским нравится работать — тяжелый, мощный, землю хорошо пробивает. К палке примотал и ходишь — в землю тычешь. Еще люблю работать киркой. Удобная штука. Корни на раз-два пробивает. И о камни не сломать.)

На поясе малая саперная лопатка. На любой стук — копаешь. Хотя я больше руками и ножом предпочитаю.

На отряд — 10–15 человек — один минак (металлоискатель).

Только я с ним не люблю работать. Пищит много. Там везде пищит. Щупом мне больше нравится.

Идешь и постоянно тыкаешь им в землю.

Звуки не слышишь, рукой чувствуешь.

Металл — звонкий удар. Чем больше железяка, тем звонче. Чем глубже — тем глуше. Через пару дней работы ты на руку отличаешь маленький осколок от мины.

Камень — удар тоже звонкий. Но (это описать трудно, но постараюсь) — звонко-резкий. Не знаю, как сказать. Но при любом ударе о камень, все равно — копаешь.

Дерево — глухой удар. При этом дерево — корень, например, пружинит. Легкая отдача в кисть.

Кость — звук неповторимый. Глухой, но звонкий, звонкий, но глухой.

Очень четко слышен медальон...

Лезно. 1997.

День прошел впустую. Стоим курим у воронки. Подняли винтовку только что. Треху. Мосинку. Вскопали по всем правилам — три метра по периметру от нее и полметра вглубь. Ничего...

Стоим — курим...

Злые, как собаки.

Леха Винокуров кидает щуп в сторону.

Странный звук! Не железо, не кость, не дерево!

Когда щуп втыкается во что-то...

Встаешь на колени и ножом вскапываешь землю вокруг щупа. Ну и пальцами. Проверяешь — что там.

Леха — везунчик. Медальон.

В трех метрах от винтовки подняли бойца. Я уже не помню — как его звали. Данные есть — можно поднять их.

Обычно мы бойца поднимаем часа за два-три. Если лежит компактно.

А может быть и прямое попадание чем-то тяжелым. А могут корни деревьев растащить. А может земля двигаться.

Этого поднимали долго. Темно уже было, фонариками подсвечивали, когда мизинчики из ботинок доставали.

Странное дело — когда находишь бойца — время останавливается. Курить забываю. Поднял — оппа! — три часа прошло. Не заметил.

А остановиться не можешь. Надо всего поднять. Может быть, это азарт. Но в душе

понимаешь — надо поднять всего и сейчас. Нельзя так оставлять. Не знаю почему. Знаю только это чувство — надо поднять сейчас.

Многое зависит от командира экспедиции.

Поясню — я, например, командир отряда. Приезжаем на экспедицию. Командир ее — он же командир местного поискового отряда. Он обеспечивает инфраструктуру: карты, транспорт, место работы. С нашей стороны только сама эта работа. Не завидую ему.

За тринадцать лет я работал только в четырех районах.

Чудово, Демянск, Севастополь, Питер.

Надеюсь, в этом году еще съезжу в Одессу. На следующий год — в Старую Руссу.

Надеюсь, но как Бог положит...

Так вот. Очень многое зависит от командира экспедиции.

Демянск.

Павлов Александр Степанович.

Вот это настоящий поисковик. Все очень четко. Мы приезжаем. Утром садит нас в «Урал». Приезжаем на место. «Вот отсюда и до сюда — ищем».

Чудово.

Лена Марцинюк — я уже писал о ней — там, в Чудово, ситуация немного проще. Четкая линия фронта. Известные места. В то же Лезно приехали — нам выделяли квадраты. Сто на сто метров. Вот и ходим по этому квадрату — собираем осколки, патроны, каски. Пока все не прошерстим — через каждые десять сантиметров не втыкая щуп — не уходим. Результат порой никакой...

Демянск. 1998.

Павлов привозит нас на высотку. Командирский отряд! Что ты! Элита! У каждого за спиной уже по пять Вахт как минимум! Могу на спор — по запаху определяю — есть в этом окопчике кости или нет!

Угу...

Хрен там. НИ ОДНОГО БОЙЦА!

Демянск. 2000.

То же самое место. Та же самая высотка.

Восемь бойцов в тех же окопчиках.

Медальонов тоже не было.

Расческа. Выцарапано. «Коля».

Лежали они под камнями. Немцы их в траншеи кидали и камнями заваливали. Ходить им так удобнее. Было.

«Первый пролетарский коммунистический батальон». Кажется так... Добровольцы. Студенты и профессура из Москвы. Интеллектуальный цвет. Под камнями.

8. ЧЕРНЫЕ ПОИСКОВИКИ

Когда говорят это словосочетание — «черные поисковики», сразу приходит такая ассоциация. Мрачные суровые мужики, которые прячутся от всех, носят с собой карабины «Маузера» и отстреливают всех подряд из-за пряжки «Gott mit uns». Или мальчишки-мажоры из фильма «Мы из будущего». Увы. Я вас сейчас сильно огорчу. Может быть, такие и есть, но с ними я не встречался за тринадцать лет Вахты. Встречался с другими.

Есть, наверное, и такие. Но как их вычислить? Представьте себе — семнадцать отрядов на одном месте стоят. Около двухсот пятидесяти человек. Все ходят по участку — пять на пять километров. Копаешь в лесу:

— Привет, как успехи?

— Нормально. Вы откуда?

— Архангельск (Тамбов, Астана, Питер, Мурманск, нужно подчеркнуть). А вы?

— Вятка. У вас как?

— Блин подняли пустой, зараза...

Ты их в лицо не знаешь. Одеты все одинаково — камуфляж, сапоги. Снаряга стандартная — шуп, минак, лопатка.

Кто это был? Действительно Архангельск (Тамбов, Астана, Питер, Мурманск, нужное подчеркнуть)? А хрен его знает...

Но «черные» действительно есть. Правда, черные, они разные...

Трофейщики.

Эти поднимают железо, в основном немецкое, на продажу. Работают с апреля по октябрь. В южных регионах — круглогодично. Никогда не имеют дело с огнестрельным оружием, боеприпасами. Только — фляжки, ложки, каски, награды и прочая шняга. Не удивляйтесь — стандартная немецкая ложковилка в хорошем состоянии стоит 100 баксов. Это если с «курицей» — с немецким орлом, в смысле. У меня вот финская лежит. Стоит дороже. Баксов 200. Не продам, не обращайтесь. Это подарок. Как правило, трофейщики — если находят косточки — либо сдают место поисковикам, либо прихоранивают. Могут работать под заказ от коллекционера. Как правило, столичные жители.

Хабарщики.

Эти продают все. Гильзы на цветмет, награды коллекционерам, тол, черт его знает, кому... Чаше всего это жители маленьких райцентров и деревень. Останки раскидывают по раскопу. Это надо видеть. Описать не смогу...

Водос. 1998.

Траншея. Свежевскопанная. На дне ничего. Железо выгребено подчистую. По краям — в отвалах — кости вразброс. Собираем. Немцы? Наши? Теперь уже не узнаем никогда...

Тверь. 2004.

То же самое. В костях три раскрученных медальона. Их нашли, раскрутили, бросили... Записка сгнила. Не в сорок втором сгнила. В две тысячи четвертом...

Ссуки.

Это мы.

В смысле — официальные поисковики. Которые с «гумажками».

Начну издавека...

Когда находишь личную вещь бойца — это каска, противогаз, лопатка, ремни, магазин, подсумок с гранатами, ложка, котелок, фляжка, оружие — ты обязан — ОБЯЗАН! — вскопать все по квадрату два на два метра и глубиной в штык малой саперной лопатки. Даже если ничего нет больше — КОПАЙ! Квадратом десять на десять все «щупится».

Синявино. 2009.

Идут два поисковика из Питера с хорошими, дорогими миноискателями. Которые на тип металла настраиваются, на глубину, на вес... Запищал минак. Остановились. Копнули. Каска. Наша каска. Отопнули в сторону, пошли дальше.

— Ак хуле мы тут ходим? Тут русские позиции! Пошли на немецкие, они вон там!

В трех метрах от каски — боец. Мы его подняли чуть позже.

Не вопрос. Питерский отряд — молодцы! Подняли больше нас в этом году. Зацепились за кость — поднимают. Не зацепились — «пошли на немецкие позиции!».

Немецкая каска тоже сто баксов. Наша — ничего не стоит...

Практически все отряды из боевых регионов наполовину состоят из таких сволочей, готовых продать все, что угодно и кому угодно, прикрываясь — «Я — поисковик!»

Демянск. 2000 .

Поднимаем блиндаж. Оказывается немецкий. Почти пустой. На дне ящик с карабинами «Маузер98». В ветоши, в промасленных бумагах. Почистили. Постреляли копаннами здесь же патронами.

Помидор — так мы звали того демянского поисковика — так нажрался с радости, что потерял сознание. Мы достали затворы и выкинули карабины в болото.

А ящик с патронами поставили на костер. Отошли метра на четыре. Легли. Фейерверк смотрим. А патроны-то бронебойно-зажигательные. Они сначала в костре бахают, подлетают

и в воздухе шмаляют. Красиво! Один патрон — один бакс.

Синявино. 2009.

— Эй, мужики, медальон нужен?

— В смысле?

— Сто рублей, покажу!

Сто рублей — кто-то получит весточку спустя 65 лет... Угадайте, кто такие цены «ломит»?

Менты.

Просьба не обижаться настоящих милиционеров. Я не про вас. Я про ментов. Это разные понятия. Сюда входят все те пьяные уроды, которые могут приехать ночью в лагерь и устроить шмон в палатках. Типа у них спецоперация, ага...

Синявино. 2009.

Бухой в говно подъезжает на «уазике». Мы из леса вышли. Шмон. В карманах патроны. Статья... Хорошо, бухой в говно. Забыл.

А куда нам эти патроны девать? Обратно закапывать? По правилам техники безопасности мы их должны сдать МЧС. Чтобы сдать МЧС — мы должны принести их в лагерь. Потому, что саперам МЧС лениво по лесу ходить... Но по ментовским правилам мы не имеем права приносить их в лагерь.

Синявино. 2009.

К столу из кустов вываливается пьяный мужик в камуфляже:

— Оружие, боеприпасы есть?

— Ты кто, человек?

— Группа разминирования МЧС!

— Эээ... А документы?

— Майор, тут на меня выеживаются!

Вываливается второй. Ментовские корочки мне в лицо.

— Забирайте, чего хотите. «Лягуша» вот тут стоит, — показываю на карте, — здесь три противотанковых мины, тут ящик восьмидесяток, тут...

— На хер мне в лесу? Чего в лагере есть?

— Трехи гнутые, дегтярь, пара гранат.

— Все?

— Все...

— Пиши акт, — мне говорят.

— Бланк давайте?

— Нету бланков, кончились!

Вырываю лист бумаги из книги. С задней страницы — знаете, там чистые листы зачем-то есть? Книга Пауля Карела «Восточный фронт. От Барбароссы до Сталинграда». Пишу.

«Акт. Составлен такого-то числа командиром поискового отряда «Долг» Ивакиным А.Г. Мною сдано группе разминирования МЧС: 3(три) винтовки Мосина, 1 (один) пулемет Дегтярева, три (три) гранаты «Ф-1». Дата, подпись»

Надо ли говорить, где я потом этот акт нашел?

Надо ли говорить, сколько платят за килограмм сданного в милицию тринитротолуола?

Надо ли говорить, что мины мы обезвреживали сами?

Впрочем, это уже другой рассказ...

9. ПОИСКОВОЕ ЖЕЛЕЗО

Его до...

В общем по пояс всем нам будет. В буквальном смысле по пояс.

Лезно. 2006.

На участке метр на метр гильзы от французского пулемета «Гочкис». Глубина залегания — метр. Кубическая такая яма была... Ага. Гильзы потом собрали — куча по пояс. «Хорошо» ганс по нашим пошмалял...

Синявино. 2009.

Килограмм осколков. С участка метр на метр. Глубина — сантиметров 10. Просто ради интереса копнули. Живого места нет. Земля рыжая...

Впрочем, этого добра — море разлитое. Пули, осколки, гильзы, минометки.

Самое безопасное в «Поиске» — это минометки. Наши, немецкие... Полтинники, восьмидесятки, сто-двадцатки... Где почва мягкая — как морковки торчат из земли. Ходи с ведром, собирай. Чтобы шарахнула — надо очень постараться. Смотришь — пробит ли капсюль? Прошла ствол или нет? Если нет — можно гвозди ей заколачивать. Это только в фильмах «кажут», как геройский америкос пезтохает миной по железяке и швыряет ей в немцев. В жизни так не бывает. Если минометка ствол не прошла — можно смело снимать ключом взрыватель, затем выжигать тол и... Сувенир жене готов! Чего ржете? Хороший пенал в офис...

На втором месте по безопасности стоят ручные русские гранаты. Ежели они без взрывателя, конечно... Если «РГ» со взрывателем — лучше не трогать. Если «лимонка» с чекой — выпуклая часть спины.

Демянск. 2000.

Стук щупом по железу. Дернул грязь лопаткой. Скребнул по металлу. Сунул руку в жижу. Достаяю. «Лимонка». Взрыватель, чека, кольцо. Зачем-то стукнул по ней лопаткой. Грязь хотел сбить, что ли? Взрыватель ломается и начинает шипеть. Столбняк. Дымок пошел. Стою и смотрю на нее. Нет никаких «картинок из жизни». Рука, граната, дымок. Прошипел. Выдохся. Жив...

Если противотанковая со взрывателем...

Там взрыватель со ртутью. Очень аккуратно складываем на землю. И больше ее никогда не трогаем. Теоретически — надо вызывать саперов. Практически — очень аккуратно несем ее к ближайшему водоему и топим там. Если водка в крови бурлит — можно на месте устроить костерчик и взорвать ее. Накидал бересты, веток. Поджег. И бегоооооом! Потом ждешь — бахнет? Можно прождать долго. Час, другой, третий, ночь... Нах, лучше утопить.

Был у нас один придурок.

Находит взрыватель, подкидывает и лопаткой по нему. Или подойдет к дереву — вставит металлическую палочку между стволом и веткой, чуть в сторону отойдет и зажигалкой греет. Смешно ему было, придурку.

Было.

Получил вот так вот осколок в задницу. Как — понятия не имею. Но осколок в задницу получил. После чего был исключен из организации. Не за ранение. А за то, что рядом другие ходили.

Средняя опасность.

Противопехотные мины. Кроме «лягуш» и «кукуруз». О них отдельно. Как правило, противопехотная мина шестидесятипятилетней давности нажимного действия — уже безопасна. Как правило. Но на любое правило есть исключение. Многое зависит от того — где эта мина «хранилась». Если почва сухая — пригорок там или песок, или камни, — может и бахнуть. Случаев таких не слышал. Но видел, как парень побледнел, когда щуп вошел прямо в сгнивший — слава Богу! — взрыватель противопехотной мины в деревянной оболочке.

Высокая опасность.

Снаряды. Любые, прошедшие сквозь ствол. На какой там ржавчинке держится проволочка? Кто его знает... Был случай — его вы можете найти в Интернете самостоятельно — командир отряда пытался плоскогубцами снять взрыватель с неразорвавшегося снаряда немецкой 88-мм зенитки. Двое погибших, четверо раненых. Это отдельная история, я ее опишу еще. Как пацан, раненный в ноги, вытаскивал пять километров по лесу своих друзей до дороги.

Сюда же относятся «кукурузины» — ПОМЗ. Если стоят на растяжке — считай подрыв.

Только эту растяжку невозможно заметить. «Кукуруза» может быть примотана, например, к колючке. А этой колючки там... Я после каждой Вахты выбрасываю сапоги. Уже не проклеить все разрывы. А под колючкой пацаны и лежат, часто...

Противотанковые мины. Эти твари ставились на три взрывателя. Верхний — нажимной на танк, боковой — для сапера, и донный. На неизвлекаемость.

Ага... На неизвлекаемость... Щаз!

Лезно. 1997.

Курсанты из Пушкинского училища нашли противотанковую мину. Сделали все как полагается. Огородили ее флажками. Пошли за инструментом...

Сижу у костра. Рабочий день строго заканчивается в восемь вечера. После этого курсанты подрывы делают.

Идет мой боец — Сашка по кличке Манник. Пятнадцать лет ему тогда было. Несет тол. Очень много тола. Откуда?

— Ак там чо? Это... Иду... Глика-чо? Флажки! Ну я зырить. А там чо?

— Чо?

— ГРАНАТА! — зловеще выдыхает он.

— И чо?

— И ни чо! Я по ней топором — хрясь! Не взорвалась! Ну я ее вскрыл, как банку консервную, толу наковырял!

А тол поисковики ценят, да... Если дожди идут — милое дело им костер разводить. Любые дрова с ним гореть начинают. Да и пахнет вкусно. На мой извращенный взгляд, конечно... Тол я припрятал, конечно. Хотя так и не понял, что за гигантская граната была...

А потом пришли злые саперы, которые честно приготовились мину дергать. Дергать — это значит — привязать к мине веревку, отползти метров на двадцать и дергать. А злые они были, потому что рассчитывали тол из мины достать и рыбу в Волхове получить. Втык получил почему-то не я, а Юра Семененко, командир второго вятского отряда. Впрочем, почему — тоже понятно. Пару дней назад его боец, выходя с поля работы, наткнулся на Лену Марци-нюк — чудовского командира.

— Что несешь?

— А во чо!

И радостно бросил ей под ноги снаряд «88», три минометки-восьмидесятки и противотанковую гранату. Лена, наверное, поседела...

Еще бы не посесть...

Лезно. 1996.

Саперы собрали со всего леса ВОПы (взрывоопасные предметы). Устроили подрыв. Место не рассчитали, потому как были бухие. (Командиры-полковники пили всегда у себя в лагере или у Лены, а курсанты с нами. Курсантам нельзя же пить. Рядом с начальством...)

Впервые в жизни я слышал, как стучат осколки по деревьям. Страшно стучат. Это очень страшный звук. Глухой... В тебя будто летят...

В первый раз слышал, не последний...

Последняя категория опасностей.

Бутылки.

Как правило, там коктейль Молотова. Он бывает разных составов. Первый — возгорание только с помощью открытого огня. Второй — при соприкосновении с воздухом.

Демянск. 2000.

Две бутылки в окопе нашли. Внутри темная жидкость. Решили проверить на базе. Вдруг шикарное вино? Едем в «Урале». Мужики в кузове, я в кабине. Водила достает одну бутылку. Рассматривает ее. Отпускает руль — едем по грунтовке — достает нож. В течение минуты — вы знаете, что такое минута на грунтовке со скоростью «всего» пятьдесят

километров в час? — срезает пробку с бутылки.

Нюхает. Резко выкидывает бутылку в окно. За ней другую. Внимательно смотрит в боковое стекло... Ничего...

— Первый молотов, — кратко резюмирует он. Едем дальше. Я, наверное, седею. Лягуши.

Это очень убойная тварь. Она рабочая до сих пор. Сплошное поражение до двадцати метров. Прослойки воздуха между стеной из стали. Говорят, что можно выжить, если упасть на то место, откуда она выскочила. Не пробовал и пробовать не хочу. И вам не советую. Умельцы поднимают. Я не буду никогда. Я их закапываю. Главное, чтобы не взорвалась, когда первый слой земли набрасываешь.

Ружейные гранаты.

Этих тварей я даже описывать не хочу. Шанс подрыва — 90 %. Я их за последнюю Вахту выкинул в реку четыре штуки.

А что мне прикажете делать?

Тут, черт побери, дети ходят. Берем двумя пальчиками остороженько... Теперь вы понимаете, почему я против баб и детей в «Поиске»?

1998. Водос.

Взрыватель хлопает. Сижу на краю ячейки. По колено в воде. Достая косточки. Чего-то длинное под корешком. Ударил лопаткой по корню. Фонтан воды в харю. Взрыватель был. Осколки мимо. Их будет еще три потом. Один в Демянске, один в Севастополе и еще один в Синявино. О синявинском скажу. О других не буду.

1999. Демянск.

Осень сухая. Горят торфяники. Проходим по горелому месту. Земля дымит. Удар под ногой. Коленом чуть себе в подбородок не заехал. Ногу подбросило взрывом. «Лимонка» бахнула. Развалилась на две части. Каблук на «берце» снесла.

2000. Демянск.

Какой-то придурок набросал патронов в костер. Хлопают. Весело. Среди них оказался бронебойно-зажигательный. Меня кто-то позвал. Я повернул голову. Пуля ровно на уровне глаза за левое ухо ударила. В затылок. Синяк — ничего больше.

2009. Синявино.

...Взрыватель под лопаткой. Как в Демянске. Осколок царапнул по виску...

...Четыре ружейные гранаты. Закусывая губу и писая в штаны, нес до реки двумя пальцами...

— ...Железо. Большое. Посмотри.

— Сейчас...

Отодвигает миноискатель, чтобы тот не нервничал на щуп.

Четыре удара лопатой. Вырубаю квадрат в дерне. Снимаю его.

— Глубже!

— Знаю...

Рублю дальше. Вглубь. Снимаю, скрежеща лопаткой по металлу, еще слой земли.

Ссссука. Снаряд. Семидесятишестимиллиметров-ка... Наша...

Четыре раза я ударил по взрывателю.

Четыре раза.

Он должен был взорваться.

Должен, но...

Аккуратно поднимаю его. Двумя пальцами. Страшно. Несу к реке. До реки метров двести.

Бросаю в воду. Все...

Мистика?

Я должен был погибнуть как минимум шесть раз. Должен был. Но...

Но есть ангелы-хранители. Мистика, скажете вы? Да, мистика...

10. ПОИСКОВАЯ МИСТИКА

2008. Старая Русса.

— Знаешь, как понять — курил боец или нет?

— Не понял...

— Когда могила сделана — прикуриваешь сигарету, втыкаешь ее в могилу и смотришь.

— И что?

— Смотри...

Петрович достает сигарету. Прикуривает. Делает затяжку. Втыкает сигарету в землю могильного холмика. Фильтром вниз, естественно.

Сигарета начинает пыхать. Как будто кто-то курит там изнутри...

2000. Демянск.

Безоблачное осеннее небо. Синее-синее... Рита поднимает бойца. Из-под березки. Лейтенант. Один кубарь. Может, и не лейтенант. Кости обгорели. Немцы сожгли или послевоенный торфяной пожар? А хрен его знает. Почти весь он на двух ладонях уместился. Сгорел. Личных вещей нет. Только этот необгорелый кубарик. Рита складывает его в мешочек. Полиэтиленовый. С которыми мы в магазин ходим. Сложила. В это время с березки падает капля. Ей на ладонку. Роса днем?

1999. Водос.

Хожу один. Щуплю по нейтралке вдоль траншей. Ничего нет.

Только железо, железо, железо... Осколки, пули, минометки...

Выглянуло солнышко, пригрело. Холодная та Вахта была. Дождливая и холодная. А тут солнышко. Прилег на полянке. Погреться. Задремал...

Вдруг из кустов выходят четверо. Трое в форме бойцов РККА, один в командирской форме. Поисковики, что ли? Почему с винтовками? Почему...

— Спишь? Мы вот тут лежим...

Просыпаюсь. Сердце бешено колотится. Холодный пот. Убежал с той полянки. Через три дня вернулись. Подняли четверых. У троих винтовки...

Это не мы их ищем — это они нас ищут. Каждый из них — своего из нас. Они нас находят. Не мы их.

Мало мистики?

Ну вот еще. Лично не видел. Со слов рассказываю:

Водос. 1997

«Уазик» идет по нормальной асфальтовой дороге поздно вечером. Почти ночью. Гоняли зачем-то в Чудово. Темно, лес кругом. Вдруг машина глохнет. Глохнет все. Аккумулятор сдох внезапно?

Водитель тихо матерится и собирается выйти из машины. Вдруг взгляд в зеркало заднего вида.

— О, люди! Сейчас попрошу, чтоб толкнули до уклона.

И вдруг явственно слышна немецкая речь. И по обе стороны машины.

Цорк, цорк, цорк... Металлические подковки на немецких сапогах. Котелки брякают, тихий смешок чей-то...

И никого нет рядом.

Только цорк, цорк, цорк...

Звуки прошли мимо, обойдя «уазик» с двух сторон. Через несколько минут машина завелась как ни в чем не бывало.

Там же. Тот же год.

Утренний туман над полем. Впереди высотка. На высоте немецкие позиции. На поле русские кости. Солнышко встает, туман поднимается вверх и явственно видно, как он поднимается.

Смутными силуэтами. Их десятки. Сотни. Каждое облачко завершается полукругом, похожим на каску... И острия штыков направлены в небо. Именно острия. Несколько минут, и тумана нет.

2009. Киров.

В книге «Меня погибли вчера» у меня есть персонаж — десантник первой маневренной воздушно-десантной бригады — Павел Колупаев. Списывал я его с реального человека — Паши Колупаева, тоже десантника, тоже воевавшего. Только в Таджикистане.

В книге он — по тексту, попал в плен под деревенькой Опуево. Цитата:

«— Сержант Колупаев. Павел. Десантник. Первая мобильная воздушно-десантная бригада.

— Где?

— Под Опуевом. В марте. Контузило. Немцы подобрали после боя.

— Чего делать думаешь?

— Душить сук голыми руками. Насмотрелся в плену, мама не горюй».

А сегодня листаю портянки со списком погибших и без вести пропавших той самой бригады. И натываюсь:

«Колупаев Петр Иванович. 1922. г. Киров. Сержант.

г. Киров. Призван ГВК г. Кирова. 20.3.1942 пропал без вести в районе д. Б. Опуево Демянского района. Отец — Иван Агафонович. г. Киров. ул. Милицейская, д. 236, кв. 1».

Это еще не все.

Дома по этому адресу уже не существует. Снесен и построена хрущевка.

Но это место видно с балкона моего дома.

А вы говорите, мистика...

Мало?

Тогда приезжайте на Вахту. Увидите сами. Своими... Нет, не глазами. Душой.

Но почему-то мистическое — не страшно. Страшно совсем другое... Не железо, не кости... Нет...

Страшного хватает много. Но осознание этого страшного приходит потом, порой через годы. Хотя вот вспоминаю сейчас — ну что такого уж страшного?

Подумаешь, противогазные трубки из земли торчат... Штук сто... Как черви. Большие черно-зеленые черви, вылезающие из земли. На поляне больше ничего. Только брошенные противогазы.

В километре от этого места, на самом берегу Волхова — место санбата. Зимнее. Потому как нашли яму — сотня ампутированных ног. В ботинках. Аккуратно распиленные кости. Кто-то из тех, кому отрезали обмороженные ноги, возможно, еще жив. А кости мы похоронили.

Страшно было, наверное, Толе Бессонову, когда он нашел и поднял своего однофамильца и тезку. Бессонова Анатолия. Когда развернули медальон и прочитали записку — он просто ушел в лес. Один через час примерно вернулся. Хмурый, серьезный, сосредоточенный.

Мне всегда жутко — когда поднимаешь санитарное захоронение. Нет. Не кладбище.

Демянск. 1999.

Огромная яма — пять на пять и глубиной метра два. Туда немцы поскидывали после боя убитых десантников из 204-й воздушно-десантной бригады.

Убитых и раненых. У некоторых прострелены черепа. Бинты и пластыри...

Один боец стоял в углу ямы. Вытянув руки вверх. Хотел выбраться. Не смог. 82 бойца в той яме было.

Кто сверху — одни косточки. Ниже — сохранение идеальное — кожа, подкожный жир, волосы, ногти, мясо.

Мне подадут снизу здоровый кусок глины:

— Леха, посмотри медальоны в карманах!

Все черное. В органической жиже. На куче этой глины — человеческая лопатка. Хочу посмотреть под ней. Не отдирается. Прилипла, что ли? Поддеваю саперкой кость. Подается.

А под ней — мясо. Белое, волокнами. Это не кусок глины. Это человеческое туловище — конечности отгнили, голова тоже. Дурно как-то становится. Сжимаю зубы. Обыскиваю карманы. Вернее то, что от них осталось. Медальона нет. Только остатки какой-то газеты...

За день мы управились. И пять медальонов все-таки нашли.

Два раза я принимал участие в подъеме захоронок. И каждый раз не по себе.

Еще страшно становится, когда поднимаешь бойца... А у него ножки маленькие, размер 35–36. И коса девичья. Вот это страшно.

А основное чувство — тоска. У меня, по крайней мере.

Особенно тоскливо было на немецком заброшенном кладбище под Демянском. Сотни могил. Зимних могил. Не глубоких.

И все вскрыты «черными».

Все обшарили и останки раскидали.

Мы собрали их в кучу, закидали землей. Постояли молча. Ну, пару сигарет положили. И понимаешь, что к немцам туда — никто и никогда не придет. Наши хотя бы в своей земле лежат. В родной.

А эти...

А черт с ними!

Сюда их никто не звал, вот и пусть лежат там, на заброшенных немецких кладбищах.

11. ПОИСКОВЫЙ БАРДАК

На самом деле нас надо разогнать к чертовой матери. Забудьте то, о чем я писал до этого.

Мы не святые. Мы похоронная команда и не более того. А как в любой организации — в нашей среде очень много дерьма.

Помните — я писал о детях и женщинах в «Поиске»?

Так вот...

На детях делают деньги. Я уже писал об этом. Чем больше детей едет — тем больше денег выделяет государство под статью «Военно-патриотическое воспитание». Часть этих денег оседает наверху, часть доходит до организаций, часть доходит до людей.

Синявино. 2009.

Был как-то свидетелем одного забавного диалога:

— Вань, чеки на продукты дай.

— Э? Какие чеки?

— Ваня, дурку не включай. Вы продукты покупали?

— Ну...

— Товарный чек давали?

— Не... Счет-фактуру и накладную. Мы на базе!

— Давай сюда.

— Зачем?

— Мне отчитываться надо?

— Перед кем?

— Перед департаментом по делам молодежи.

— А он тут при чем? Мы собрали по пять сотен с человека, вот тут еще ребята приезжали, помогли продуктами и деньгами. Это я перед ними должен отчитываться, не перед тобой и не перед департаментом.

— Иначе финансирования больше не будет.

— И что? Это мои деньги. Это я их тратил!

— Ваня, дай чеки!

— Поздно, мать. Я с ними в сортир сходил.

Вот так!

Деньги есть. И они пиятятся наверху. Не в кабинетах чиновников. В кабинетах поисковых командиров.

Знаете, как легко отличить поисковика полевого — рабочего — от парадного?

Да как раньше. По наградам.

Синявино. 2009. Захоронение.

Несут пацаны гроб с ребятами. Пацаны как пацаны. Камуфляжные, усталые... И у каждого орден Отечественной войны.

Нет, я не ослеп! Действительно — орден Отечественной войны!

Присмотрелся... Слава Богу — я ослеп. В центре, вместо серпа и молота, красное знамя и мелкими буквами название отряда.

А вот рядом идут...

Боевое Красное Знамя! Все честь по чести! Кроме «СССР» на нижнем ободке... «КПРФ». Вот так бывает.

«Орденами» и «медалями» гремим перед могилами...

Неужели не стыдно перед теми, кого хороним? Ведь большинство из них без всего перед нами. Голенькие!

А мы на них себе медальки самодельные друг другу вешаем.

Стыдно? Мне да.

У меня есть смешной почетный знак от МО РФ: «За активный поиск». Поиск чего? Может, я водку бегал искать? Или баб?

Не...

С другой стороны: «Активному участнику поиска защитников Родины, павших в 1941–1945 гг.».

И удостоверение еще есть. Я этот знак вешаю только перед журналюгами. Чтоб красивее выглядеть. В остальное время стыдно. Да и перед репортерами-то стыдно...

А многим нет.

Гремят броней золотисок на похоронах. Друг другу медальки дают. Грамоты. И все время — подбородком в небеса — да мы, да поисковики, да опасности, да наши павшие, да пока не захоронен последний солдат...

Господи, как же затерли эту суворовскую фразу.

Когда он хоронил своих пацанов под Измаилом и Кинбурном — он знал что говорил. Спросите у нас, у поисковиков — где находится Кинбурн? Да большинству — насрать, когда Измаил брали.

И большинству так же насрать, в чем разница между Гайтолово и Корсунь-Шевченковским.

Большинству — ой, клево! патрончики в костерчик покидать! Ой, клево, я бойца нашел, а мне банка сгущенки положена, да?

Тебе, блин, под задницу пнуть надо...

Со мной и легко и тяжело работать.

Я ухожу утром в девять и прихожу вечером в девять. Я работаю без выходных, бань, экскурсий и вечерних концертов.

Моя работа — копать, копать, копать. И между делом пить водку, жрать тушенку и спать в тепле.

Никогда я этого не пойму:

— Мы сегодня устали, можно нам баню сделать пораньше?

— Мы завтра едем в Питер!

— А когда будет выходной?

— Ой, я не пойду сегодня работать, у меня месячные...

Сиди дома, дура!

Приезжайте. Я покажу, как работают бабы в поиске.

И не только бабы...

Водос. 1997.

В первое утро мы проснулись под «Хорста Весселя». Во второе — под «Дойчен Зольдатен», в третье...

А в третье утро москвичи собрались и уехали.

Пятеро здоровых мужиков приехали пить водку и врубать на весь лес, пропахший толом и костями, немецкие песни.

Вот опять же... Не надо думать, что я тут такой весь из себя святой. Я тоже пью водку и пою «Лили Марлен». Кстати, хорошая песня...

Если я в болотах от поноса не умру,
Если русский мне снайпер не сделает дыру,
Если я сам не сдамся в плен,
То будем вновь
Крутить любовь
С тобой, Лили Марлен,
С тобой, Лили Марлен.
Лупят ураганным. Боже помоги,
Я отдам Иванам шлем и сапоги,
Лишь бы разрешили мне взамен
Под фонарем
Стоять вдвоем
С тобой, Лили Марлен,
С тобой, Лили Марлен.

Но как бы то ни было.... Главное — идти и работать. Тыкать щупом в землю. Тыкать, тыкать, тыкать...

Увы. Поисковая организация превратилась в пионерский лагерь.

Второстепенное стало первичным...

Жаль. И все чаще появляются мысли — стать черным поисковиком. Ездить самостоятельно. Хоронить самостоятельно. Обезвреживать самостоятельно.

Спасибо мне за это никто и никогда не скажет.

Да и сейчас-то никто не говорит...

Ах, да... Забыл.

Это мы говорим спасибо. Спонсорам. Ну и нам, иногда. На митингах...

Терпеть ненавижу это:

— Вы делаете такое святое дело!

Нет...

Нет!

НЕТ!

Мы не святые. Поверьте. Мы ездим туда только ради своего удовольствия. Остальные объяснения — от лукавого.

12. ПОИСКОВИКИ И МИЛИЦИЯ

Да что тут рассказывать...

Ничего особенного.

Я уже говорил, есть поисковики черные, есть серые, есть красные.

Типа красные — это мы.

Это те, которые с документами катаются. Дебилы мы...

Интересно. Мне припаяют статью о «дискриминации социальной группы», как это было с блоггером Терентьевым?

1996. Лезно.

С нами стояли курсанты из Пушкинского высшего военного инженерно-строительного училища. Ох, блин, и оторвались они там...

Подрывали всяко-разно-безобразно.

Был там и милиционер-капитан, в чьи обязанности входило отслеживать расход

боеприпасов, приемка ВОПов (взрывоопасных предметов) и стволов.

Мы все честно сдавали ему. Когда он был трезв...

А трезв он был, наверное, только по утрам.

Нашли винтовку. Треху. Приклад и цевье, понятно, сгнили. Витек — наш мастер по оружию — снял затвор, вымочил его в масле из-под рыбьих консервов, прочистил ствол, выточил приклад...

Шомпол мы тоже подобрали.

В последний день подарили винтовку местным поисковикам. Патроны тоже были. Стреляли «до усери», как выражалась моя бабушка, Царствие ей небесное.

Не надо волноваться, не надо... Ствол они потом просверлили, говорят, висит в местном музее. Я, правда, не видел, врать не буду. Но говорят.

А мент спал... Спасибо ему, что спал. Он же и рассказывал, как в восьмидесятые годы они приехали по плану антиалкогольной кампании в это же Лезно — изымать самогонные аппараты. Дедок один как раз перепил. Высунул из чердачного окна «Максим» и давай поливать ментов! «Фрицы не пройдут!» — орал. Фрицы-то не прошли который раз, по причине дедовской белой горячки. А вот менты отобрали и пулемет и аппарат. Ну и по шее наkostenяляли. Как без этого. Погрозили пальцем и уехали. Что с контуженого возьмешь?

В том году я вместе с пушкинскими курсантами увез в «Урале» в Питер мешок железа. Каски там, штыки, гранаты...

Причем гранаты целые. То есть с толком.

Ну и патроны. Куда ж без них.

Приехал. Понес это барахло в местный музей. Сначала там отнекались. Мол, директора нет. Я честно все утащил домой.

А через час за мной пришли...

Слава Тебе Господи, что я родился и вырос с теми пацанами, которые ко мне пришли. А что? Городок-то — тридцать пять тысяч...

Я им все радостно показал: «Вот штык, вот граната!»

Выпили мы тогда много. Очень много. А железо конфисковали. В том числе и тот самый котелок с восемнадцатью фамилиями... У кого-то он сейчас на даче валяется...

1998. Демянск.

Сентябрь это был...

Для многих это ничего не значит. Сентябрь и сентябрь.

Мы в ту ночь ждали поезда до станции Лычково.

А в это время взорвали дом на Гурьянова. Да. Именно в ту ночь. 8 сентября.

Через пять дней взорвут дом на Каширской.

Мы спокойно уехали работать. Мы ничего не знали. И ничего не знали, когда возвращались обратно. Пока не приехали...

Понимаю ФСБ и УВД. Все каналы надо отследить. Но, как обычно, у нас все превращается в фарс.

С того года нас шмонают по-страшному.

2000. Демянск.

Стоим на Московском вокзале в Питере. До отправления — десять минут.

— Ваши документы.

Протягиваю паспорт. Два молоденьких, лет восемнадцати, мента. Стажеры. Рядом кинолог с овчаркой.

У собаки истерика — она исходит слюной, бросаясь на меня, падает на спину, закатывает глаза...

Для нее кошмарный угар пороха, тола и трупов.

— Мы поисковики! — гордо так! — Ребята, мы же свои, мы же...

— Пройдемте!

Рядом пацаны затаскивают рюкзаки в вагон.

— Провожаящие, выходим!

— Мужики, поезд... Я командир, вот документы!

— Пройдете! — железный голос в ответ.

Из поезда, что стоит на другой стороне платформы, выпадают два пьяных в говно азербайджанца. Или армянина. Или дагестанца. Или... Да не понимаю я в них!

Что они там делали? Тот поезд стоит уже полчаса, если не больше!

Троица ментов кидается в обратную сторону. Забирают под «белы» рученьки кавказцев и уводят. Старший ухмыляется, обернувшись. Я заскакиваю в вагон.

Сашка, белея мордой лица:

— Командир, прости!

Достает из верхнего клапана рюкзака полкило тринитротолуола.

Играю желваками. Прячу взрывчатку в пакет. Жду, жду, жду... Через два часа выкидываю пакет из окна туалета в привыкший ко всему Волхов.

Не люблю ездить с детьми. Следи не следи...

2009. Старая Русса.

Ехали домой уже они. Пересадка в Новгороде. Подходит наш к местным. Пьяный вдрабадан:

— Мужики, а где здесь сортир? Я тут поисковик...

Мужики оказались ментами в штатском.

Тридцать три патрона и «лимонка» в рюкзаке.

Срок...

2001. Волховстрой.

— Рюкзак снимите, пожалуйста.

Снимают рюкзак.

Поездные милиционеры делают обыск — «Антитеррор»! — штык. Три патрона. В рабочей одежде.

Дали девчонке два года условно. Вот так.

Сами виноваты. Не люблю ездить с детьми...

2008. Синявино.

Часа три ночи. Сирена. Выскакивают все из землянок — кто в чем.

Облава.

Менты по периметру лагеря. Обыск в землянках и палатках. Ничего не нашли. Дураки...

Когда копали для себя землянку — подняли две гранаты. Выжгли.

Делается это просто.

Когда поднимаешь гранату — «эфка»-то или «РГД» — немецкие реже встречаются, сначала смотришь, есть там взрыватель или нет?

«Лимонки» — они, если без взрывателя, то с пробкой. «РГ» — там сложнее. Сверху дырочка, закрывается она такой защелочкой. Вот, чтобы понять, есть в этой дырочке взрыватель? — красная палочка, сбиваешь грязь лопаткой. Может и бахнуть, между прочим... Одному так в ягодицу осколком прилетело... Но это другая история!

Если взрывателя нет — технология такая. Откручиваешь пробку (если это «лимонка») или пробиваешь дырочку под ручкой («РГД») и кидаешь в костер.

Ага! Вот так прямо и кидаешь!

Минут через пять-десять тол начинает кипеть и гореть. Полчаса — и он выгорел. Граната готова к безопасному употреблению.

Две «лимонки» или три «РГД» — и восьмилитровый котел вскипел! Впрочем, я это уже писал...

Дома у меня сейчас лежат «ПОМЗ», полтинник и «лимонка».

Минометки так же, кстати, уничтожаются. Надо только посмотреть на доньшко — есть ли там удар по капсулю? Если нет — можно честно снимать ключом взрыватель и в костер!

Вот какой дурак «ПОМЗ» снял и выжег, я не знаю. Я ее в Севастополе пустую нашел. И привез домой. Так же, впрочем, как и немецкую шток-мину. Это такая бетонная хрень,

начиненная гвоздями. Какой-то идиот нашел, обезвредил и выбросил. А мы подобрали.

У меня дома нет ничего. Только полный дебил повезет с собой из поиска стволы или мины с гранатами.

Потому как нас пасут от дома до дома.

В любой момент могут приехать и обыскать.

Я к этому уже привык.

И вот она, странность... Можно ехать одному туда. В июне, июле, августе... И вплоть до следующего мая. Тебя не тронут. А вот нас шмонают. Красных по-черному... Ровно так. С двадцать второго апреля по восьмое мая. В это время у ментов «Антитеррор»...

Потом он заканчивается...

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я не знаю, смог ли я рассказать, что такое для меня война. Для меня — не служившего в армии и никогда не воевавшего.

Для меня и для моих друзей.

Вряд ли смог. Потому что это невозможно рассказать. Я сейчас пишу эти строки, и снова ком в горле. У меня снова сегодня приступ поискового синдрома. Так я это для себя называю. Я не укоряю вас в том, что вы это не можете понять. Мне это и не надо. Более того.

Любой, кто начинает мне сочувствовать и «понимающе» кивать головой, становится для меня — почему?! — врагом. А тот, кто меня начинает хаять за это — того я понимаю... Почему? Я не знаю.

Лучше молчать, да... Так я себя честнее чувствую. Не знаю почему. Не спрашивайте. Иначе мне стыдно. Что так, что так — стыдно. Поэтому — лучше промолчать.

А я все равно — говорю!

Многие ли из вас могут понять — как это? — заходить живым к убитому домой? Я и сам это не понимаю. Я не люблю встреч с родственниками.

Нет. Не так, как это делают офицеры, чьи пацаны легли под бандитскими пулями. Им гораздо тяжелее.

Наши родственники радуются. Радуются тому, что их прадеды — от которых остались лишь редкие фотографии — вдруг нашлись.

Странная вещь эта жизнь...

Есть те, кто плачут, есть те, кто радуются. А есть те, кто выпячивают себя на фоне своих убитых дедов... Есть. Я видел. Не хочу об этом говорить. Но это есть.

Я понимаю. Легче хоронить деда, чем внука. Отца, чем сына.

Если к тебе, читатель, придет поисковик и протянет весточку из прошлого...

Помни. Твой дед погиб пацаном. Он успел малое в своей жизни.

Он не успел слетать в космос или написать книгу. Он мало что успел.

Он успел только сделать твоего отца и поймать в грудь пулю. Пулю, которая не досталась тебе.

Да, да... Именно тебе! Потому что иначе он бы вместе с тобой сгорел бы в концлагере... И никто не знает — как бы этот лагерь назывался? Аушвиц? Балаково? Котельнич?

Не смотрите с ухмылкой на пацанов, одевающих дома камуфляж. Не стоит. Этот камуфляж — единственное звено между ними и нами.

Не стоит нас понимать. Не надо.

Есть простые вещи в этом мире. Очень простые.

Я.

Ты.

А между нами ведро с костями твоего и моего деда.

Нашего деда.

Знаешь, читатель, я завидую им. Да, именно тем пацанам, чьи куски мы носим в мешках из-под сахара каждую весну. Я завидую им.

У них была жизнь.

У нас вроде бы тоже есть.

Бегаем за деньгами по городам и весям. Пыжимся, стараемся.

Я бы хотел иметь смыслом жизни — поймать ту пулю, которая не достанется другому. Я идиот, правда? Да не стесняйтесь. Я идиот. Я не хочу бегать за баблом. Мне надоело. Я устал выживать. Я хочу жить. Пусть хотя бы одну секунду.

Иногда мне кажется — нет! Это не я! Это не мы! Это не я лежал под танками на Лезнинском плацдарме. Это не я шел в атаку на кинжалы пулеметов под Водосом. Это не я жрал толовые шашки в Демянске. Это не я вытекал кровью в снег под Тверью. Это не я бежал с палкой в руке на Синявинские высоты. Это не меня накрыло минометами на Мекензиевых горах.

Это не меня. Жаль.

Это не нас...

Сны... Почти четыре утра сейчас. Сегодня опять приснится поисковый сон. Я знаю. Я привык к этому. Я чувствую их. Почти под утро я лягу спать. Когда проснусь, первое, что мне захочется — выпить. Потому что...

...— Сержант, ты че, охренел, что ли?

— Не подходить, уроды, не подходить!

Я лежу на сухой, серой от жажды траве. В руках сопло огнемета. Рядом бойцы. Иссохшие языки облизывают черные губы.

— Сержант! Может, обойдется, а? — просит кто-то из толпы почти очумевших рядовых.

В колодце трупы парней, заколотых немцами штыками в госпитале. Мы уже неделю тащимся по балкам прихарьковья. Единственное, что у нас есть — утренняя роса на винтовках... Винтовках без патронов. И только у меня на самом дне ранца остатки горючки...

...— Горит! Смотри, горит! — Парень в новенькой, еще не выгоревшей пилотке тычется в землю, пряча взгляд от сгорающего в небе «ила».

А я смотрю.

Стиснув зубы и сощутив глаза — я смотрю. Письмо из дома вчера пришло. Братан стрелком сгорел вот так же...

...Смотрю только на руки себе. Из блиндажа вытаскиваем частями — рука, нога, таз...

Еще дымятся мужики. Прямое попадание.

Голова в моих руках. Улыбается мне. Глаза открыты. Кажется, подмигивает.

Обшариваем кровавые, склизкие карманы в поисках документов...

...Молча смотрю на пепелище дома. Мелкий снег падает с сурового русского неба. Между землей и небом болтаются на виселице четыре трупа.

Отец с редкой, седой бородкой.

Мать с лицом, расцарапанным в кровь.

Мальчик и девочка. Десятка еще не выжили...

...Граната шипит и крутится под твоими ногами. Еще миг и взорвется. А я почему-то смотрю на нее. Смотрю и падаю. Нет, не падаю. Ложусь и не успеваю. Не успеваю...

...— Комиссарен, юден, коммунистен! Выйти из строя!

Я не комиссар, не еврей, не коммунист. Но почему-то делаю шаг вперед. Рядом чувствую плечо друга. Плюю в лицо немцу и прыгаю на него. И ловлю автоматную очередь...

...Глажу по головочке маленькую белобрысочку. «Нихт шиссен, нихт шиссен!» — бормочет в кулак ее мать. Я подмигиваю ей. Даю шоколадку девочке. Выскакиваю на улицу. Тупая дура фаустпатрона летит в меня...

Вы думаете, это я вот прямо сейчас придумал?

Вот сел и придумал эти сны?

Думайте, как хотите.

Я после каждого такого сна не могу нормально жить.
Я живу не сегодня и не завтра. Я живу в ту войну, и она мне снится каждую ночь.
Об этом знаю только я, и только я об этом рассказал.
Субъективно. Неправильно. Все не так... Все не так...
Я знаю.
Не хотите — не верьте.
Мне все равно.
Вятка, 2009 г.

Послесловие от авторов

Весь гонорар от выпуска книги переводится на счет поискового отряда г. Вятка.
Надеемся, что этим мы, пусть лишь частично, поможем вернуть нашей истории ее истинных героев, своими жизнями искупивших наше право жить... и писать. Ведь война окончится лишь тогда, когда будет похоронен ее последний солдат.

Спасибо всем, кто не остался в стороне.